

Майкл
Корди

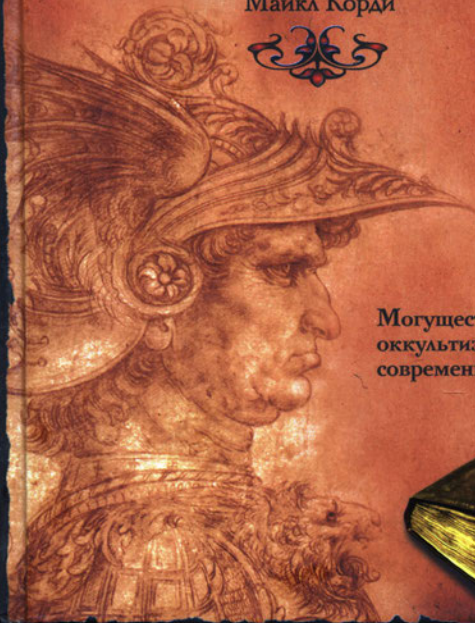
КОД
МЕССИИ

КОД МЕССИИ

Майкл Корди

Могущество древнего
окультизма — против
современной науки!

Майкл Корди — автор двух национальных и двух международных бестселлеров. «Код мессии» — его самый известный роман, опубликованный более чем в 25 странах!

Братство Второго Пришествия. Древняя и могущественная группировка фанатиков, согласно легенде основанная две тысячи лет назад самим воскресшим Лазарем.

Ее члены странствуют по свету в поисках нового мессии — и одновременно «очищают мир» от грешников, дерзнувших вмешаться в промысел Божий.

Веками Братство Второго Пришествия безнаказанно совершало кровавые деяния.

Но на этот раз намеченная «братьями» жертва не только ускользает от «карающего меча» фанатиков, но и вступает с ними в открытую борьбу.

В борьбу, ставка в которой — будущее человечества...

ISBN 978-5-17-037051-1

9 785170 370511

Майкл Корди

Майкл Корди

Код МЕССИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7Сое)-44
К66

Michael Cordy
THE MESSIAH CODE

Перевод с английского И. Данилова

Серийное оформление А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн В. Петрова

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Conville & Walsh Ltd. и Synopsis.

Подписано в печать 26.10.07. Формат 84х108 1/32.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 5000 экз. Заказ № 25599.

Корди, М.

К66 Код мессии : [роман] / Майкл Корди; пер. с англ. И. Данилова. —
М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. — 414, [2] с.

ISBN 978-5-17-037051-1 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-9713-6690-4 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

Братство Второго Пришествия. Древняя и могущественная группировка фанатиков, согласно легенде основанная две тысячи лет назад самим воскресшим Лазарем.

Ее члены странствуют по всему свету в поисках нового мессии — и одновременно «очищают мир» от грешников, дерзнувших вмешаться в промысел Божий.

Веками Братство Второго Пришествия безнаказанно совершало кровавые деяния.

Но на этот раз намеченная «братьями» жертва не только ускользает от «карающего меча» фанатиков, но и вступает с ними в открытую борьбу.

В борьбу, ставка в которой — будущее человечества...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7Сое)-44

© Michael Cordy, 1997

© ООО «Издательство АСТ», 2007

Посвящается Дженни и Фебе

Они есть в тебе и во мне; они создали нас — и тело и мозг; их наличие и сохранность — основное условие нашего существования... Они известны под названием «гены».

Ричард Докинс

Ах, если б замысленья человека
Его способности превосходили!
Иначе рай на что?

Роберт Браунинг

ПРОЛОГ

1968 год, юг Иордании

Неужели это действительно правда? После двух тысяч лет ожидания пророчество вот-вот сбудется — при его жизни, в то время, когда он у власти?

Вертолет «Сикорский» летел над Петрой*; его тень, подобно огромному насекомому, скользила над древним городом, вырубленным в скалах. Изумительной красоты статуи и колонны отсвечивали красным в лучах заходящего солнца, но Иезекиель де ла Круа вниз не смотрел; сейчас ему было не до захватывающих дух красот пронсящегося под ними заброшенного города. Он не отрывал взгляда от линии горизонта, высматривая в безбрежном океане песка то место, где скоро должен будет приземлиться их вертолет.

Один из двух его спутников — их черные костюмы были такими же мятыми, как и у него, — пошевелился рядом в своем кресле. Оба спали, измученные длительным перелетом. Все трое не отдыхали с тех пор, как вылетели из Женевы, где собрание совета директоров банка, который вел финансовые дела их братства, было прервано поступившим сообщением.

Сообщением, которое должно было изменить все. Если, конечно, то, о чем сообщалось, действительно произошло.

* Петра — древний город в Иордании (недалеко от нынешнего шоссе Амман — Акаба); основан более чем за две тысячи лет до Рождества Христова, потом развивался под властью племени набатеев; к началу новой эры превратился в крупнейший торговый центр на пересечении важнейших караванных путей региона; позднее захирел и был покинут. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Взглянув на свой «Ролекс», Изебель пригладил ладонью седые редеющие волосы. С момента, когда они получили это сообщение и тут же заказали чартерный рейс на Амман, чтобы там пересесть на ожидавший их вертолет, принадлежавший братству, и до полета сюда прошел целый рабочий день; и обошлось все это в тысячи швейцарских франков — гораздо дороже, чем если бы они летели обычным рейсом. Но деньги никогда не имели особого значения для братства, только время — две тысячи лет ожидания.

Теперь осталось, кажется, всего несколько минут. Изебель нервно повернул на пальце перстень, свидетельство его высокого ранга, самого высокого в братстве — кроваво-красный рубин, вставленный в крест белого золота, — и еще раз сказал себе, что попасть сюда раньше он все равно бы не смог.

Ритмичный перестук лопастей винта лишь усиливал напряжение. Вертолет продолжал лететь над песками, оставив далеко позади утесы Петры. Прошло еще минут десять, прежде чем Изебель наконец увидел то, что все время искал взглядом: пять отдельно стоящих скал, сжавшихся в тесную группу, словно в кулак, бросающий вызов пустыне. Он выпрямился в кресле и посмотрел вниз, на самый высокий утес. Своим изогнутым силуэтом он словно манил к себе. По спине пробежала дрожь. Это место и всегда влекло его, но сегодня ощущение властного призыва было почти запредельным.

Эти пять скал можно было найти лишь на самых точных картах, да и то в виде нескольких контурных линий без названия. Мало кто знал об их существовании — разве что древние искатели воды из племени набатеев, которые бродили здесь, по диким песчаным просторам, тысячи лет назад. А в более близкие времена — кочевники-бедуины. Но даже и они, владыки пустыни, чурались этих скал, пренебрегая их жалкой тенью, и шли дальше, на север, к Петре. По каким-то своим причинам они чувствовали себя неуютно, приближаясь к этому месту, которое называли «Асбаа аль-Лах» — «Персты Божьи».

— Садимся! — прокричал пилот, перекрывая грохот винта.

Изебель не ответил, все еще замороженный видом утесов. Под одним из них, нависающим козырьком, он заметил три запыленных «лендровера». К заднему бамперу каждого была

привязана циновка — заматывать следы шин на песке. Очевидно, все посвященные уже на месте, в Священной пещере.

Изебель бросил взгляд на своих спящих спутников. В мирской жизни один из них был известным американским промышленником, другой — видным итальянским политиком. Оба они входили во Внутренний круг братства. Но кажется, сюда явилось и множество тех, кто вовсе не входит во Внутренний круг, — значит, удержать в секрете такую новость не смогла даже укоренившаяся в братстве маниакальная одержимость любыми тайнами.

По мере приближения к подножию главного утеса грохот винта, казалось, еще более усиливался. Едва вертолет сел, Изебель де ла Круа рывком открыл дверцу и с ловкостью, поразительной для его шестидесяти лет, спрыгнул на иссушенную солнцем землю. Сощурившись, чтобы защитить глаза от секущих лицо песчинок, он пригнулся и выскочил из-под вращающихся лопастей. У подножия скалы, под сводом проема, стоял мужчина, одетый в легкий костюм. Изебель тут же узнал в нем брата Майкла Уркварт, еще одного члена Внутреннего круга. Уркварт был весьма успешным адвокатом, но, глядя на его рыхлое старческое тело, Изебель невольно подумал, что он, как и многие другие члены Внутреннего круга, уже слишком стар и слишком устал от жизни, чтобы противостоять ожидающим всех их новым проблемам.

Изебель протянул правую руку, пожал руку брата.

— Да будет он спасен, — произнес он положенное приветствие.

Левая рука брата Майкла присоединилась к его правой, Изебель подал свою левую, и это двойное рукопожатие образовало крест.

— Дабы он мог спасти праведных, — ритуально ответил Уркварт, довершая обряд.

Рукопожатие распалось, и Изебель тут же спросил:

— Никаких изменений?

Его взгляд словно пронзал ножом, требуя подтверждения того, что изнурительный полет не был напрасным.

Усталое лицо брата Майкла расплылось в улыбке.

— Никаких, отец Изебель, все по-прежнему.

Напряжение, сковавшее Изебелья, позволило ему ответить лишь слабым подобием улыбки. Не обращая внимания на двух своих спутников, с трудом выбиравшихся из вертолета, он хлопал Уркварта по плечу и шагнул под свод.

Внутри пещера, со стенами, изъеденными временем, ничем не отличалась от естественных, нередких в этих местах. Около десяти футов в высоту, длиной и шириной футов в двадцать, она не носила никаких явных следов присутствия тут человека, если не считать факелов, укрепленных на стенах. Но впереди, в полумраке, Изебель с облегчением разглядел в дальней от него стене уже открытый вход: чтобы сдвинуть закрывавшую его тяжелую каменную плиту, требовалось немало времени. Миновав вход, Изебель де ла Круа увидел два больших газовых фонаря, освещавших мозаичный пол и стены, на которых были высечены имена всех тех, кого уже нет с ними, — имена тысяч братьев, так и не дождавшихся того, что свершилось только сейчас. Вот и вход на Главную лестницу — грубо вырубленные в камне истертые ступени, винтообразно спускающиеся в глубину утеса, под пески Иордании.

Не дожидаясь остальных, Изебель стал спускаться. Пренебрегая веревочными перилами, он, чтобы удерживать равновесие, лишь касался пальцами прохладного камня стен. В дрожащем свете факелов — подземный ветерок гулял по лабиринтам пробитых в толще скалы воздухопроводов — резьба и фрески на низком потолке, казалось, начали плясать.

Из первого помещения Изебель перешел в углубляющийся коридор. Он вел к Священной пещере. Сдерживая себя, чтобы не пуститься бегом, Изебель поспешно двинулся вниз, стуча каблуками по гладкому каменному полу, за столетия отполированному бесчисленным количеством ног.

Миновав последний поворот, он услышал голоса. Группа человек из десяти стояла возле ворот. Створки эбенового дерева высотой в десять футов были сплошь покрыты резьбой — геральдические шевроны и кресты. Ворота закрывали вход в Священную пещеру. Да, новость явно распространилась за пределы Внутреннего круга — сюда прибыли многие простые члены братства, чтобы увидеть все своими глазами. Он узнал еще

двоих членов Внутреннего круга — они стояли возле арочного свода ворот: толстый брат Бернард Трир нервно поглаживал свою козлиную бородку, рядом с ним — брат Дарий, высокий и сухопарый. Дарий первым заметил Изекееля и поднял руку, успокаивая собравшихся. Все тут же обернулись в сторону главы братства.

В воцарившейся тишине проходя мимо сбившихся в группу братьев, Изекеель обменялся с Дарием ритуальным приветствием:

— Да будет он спасен.

— Дабы он мог спасти праведных.

И прежде чем Изекеель успел задать свой вопрос, Дарий, едва их рукопожатие распалось, повернулся к более молодому коллеге:

— Брат Бернард, ты подождешь здесь, а я провожу отца Изекееля. Как только он вынесет свое решение и объявит знак истинным, ты откроешь ворота ипустишь остальных.

Бернард на несколько дюймов отворил левую створку ворот. Старые петли протестующе закрипели. Изекеель и Дарий протиснулись внутрь, дверь за ними закрылась, и ее звук эхом отразился от стен.

Как всегда, попав в Священную пещеру, Изекеель помедлил, пораженный ее гигантскими размерами и убранством: грубо вырубленные каменные колонны, квадратные в сечении, держали на себе тысячетонный утес; роскошные ковры скрывали просто отесанные стены; множество факелов и свечей теплым светом озаряли выступы каменного потолка, придавая ему вид кованного золотом. Но сейчас взор Изекееля был устремлен только на одно место — на алтарь в дальнем конце пещеры.

Он прошел вперед мимо колонн, в середину. Алтарь, украшенный знакомым белым полотнищем с красным крестом, теперь был виден целиком. Но глаза Изекееля смотрели на место перед алтарем, на круглую расщелину в каменном полу. Отверстие, не больше головы человека в диаметре, было отделано свинцовым листом в форме звезды. Оттуда на высоту двух футов било пламя.

Неуверенными шагами Изебель де ла Круа приблизился к Священному огню, который горел здесь уже более двух тысяч лет. Он обошел вокруг него четыре раза. Никаких сомнений более не осталось: все, что он видит, — чистая правда. Пламя, на протяжении почти двадцати веков имевшее оранжевый цвет, теперь было белым, с синеватым оттенком, да таким ярким, почти слепящим! Никогда еще с той поры, когда первый мессия шагнул по земле, пламя не меняло свой цвет.

На глазах выступили слезы. Он не мог их сдержать. Слишком сильно было ощущение свершившегося предначертания, слишком велика гордость. Он давно уже предчувствовал, что на исходе второго тысячелетия Священный огонь может изменить свой цвет, знаменуя Парузию*. Но не смели надеяться, что пророчество осуществится при его жизни. И вот оно все же свершилось — тогда, когда он стоит во главе братства. Ему сейчас не хватало только одного — чтобы его отец и все его предки и члены братства, чьи имена выбиты на этих стенах, могли разделить с ним момент торжества. Момент, которому все они посвятили свои жизни, а удостоился — только он.

— Отец Изебель, можно мне впустить остальных? — хрипло спросил у него за спиной брат Дарий.

Изебель обернулся и увидел, что глаза брата тоже полны слез. Он улыбнулся:

— Да. Пусть все увидят то, что видим мы.

Стоя возле алтаря, он наблюдал, как члены Внутреннего круга входят в Священную пещеру и как за ними следуют братья, привлеченные сюда одним только слухом о великом событии. Некоторое время он не произносил ни слова, давая всем возможность насладиться зрелищем, насытить жадные взоры. Когда же все вдоволь насмотрелись на чудо, он молча воздел руки.

— Братья мои! Знак — истинный! Пророчество Лазаря сбылось! — Он сделал паузу, чтобы встретиться глазами с каждым. — Наше долгое ожидание кончилось. Мессия снова среди нас. И теперь мы можем начать его поиски.

* Парузия — второе пришествие Христа (*греч.*).

Глядя на своих ликующих последователей, Изебель твердил одну и ту же молитву: пусть его жизни хватит на то, чтобы исполнить первый императив братства Второго пришествия. С улыбкой он снова воздел руки, словно пытаясь коснуться небес.

— Да будет он спасен! — произнес Изебель, и его голос гулким эхом разнесся по пещере.

Лица братьев озарились волнением, они тоже воздели руки, отзываясь хором:

— Дабы он мог спасти праведных.

ЧАСТЬ I

ПРОРОКИ СРЕДИ НАС

Глава 1

Полночь, 10 декабря 2002 года. Стокгольм, Швеция

Снег продолжает падать. Он шел в течение всей церемонии награждения и во время последовавшего за ней банкета. С темного неба сыпались огромные белые хлопья, внезапно возникая в мощных лучах прожекторов, освещавших красное кирпичное здание Стадсхусета, муниципалитета Стокгольма. Несмотря на холод и снег, небольшая группа самых стойких зрителей все стояла у лестницы, дожидаясь отъезда королевской четы и награжденных лауреатов.

Вот один из них, широкоплечий, засунув руки глубоко в карманы пальто, пробирается в первый ряд — вероятно, чтобы лучше все видеть. Но Оливия, следуя за доктором Томом Картером к выходу — в темень шведской ночи, — не замечает странного взгляда, которым этот зритель провожает ее мужа.

Она слишком занята — проверяет, хорошо ли ее восьмилетняя дочь застегнула пуговицы своего красного пальто.

— Шапку тоже надень, Холли. На улице мороз.

Холли поднимает на мать карие глаза, застегивая на ходу воротник:

— Меня от всего этого тошнит.

— Тошнит? Это что-то новое. — Оливия смеется и натягивает русскую меховую шапку на непослушные светлые волосы Холли. — В любом случае лучше уж пусть тошнит, чем мерзнуть.

— И вовсе тебя не тошнит, Холли, — говорит Том, оборачиваясь к дочери. Он опускается на корточки, и его синие глаза изучающе смотрят на нее, словно она один из объектов исследования в его лаборатории. Потом пожимает плечами и улыбается: — Ну разве что самую малость.

Холли хихикает, а он берет ее за руку и ведет вниз по ступеням.

Они здорово смотрятся вместе, думает Оливия, спускаясь следом. У них прелестная дочь, хотя ей самой Оливия никогда бы не решилась это сказать. Заставить Холли сменить джинсы и кроссовки на платье для торжественной церемонии награждения было делом весьма непростым.

Том оборачивается и смеется над чем-то, что сказала ему Холли, и Оливия отмечает, как теплеет взгляд его ярко-синих глаз. Глядя на высокую, чуть неуклюжую фигуру мужа, на снежинки в его непокорных черных волосах, она вдруг понимает, как он красив, особенно во фраке, который, правда, сейчас не виден под его кашемировым пальто. Они с Джасмин заслужили Нобелевскую премию, и Оливию так распирает гордость, что она почти не замечает жгучего холода.

В этот момент рядом с ними появляется доктор Джасмин Уошингтон. Короткая стильная прическа «афро» этой молодой компьютерной феи скрыта под огромным синим капюшоном. Ее темнокожее лицо, напоминающее лицо эльфа, резко выделяется на фоне снежной белизны. Блестят белки ее глаз.

Следом за ней появляется Джек Николс, партнер Тома по фирме «Джиниус байотек дайагностикс». Он идет прямо к ее мужу и хлопает его по плечу, еще раз поздравляя с награждением. Он на несколько дюймов ниже Тома, но все равно его рост — более шести футов при мощной фигуре — и лицо, изрытое морщинами, плюс шрам в форме полумесяца, тянувшийся от левой ноздри к уголку левой губы, делают его больше похожим на боксера, чем на одного из руководителей крупнейшей в мире компании, занимающейся биотехнологиями.

Теперь их группа почти вся в сборе, и они идут к ожидающим их лимузинам, освещенным изнутри на манер старинных карет. Оливию впечатляет толпа, собравшаяся у подножия лест-

ницы. Конечно, по большей части эти люди, равно как и полицейские, следят сейчас за королем Карлом XVI Густавом и королевой Сильвией, чей лимузин как раз отъезжает от муниципалитета. Однако вполне достаточное количество взглядов и фотовспышек обращено и на них.

— Джас, а где остальные? — спрашивает Оливия, имея в виду отца Тома и жениха Джасмин.

Джасмин машет рукой куда-то назад:

— Они там, болтают с тем малым, что получил премию по литературе.

— Ну и какое это ощущение — быть нобелевским лауреатом? — спрашивает Оливия, улыбаясь своей бывшей однокурснице по Стэнфордскому университету, с которой они к тому же долго жили в одной комнате в общежитии. — Подумать только, всего десять — двенадцать лет назад тебя беспокоило только то, как найти интересную работу. Помнишь?

Джасмин в ответ смеется, ее белые зубы сверкают.

— Ага, — скромно разводит она руками. Но Оливия видит, как она возбуждена и рада. Добиться стипендии на учебу в Стэнфорде, потом защитить докторскую в Мичиганском технологическом — замечательные достижения для любого, не говоря уж о темнокожей девчонке из гетто в грязном муниципальном районе южного Лос-Анджелеса. Но Нобелевская премия — это уже нечто совсем иное!

— А теперь вы с Томом перевернули весь мир, — говорит Оливия. И это действительно так, если верить словам главы Королевского Каролинского института — организации, присуждающей Нобелевские премии в области медицины и психологии. Этот коротышка с серебряными волосами, воздававший должное детищу Тома, рожденному благодаря его проникновению в тайны генетики, и гению Джасмин, освоившей новейшие компьютеры с процессорами на белковой основе, так и сказал: «Это крупнейшее научное достижение с тех пор, как Уотсон и Крик* открыли двойную спираль ДНК. Открытие,

* Уотсон, Джеймс Дьюи (р. 1928) — американский биохимик; Крик, Фрэнсис (р. 1916) — английский биофизик и генетик. В 1953 г. совместно создали модель структуры ДНК, что позволило объяснить ее свойства и биологические функции. В 1962 г. удостоены (вместе с англ. биофизиком Морисом Уилкинсом) Нобелевской премии.

которое спасет бесчисленное число человеческих жизней». Оливия помнит, как в январе 1999 года Том и Джасмин впервые продемонстрировали, что их геноскоп может расшифровать любой ген человека на основе всего лишь одной клетки: изображение в один момент сделало ненужным международный проект «Геном человека».

Джасмин протягивает руку и треплет Холли по плечу.

— Кажется, на мою крестницу церемония особого впечатления не произвела. Я заметила, как она два раза зевнула.

— Ты действительно зевала, Холли? — спрашивает Том со смехом.

Холли равнодушно пожимает плечами и сдувает с носа снежинку.

— Ну, может, разок... Очень долго все это было, разве нет?

Том оборачивается и встречается глазами с Оливией. Они улыбаются друг другу, и он протягивает руку назад, к ней. До лимузинов осталось всего ничего. Их пальцы встречаются, и Том наклоняется к ней, как будто собираясь ее поцеловать.

И в этот момент от толпы отделяется широкоплечая фигура.

Потянувшись к Тому, Оливия ее не замечает. Краем глаза она видит, что шрам на лице Джека Николса зло кривится. Чего это он вдруг разозлился? Или испугался?

Тут время словно замедляется.

Резкий звук выстрела — и Джек отталкивает от нее Тома. Том, вырвав руку из ее ладони, падает на Холли.

В эту долю секунды она отчетливо видит мужчину в пальто с широченными плечами. Он стоит перед нею, и его рука указывает туда, где только что был Том.

И где сейчас стоит она.

Из руки мужчины вырывается вспышка, и новый звук выстрела сотрясает холодный воздух. Что-то с огромной силой ударяет ей в грудь, вышибая воздух из легких и швыряя ее на землю. Потом ее настигает еще один удар, и еще, и еще, сбрасывая ее вниз по лестнице, как тряпичную куклу. Она больше поражена, чем ощущает боль, и тщетно пытается встать на ноги.

Она должна помочь Тому и Холли.

На ступеньке выше она видит Джасмин, совершенно неподвижную — ее ярко-синяя, цвета электрик, накидка черна от крови.

Оливия слышит крик и видит широко раскрытые глаза Холли, так похожие на ее собственные, — та с ужасом смотрит на нее. Она без шапки, и первая мысль Оливии — Холли простудится! Оливия пытается улыбнуться. Хочет подбодрить Холли, но не может пошевелиться и ощущает, что ее затылок стал мокрым и липким. И внезапно понимает, что это все, что она вообще сейчас чувствует.

Голова ее скатывается набок, взгляд ловит убегающего убийцу — он уже почти скрылся в окаменевшей без движения толпе. Все это ей очень странно.

«Где же Том? — думает она. — Он сейчас наведет порядок».

Она слышит, что Том зовет ее. Кажется, откуда-то издалека, из очень далекого далека...

Потом, подобно ускользнувшей мысли, голос Тома пропадает, и она уже больше ничего не видит и не слышит.

— Оливия! Оливия! Оливия!

Доктор Том Картер продолжал звать жену, все еще не веря происходящему. Сползая вниз по ступеням, он не обращал внимания на то, что ранен в ногу. За все годы своей хирургической практики он никогда не видел, чтоб из одного человека вытекло столько крови. Снег вокруг тела Оливии весь красный. Нет, это невозможно! И почему именно сегодня, именно в этот вечер?!

Все произошло... *происходило* слишком быстро! Всего пару секунд назад у него было все. А теперь...

Мысль оборвалась. Мир сошел с ума. Толпа что-то кричала, полиция пыталась оттеснить ее назад, выставляя кордон вокруг этого маленького ада. Завывали сирены, мелькали вспышки фотокамер. К нему спешил Джек, лицо его было пепельно-бледным.

Склонившись над Оливией, Том нежно убрал пряди светлых волос с ее лица, ожидая увидеть, как ее широко распахнутые глаза сейчас моргнут и улыбнутся ему. Но они смотрели на него не мигая. С ее головой что-то было не так. С ужаснувшей его самой отстраненностью он понял, что у нее нет затылка.

Он нагнулся и прижал ее к себе.

— Почему? За что? — вскрикнул он, не сознавая, что выкрикивает вслух первую пришедшую ему на ум мысль.

Потом он понял — и это понимание, холодное осознание того, что случилось, еще более холодное, чем эта морозная ночь, леденящим ужасом сжало ему сердце. Джек вытолкнул его с линии огня. Киллер целился в него!

Это он должен сейчас лежать мертвым, а не Оливия.

Чувство вины острым кинжалом пронзило его, заставив содрогнуться. Потом, на фоне шума и хаоса, он услышал тихое поскуливание у себя за спиной.

— Холли?! — закричал он, отталкивая Джека и резко оборачиваясь. И увидел заляпанную кровью дочь, которую успокаивала ее крестная мать. Лицо Джасмин было темно-серым. Дотянувшись до Холли, Том ощупал ее, убедился, что она не ранена. Все это время он смотрел в ее молящие глаза, которые безмолвно просили его объяснить то, что не в состоянии был объяснить никто. С чувством облегчения, столь мощным, что он чуть не вскрикнул, Том понял наконец, что она невредима, и прижал ее к своей груди. — Все будет хорошо, — сказал он, глядя Холли по щеке и встав так, чтобы дочь не видела Оливию. — Все будет хорошо, я обещаю. — Он сказал это и ей, и себе. Тут появились санитары, пробившись сквозь полицейский кордон. Единственной спасительной мыслью, застрявшей у него в голове, было: Холли не пострадала. По крайней мере не ранена.

Глава 2

Суббота, 21 декабря 2002 года.

Бостон, штат Массачусетс

Чего доктор Джасмин Уошингтон никак не могла понять, так это почему Том Картер предпринял это. Во всяком случае, почему так скоро после убийства жены. Может быть, дело в опухоли, которую шведский хирург обнаружил в мозгу Оливии,

когда анатомировал ее? Но какова бы ни была причина, Джасмин была вне себя от бешенства.

Лужайки на кладбище Маунт-Эшберн были белы от инея, такого же цвета было и зимнее небо. Бледное послеполюденное солнце не могло согреть даже жалкой сотни людей, собравшихся в этом лишенном цвета месте, чтобы попрощаться с Оливией.

Джасмин Уошингтон стояла между своей крестной дочерью и своим высоченным женихом, Ларри Страммером. Она с облегчением отметила, что газетчики хотя бы сегодня сохраняют уважительную дистанцию, равно как и полицейские, которые, стараясь не бросаться в глаза, охраняют церемонию. Помимо родственников Оливии здесь были многие сотрудники компании «Джиниус» и коллеги Тома из научного и медицинского мира. Джасмин узнавала многих из собравшихся. Губернатор штата стоял рядом со шведским послом — тот прибыл сюда, чтобы выразить соболезнования от имени своих соотечественников. Недалеко от них Джасмин заметила учителей начальной школы южного Бостона, где Оливия преподавала английский и музыку. Дети из ее класса также были здесь, но держались тихо и незаметно. Оливия могла бы ими гордиться.

Джасмин была слишком зла, чтобы оплакивать смерть своей лучшей подруги. Она и так за прошедшие одиннадцать дней выплакала слез больше, чем за все прожитые тридцать три года.

Джасмин все еще была запуганным, затурканным ребенком из грязного муниципального района, когда получила стипендию и поступила в Стэнфорд, где и познакомилась с Оливией. Получить престижную стипендию, чтобы учиться на отделении компьютерных технологий одного из самых лучших университетов страны, в то время казалось ей огромным достижением. Пока она была ребенком, ее родители, строгие баптисты, запрещали ей гулять по улицам южного Лос-Анджелеса, так что свой первый компьютер она собрала в одиннадцать лет и большую часть того периода, когда формируется характер и привычки человека, провела в киберпространстве. По иронии судьбы именно компьютерная ошибка свела ее с будущей подругой по комнате в общежитии Стэнфорда — артистичной блондинкой, стопроцентной американкой из штата Мэн, занимающейся

английской литературой. У Джасмин и теперь все еще появлялась на лице улыбка, когда она вспоминала, как они обе потянулись тогда друг к другу, несмотря на полную свою противоположность.

Джасмин поплотнее закуталась в свое кашемировое пальто канареечного цвета. Это было самое яркое, что она сумела откопать для похорон в своем гардеробе. Ее подруга одобрила бы этот выбор. Она посмотрела на Тома, Джека и других, что несли гроб. И вздрогнула, заметив, как Том осторожно ставит свою раненую ногу, хотя эта боль, несомненно, отвлекает его от гораздо более сильных страданий. Если уж она сама не понимает, как смогла пережить эти последние одиннадцать дней, то для него они, вероятно, были сущим адом. И тем не менее она все равно не смогла подавить свою злость, вспомнив о том, что он делает. Или по крайней мере ей казалось, что делает. Следы, обнаруженные ею сегодня утром в лаборатории, еще не дают достаточных оснований для точных выводов. И все же...

Она опустила взгляд на свою крестную дочь, которая стояла рядом с дедом, седовласым и шуплым Алексом Картером. Интересно, как этот практически уже вышедший в отставку профессор теологии из Гарварда объяснил бы, почему застрелили Оливию? В шведской полиции — а теперь и в ФБР — считают, что на Тома покушался какой-то активист из некоей организации, выступающей против экспериментов с генетикой. Но несмотря на то что убийца заснят на пленку, они до сих пор не имеют никакого представления о том, кто он такой и почему это сделал.

Психиатры и психологи, однако, очень довольны тем, как с ситуацией справляется Холли. Никаких признаков спутанного сознания, никаких инстинктивных попыток отгородиться от случившегося — девочка очень четко, почти в деталях помнила, как застрелили ее мать. Во многом она оказалась гораздо более, чем кто-либо другой, подготовленной к тому, что случилось. Джасмин даже слышала, как Холли не раз спрашивала Тома, как он справляется с этим несчастьем. Именно ее мужество, да еще то, что Холли так быстро пришла в норму, и вызывало у Джасмин неукротимый гнев на ее отца.

Она взглянула на бледное лицо Тома, когда он вместе с другими опускал гроб на землю. Чем больше она смотрела в его синие глаза, тем больше видела в них что-то еще, кроме горя, — страх или нечто очень на него похожее. Всякий раз, когда Том бросал взгляд на дочь, Джасмин все более убеждалась в том, что замеченное ею сегодня утром в лаборатории было делом его рук.

Наверное, это имело какую-то связь с опухолью, обнаруженной шведским патологоанатомом в мозгу Оливии во время вскрытия. Опухолью, которая по всем признакам должна была ее убить, если бы этого не сделала пуля. Мать Тома тоже умерла от похожей опухоли — это случилось лет тридцать назад; Джасмин прекрасно об этом знала. И не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, почему Том направил все силы своего могучего интеллекта на борьбу именно с этой болезнью, не только получив диплом хирурга в Университете Джонса Хопкинса на два года раньше, чем его однокурсники, но и защитив потом докторскую диссертацию по генетике в Гарварде, причем с легкостью, недоступной большинству выпускников высших учебных заведений. И все же тот факт, что его мать и его жена страдали одинаковой формой рака, вовсе не оправдывал проведение полного генетического сканирования Холли.

Том отошел от гроба, а Джасмин вдруг вспомнила свой третий год в Стэнфорде. С тех пор прошло больше двенадцати лет. Она тогда считала себя ужасно умной — но только до того момента, когда явилась на лекцию, которую читал дважды доктор медицины Том Картер. Это уже было имя в генетике, хотя Тому тогда едва перевалило за тридцать. Он считал генетические методы лечения единственным путем борьбы с раком и наследственными заболеваниями. В то время его компания «Джиниус» занималась соответствующими испытаниями: получением белков, выращенных методами генной инженерии, таких как рекомбинантный интерлейкин-2 и гормон роста. Компания была относительно небольшая, но продолжала развиваться и завоевывать авторитет.

Лекция Тома в Стэнфорде называлась «Использование компьютеров в дешифровке генома человека». Джасмин хорошо помнила, как с трудом подавила смехок, когда этот высокий и

нескладный мужчина с дикой прической поднялся на кафедру. Но как только он начал говорить, ей тут же стало не до смешков — он говорил о гибриде компьютера и микроскопа, с помощью которого можно полностью прочесть геном по его образцу, записанному в ДНК одной-единственной клетки организма человека. Аппарат, о котором шла речь, мог бы расшифровать любой из сотен тысяч генов любого человека всего лишь по волосяной луковице. Том Картер поставил своей целью не более и не менее, как расшифровать математическое обеспечение всей человеческой расы! Вот тут-то к Джасмин и пришло решение: она непременно должна работать с этим человеком, она готова разделить его научные взгляды, его видение будущего генетики.

Более трех лет назад они превратили его дерзновенные планы в реальность, создав геноскоп. Но сейчас одна только мысль, что Том мог испытывать его на своей совершенно здоровой дочери, заставляла ее негодовать. Каковы бы ни были у него для этого причины, каким бы ни был он гениальным исследователем, но сейчас Том Картер повел себя как совершеннейший глупец!

Том, прихрамывая, подошел к ним и встал между Алексом и Холли. Священник начал заупокойную службу, и Том взял Холли за руку.

Джасмин попыталась перехватить его взгляд, но он смотрел прямо перед собой, на вырытую в земле яму. Ладно, сказала она себе, время еще есть. Даже если он уже провел сканирование, она еще успеет помешать ему узнать его результаты.

Том не ощущал взгляда Джасмин, не слышал слов священника, стоявшего у могилы. Мысли его были только об Оливии. Только о том, что он виноват в ее смерти.

То, что он встретил Оливию и женился на ней, было его самой большой и самой незаслуженной удачей. Он никогда не умел общаться с женщинами, он видел в них хоть и очаровательных, но все же обременительных существ, отвлекающих от работы. Он и сейчас еще не мог понять, как и чем ему удалось привлечь внимание тех нескольких подружек, что у него все же

были. Все они были умны и очень красивы, а он никогда ни за одной из них не ухаживал. Он был для них чем-то вроде приемного ребенка, к тому же проблемного. Почему-то они были уверены, что любовь и ласка со временем могут сделать из него «правильного» мужа. И все в конце концов отказывались от этого предприятия.

А вот с золотоволосой Оливией Джейн Мэллори все было по-другому. Когда не по годам развитая Джасмин познакомила Тома со своей «сокамерницей», до него вдруг дошло, что имели в виду поэты, говоря о любви с первого взгляда. Его реакция на нее имела совершенно клинические симптомы: потные ладони, жуткое сердцебиение, потеря аппетита, рассеянность. Он без труда их идентифицировал, однако сама болезнь и ее течение были более метафизического свойства и научному анализу не поддавались. И с какого-то момента Оливия стала для него столь же необходима, как любая часть его собственного тела. С этого времени он начал преследовать ее со страстью, какую раньше проявлял только по отношению к своей работе. Восемь месяцев спустя, в Париже, она поразила его, приняв его предложение. Он не умел танцевать, но в ту ночь на Монмартре совершенно забыл об этом и они протанцевали всю ночь до рассвета.

А теперь она мертва. Он все еще не мог в это поверить. Только вчера он был в оранжерее в их доме на Бикон-Хилл, в ее любимой оранжерее. Он зашел туда, словно рассчитывая застать ее там читающей или ухаживающей за цветами. Какая-то часть его мозга все еще пребывала в уверенности, что Оливия всегда будет жить в этом доме, в соседней комнате.

Он почувствовал, как маленькая ладошка Холли сжимает его руку, и, опустив взгляд, встретился с нею глазами. Она так отчаянно старалась не заплакать, что если бы он не был в таком оглушенном состоянии, то заплакал бы вместо нее.

Он склонился к ней и прижал к себе, пытаясь заставить забыть о боли.

— Мне так не хватает мамочки, папа, — пробормотала она сквозь приглушенные рыдания. — Ну почему этот негодяй ее убил?!

— Мне ее тоже не хватает, Холли. Мне тоже. Но она теперь в полной безопасности, и все будет в порядке, — прошептал он ей в ухо. Только вот сам он вовсе не был уверен, что все у них даже когда-нибудь снова будет в порядке. Ему хотелось хоть как-то облегчить ее горе, забрать его себе. Его собственная боль таилась где-то так глубоко, что до нее было не добраться. Он был совершенно опустошен и не испытывал каких бы то ни было чувств к тому мерзавцу, который сделал это.

Только чувство собственной вины пробивало все защитные барьеры. Когда он благодарил Джека за то, что тот спас ему жизнь, оба они отводили взгляд, избегая смотреть друг другу в глаза; оба понимали, что мгновенная реакция Джека не только спасла жизнь Тому, но и убила Оливию. Том перенес вес тела на раненую ногу, предвкушая спасительный приступ боли. В ногу ему попала всего одна пуля, остальные изрешетили тело Оливии.

Чувство вины не ограничивалось только этим. Оно пробуждало в нем воспоминания о смерти матери и о том, как он был бессилен помочь ей. Позднее, когда он узнал, что у Оливии тоже была опухоль, его поразило новое чувство вины. Он инстинктивно вновь прижал к себе Холли. Может быть, уже выпущены и другие пули, более медленные, пули, которые снова пролетят мимо него, поразив на сей раз еще более уязвимую мишень?

Это следовало выяснить.

Священник продолжал монотонно читать заупокойную молитву, пока гроб опускали в землю. И только в тот момент, когда он смотрел, как последние, слабые лучи солнца отражаются от бронзовых ручек гроба, только тогда Том понял, что жена покидает его навсегда, что солнце никогда уже не сверкнет в ее золотистых волосах. Вместе со всеми он и с Холли бросили по горсти земли на крышку гроба и теперь терпеливо ждали, пока священник закончит свою молитву.

Когда погребение закончилось и все начали расходиться, он почувствовал, что кто-то дернул его за рукав. Он обернулся и увидел Джасмин — она смотрела прямо ему в глаза. Она была одна, ее жених Ларри уже шел к машине.

— Ты не можешь подождать до поминок?

— Нет!

Алекс Картер стоял рядом с сыном. Жесткие черты лица под копной светлых волос, пронзительный взгляд сквозь стекла элегантных очков — он выглядел так, словно беседует с одним из своих студентов-теологов.

— А в чем дело?

— Мне нужно кое о чем переговорить с Томом, — ответила Джасмин, многозначительно взглянув на Тома. — Наедине!

И Том вдруг все понял. Утро прошло в жуткой спешке, так что он бросил все в лаборатории неубранным, решив, что наведет порядок после, когда вернется туда, чтобы узнать результаты анализа. Джасмин скорее всего влезла в его компьютер и догадалась, что он затеял.

— Папа, ты не мог бы взять с собой Холли? Мы скоро придем.

Алекс недоверчиво уставился на него.

— Ты должен идти вместе со всей семьей, — сказал он. — Вместе с Холли.

Том поднял руку:

— Папа, пожалуйста, не надо. Сейчас я ничего не могу тебе объяснить.

Он опустил на колено и посмотрел на Холли. Ее личико скривилось от горя и обиды. Глаза были красные.

— Холл, мне просто надо кое о чем поговорить с Джас. Возвращайтесь с дедушкой, я тоже скоро приду. О'кей?

Ему очень не хотелось оставлять ее сейчас, но не мог же он обсуждать с Джасмин этот вопрос в присутствии дочери. Прижав Холли к себе, он поцеловал ее в щеку.

— Мы скоро придем. О'кей?

Она едва заметно кивнула, сиюсья понять, в чем дело.

— Но, Том... — снова запротестовал Алекс.

— Папа, я тебе все объясню потом, — сказал Том, взял Джасмин за локоть и повел ее к машине, не обращая внимания на желающих принести ему свои соболезнования.

— Когда ты намерен проверить результаты сканирования Холли? — спросила Джасмин, едва захлопнула за собой дверцу.

Том молчал. Он ощущал странное облегчение от того, что она все уже знает. Он ненавидел всякие тайны и недомолвки.

— После поминок, — наконец произнес он.
— Зачем ты это сделал, Том?
— У меня нет выбора. Мне необходимо знать.
— Вздор! — воскликнула Джасмин. — Чушь собачья! Геноскоп выдаст тебе данные, которые тебе и видеть не захочется! Да и не нужно тебе это знать! Тем более сейчас.

В двух милях к северо-востоку, за территорией Гарвардского университета, располагался кампус компании «Джиниус байотек дайагностикс». Сейчас тут было тихо. Большинство сотрудников головного офиса компании не работали по субботам и, уж конечно, по вечерам. Помимо территории, освещенной галогенными лампами системы безопасности, позволявшей телекамерам наружного наблюдения непрерывно следить за прямоугольными зданиями производственных помещений в восточной части, где выращивали белки, остальная часть кампуса лежала во тьме.

В огромной пирамиде из специального тонированного стекла, меняющего свой цвет в зависимости от освещенности, светились лишь несколько окон. Здесь, в этой доминирующей над всей территорией громаде, располагалась штаб-квартира крупнейшей в мире компании, занимающейся исследованиями в области генетики. Но на верхних этажах, где помещались коммерческие отделы, зал совещаний и большая часть кабинетов директоров компании, включая кабинет Джека Николса, было темно. Одно окно светилось в лабораторном комплексе, занимавшем два средних уровня. На первом этаже единственными источниками света были атриум, служивший приемной, и совершенно пустой сейчас отдел приема и обработки информации, которым заведовала Джасмин Уошингтон и где обрабатывались данные, поступавшие из филиалов компании «Джиниус», разбросанных по всему миру. Ввиду приближающегося Рождества пустовала и небольшая палата в больничном отсеке на первом этаже и также была погружена во тьму.

Пока Том Картер и Джасмин Уошингтон были на поминальном обеде, в кампусе «Джиниус» дежурили только двое охранников у главных ворот и еще двое, следившие за монитора-

ми камер наружного наблюдения, установленными в атриуме пирамиды.

И все же был тут один работающий мозг — на втором этаже стеклянной пирамиды, в одном из отделов лаборатории имени Менделя*. Мозг принадлежал аппарату по имени ДАН, названному так одним из его создателей (он просто составил анаграмму из английской аббревиатуры дезоксирибонуклеиновой кислоты, ДНК — DNA).

В 1990 году, после многочисленных конференций 80-х, был дан старт самому значительному научному предприятию со времен космической программы «Аполлон» — проекту «Геном человека». Его цель была проста: определить каждый в отдельности и все из сотни тысяч или приблизительно такого количество генов, формирующих «модель» любого человеческого существа, расшифровав три миллиарда знаков в генетической программе ДНК человека. Поначалу возглавляемый Джеймсом Уотсоном, одним из первооткрывателей структуры ДНК, проект «Геном человека» охватил весь мир, причем ученые всех национальностей проявили беспрецедентный энтузиазм и готовность к сотрудничеству. Но к середине 90-х, несмотря на ряд крупных достижений, конкурирующие группы исследователей начали патентовать гены, которые им удалось расшифровать, и жизненно необходимый дух сотрудничества был утрачен.

В начале 1989 года доктор Том Картер независимо от других разработал концепцию нового аппарата, наполовину компьютера, наполовину микроскопа, который мог бы читать ДНК прямо с хромосом в клетке организма — примерно таким же образом, как кассовый сканер в супермаркете считывает штрихкод с товара. К началу 1990 года он окончательно доработал теоретическое обоснование своего аппарата, но для его работы был нужен более мощный компьютер, чем все тогда существовавшие, чтобы концепция превратилась в реальность. В том же году, читая лекцию в Стэнфорде, он встретился с юной студент-

* Мендель, Грегор Иоганн (1822—1884) — австрийский естествоиспытатель, основоположник учения о наследственности, положившего начало генетике как науке.

кой, занимавшейся компьютерными технологиями и буквально помешавшейся на идее создания процессора на белковой основе. Это была Джасмин Уошингтон. Через девять лет они создали геноскоп и преуспели там, где ученые всего мира потерпели фиаско, выявив местоположение и функцию каждого из всех 99 966 генов, которые определяют сущность любого человеческого существа.

Один из этих геноскопов сейчас и издал низкий рокочущий звук, когда его «глаз» просканировал три миллиарда знаков в структуре ДНК, которую он только что расшифровывал.

«АТГ-ААГ-ГАТ-АЦГ-ЦТА-ТЦА...» — считывал «глаз».

ДАН, как и все геноскопы в штаб-квартире компании «Джиниус» и в ее наиболее продвинутых лабораториях, был версией четвертого поколения. Он мог одновременно сканировать до пятидесяти образцов. В тот вечер, однако, он сосредоточился на одной конкретной клетке человеческого организма.

Маленькие цветные индикаторы размером с кошачий глаз, установленные на черной поверхности гибкой «шеи», в которой помещался управляемый лазером электронный микроскоп, он же «умный глаз», непрерывно мигали. Они сигнализировали, что объективы высокой разрешающей способности переносят свое внимание и фокус с одного намагниченного фрагмента ДНК на другой, считывая закодированные гены как многоцветный штрихкод.

Урчание исходило из овального черного ящика, который являл собой тело аппарата, формой напоминающего лебедя. В нем находился «мозг» геноскопа: биокомпьютер седьмого поколения, настолько мощный, что его можно было назвать виртуальным человеческим мозгом. Он полностью копировал работу нейронных связей. В известном смысле это было почти живое существо: в нем использовался светочувствительный сложный белок, бактериородопсин, который способен устанавливать логические связи неизмеримо быстрее и качественнее, чем микрочипы. Этот процессор мог работать в тысячу раз скорее, чем его самые современные электронные конкуренты. ДАН

урчал, пока его виртуальный мозг занимался расшифровкой данных, посылаемых ему «умным глазом», транслируя генетическую программу одного из организмов, которые создали его самого. Человека.

ДАН был одним из шести аналогичных аппаратов в компьютерном отделе лаборатории имени Менделя. Все блестящие белые рабочие поверхности помещения были идеально чисты.

За исключением одной.

На ней лежали использованный пластиковый картридж и портативный микроскоп, рядом с ванночкой, наполненной намагниченным флуоресцентным красителем и агар-агаром, валялась пипетка. Чуть дальше стояла подставка с пробирками, мензурка с водой и лежало лабораторное предметное стекло с мазком слюны для анализа — во всем были видны следы торопливого приготовления образца для генетического сканирования.

Процесс подготовки образца для анализа был стандартным. Сначала необходимо получить генетический материал — для этого вполне годились волосая луковица или мазок слюны. После этого под микроскопом отделялась одна клетка, потом ее помещали в пробирку и заливали намагниченным флуоресцентным гелем. Это давало возможность высветить двадцать три пары хромосом данной клетки и окрасить каждое из четырех нуклеотидных оснований в разные цвета. Затем окрашенная клетка запечатывалась в биологически стерильный пластиковый картридж, который вставляли в «грудь» «черного лебедя» — геноскопа, который анализировал полученную информацию.

«ЦАТ-АЦГ-ТАГ-ГАЦ...» — продолжал считывать «умный глаз» ДАНа двойную спираль ДНК, свернувшуюся среди двадцати трех пар хромосом клетки, выделяя различные цвета оснований, которые формируют секции спирали; полученная информация уходила по длинной шее «лебедя» в его «мозг», и тот продолжал проверять сочетания и последовательность «букв» генетического кода — каждое такое сочетание представляло собой нуклеотидное основание: цитозин, аденин, гуанин,

тимин*, — а затем считывал гены, ими сформированные. ДАН постоянно консультировался с собственной непрерывно пополняющейся базой данных и нейронной сетью, чтобы определить цепь аминокислот, кодируемых каждым геном, проверяя, какие именно аминокислоты есть в цепи, сколько их и в каком порядке они расположены. В итоге виртуальный мозг мог определить, какой белок будет синтезирован.

Белки — это строительные кирпичики жизни. Через них гены осуществляют любые физиологические изменения в любом организме, определяя, какие клетки формируют какой орган, решая, как клетки будут делиться и отмирать. Через их посредство наши гены заставляют расти волосы, управляют перевариванием пищи в желудке, вызывают слезы и слюноотделение и даже определяют день нашей естественной смерти — так же точно, как и день нашего рождения.

ДАН, который сейчас столь угрожающе гудел и рокотал в лаборатории, был занят считыванием кода генетической наследственности, записанной в клетке человеческого организма, запечатанной в стерильный контейнер; определял все физические характеристики — от цвета глаз до формы носа; выявлял основные данные — от интеллекта до спортивных способностей; предсказывал все заболевания, начиная с цистита и кончая раком.

Внезапно тон рокота изменился и все индикаторы на «шее» «лебеда» один за другим погасли, оставив светиться только красный индикатор готовности к дальнейшей работе. Геноскоп выполнил поставленную перед ним задачу. Он перевел три миллиарда «знаков» данного генома, просмотрев и проверив все 99 966 генов и каждый в отдельности.

Всего за нескольких часов геноскоп расшифровал генетический приговор, вынесенный живому организму, известному

* Аденин, гуанин, цитозин, тимин — пуриновые (два первых) и пиримидиновые (два последних) нуклеотидные основания; содержатся во всех живых организмах в составе нуклеиновых кислот. Каждое является одной из 4 «букв» генетического кода (соответственно А, Г, Ц и Т). Тройка нуклеотидов (кодон или триплет) — единица генетического кода. Последовательность кодонов в гене определяет строение синтезируемого данным геном белка.

под именем Холли Картер, — код, определявший его существование, и, проделав это, прочел ее смертный приговор.

Спустя два часа тридцать шесть минут закончился поминальный обед. Том Картер, уложив Холли спать, вместе с Джасмин ехал по направлению к кампусу. Охранники в сторожке у ворот помахали ему руками, впуская машину на территорию, как только фары его почти антикварного «мерседеса» высветили хромированные буквы на черной пластине:

«ДЖИНИУС БАЙОТЕК ДАЙАГНОСТИКС»

Ваши гены. Ваше будущее. Ваш выбор

Следуя по подмерзшей дорожке, «мерседес» миновал белковое производство, оставшееся справа, потом небольшой фонтан посреди лужайки. Впереди из темноты возникла гигантская пирамида. Проехав мимо въезда в подземный паркинг, «мерседес» вырулил прямо к главному входу.

— Ты действительно хочешь все это проверить, до самого конца? — спросила Джасмин. — Господи, Том, это же сплошная глупость!

Том выключил зажигание.

— Ты все еще не поняла. Дело вовсе не в том, что я этого хочу. Бог ты мой, да это самое последнее, что мне действительно хотелось бы сделать! Но мне просто необходимо это сделать! И тебе вовсе не обязательно идти со мной, Джас.

— Да, верно, — пробормотала Джасмин, безнадежно вздохнув. Выйдя из машины, она с силой захлопнула дверцу. — И все же я не понимаю...

— Я уже говорил тебе, Джас. Глиобластома*, обнаруженная в мозгу Оливии, мало отличалась от астроцитомы**, от которой умерла моя мать.

* Глиобластома (мультиформная спонгиобластома) — крайне злокачественная опухоль головного или спинного мозга, быстро развивающаяся и растущая из межуточной ткани (глии).

** Астроцитома — злокачественная или доброкачественная звездобразная, медленно развивающаяся глиальная опухоль в головном или спинном мозге.

— О'кей, у Оливии была опухоль мозга, но она погибла и ты не в силах вернуть ее назад.

Том покачал головой — он слишком устал и отупел, чтобы спорить. Джасмин — гениальный специалист, но совершенно не выносит неопределенности. Для нее все либо черное, либо белое, правильное или неправильное, прямо как бинарный код, который является основой столь любимого ею языка программирования. Даже ее совершенно нелогичная на этом фоне вера в Бога была, насколько это зависело от нее самой, неопровержимым фактом. Подойдя к стеклянным дверям главного входа, Том положил руку на сенсорный замок и дождался ответного шипения — замок идентифицировал его ДНК и открыл дверь.

— Во всяком случае, то, что произошло, означает, что Оливии почти не пришлось страдать, — заметила шедшая позади него Джасмин. Голос ее сейчас звучал мягче.

Том кивнул охранникам и пошел, тяжело ступая по мраморному полу, мимо отдела обработки информации к стеклянным дверям лифтов.

— Вот в этом все и дело, Джас, — ответил он. — Я не желаю, чтобы Холли страдала, как страдала моя мать и как пришлось бы страдать Оливии. Неужели тебе это не понятно? Мы уже знаем, что все виды рака мозга имеют сложный генетический компонент. В меня не попали пули, которые убили Оливию. Точно так же в меня не попали гены, которые стали причиной рака моей матери, потому что я унаследовал здоровую природу от отца. Но Холли, может быть, унаследовала дефектный набор генов от Оливии и столь же вредоносный их набор от моей матери — через меня. Если это так, мне необходимо это знать.

Джасмин больше ничего не сказала. Они с Томом вошли в лифт, и он нажал кнопку с цифрой «два». Двери закрылись, и лифт бесшумно пошел вверх, минуя мезонин, на второй этаж. Сквозь стеклянную дверь Том смотрел вниз, на атриум и уменьшающиеся фигуры охранников. Было тихо, он даже слышал дыхание Джасмин.

Она хотела было что-то сказать, но потом, видимо, раздумала.

— Ну давай, давай, — подбодрил ее Том. — Спрашивай!

— О'кей. Что, если Холли и впрямь унаследовала дефектные гены? Что ты можешь в этом случае сделать?

Двери лифта раздвинулись, и Том вышел в коридор, который вел к стеклянной, отделанной хромированной панелью двери с кодовым замком и табличкой с надписью «Лаборатория имени Менделя. Посторонним вход воспрещен». Положив руку на ДНК-сенсор замка, он подождал, пока система безопасности опознает его.

— Полагаю, что до лечения рака с помощью генной инженерии осталось еще лет пять, — сказал он. — Постараюсь сделать все возможное, чтобы сократить этот срок. Так что если Холли и в самом деле подвержена этому и болезнь проявит себя, когда ей будет за тридцать, как это случилось с ее матерью и бабушкой, то с нею будет все в порядке.

Дверь издала шипящий звук, открылась, и они ступили внутрь. Как только сенсоры засекли их присутствие, автоматически зажегся свет. Вольфрамовые нити ламп создавали впечатление дневного света. Они миновали криогенное хранилище, где при температуре минус 180 градусов Цельсия содержались живые образцы раковых клеток. Пустая лаборатория выглядела весьма странно: за рабочими столами ни души, вокруг бесконечные белоснежные поверхности, хром и стекло. Единственные звуки, нарушавшие тишину, исходили от некоторых приборов и аппаратов на рабочих столах; плюс к тому слышался низкий гул кондиционера. Том настроился было на привычный рокошущий звук работающего ДАНа, но быстро сообразил, что аппарат, конечно же, уже завершил свою работу и потому молчит. Он бросил взгляд на дверь в дальнем конце лаборатории — она вела в компьютерный зал — и внезапно почувствовал тяжесть в желудке. Он проводил такие тесты бесчисленное количество раз, но никогда не подвергал им близких.

— А что будет, если беда придет раньше чем через пять лет, а, Том?

На этот вопрос он ответить не мог. Он отворил дверь в зал с геноскопами, за которой открылись шесть устремленных вверх

лебединых шей — они, казалось, с мерзкой жалостью взирали на него сверху вниз.

— Давай заходи, — сказал он. — Посмотрим, что нам может сообщить ДАН.

Джасмин была просто без ума от геноскопов. Это были ее дети. Именно этот инструмент превратил фирму «Джиниус» из прогрессивной, но рядовой компании, занимающейся исследованиями в сфере биотехнологий, в мирового лидера.

Геноскоп был столь передовым достижением, что, когда его три года назад запустили в дело, все конкурирующие компании были вынуждены его покупать, чтобы не отстать в попытке создать собственные аналогичные приборы. Джек Николс пустил в ход все свои таланты и опыт в области маркетинга и предпринимательства, чтобы обеспечить быстрое лицензирование инструмента во всех странах мира через посредство лабораторий, получивших апробацию фирмы «Джиниус». Как он сам любил повторять, теперь прислать образец ткани для генетического сканирования стало так же просто, как прислать для проявки отснятую пленку в ближайшее бюро фирмы «Кодак». Геноскопы стали золотым стандартом для тех, кто желал прочесть «математическое обеспечение» организма человека, и всего год назад журнал «Тайм» назвал Тома Картера Биллом Гейтсом от генетики.

Мощь геноскопов была столь впечатляющей, что даже Джек немного их опасался. Джасмин не раз слышала, как он говорил, нервно посмеиваясь: «Ни за что на свете не стану узнавать у этого траханого робота, когда я сам сыграю в ящик», — но только когда его не слышал никто из клиентов фирмы.

Джасмин одна из первых подвергалась тесту на геноскопе. Она ничего особо не опасалась, но все же испытала облегчение, узнав, что в ее организме нет никаких унаследованных убийц, ожидающих своего часа. Но сейчас, следуя за Томом мимо ряда геноскопов, она поняла страх Джека: было что-то жутко нервнующее в этой машине, которая знает о тебе больше, чем ты сам. К тому же она теперь сама страшно боялась, что кто-то из ее детищ может сообщить ей о Холли.

Она села напротив ДАНа в дальнем конце компьютерного зала и услышала тихое гудение, исходящее из округлого корпуса аппарата. Монитор на столе рядом с ним был выключен.

Она повернулась к Тому:

— Ты уверен, что тебе это необходимо?

В ответ он вымученно улыбнулся и кивнул.

— ДАН, — обратилась она в микрофон на черной «лебединой шее». Имечко это, изобретенное ею, нравилось не всем, но оно пристало к прибору, так что теперь все называли геноскопы ДАНами.

В ответ на обращение все индикаторы на «шее» плюс еще три на яйцеобразном корпусе аппарата ожили — как глаза раскрылись. И тихое гудение сменилось рокотом.

— Дай изображение, — скомандовала Джасмин.

— ДАН, я тоже здесь, — сообщил Том.

Монитор включился, на экране появился логотип «Джини-ус» — электрическая лампочка в окружении спирали ДНК. Под ней шел слоган корпорации: «Ваши гены. Ваше будущее. Ваш выбор».

— Пожалуйста, выберите программу из меню, — предложил ДАН: его память уже распознала голоса его создателей. Джасмин вначале хотела снабдить аппарат мелодичным, хорошо модулированным голосом — тогда уже существовали технологии, позволяющие дать машине любой голос, — но Том и Джек предпочли, чтобы и без того подавляющая людей машина говорила монотонно, как робот. Возможно, это помогало им, лишний раз напоминая, что, несмотря на органическую структуру, мощный геноскоп остается всего лишь компьютером.

— Дай меню результатов, — скомандовал Том. Джасмин было видно, как в верхней части экрана появляются его слова — копия принятой команды и подтверждение правильности приема.

— Имя субъекта? — вежливо осведомился монотонный голос.

— Холли Картер, — четко произнес Том имя дочери.

— Субъект найден. Пожалуйста, выберите нужную опцию из выведенных на экран: «Основные результаты», «Анализ по хромосомам», «Подробный анализ генов».

— Основные результаты, пожалуйста, — сказал Том.

— Сию минуту, Том. — Как только ДАН произнес это, на экране появилось меню «Поиск». — Вы вошли в меню «Поиск». Можете выбрать опцию «Общее описание» — она дает общее описание субъекта на основании анализа его или ее ДНК: цвет волос, цвет кожи, глаз, рост и так далее. Опция «Качества» показывает верхнюю квартильную группу способностей в сравнении со стандартным геномом. Например, иммунитет к болезням, интеллект. Опция «Опасения» показывает нижнюю квартильную группу предрасположенности или восприимчивости к болезням, не угрожающим жизни. Опция «Угрозы» выявляет дефекты, угрожающие жизни; она закрыта от несанкционированного доступа. Прошу выбрать нужную опцию.

Том пропустил первые три категории.

— Давай «Угрозы», ДАН.

— Ваш личный пароль, пожалуйста?

— «Открытие».

— Спасибо, Том. Для вывода на экран результатов из опции «Угрозы» мне необходимо получить второй пароль. Пожалуйста.

Джасмин недовольно вздохнула, прежде чем произнести:

— «Древо познания».

— Спасибо, Джасмин. Вы уверены, что желаете получить результаты исследования из категории «Угрозы»? Да или нет?

Возникла пауза.

Джасмин взглянула Тому прямо в глаза. В его взгляде она заметила нерешительность, даже почувствовала его страстное желание сбежать отсюда и утащить Холли как можно дальше от геноскопа и его тайн.

— Нет! — услышала она собственный голос, как ножом взрезавший неподвижный воздух.

— Что?! — воскликнул Том.

Индикаторы геноскопа мигнули, а его рокот на мгновение изменил тональность.

Том повернулся к Джасмин. На лице его было сердитое выражение, но с явной примесью облегчения.

— Какого черта?..

— Да ладно тебе, Том! Прекрати это! Еще не поздно.

— Прошу подтвердить ответ, — вклинился ДАН своим бесстрастным, совершенно неартикулированным голосом.

Снова возникла пауза. Появление на экране результатов зависело всего от одного слова. Она заметила, как Том неуверенно посмотрел на нее, потом повернулся обратно к аппарату.

— Да! — произнес он наконец чуть слышно, почти шепотом. — Покажи «Угрозы».

Джасмин лишь покачала головой и уставилась на экран. Рокот ДАНа усилился, и на экране возникли три цифры — девять, десять и семнадцать.

Это было сигналом тревоги. Сам факт появления цифр свидетельствовал, что в геноме Холли имеются дефектные гены, представляющие опасность. Каждая цифра представляла хромосому, в которой был выявлен дефект.

— Серьезные дефекты в коде хромосом девять, десять и семнадцать, — сообщил ДАН.

Том, совершенно бледный, дал следующую команду:

— Покажи сначала семнадцатую.

— Сию минуту, Том.

Изображение на экране вновь сменилось — на сей раз на нем возникло нечто вроде многоцветной винтовой лестницы. Это было графическое изображение окрашенной двойной спирали ДНК. Хромосома 17 находилась в верхней части экрана. Рядом с винтовой лестницей появились два ряда цифр: один представлял собой генетический код Холли, другой — принимаемый за «стандарт» геном здорового человека. Затем появился курсор в виде светлого пятна — он прошелся по экрану, прежде чем остановиться на одной из секций винтовой лестницы.

— Замечен дефект в гене p-53, отвечающем за подавление опухолевых образований в хромосоме семнадцать. Материнская копия дефектная, отцовская копия имеет склонность к мутации, — проинформировал ДАН. Курсор, следуя за его слова-

ми, указал несочетающиеся пары нуклеотидных оснований в «ступенях» лестницы, выделив затем неправильные «буквы» в коде материнской копии генома Холли.

Это выглядело так: ЦАТ-АЦГ-ТАГ-ГАЦ. Выделенные дефекты были ясно видны.

— Еще раз, за что отвечает ген п-53? — нетерпеливо спросила Джасмин, более знакомая с механизмом работы ДАНа, чем с ее результатами.

— Он помогает восстанавливать поврежденную ДНК. Мутировавший ген п-53 является основным предвестником клоновой эволюции — процесса, который ведет к раку. Но один этот ген вовсе не обязательно свидетельствует о том, что Холли заполучит эту болезнь. В возникновении этого вида рака замешано множество генов; именно поэтому его чертовски трудно лечить. Чтобы точно его заполучить, Холли должна была унаследовать специфическую комбинацию дефектных генов как в отцовских, так и в материнских хромосомах.

— Значит, с нею все-таки может быть все в порядке?

Прежде чем Том успел ответить, изображение на экране сменилось, показав другую часть спирали ДНК. На этот раз хромосому 9.

— Группа уязвимых генов в хромосоме девять. Отцовский набор дефектный. Материнский набор отсутствует. Гены цер-6 и цер-14 в рискованном положении. Гены инф-19 и инф-27 содержат реверсный дефект кода.

Джасмин не нужно было поднимать глаза на пепельно-белое лицо Тома, чтобы понять, насколько это плохо. Но прежде чем она успела осознать возможные последствия, изображение на экране вновь сменилось. «Хромосома 10», — гласила новая надпись. Геноскоп не знает сожалений: выдавая диагноз, он совершенно бестактен в своих монотонных откровениях.

— Четыре рас-протоонкогена* в хромосоме десять имеют пробелы в последовательности кода. Мутация неизбежна, — монотонно пророкотал ДАН, словно сообщая прогноз погоды.

* Рас-протоонкоген — ген, нарушение в работе которого — по причине пробела в последовательности кода или, наоборот, появления в нем лишних «букв» — вызывает рак.

— Господи! — прошептала Джасмин.

Том смотрел прямо перед собой и молчал.

— Положение хуже, чем я думал, — наконец тихо произнес он. — Один общий дефект обычно безвреден. Даже с абберрациями во всех трех хромосомах можно справиться, если человек унаследовал здоровый набор хромосом от второго из своих родителей. Но Холли досталась наихудшая комбинация из всех возможных. В ней собраны все генетические сбои, которые только могут возникнуть.

Том повернулся к Джасмин. В его глазах была скорее злость, чем страдание.

Она лишь покачала головой и положила ему руку на плечо. Ей было нечего ему сказать.

Том оглянулся на бесстрастного черного лебедя.

— Итак, ДАН, ублюдок проклятый, каков твой прогноз? Что с нею произойдет?

Джасмин было видно, что Том и не пытается унять свое бешенство. Злиться, несомненно, лучше, чем бросаться в другую крайность. Отчаяние ничему помочь не может.

— Существует девяносто девять процентов вероятности, что данная комбинация генетических дефектов у субъекта по имени Холли Картер в конечном итоге приведет к возникновению глиобластомы.

Это слово звучало гораздо менее пугающе, чем «рак» или «опухоль», — скорее как латинское название какой-нибудь экзотической розы. Но Джасмин прекрасно понимала, что оно означает. Том объяснил ей, что это самый опасный вид астроцитомы. Самый опасный вид рака головного мозга.

Она подумала о Холли, припомнив, как та мужественно шагала от могилы матери в своем красном пальто и черной меховой шапке, и вдруг ощутила приступ ненависти к ДАНу. Как будто аппарат был каким-то образом ответствен за эту ужасную новость.

Она повернулась к Тому, который неподвижно сидел на своем месте. Его синие глаза сверкали как северное сияние.

— Господи, Том, мне страшно жаль...

— Это еще не все, — ответил он со своим обычным упрямством. — Есть еще один вопрос, который нужно задать.

Ну конечно, поняла она. Вопрос о времени. Ей было видно, что, несмотря на гнев и ярость, охватившие Тома, его почти парализовал страх. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы взять себя в руки. Потом она услышала, как он задал свой вопрос — вполне нормальным голосом:

— ДАН, сукин ты сын, принимая во внимание наиболее благоприятные факторы окружающей среды и наилучшие методы лечения, когда начнется клоновая эволюция? И когда рак у Холли достигнет четвертой, терминальной стадии?

Возникла небольшая пауза, во время которой рокот геноскопа несколько усилился.

Потом Джасмин внимательно выслушала, что сказал металлический голос, и лишь покачала головой. Она гордилась своими достижениями. Но в момент, когда бездушный предсказатель пророчил смерть ее крестной дочери, она ощущала едва ли не стыд за то, в создании чего принимала участие.

Глава 3

Тот же день. Лондон

— Я — Немезида*. И пусть мой меч справедливости пребудет остер...

Лезвие бритвы с шелестящим шорохом прошло по черепу.

— И пусть моя броня праведности пребудет неуязвимой...

Шорох.

— И пусть мой щит веры пребудет крепок.

Опасная бритва скользила по колючей щетине, снимая белую мыльную пену и оставляя за собой полоску гладкой кожи, совершенно лишенной волос. При каждом новом взмахе бритвы Мария Бенарьяк произносила одну строку из своей трехстрочной мантры.

* Немезида — богиня возмездия в греческой мифологии.

— Я — Немезида. И пусть мой меч справедливости пребудет остер, — повторила она, продолжая свой обычный ритуал.

Когда кожа на голове была вся выбрита и стала гладкой, она протерла запотевшее зеркало ванной, чтобы полюбоваться на свою работу. Из зеркала на нее строго и пристально смотрели ее собственные глаза — один голубой, другой карий. Глаза были единственным, что пластическая операция оказалась не в силах изменить. Чуть повернув голову, она увидела маленькие, десятилетней давности шрамы за ушами — с момента их появления ее когда-то прекрасное — слишком прекрасное! — лицо стало не таким красивым, не таким заметным.

Мария положила бритву на раковину, рядом с тюбиками театрального грима. Ее пальцы на секунду задержались на лезвии, борясь с искушением. Но, глянув вниз, на свежие шрамы, пересекавшие ее правое бедро, она решила пока с этим подождать.

Развернувшись, она, по-прежнему совершенно голая, вышла из маленькой ванной и оказалась в большой комнате — единственной комнате ее квартиры, где хранилось все, чем она владела. Наслаждаясь ощущением прохлады, исходящей от полированного деревянного пола под ногами, она выглянула в огромное, шести футов в ширину, окно. В сотне футов внизу текла Темза, серая и холодная. Она прошла в дальний угол огромной комнаты — дом был перестроен из бывшего склада — и остановилась под гимнастическими кольцами, свисавшими с открытых балок высоко вверх.

Подпрыгнув, она ухватила сильными пальцами за кольца. Тренированные руки напряглись, принимая на себя вес тела, поднимая его все выше от пола, пока поясица не оказалась вровень с ладонями. Локтевые суставы словно защелкнулись, и руки замерли в таком положении. Она вытянула ноги перед собой, чтобы они образовали четкий прямой угол с обнаженным напрягшимся животом.

— Раз... два... три... — считала она, упершись взглядом в одну точку на стене напротив. Она ни на секунду не останавливалась передохнуть, продолжая свои упражнения. — Пятнадцать... шестнадцать... семнадцать...

При каждом счете единственными видимыми следами ее усилий были маленькие струйки пота, стекавшие по ее скульптурной спине, и почти незаметное подрагивание рук.

— ...Сорок восемь... сорок девять... пятьдесят.

В конце она позволила себе победоносно улыбнуться, выпустив кольца. Подтянув ноги для соскока, она кошкой приземлилась на полированный пол. И, почти не задерживаясь, проследовала к высокому, в полный рост, зеркалу, чтобы обозреть в нем свое обнаженное тело.

Она тщательно изучала собственное отражение — высокая фигура, гладко выбритая голова, необычно широкие плечи, мощные руки, тонкая талия, мальчишеские бедра и длинные стройные ноги. В ее взгляде не было никакого тщеславия — только оценивающая объективность, словно она проверяла состояние ценного инструмента или оружия. Нынешняя утренняя проверка ничем не отличалась от обычных, проводимых ежедневно, и сегодня, как и в большинстве случаев, она была вполне удовлетворена увиденным. В тридцать пять лет на ее теле не было ни единой унции жира, а мышцы оставались такими же сильными. Единственными недостатками на этом теле были шрамы: почти незаметные за ушами, крестообразный шрам на правом локте, крестообразные на правом бедре — эти раны она наносила себе сама, и еще два, формой напоминающие якорь, под каждым соском — на месте ее некогда полных грудей, которые были удалены, а оставшиеся небольшие, как у гермафродита, возвышения уже не затрудняли движений и не привлекали ненужных взглядов.

Закончив осмотр тела, Мария Бенарьяк повернулась и обозрела свое жилище. Огромная комната на верхнем этаже старого складского здания была возвратом к концу 80-х, когда молодые профессионалы из Сити наперебой покупали квартиры в перестроенных зданиях в некогда немодном Ист-Энде, потому что те были дешевы и находились недалеко от работы. Однако эта квартира была чем угодно, только не гнездышком яппи. Любой дизайнер, специалист по интерьеру мог бы назвать ее стиль минималистским, однако термин «скудный» подходил сюда гораздо больше.

Она подошла к панели с четырьмя выключателями возле окна.

Щелк-щелк. Первая голая стоваттная электролампа освещения, свисавшая прямо с потолка, погасла, затем зажглась снова.

Щелк-щелк. То же произошло со второй.

Потом с третьей, с четвертой.

Убедившись, что все в рабочем состоянии, она перешла к следующему этапу своего ежедневного ритуала. Обходя комнату по периметру, она последовательно включила все шесть направленных ламп локального освещения, расположенных в стратегически значимых точках. Выйдя на середину, тщательно проверила углы, под которыми исходили лучи света. Изменив положение двух ламп, убедилась, что в комнате нет ни одной тени, она равномерно освещена, а все вещи лежат на своих местах.

Подойдя к односпальной кровати в углу напротив гимнастических снарядов, она поправила висевшее над нею на стене распятие и опустилась перед ним на колени. Деревянное распятие, подаренное ей святым отцом после того, как он забрал ее из сиротского приюта на Корсике, было единственным украшением на девственно-белых стенах.

Потом ее взгляд переместился на книжный шкаф. В нем была всего одна книга, Библия — она стояла на верхней полке. На второй полке находились шесть стеллажей-подставок для магнитофонных кассет и «уокмен» «Сони». Пять подставок имели этикетки с названиями языков, на шестом же значилось: «Голосовые упражнения». На нижней полке располагался внушительный набор справочных материалов на компакт-дисках. Все было на своих местах.

Ее взгляд сместился вправо, к окну. Один деревянный стол, один стул. На столе стояли портативный компьютер и телефон, подсоединенные к телефонной розетке на белой стене возле стола. Еще здесь были часы и тонкая папка из манильской бумаги. На полу рядом аккуратной стопкой лежали такие же, но более выцветшие папки — по меньшей мере штук шестьдесят. Уголки у всех были истрепаны, как у просроченных паспортов.

У всех, кроме той, что лежала сверху. Эта да еще вторая, лежавшая на столе, пока еще были новенькие и не имели названий. Ее взгляд остановился на той, что лежала сверху, и она вздохнула.

Затем развернулась почти на 180 градусов, и ее глаза быстро обследовали альков, в котором размещалась скромная кухонька, и, пропустив расположенную рядом дверь в ванную комнату, остановились на входной двери квартиры. Она визуально проверила все четыре замка стальной двери, затем подошла к огромному дубовому шкафу.

Открытый, шкаф тут же продемонстрировал две свои четкие функции. Левая его часть служила гардеробом. Здесь, аккуратно размещенные на штанге, висели ее мужские костюмы и женские платья. Над ними лежала коллекция тщательно изготовленных из натуральных волос париков — одни коротко стриженные, другие длинноволосые. На полу в строгом порядке, как солдаты на плацу, стояли шесть пар мужской и женской обуви — все одного размера.

Но проверять она намеревалась правую часть шкафа. По сути дела, это был стеллаж для инструментов, похожий на те, что можно найти на стене любого гаража в пригороде. Но эти инструменты не годились для работ из категории «сделай сам» или для возни в саду.

В верхней части, на специальных крюках, висели три ножа. Подобно музейным экспонатам они были размещены по размерам, слева направо в порядке убывания длины лезвий. Хотя все они были вычищены и находились в прекрасном состоянии, потертые рукоятки свидетельствовали об их частом использовании. Справа от этого трио висел кукри — непальский тяжелый кривой боевой нож, который так любят солдаты-гуркхи. Она погладила все ножи по очереди, наслаждаясь ощущением остроты их клинков.

Под кукри размещались смертельно опасные нунчаки — две деревянные палки, каждая с фут длиной, соединенные цепью. Конец каждого стержня был выпачкан кроваво-красным. С того же крюка свисала удавка, как забытый галстук. Еще ниже располагалось огнестрельное оружие: керамический «глок» калиб-

ра 9 миллиметров, недоступный для обнаружения металлодетектором, пистолет «ЗИГ-зауэр» и автомат «хеклер-и-кох». Внизу, горизонтально, в специально изготовленных гнездах, лежали дальнобояная снайперская винтовка и помповое ружье. Между всеми этими предметами размещались снабженные аккуратными этикетками ящики и полки, забитые различными дополнительными приспособлениями и патронами.

Чувственными движениями Мария огладила все свои соковокровища, стерев пятно со ствола хорошо смазанного «хеклер-и-коха» и поправив магазин под «ЗИГом».

Убедившись, что все в полном порядке, она прошлепала по деревянному полу обратно в ванную. Здесь она включила душ и встала под мощные горячие струи. Взяв с полки кусок дегтярного мыла, она принялась надраивать тело, пока кожа не начала гореть. Потом намылила обритую голову, моргая от попавших в глаза брызг. Когда все мышцы тела расслабились, она позволила себе отдаться чувствам — и ею овладели ярость и стыд. Она снова стала думать об этом ученом, мысль о котором сверлила ее мозг с самого Стокгольма.

Ирония ситуации заключалась в том, что она допустила первую в своей жизни ошибку — и именно с целью, которую считала самой опасной. Все остальные были просто обычные демоны: торговцы оружием, святотатствующие кинопродюсеры, мошенники из числа лживых проповедников-евангелистов, подвизавшиеся на телевидении, продажные адвокаты гангстерских банд, наркобароны. В них нетрудно было разглядеть личину дьявола, их нетрудно было уничтожить. Но в тот момент, когда святой отец передал ей папку из манильской бумаги с данными о Томе Картере, она сразу поняла, что это совсем другое. Зло, которое он олицетворял, было более могущественным и коварным, чем у тех, других, с кем она расправлялась раньше. А ведь общественное мнение считает эту святотатственную генетику добрым делом! Общество даже сочло необходимым воздавать этому Картеру почести — как спасителю человечества! А Марии было прекрасно известно, что нет на свете большего зла, чем то, которое без особых усилий способно спрятаться в одеждах добра и праведности.

Мария почувствовала, как в ее душе поднимается волна ярости и гнева. Она — Немезида! Она никогда не допускала ошибок. Ее намерением было совершить убийство публично, в вечер наивысшего триумфа доктора Картера, чтобы показать миру всю тщетность и пустоту его достижений. Это должна была быть почти хирургическая операция, а сама она должна была исчезнуть еще до того, как тело этого безбожника упадет на землю. Но его успели оттолкнуть в сторону, и пули попали в его жену.

Она еще яростнее принялась тереть себя мылом. Надо было сначала нейтрализовать этого Джека Николса. Когда-то он был героем. Когда служил в ФБР. Именно специальный агент Джек Николс пресек карьеру Счастливого Сэма, серийного убийцы, который располосовывал рты своим жертвам, заставляя их «улыбаться», чтобы, как он говорил, «зацапать их в самый счастливый момент». Все это она прекрасно знала. И видела шрам в виде полумесяца у него на лице — тот самый, который Джек Николс заполучил от убийцы, прежде чем свернуть ему шею. Да, несомненно, ей было необходимо учесть этот фактор — возможность того, что бывший агент ФБР выручит своего приятеля. А так получилось совершенно по-дилетантски. Непростительно по-дилетантски.

Мария выключила душ, взяла с вешалки грубое полотенце и жестко растерла все тело. Закончив, она голышом прошла к столу и взяла с него папку. Открыла ее и взглянула на фото следующей цели, следующей жертвы праведного убийства.

Потом нагнулась над лежащей на полу стопкой таких же папок, где у всех, кроме одной, были потрепанные уголки — свидетельство того, что все цели, кроме одной, были успешно поражены. Открыв ее, она уставилась на лицо Тома Картера. Ее единственная неудача. Проницательные синие глаза, казалось, смотрят прямо на нее. Огромная шапка непокорных черных волос. Мощная нижняя челюсть придает лицу упрямое выражение. Это усилило решимость — она должна его уничтожить. Ей отчаянно хотелось завершить начатое, но она помнила, что еще не получила разрешение. И все же она могла по крайней мере навестить доктора Картера и дать ему понять, что на-

казание всего лишь отложено, а вовсе не отменено. Она глянула на часы, стоявшие рядом с телефоном. Следовало поторопиться, чтобы успеть на рейс «Конкорда».

Она неохотно положила папку с досье доктора Картера обратно в стопку на полу и почувствовала, что разбудила в душе все свои старые тревоги и опасения. Пальцы ее принялись пощипывать свежие, еще не зажившие шрамы на бедре. Пощипывание стало еще более жестоким, когда она припомнила унижение, которое испытала, когда брат Бернард и святой отец узнали о ее неудаче, первой неудаче Немезиды. И как брат Бернард отчитал ее.

Она повернулась, снова подошла к распятию, встала перед ним на колени. Ее короткая молитва была простой: она просила, чтобы после следующего праведного убийства, которое ей предстоит совершить на Манхэттене, святой отец дал ей еще один шанс прикончить этого ученого.

Глава 4

Бикон-Хилл, Бостон

На следующее утро Том Картер проснулся рано и по привычке протянул руку через всю широкую постель, чтоб коснуться Оливии. И только ощутив холодную нетронутую простыню, вспомнил, что его жена умерла. Это ощущение, эта мысль возникали у него теперь каждое утро после ее гибели, и он почти не сомневался, что теперь так будет всегда. Он открыл ничуть не отдохнувшие за ночь глаза и взглянул на светящиеся часы на ночном столике. Пять часов шестнадцать минут утра. И тут еще один кошмар обрушился на его сознание.

Сколько, черт возьми, длится год? Пятьдесят две недели? Триста шестьдесят пять дней? Восемь тысяч семьсот шестьдесят часов? Как ни крути, а длиннее, чем он есть, его все равно не сделать, и это очень мало. По информации, полученной от ДАНа, это срок, отпущенный Холли, — причем в лучшем слу-

чае. Без лечения она переживет максимум еще один свой день рождения.

Когда ДАН сообщил ему, сколько ей отпущено жить, он ощутил какое-то странное чувство облегчения. Страшный день был настолько близок, что он просто ничего не может сделать. У него есть все основания сразу сдаться и помогать искать убийцу Оливии. И обеспечить комфорт Холли в оставшиеся ей месяцы. Однако он никогда в жизни ничего не воспринимал пассивно.

Он сел на постели и помотал головой, стряхивая бессвязные мысли и панику. Если он намерен хотя бы начать думать над тем, что нужно или вообще можно сделать для того, чтобы помочь Холли, ему требуются свежие идеи. А он способен сделать только одно. Прежде чем сообщить эту печальную новость своему отцу и Джеку, он должен поговорить с единственным человеком, который всегда выслушивал его в моменты кризисов и сомнений.

Том спустил непослушные, отяжелевшие ноги с постели и побрел в ванную. Шампуни и ополаскиватели для волос, оставшиеся от Оливии, по-прежнему стояли на столике. Как и многие другие ее вещи, разбросанные по всему дому, эти баночки и флаконы были еще одним напоминанием о том, что она все еще здесь. И он не мог заставить себя выбросить даже самое ничтожное воспоминание о ней.

Он включил душ на полную мощность и стоял под тугими струями, пока окончательно не проснулся и пока его кожа не начала гореть. Посмотрев вниз, он наткнулся взглядом на уродливый пурпурный шрам над правым коленом. Шведский врач сказал, что ему здорово повезло, что пуля прошла насквозь, лишь незначительно повредив мышцы. Но он никак не мог избавиться от мысли о том, что предпочел бы, чтобы все до единой пули, пробившие тело Оливии, попали вместо нее в его собственную плоть.

Приняв душ, он досуха растерся полотенцем и открыл большой платяной шкаф, который всегда делил с женой. Вещи Оливии сиротливо свисали с вешалок, все еще храня ее запах. Он сунул руку в свою часть шкафа и вытащил первые попавшиеся

под руку вещи. Потом поднял с пола длинную стеганую кожаную куртку, валявшуюся там с прошлого вечера.

На лестничной площадке он остановился возле комнаты Холли и сунул голову в приоткрытую дверь. Она спала, свернувшись калачиком. Он тихонько подошел к ней и поцеловал в лоб. Пока он смотрел на ее безмятежное личико, мрачное предсказание ДАНа отодвинулось куда-то, стало далеким, даже невозможным кошмаром. Даже если он не вернется до того, как Холли проснется, Марси Келли, его домоправительница, живущая в отдельной квартирке на верхнем этаже, к тому времени уже будет здесь.

Оставив спящую Холли, он тихонько спустился по все еще темной лестнице, бесшумно вышел из квартиры и сразу пошел к заднему выходу — перед фасадом, в нескольких ярдах от подъездной дорожки, дежурила полицейская машина. Ночью шел снег, отметил он, забираясь в свой «мерседес». Он тихо выехал из боковых ворот, незамеченный охранниками. Ему хотелось побыть в одиночестве, он в общем-то не разделял опасений Джека, что убийца, пытавшийся застрелить его в Швеции, возможно, последовал за ним в Штаты. Убийца Оливии сейчас, вероятно, ударился в бег, и Том предпочел бы, чтобы полиция сосредоточилась на его поимке, вместо того чтобы попусту терять время, охраняя его самого.

Дорога с Бикон-Хилл через обычно забитую транспортом путаницу бостонских улиц в это воскресное утро оказалась почти пустой. На часах еще не было шести, и за все четверть часа поездки ему попалось лишь несколько встречных и попутных машин, включая коричневый седан без номеров, что обогнал его на заснеженном мосту.

Размытый розовый отблеск зари едва успел появиться на небе, когда он приехал на засыпанное снегом кладбище. Кованые ворота стояли нараспашку, так что он проехал до верхней точки участка, откуда был виден холмик над свежей могилой Оливии, тоже засыпанный снегом. Он остановил «мерседес» и, дыша на сразу озябшие руки, зашагал к месту ее упокоения. У могилы он сел прямо в снег и, прижав колени к груди, стал рассказывать ей, что узнал вчера.

Он не скрывал ничего, начав с самого начала. Выглядело это так, словно Оливия была рядом и слушала его, как это часто случалось, когда она была жива.

— Ну и что мне теперь делать? — спросил он. — Принять неизбежное и сделать все максимально возможное, чтоб скрасить время, оставшееся Холли? Или пойти на риск, наплевать на этот драгоценный оставшийся ей год и попытаться найти ускоренный метод лечения?

Пока он сидел, наблюдая, как ясные и холодные пальчики зари раздвигают мрак, ему вспомнились любимые стихи Оливии. Он улыбнулся. Он не помнил точно строфы, которые Томас Дилан* посвятил своему умирающему отцу, но память подсказала, что ответила бы ему Оливия. Он не позволит Холли просто так уйти во тьму. Он будет рядом с нею. Он пустит в ход все возможности, весь свой опыт, чтобы остановить наступающий мрак.

Джасмин, вероятно, никому не стала сообщать о вердикте, вынесенном ДАНОм, да и сам Том хотел бы сохранить его в тайне. И уж конечно, он не собирался сообщать Холли о ее неминуемой болезни. Завтра он скажет об этом Алексу и Джеку да еще нескольким, кто может помочь и на кого можно положиться, кто даст толковый совет. Вместе они разработают наилучший план, какой только возможен. В конце концов, если они не способны спасти Холли, значит, никто этого сделать не в силах.

Именно в тот момент, когда восходящее солнце осветило кладбище своими косыми лучами, он заметил на снегу свежие следы. Он проследил за ними от могилы через широкое заснеженное пространство к дороге в самом конце участка, где стоял тот самый коричневый седан без номеров. Рядом с ним возвышался широкоплечий мужчина. Отсюда он смотрелся лишь силуэтом на фоне восходящего солнца, но что-то в его позе подсказало Тому, что он наблюдает за ним.

Том поднялся на ноги и еще раз посмотрел на глубокие следы, проследовав взглядом обратно к могиле, и только сейчас

* Дилан, Томас (1914—1953) — уэльский поэт, автор богатых фольклорными традициями стихов. Сборник «Смерти и выходы»; автобиографическая повесть «Портрет художника — молодого пса».

заметил маленький веночек из кроваво-красных роз — в форме креста. Он лежал в снегу позади могильного камня. Том просил всех провожавших Оливию в последний путь не приносить цветов, а лучше, как того пожелала бы она сама, сделать взнос в любой благотворительный фонд по своему выбору, поэтому сейчас удивился. Заинтригованный, он перегнулся через надгробие и поднял венок. Из красных роз на снег к его ногам выпал конверт.

Онемевшими пальцами он вскрыл его и извлек небольших размеров картонку. В верхней ее части была цитата из Нового Завета: «Ибо возмездие за грех — смерть». Послание к римлянам, 6; 23». А под ней шли слова, от которых его пронзило ледяным холодом: «Ныне твоя жена заплатила за твой грех. Но твое наказание еще последует». Подписи не было.

Только тут он что-то почувствовал. Вся ярость, весь гнев, все горе, что с момента смерти Оливии таились где-то в глубине его души, сейчас вырвались наружу. Кровь застучала в висках. Он прищурился, вперив взгляд в восходящее солнце. Не обращая внимания на боль в бедре, он бегом устремился к одинокой фигуре. Приминая ногами снег, стараясь бежать как можно быстрее, он продвигался вперед, и выдыхаемый им воздух белыми клубами повисал в холодном пространстве. Но он не успел преодолеть и двадцати ярдов, когда, почти ослепленный солнцем, увидел, что мужчина исчез.

Три дня спустя Джасмин Уошингтон сидела вместе с Томом Картером и Джеком Николсом в зале заседаний компании «Джиниус» на верхнем этаже пирамиды, где размещались кабинеты сотрудников коммерческих отделов, включая кабинет Джека. Джасмин недоверчиво качала головой. Едва она успела смириться с мрачным предсказанием ДАНа, так теперь еще и это...

— Чего я не понимаю, Том, так это почему твоя полицейская охрана даже не попыталась его поймать, — заметила она.

— Потому что полиции там не было, — сказал Джек, сидевший, положив сжатые в кулаки руки на стол перед собой. — Наш мистер Эйнштейн решил свалить от них.

— Джек, избавь меня от этого дерьма в стиле Большого Брата, — простонал Том. — Хватит с меня лекций твоих приятелей из Бюро.

Обветренное лицо Джека осталось невозмутимым. Несмотря на обильную седину в песочного цвета волосах и шрам на лице, он прекрасно выглядел для своих пятидесяти лет. Джасмин была с ним знакома почти столько же времени, сколько знала Тома. Помимо того что он являлся мозгом всех коммерческих начинаний компании, этот бывший фэбээровец, успевший к тому же получить степень магистра экономики управления, был еще и «главным улаживателем проблем», приземленным прагматиком, который увязывал все фантазии Тома с реалиями окружающего мира. Однажды он сказал ей, что его роль заключается в том, чтобы защищать все их хрупкие идеи от «людей в костюмах», как он именовал инвесторов. С тех пор как Том познакомился с ним двенадцать лет назад на Манхэттене, на конференции инвесторов в биотехнологические проекты, их союз стал настоящим мозговым содружеством.

Хотя фирма «Джиниус» тогда уже добилась успеха, Том не переставал обдумывать идею привлечения дополнительных средств для дальнейшего расширения программ, связанных с геноскопом, без потери при этом контроля над компанией. Джек, недавно закончивший Школу бизнеса Уортона в Техасе и успешно проработавший год в фирме «Дракс венчер кэпитал», отчаянно искал предприятие, в которое можно успешно вложить деньги, причем лучше бы такое, которое способно изменить мир. Они тогда проговорили тридцать девять часов подряд, игнорируя все остальное на этой конференции. И по ее завершении Джек ушел из фирмы «Дракс» и присоединился к Тому. Через три недели он не только заинтересовал в предприятии Тома шестерых крупных инвесторов с Уолл-стрит, но и, настраивая одного против другого, любезно позволил троим оставшимся вложить в фирму необходимые полтора миллиона — причем при условии, что те не станут вмешиваться в управление компанией по крайней мере десять лет.

— Так что по этому поводу думают в ФБР, Том? — спросила Джасмин.

Том встал, прошелся вдоль стеклянной стены зала и прислонился к ней спиной. Позади него, возвышающиеся в отдалении, виднелись небоскребы центрального Бостона.

— Они считают, что за этим может стоять Проповедник.

Джасмин широко распахнула глаза — настолько сильным был шок.

— Господи! — прошептала она. — Неужели?

Джек Николс погладил свой шрам на лице, как делал всегда, когда был удивлен или встречался с какой-нибудь загадкой.

— Ты уверен? — спросил он.

— Так мне вчера вечером сказали в ФБР, — ответил Том. — Я говорил с Карен Тэннер, и она сообщила мне, что почерк и использование цитаты из Библии указывают на него.

Джек присвистнул.

— Если Карен считает, что это он, видимо, так оно и есть.

Джасмин понимала, почему эта информация произвела на Джека такое впечатление. Пятнадцать лет назад, когда Карен Тэннер только поступила на службу в Бюро, ее приставили напарницей к Джеку. Она помогала ему разделаться со Счастливым Сэмом, серийным убийцей, старавшимся всегда «защипать свои жертвы в самый счастливый момент», распарывая им рты от уха до уха. Сьюзен, жена Джека, едва не стала одной из жертв этого психопата — выручили ее Джек и Карен. Тогда Джек и был ранен. Именно после этого он решил уйти со службы, проводить больше времени с женой и двумя сыновьями и найти другой способ делать мир лучше.

И вот теперь Карен Тэннер говорит, что убийца, рядом с которым Счастливчик Сэм не более чем мелкий подонок, охотится на Тома Картера. Джасмин никогда не поверила бы в это, если бы сама не видела, что случилось с Оливией.

Как и все присутствующие, она читала все, что было в прессе о Проповеднике. Господи, да о нем писали все газеты! Проповедник, как все считали, был психом, помешанным на религиозной почве и начавшим уродский крестовый поход, чтобы очистить мир. Всем было известно, что его жертвы — это в основном широко известные высокопоставленные подонки: адвока-

ты, работающие на мафию, наркодилеры, главы крупных криминальных семей и вообще скользкие типы, недостижимые для закона.

Джасмин хорошо помнила, как тринадцать лет назад впервые прочитала о первой жертве Проповедника. Это был продажный проповедник-евангелист Боб Дули — его нашли плавающим в Гудзоне с располосованным от уха до уха горлом и запиской: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные». Евангелие от Матфея, 7; 15». Записка была в пластиковом пакете, заткнутом убитому в глотку.

Когда начали находить тела последующих жертв — все с аналогичными записками, — пресса совершенно взбесилась и разразилась множеством статей об этом парне, назвав его Проповедником Смерти. Однако со временем интерес к нему угас; полиция ни на шаг не продвинулась, пытаясь идентифицировать преступника, а большинство жертв едва ли заслуживали титула «Гуманист года». Теперь, когда за преступником числилось уже около шестидесяти жертв по всему миру, единственная песня, которую еще пели СМИ, была о том, а действительно ли полиция хочет его поймать. С намеком, что стражи порядка оставили его в покое, потому что он «убивает одних подонков», что только облегчает им жизнь.

— Но, Том, почему ты? — спросила Джасмин. — Уж тебя-то вряд ли можно назвать подонком. При условии, конечно, что Нобелевский комитет совершенно не ведает, что творит.

Том сухо рассмеялся:

— Я вчера задал этот же вопрос Карен Тэннер. Она полагает, что этот тип не согласен с тем, чем я занимаюсь. Специалисты по бихевиористике* из Квонтико** думают, что, по мнению такого религиозного фанатика, как он, моя генетика, по всей видимости, делает меня самым гнусным из всех подонков, всего на несколько ступенек выше в иерархии негодаев и мерзавцев, чем сам Сатана. Не забывают еще вот о чем. Не все его

* Бихевиористика — раздел психологии, изучающий поведение человека.

** Квонтико — город в штате Мэриленд, где находится Академия ФБР.

жертвы были обычными негодяями. Помните Макса Хейвуда, судью Верховного суда?

Джасмин поморщилась — она вспомнила.

Единственным «грехом» Макса Хейвуда было заявление о том, что американская конституция так же священна, как все, что написано в Библии. Судью Верховного суда нашли в его квартире с традиционной цитатой из Библии, написанной его собственной кровью и прибитой гвоздем к его груди: «Бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека». Екклесиаст, 12; 13». Он был задушен удавкой, а язык ему вырвали пассатижами.

— Но почему он стал охотиться за тобой именно сейчас? — спросила Джасмин. — Ты ведь уже много лет занимаешься генетикой.

— Да кто знает? — пожал плечами Том. — Может быть, вся эта шумиха и паблисити в связи с Нобелевской премией послужили толчком и он свихнулся на мой счет. В любом случае мне все равно, кто он такой, этот Проповедник. Он убил Оливию, и я желаю, чтобы его засадили за решетку. Что и возвращает меня к цели нашей встречи. Я хочу внести изменения в приоритетные направления наших исследований. Первое изменение касается Холли, второе — помощи ФБР в поимке Проповедника.

Джек потянулся к телефону:

— Я вызову Пола и Джейн.

Том остановил его:

— Нет. Я хочу, чтобы все, что касается Холли, пока что оставалось между нами.

Пол Манделсон и Джейн Нэйлор были еще двумя членами совета директоров компании. Джек ведал финансовыми вопросами и маркетингом. Том отвечал за исследования и развитие компании. Джасмин возглавляла отдел обработки информации. Пол был шефом административно-хозяйственного отдела и занимался закупками оборудования и материалов и производственными вопросами. Директор Джейн Нэйлор руководила отделом кадров и занималась вопросами работы с персоналом.

Джек снял руку с телефона и откинулся на спинку стула.

— О'кей. Начнем с Холли. Полагаю, это связано с предсказанием ДАНа.

Том кивнул.

— Поскольку наша политика всегда заключалась в том, чтобы сосредоточиваться на более общих генетических дефектах, мы совершенно игнорировали редкие и трудные случаи генетических заболеваний, таких как рак головного мозга. Стало быть, чтобы иметь хотя бы тень надежды помочь Холли, я переключаю три лучшие группы исследователей и их лаборатории на разработку методов генетического лечения, дающих возможность обойти барьеры несовместимости и, более конкретно, нацеленных на борьбу с глиобластомой. Это означает, что некоторые наши основные проекты, дающие прибыль, будут отложены. С этим связаны также некоторые перемены в структуре финансирования, к которым вы должны быть готовы. Иначе ничего не выйдет. Понятно?

Джек пожал плечами:

— Конечно. Сделаем все, что нужно. Только дай мне подробную смету, чтобы эти жмоты открыли соответствующие счета и кредитные линии.

Том повернулся к Джасмин:

— Джас, я сообщил ФБР о программном обеспечении «Ген-Джинн», и они очень хотят попробовать его в деле. Они не имеют ни малейшего понятия, что собой представляет этот Проповедник, как он выглядит. Даже на пленке с убийством Оливии всего лишь какой-то парень в длинном пальто, весь закутанный от холода. Однако они уверены, что рано или поздно он оставит хоть какие-нибудь генетические следы на месте своего очередного преступления. И когда это произойдет, они хотят воспользоваться «Ген-Джинном», чтобы попробовать создать его портрет. И я хочу им помочь. Как работает последняя версия?

Программное обеспечение «Ген-Джинн» было дополнительной программой второго поколения, ставшей следующим шагом вперед в совершенствовании программного обеспечения геноскопов. Существующие геноскопы уже были способ-

ны выдать хорошее описание физического облика человека на основе его ДНК: цвет кожи, волос и глаз, а также этнический тип, примерный рост и телосложение. Программа «Ген-Джинн» была еще одним шагом вперед. Отталкиваясь от выработанной в начале 90-х концепции компьютерного моделирования фоторобота преступника на основе показаний свидетелей, программа «Ген-Джинн» имела целью создание объемного голографического изображения субъекта, целиком основанного на информации, извлеченной из его генов.

Джасмин открыла ноутбук, стоявший перед нею, и вывела на экран данные по этому проекту.

— Работа почти закончена, — сообщила она. — В соответствии с графиком программа будет готова для бета-теста через десять недель.

Том нахмурился:

— А если обозначить эту работу как самую приоритетную и пустить на нее все нужные средства, как скоро ее можно будет завершить?

— Через месяц. Может, через пять недель. При условии, что не произойдет каких-нибудь сбоев. Но это дорого обойдется.

— Не имеет значения, — заявил Том. — Тратьте столько, сколько нужно, чтобы поскорее запустить программу в дело. И постарайтесь закончить за четыре недели.

Джасмин посмотрела на него с мыслью о тех миллионах, которые им придется потратить, чтобы закончить проект за считанные недели.

— К чему такая спешка, Том? Монопольное право на программное обеспечение у нас. Ты что, считаешь, что эта программа поможет поймать убийцу Оливии, да?

— По крайней мере мы хоть что-то будем делать.

У Джека на лице появилось такое выражение, словно он вот-вот вступит в спор, но потом он откинулся назад и пожал плечами:

— Ладно, о'кей. Однако кем бы ни был этот Проповедник, чтобы его поймать, понадобится нечто большее, чем эта маши-

на, рисующая изображения призраков. Он уже тринадцать лет безумствует, и никто даже близко к нему не подобрался. — Джек выпрямился и взглянул Тому прямо в глаза: — Черт меня побери, этот парень и так настоящий призрак!

Глава 5

Месяц спустя. 2 февраля 2003 года. Бикон-Хилл, Бостон

Том Картер налил себе уже третью чашку черного кофе и посмотрел на часы, тихо тикавшие на кухне. Пять пятьдесят восемь. Никто, даже его домоправительница Марси Келли, еще не проснулся.

Семь недель, четыре дня и шесть часов миновало с момента гибели Оливии — он частенько задумывался, когда сумеет перестать столь точно отсчитывать время, — но властям так и не удалось напасть на след убийцы. Помимо программы «Ген-Джинн», которая была уже почти готова, единственным проблеском надежды для Тома была убежденность ФБР, что он все еще остается мишенью для преступника. Если они правы, тогда, как считал Картер, есть шанс, что этого ублюдка поймут: к Тому были приставлены агенты и полицейские.

Мысль о том, что за ним следит убийца, пугала, но опасения за собственную жизнь перекрывал страх за Холли. Он все время помнил о еще более безжалостном убийце, который подбирается к его дочери. Сегодня, после нескольких недель работы, он узнает наконец, увенчался ли успехом ключевой эксперимент, запущенный одной из его исследовательских групп, и есть ли у него по крайней мере надежда вовремя найти способ лечения.

Он встал, снял со спинки стула свой помятый пиджак и вышел из кухни. Пройдя по огромному китайскому ковру, который закрывал большую часть пола в холле, он направился к дубовой лестнице, ведущей наверх. На верхней ступеньке он выпрямил раненую ногу и помассировал над коленом. Ему по-

надобится операция, чтобы полностью избавиться от хромоты, но это подождет. Он тихонько открыл дверь в комнату Холли, уверенный, что она спит, и остановился в удивлении: ему в глаза ударил яркий свет настольной лампы.

— Привет, пап! — Светлые волосы Холли были взлохмачены. Она сидела за своим письменным столом в просторной майке с надписью «На что это ты уставился?» и стучала по клавиатуре компьютера.

Том поморгал, удивленный, и потрепал ее по спутанным после сна волосам.

— Чем это ты занимаешься в такую рань?

— Не спится что-то. Вот я и решила еще раз пройтись по «Ярости Зарга».

Он улыбнулся и присел на ее постель. Это было редко — застать ее так рано уже проснувшейся. Дочку обычно будила веселым и громким приветствием Марси Келли, всегда возвещавшая свое «Проснись и пей!» около восьми, вполне заблаговременно, чтобы Холли позавтракала и успела на школьный автобус.

Он посмотрел на экран, где, управляемая Холли, перемещалась королева-воин. Невероятно мускулистая фигура стояла под крышей, с которой ей на голову дождем сыпались огненные кирпичи. Слева к ней приближался дракон, справа — огромный монстр, похожий на тролля.

— Кажется, тебе грозит опасность.

— Да ну, ерунда, — рассмеялась Холли.

— Неужели? И как же ты намерена избежать поджаривания на этих огненных кирпичках, да чтобы тебя при этом не сожрал дракон и не угрохал тролль?

— А вот так!

Холли быстро нажала пару клавиш, и королева-воин на экране нагнулась и подхватила с земли булыжник, из-под которого показалась маленькая синяя бутылочка. Еще несколько ударов по клавишам — и героиня подняла бутылочку, открыла ее и выпила содержимое. И вдруг вся засветилась, став неуязвимой для падающих на нее огненных кирпичей. В ее руке тут

же оказался меч, которым она пронзила дракона и порубила на куски тролля.

— Магическое зелье, — объяснила Холли с улыбкой записного отличника. — Делает неуязвимым. Работает в любой момент. Надо только знать, где его найти.

Он посмотрел на дочь, не подозревающую, какая страшная нависла над ней угроза.

— Магическое зелье, ха! Впечатляет! — О, если бы и его проблемы решались так же легко!

Изображение на экране сменилось — игра перешла на следующий уровень.

— Шестой уровень! — гордо провозгласила Холли. — Здорово!

Том был рад, что ей так нравится новый компьютер. Это был их с Оливией рождественский подарок дочери. Джасмин помогла выбрать модель, и компьютер был практически единственной радостью для Холли в это мрачное Рождество. Конечно, к ним приезжали Алекс и другие родственники, а Джас и все их друзья были просто героически внимательны и деликатны, но все равно ничто не могло даже немного заполнить пустоту, образовавшуюся со смертью Оливии. И в целом весь этот праздник больше походил на каникулы в аду.

Он оглядел комнату Холли. На одной стене висела афиша фильма «Парк юрского периода-3» рядом с изображением Internet Troopers во весь рост. На средней полке стеллажа над письменным столом удобно устроился футбольный мяч — рядом с большим фото смеющейся Оливии в саду. Он быстро перевел взгляд на коллекцию компакт-дисков с компьютерными играми и героями фильма «Солдат Джо» и, улыбнувшись, подумал, что здесь нет ни одной куклы, ни одного рекламного плаката или диснеевского персонажа с оленьими глазами. С самого раннего детства всем было ясно, что Холли не относится к категории девочек, помешанных на куклах Барби. Вот вам и генетика, подумал он.

И вдруг ему представилось, что эта комната опустела. Страх охватил его так внезапно, что ему понадобилось какое-то время, чтобы взять себя в руки. Он глубоко вздохнул и еще раз на-

помнил себе, что ни компьютерная осевая, ни позитронная эмиссионная томография пока что не выявили у Холли никаких опухолей. Он снова повторил про себя, что у него в распоряжении еще достаточно времени и он успеет найти способ лечения. И он найдет его.

— Пап?

— Да, милая? — Он снова повернулся к дочери.

— Ты уже едешь на работу?

— Конечно. А что?

— Ты надел разные носки.

Он глянул вниз. Она права. Один носок синий, другой коричневым.

— А они и не должны соответствовать. Это специально так задумано — такая вот пара.

Холли недоверчиво подняла одну бровь:

— Ну да, конечно.

Том поднялся на ноги и поцеловал ее в щеку.

— Нет, правда, Холли, и я могу это доказать.

Холли сузила глаза:

— Как?

Том не смог сдержать улыбки.

— Очень просто. У меня есть еще одна точно такая же пара!

Он успел услышать ее возмущенный вопль «Да ну тебя, папа-а!», но выскочил из комнаты до того, как в него полетела брошенная ею подушка.

В шесть тридцать Том въехал на территорию фирмы «Джиниус». Машина с полицейскими охранниками тащилась следом. Как правило, в шесть пятнадцать он уже сидел за своим рабочим столом, но утренняя встреча Холли была приятным предлогом нарушить обычный режим.

Он въехал в «мерседесе» в подземный гараж и отметил, что здесь практически пусто. Улыбнулся, заметив одинокий зеленый «БМВ» с откидывающимся верхом, припаркованный в ближайшем к въезду месте. У них с Джас было своего рода шуточное соревнование: кто придет первым и кто, соответственно, захватит это местечко, подтвердив тем самым свое первен-

ство в приходе на работу. Правда, иногда здесь оказывалась машина Джека Николса, которому очень хотелось доказать им, что он вполне может с ними состязаться, но по большей части это соревнование проходило между ними двоими. Выигрывал обычно он. Но не сегодня.

Он выбрался из машины и пошел к лестнице, что вела в атриум. До покушения он бы помчался вприпрыжку, но теперь мог только идти. Лифтом он не пользовался из принципа.

Было тихо, если не считать стука его ботинок по мраморному полу. Слева, за затемненными стеклами, он увидел Джасмин, обходящую главный компьютерный зал. Из атриума к ней вела дверь из черного непрозрачного стекла с предупреждающей надписью: «Отдел обработки информации. Посторонним вход воспрещен». Ее отдел вместе с атриумом и больничным отсеком занимал весь первый этаж пирамиды «Джиниус».

Он помахал Джасмин и прошел дальше, туда, где, возвышаясь до самой верхней точки пирамиды, посреди атриума стояла тридцатифутовая многоцветная голографическая модель спирали ДНК, вращавшаяся на круглой подставке. Как часто случалось и прежде, Том проигнорировал запрещающую надпись рядом с ней и вступил прямо в объемное изображение. Посмотрев вверх сквозь винтовую лестницу, вращающуюся вокруг него, он еще раз поразился многоцветью ступенек, представляющих нуклеотидные основания. Такое пребывание внутри двойной спирали, которая несла в себе код всех форм жизни, всегда вдохновляло его. Для него это была как бы информационная супермагистраль, следуя по которой можно было раскрыть большую часть секретов, имеющих значение для науки. Покачав головой, он сошел с подиума и направился к больничному отсеку, расположенному в западной части здания.

Толкнув дверь, он оказался в небольшой, весело убранной приемной, рядом с прилегающими к ней комнатами отдыха. Двойные распашные двери вели в палату экспериментальной генетической терапии и находящуюся за ней операционную. Палата имела лицензию Национального института рака, входящего в состав Национального института здравоохранения (город Бетесда, штат Мэриленд). Здесь было десять коек, кото-

рые обслуживал штат из четырех врачей и десяти медсестер, по одной на каждую койку. Два врача были из НИЗа — Национального института здравоохранения (там они числились в научном отпуске); в их задачу входил взаимный обмен опытом — плюс, конечно же, наблюдение за тем, чтобы «Джиниус» своевременно получал все необходимые разрешения от ФДА — Управления по контролю за продуктами и лекарствами, и НИЗа — на осуществление экспериментальных методов лечения подопытных пациентов, этих своего рода морских свинок. Том дорожил сотрудничеством с врачами из НИЗа и никогда ничего от них не скрывал. Ну или почти ничего. Он еще не показывал им новую базу данных по ДНК, поскольку был уверен, что, несмотря на его мотивировку, Национальный институт здравоохранения не одобрит это начинание.

Том открыл дверь и невольно улыбнулся: освещенная солнцем комната словно приветствовала его. Желтые стены, василькового цвета занавески, множество комнатных цветов, сосновые кровати, частично отгороженные друг от друга ширмами. Все это создавало впечатление, что это не больничная палата, а просто огромная спальня. Однако вовсе не обстановка делала данное помещение столь специфическим, да и Том гордился отнюдь не ею.

Палата была необычной, потому что пациенты могли рассчитывать на койку в ней только при условии соответствия строжайшим критериям отбора: прежде всего им должно было оставаться не менее трех месяцев жизни. Они поступали сюда, когда методы химиотерапии, лучевой терапии и все остальные оказывались бессильны. Это было в буквальном смысле слова их последнее прибежище. Сюда они поступали, чтобы перепрограммировать свой генетический код.

Том задумал эту палату, чтобы исследователи из лабораторий на верхних этажах видели практическое применение результатов своей работы; при этом он ни на минуту не забывал, что медицинские исследования не имеют смысла, если не помогают спасти человеческие жизни. Многие смертельно больные пациенты умирали, но значительное число избежали летального исхода и продолжали жить. В начале 1999 года в этой

самой палате имел место первый в истории зарегистрированный случай излечения фиброза мочевого пузыря с помощью генетических методов. Год спустя то же самое произошло с пациентом, страдавшим наследственной хронической хореей. Только в этом скромном помещении за последние девять лет были спасены более пятидесяти больных. Бессчетное количество подобных случаев было зарегистрировано в других странах мира — как результат того, что было испытано и проверено здесь.

В настоящий момент в палате было занято лишь шесть мест. Пятеро пациентов спали, но Том не удивился, увидев, что Хэнк Полански уже сидит на постели и разговаривает с медсестрой Бет Лоуренс. Сегодня был большой день для этого двадцатитрехлетнего фермера из Северной Каролины. Федеральное управление наконец утвердило их новый способ лечения, и нынче утром Хэнк Полански должен был получить инъекцию ретровируса ВИЧ, который вызывает СПИД.

Пациентов по большей части вели другие врачи — просто потому, что он был вечно занят в лаборатории, однако Том не мог не считать себя ответственным за всех и каждого.

Сестра Лоуренс, высокая, подтянутая, строгая, но с удивительно открытой улыбкой, готовила капельницу для Хэнка. Подняв глаза, она тепло посмотрела на Тома:

— Доброе утро, доктор Картер!

— Доброе утро, Бет. Доброе утро, Хэнк. Как ты себя сегодня чувствуешь?

Хэнк повернул к нему свое бледное лицо и храбро улыбнулся:

— Я еще тут, док. — Когда он говорил, его тяжелая одышка становилась еще слышнее.

— К лечению готов?

Хэнк нервно кивнул. Он добровольно согласился на экспериментальный курс генной терапии, но Том знал, что выбора у него нет. У Хэнка был рак легких, и без радикального лечения он умрет. Курс лечения предполагал введение генов в раковые клетки организма — таких генов, которые заставят иммунную систему убить опухоль. Раковая опухоль — это скопление кле-

ток, восставших против четких генетических приказов, клеток, которые начали бесконтрольно разрастаться. Чтобы подавить этот мятеж, нужно было уничтожить практически все клетки опухоли. Для этого требовалось средство, позволяющее ввести гены-убийцы в мятежные клетки, не повреждая при этом здоровых. Вот здесь и вступали в дело ретровирусы ВИЧ.

Ретровирус может внедриться в клетку организма и ввести свои собственные генетические инструкции в здоровую ДНК этой клетки. Подобно крылатым ракетам, ретровирусы можно перепрограммировать в лаборатории, отключить их вредоносный код и ввести в них доброкачественные гены. Нейтрализовав гены в ВИЧ-ретровирусе, которые обычно атакуют иммунную систему человека, и введя вместо них специальные гены, имеющие терапевтический эффект, убийцу, вызывающего СПИД, можно приручить и обучить лечению рака легких. Том и его команда уже доказали, что могут делать эти ретровирусы безвредными. В них успешно вводили гены, способные выявлять и поражать раковые клетки в легких. Оставалось лишь проверить воздействие этих генетически переделанных ретровирусов на человека.

— Можете еще раз рассказать, насколько это рискованно? — спросил Хэнк, стараясь не выказать своего страха.

Том положил руку ему на плечо. Как обычно в подобных случаях, он был очень осторожен, не допуская полной откровенности.

— Один из рисков состоит в том, что ретровирус начнет работать самостоятельно и вторгнется в здоровую клетку, а затем введет свои гены не в ту часть твоего генетического кода.

— И что тогда?

— Тогда он вызовет рак и в здоровых клетках. Но шансов, что это произойдет, очень, очень мало.

— Я могу заразиться СПИДом?

— Нет, мы уже не раз проверяли носитель ретровируса — мы называем его вектор — на протяжении последних трех лет и убедились, что он безвреден. Поэтому ФДА и разрешило его применение. Говоря откровенно, Хэнк, единственный риск

закljučается в том, что все это не сработает. — Он почувствовал, как худое плечо больного вздрогнуло у него под рукой.

— Стало быть, терять мне все равно нечего?

Том секунду молчал, глядя Хэнку в глаза. Он вспомнил, как этот парень впервые появился здесь три недели назад — некогда здоровый и мощный, привыкший к работе на воздухе, а ныне столь ослабевший, что едва мог ходить. «Не умею я болеть, — сказал он тогда. — Так что или прикончите меня, или уж вылечите. Только освободите от этой дряни». Он был готов попробовать все, что угодно, если это обещало ему избавиться от болевой койки и от самой больницы.

— Я буду с тобой совершенно откровенен, Хэнк, — сказал Том. — Шансы, что этот метод лечения не сработает, достаточно высоки — может быть, около восьмидесяти пяти процентов. Однако вероятность того, что он ухудшит твоё состояние, минимальная. А вот шанс на твоё выздоровление без лечения равен нулю. Так что у тебя есть выбор. Либо ты не предпринимаешь никаких мер, дав болезни возможность развиваться своим путем, либо начинаешь лечиться, имея пятнадцать шансов из ста на то, что выздоровеешь.

Хэнк нахмурился, словно раздумывая, откашлялся и переспросил:

— Пятнадцать процентов?

— В лучшем случае, — ответил Том с непроницаемым выражением лица.

Хэнк улыбнулся — широкая улыбка осветила все его ссохшееся от худобы лицо, отчего он сразу стал выглядеть почти здоровым.

— У меня бывали шансы и похуже.

Том ответил ему такой же улыбкой:

— У меня тоже. Мне попадались пациенты с гораздо более ничтожными шансами на выздоровление, но они ушли отсюда на своих ногах. Так что пока у нас нет причин сдаваться.

Потребуется много недель, месяцев, даже лет, пока результаты станут окончательными. Но Тому было наплевать, сколько времени это займет, лишь бы удержать жадные руки смерти подальше от этого молодого парня чуть дольше. Он повернулся

к сестре, которая укрепляла баллон капельницы на штативе. В баллоне находилась первая порция красной ретровирусной сыворотки, изготовленной в лаборатории наверху методом клонирования.

— Так, Бет, нам надо дождаться, когда приедет мать Хэнка. Она сказала, что будет к семи. Потом, пожалуйста, приведите сюда кого-нибудь из врачей НИЗа — пусть видят, что мы делаем. Думаю, лучше доктора Карла Ламберта. Как только он придет, сообщите мне, и мы начнем. О'кей?

Бет кивнула. По выражению ее глаз Том понял, насколько она взволнована. Сам он был спокоен. Они сумеют вылечить Хэнка. Сейчас он желал только одного — быть столь же уверенным в отношении бесконечно более сложного случая. Случая Холли. Боб и Нора сообщили, что к девяти будут готовы проверить воздействие ретровируса, который они вырастили, на глиобластому. Он взглянул на часы: осталось всего два часа.

В другой части первого этажа Джасмин Уошингтон первые полчаса своего рабочего дня посвятила проверке состояния всего своего хозяйства. Скоро появятся первые, самые активные из ее сотрудников, а она любила побыть некоторое время наедине со своими аппаратами.

Она обошла весь экспериментальный отдел со всеми его геноскопами. Отдел был устроен точно так же, как и другой, аналогичный, наверху, — это там геноскоп считывал геном Холли. Только здесь находилось всего четыре таких аппарата, и все — модернизированные экспериментальные модели. Два справа могли выдавать голографическое изображение и уже были оснащены пробным вариантом программы «Ген-Джинн». Джасмин не сомневалась, что через несколько дней они будут полностью готовы к работе.

Тут ее вновь охватили противоречивые чувства. Четыре дня назад они с Ларри взяли Холли в кино, на новый диснеевский мультфильм «Король Лев». Как обычно, они все время смеялись и подначивали друг друга, но Джасмин не могла перестать думать о приговоре, вынесенном ДАНОм. Она гордилась спо-

способностью геноскопа предсказать болезнь, особенно если ее можно предотвратить или вылечить. Но если все, на что способно ее изобретение, — это лишь предсказать несчастье, не предлагая при этом никаких мер спасения, значит, оно не такое уж и умное.

Она вздохнула и прошла через весь зал, миновав главный офис своего отдела, расположенный справа, где пока еще молчали все рабочие станции и терминалы. Толкнула стеклянную дверь напротив, открыв находящееся за ней большое, слепящее белой краской помещение. Здесь было сердце ее отдела — Информационный центр компании «Джиниус».

Именно здесь, в этом прохладном, ослепительно белом помещении, которое называли просто «Белой комнатой», Джасмин любила ходить и думать. При постоянно поддерживаемой температуре пятьдесят пять градусов по Фаренгейту, то есть около пятнадцати по Цельсию, посреди комнаты стояли четыре огромных контейнера, от которых исходило постоянное тихое гудение. Два из них служили местом обитания «Большой мамы» — мощного ультракомпьютера с процессором на белковой основе, который был связан со всеми существующими в мире геноскопами. Мозг этой «мамы» в любой момент времени знал, какие виды сканирования проводятся ее «отпрысками» в любой точке планеты. Именно «Большая мама» обеспечивала существование базы данных, хранящейся в двух других контейнерах, именуемой Систематизированным хранилищем индивидуальных геномов, или ИГ.

Этические правила в отношении сканирования генов весьма строги. Геном пациента можно проверить лишь в присутствии его врача или если пациент получил профессиональную консультацию. Строжайшие условия обеспечивают то, что индивидуальный геном человека не может подвергнуться сканированию без его согласия. Еще одно важное правило: все результаты сканирования должны храниться при соблюдении строжайшей конфиденциальности. Компании, занимающиеся страхованием жизни и здоровья, не раз пытались оспорить это положение, заявляя, что если человек неизлечим, он может застраховаться на чрезвычайно большую сумму при стандарт-

ных взносах. Закон, однако, был неумолим: частная жизнь личности превыше всего. Именно поэтому Джас и Картер были так озабочены тем, чтобы наличие этой базы данных оставалось тайной. Хранить ИГ было абсолютно вне закона.

Создать такое хранилище индивидуальных геномов было идеей Тома. И он попросил Джасмин дать «Большой маме» задание — извлекать один из каждых пяти результатов всех генетических сканирований, проводимых лицензированными лабораториями компании «Джиниус» во всем мире, и хранить их в базе данных вместе с именами, адресами, медицинскими сведениями и данными о семьях соответствующих лиц. Сейчас в памяти ИГ хранилась информация о более чем ста миллионах человек, и в «Джиниус» знали о них больше, чем они сами знали о себе.

Мотивы Тома были совершенно невинными: он стремился использовать эту базу данных на макроуровне лишь для обоснования и подтверждения результатов своей работы путем сравнения тенденций развития реальной болезни в данной семье с генетическими маркерами, указывающими на эту болезнь. ИГ помогало обосновывать большую часть работы, которая вела к излечению шизофрении и давала жизненно важные подсказки для лечения других генетических заболеваний. Однако несмотря на все эти высокие побуждения, Джасмин не сомневалась, что если кто-то из этих пациентов или соответствующие власти узнают о существовании этой базы данных, они придут в ужас и репутация «Джиниус» будет серьезно скомпрометирована. Но Том решил, что выгоды в данном случае превышают любую возможную угрозу конкретным лицам и его компании. И решил пойти на риск.

Обойдя владения, Джасмин вернулась к своему компьютеру и начала ежедневное патрулирование киберпространства. Сначала она проверила компьютер. Процессор обладал скоростью 100 терагерц*, его жесткий диск имел 600 гигабайт памяти, оперативная память — 200 гигабайт; он был достаточно мощным, чтобы легко и стремительно мчаться по самому ско-

* Тера... — приставка, обозначающая 10 в 12-й степени.

ростному ряду информационной супермагистрали. Монитор компьютера включился, экран вспыхнул, и на нем появилось виртуальное изображение — портрет самой Джасмин. Прическа «афро», тонкие черты темнокожего лица почти совпадали с ее собственным отражением. Экранное изображение приветствовало ее словами: «Привет, Циркулярка! Куда отправимся сегодня?» Синтезированный голос звучал как ее собственный. Обращение «Циркулярка» было напоминанием о ее юности в Лос-Анджелесе, когда она, не считаясь ни с какими запретами и правилами, занималась хакерством и разными прочими неблаговидными компьютерными проделками и имела соответствующую прическу. Теперь она редко пользовалась этой кличкой. Если строгие родители — баптисты считали, что оберегают ее от бед и несчастий, запрещая выходить на улицу, но разрешая добывать любую информацию из Интернета, то они ошибались. Она выбрала себе такой пользовательский псевдоним — Циркулярка, потому что многое из того, чем она в те дни занималась, не совсем соответствовало закону. И все же, законно то было или нет, в те времена она была чем-то вроде легенды.

— Сегодня идем в патрулирование, — сообщила она в микрофон.

— Мне нужен пароль, прежде чем ты отправишься в путь, — произнесла ее говорящая голова.

Джасмин улыбнулась. Пароль, который она выбрала на эту неделю, тоже был напоминанием о юности. Это было название одной работы, которая возвращала ее к тем скверным временам полного непослушания и нарушения всех и всяческих правил, работы, написанной до того, как она стала законопослушной, стала выигрывать разные конкурсы и получать за это стипендии, а потом и Нобелевскую премию. Тогда она была в числе лучших хакеров и в любой момент могла проникнуть куда угодно. Работа называлась отнюдь не «Бухгалтер», «Доктор» или даже «Директор отдела обработки информации компании «Джиниус»». Нет, это была крутая работа. Очень крутая.

«Киберкоп», — напечатала она, наслаждаясь игрой в отъявленного браконьера, ставшего примерным лесником и охотничьим инспектором.

Голова на экране вдруг украсилась полицейским шлемом, совершила двойное сальто и отдала ей честь. «Специальный агент Циркулярка, можешь свободно бродить по информационным магистралям. Будь осторожна в киберпространстве!»

Она протянула руку, нажала кнопку и попросила секретаршу принести ей обычную банку диетической колы. Итак, чем же она сейчас займется? По большей части она посвящала свое время попыткам проникнуть в одну из технических или финансовых систем компании «Джиниус». С ней вместе работали еще два специалиста-хакера, также старавшихся взломать защищенные базы данных, выявляя слабости в системах защиты и предлагая более эффективные меры по их усилению. Оба были отличными профессионалами, но она все равно предпочитала лично проверять, насколько прочны их линии обороны. Сегодня она намеревалась попытаться взломать самую оберегаемую и наиболее защищенную базу данных — ИГ.

Она не стала входить в Интернет, поскольку ни одна из систем «Джиниус» там не значилась. Вместо этого она набрала на клавиатуре код «Большой мамы», намереваясь внедриться в действующую линию связи, по которой геноскопы передавали информацию на материнский мозг, а потом в память ИГ. Почти тут же на экране появилось изображение, затребовавшее пароль. Она набрала вчерашний — сегодняшний она предположительно не стала узнавать.

«Доступ закрыт», — ответил экран.

Отлично. Пароль изменен. Данные от нее закрыты.

Или должны быть закрыты.

Придется поискать другой путь. Она нажала ряд клавиш на клавиатуре, пытаясь обойти преграду, которая блокировала доступ к информации, накопленной в памяти ИГ. Даже добившись этого, она все равно еще не попадет в систему, потому что сама определила конфигурацию ИГ с двумя уровнями безопасности; первый предназначался для защиты от случайных попаданий в систему всяких компьютерных бродяг, бесцельно шляющихся по сетям, а второй — чтобы заблокировать им дос-

туп к данным. Сначала она попробовала самые простые приемы, такие, что известны любому юнцу из числа университетских киберпанков. И первым делом попыталась допросить программу, обеспечивающую эту защиту.

Безуспешно. Все простые пути перекрыты.

Хорошо. Пока хорошо.

Она сменила подход, используя язык базового компьютера, чтобы перепрограммировать пароль и команды, дающие доступ. Это была более трудная задача, требовавшая многих лет подготовки и большого опыта. Если ввести неправильный код программирования, можно повредить все остальное программное обеспечение.

Свои действия она совершала не задумываясь. Потребовалось чуть больше четырех секунд, чтобы опробовать этот метод. Ведь Циркулярка была специалистом высшего класса, королевой киберпространства.

Ничего. Ни единой прорехи. Ее команда позаботилась запереть и этот путь доступа.

Отлично.

Теперь последний способ. Он предполагал написание своей собственной программы, которая дала бы команду программе, управляющей системой распознавания пароля, что ей делать. То есть отдать приказ более высокого уровня, которому система обязана подчиниться. Это заняло несколько больше времени. Это был самый умный подход.

Тут глаза ее наткнулись на сообщение, мигавшее в правом нижнем углу экрана: «Программа уже введена... Программа уже введена... Программа уже введена...»

Раньше такого никогда не случалось.

— Черт побери! — громко воскликнула она: впечатление было сильным. Джасмин занервничала.

Изображение на экране сменилось — и она обнаружила, что уже прошла первый уровень защиты ИГ. Оставалось ввести всего один, последний пароль, чтобы получить доступ к базе данных.

Она тут же оставила собственную программу. Необходимо немедленно ухватить за хвост проникшего в систему чужака.

Видимо, он вскрыл дверь, пользуясь такой же программой, что и она, и, сам того не желая, впустил ее внутрь. Не обращая внимания на выступивший на лбу пот, она пошла по пути, положенному незванным гостем, пытаясь выяснить, насколько далеко тот зашел. Кто бы это ни был, он сумел проникнуть за первую линию обороны и, видимо, ознакомился с меню внешнего интерфейса — это, конечно, всего лишь знакомство с витриной, но оно дает информацию о том, что содержится за ней.

Ее пальцы зависли над клавишей, нажатие на которую поставит и незванного гостя, и ее самое вылететь из базы данных как выброшенных катапультой.

Но она медлила. Она воспользуется этой клавишей только тогда, когда убедится, что чужак способен совершить невозможное: прорваться сквозь непробиваемую вторую линию защиты и добраться до конфиденциальных данных. Прежде чем это произойдет, Джасмин хотела выяснить, кто он, этот незванный гость. Автоматическая система «Хищник» включится мгновенно, когда чужак прорвется сквозь вторую линию защиты — если, конечно, сумеет. А вот начать отслеживать его она была намерена прямо сейчас.

— Начинай отслеживание, — командовала она компьютеру. — Включи систему «Хищник».

В правом верхнем углу экрана появилась маленькая иконка «Помощь»; появилась и виртуальная картинка — ее голова, по-прежнему украшенная полицейским шлемом.

— Скрытый режим или аварийный? — спросила голова.

— Скрытый. Не надо его пока отпугивать.

В левом верхнем углу экрана высочила еще одна иконка. В верхней ее части было изображение циферблата — он начал отсчет шестидесяти секунд, времени, необходимого, чтобы полностью провести отслеживание. В нижней части иконки мигал ряд из девяти цифр. Цифры менялись с фантастической скоростью, отыскивая нужную, правильную комбинацию. Левая цифра вдруг перестала мигать, остальные восемь продолжали. Потом перестала мигать вторая. Как только остановятся все девять, Джасмин сможет выяснить, кто он такой, этот незванный гость.

25... 24... 23... — отсчитывали время часы на экране. Шестая цифра перестала мигать. Осталось три. Чужак внезапно отключился, и его киберслед пропал. Исчез.

— Вот дерьмо! — пробормотала она сквозь зубы. В офис вошел кто-то из сотрудников.

Джасмин еще раз просмотрела все шесть цифр на экране, надеясь все же найти хотя бы подсказку, кто же этот хакер. Однако по его коду можно было определить лишь, что он находится за пределами Соединенных Штатов, где-то между Юго-Восточной Европой и Индией. Ближний Восток. Может быть, Северная Африка. Но кто там может интересоваться проблемой взлома их явно скучных данных?

— Доброе утро, Джас. У тебя все о'кей? — услышала она голос своего технического директора.

Джасмин подняла глаза и улыбнулась:

— Да, Дебби. Спасибо.

Высокая светловолосая женщина держала в руке лампу из нового голографического проектора.

— Я хочу тебе кое-что показать. Можно?

— Конечно. Это много времени займет?

— С полчаса. Мне нужно обсудить с тобой последние добавления в программу «Ген-Джинн». Кажется, нам удалось получить голографическое изображение субъекта.

— Включая портрет?

— Пойдем, сама увидишь, — улыбнулась Дебби.

— Здорово! Дай мне пять минут, и я к тебе присоединюсь.

Несмотря на обеспокоенность, весть о новом прорыве в создании программы получения портрета любого индивидуума на основе его генетических данных Джасмин восприняла с восторгом. Что касается ИГ, убеждала она себя, то основная база данных осталась недоступной, хакер выяснил только ее общее назначение. Вторая линия защиты непробиваема. Но все равно надо будет сообщить об этом Тому. Чтобы он тоже знал, что впервые с момента создания никому не известного ИГ кто-то проявляет к нему нездоровый интерес.

Глава 6

Позднее в то же утро. Биологическая лаборатория компании «Джини-ус», Бостон

— Привет, Нора, как дела? — спросил Том, распахивая двери в лабораторию имени Менделя, где располагалась и биологическая лаборатория, которую называли еще «Мышиный дом». Сразу после того как Хэнк Полански получил свою первую инъекцию генов и при этом не обнаружилось никаких побочных эффектов, Том поспешил сюда, желая немедленно узнать результаты эксперимента, способного определить будущее Холли.

Оторвавшись от компьютера, куда она вводила последние полученные данные, Нора Лутц подняла глаза. Выражение ее обычно нахмуренного лица смягчилось, когда она поздоровалась с шефом. Норе было около пятидесяти — небольшого роста, кругленькая, с каштановыми, коротко подстриженными волосами. Огромные очки в черепаховой оправе придавали ей сходство с совой. Она была опытным лаборантом, Том прекрасно знал, что, несмотря на всегда сердитый вид, она очень любит свою работу, пусть даже лишь потому, что та дает ей возможность не торчать дома. Старая дева, она жила в Чарлстауне вместе с капризной и назойливой матерью-инвалидом и пятью кошками. Откинувшись на спинку стула, Нора подобрала рукава белого халата и махнула рукой в сторону восьми пустых клеток.

— Только что закончила, — сообщила она. — Все сорок восемь мышей анатомированы, их опухоли и метастазы исследованы.

Том кивнул. Он старался не использовать животных в своих экспериментах, и большая часть разработанных им методик проведения экспериментов *in vitro** позволяла избавиться от такой необходимости. Однако иногда, в частности в области генной инженерии и терапии, избежать этого было невозможно.

* в пробирке (лат.).

В нынешнем эксперименте все мыши были инфицированы раковыми клетками астроцитомы. Половине из них затем ввели ретровирус, полученный методами генной инженерии и нацеленный на то, чтобы поражать клетки рака головного мозга, тогда как другая половина мышей получала лишь обычный соляной раствор. Затем у них извлекли головной мозг и подвергли его анализу с целью определения количества и размеров раковых опухолей и метастазов. Если у мышей, получивших ретровирус, окажется опухолевых образований меньше, чем у животных из контрольной группы, которых лечили одной соленой водой, значит, эксперимент удался. И было жизненно необходимо, чтобы он удался. В противном случае и без того ничтожные шансы на то, что способ лечения Холли будет найден своевременно, исчезнут окончательно.

— Уже есть какие-нибудь результаты?

Нора ответила взглядом, в котором нетрудно было прочесть «А то ты сам не знаешь», и покачала головой:

— Не могу сказать, пока не вернется Боб со своими данными.

Боб Кук был ее непосредственным начальником.

Никому из сотрудников трех лабораторий, занятых в новом проекте борьбы с раком головного мозга, о положении Холли пока не сообщали. Чем больше человек знает об угрозе, тем выше риск, что о ней узнает и она сама. А Том этого не хотел. Если будет необходимо сказать об этом сотрудникам, он это сделает, но пока им достаточно лишь знать, что проект имеет высший приоритет.

Пока только лаборатория Боба Кука и Норы Лутц вплотную подошла к созданию комплексного ретровирусного вектора, способного обойти все барьеры, защищающие головной мозг. То, чего они добились всего за пять недель, было выдающимся достижением, но, взглянув на таблицу на экране ноутбука Норы, Том ощутил скорее нервное напряжение, чем возбуждение. Таблица демонстрировала в своей левой колонке порядковые номера всех мышей, в следующей колонке приводилось количество обнаруженных у них опухолей — пугающе

большое, насколько мог видеть Том, — а рядом — размеры этих новообразований. Одна колонка оставалась пустой — та, в которой должно быть указано, какое лечение получала данная мышь. Эта информация имелась только у Боба Кука.

Много лет назад Том убедился, насколько важно, чтобы личные привязанности или предубеждения персонала никоим образом не влияли на результаты работы, и ввел в «Джиниус» обязательное правило: все эксперименты проводятся втемную. Уж он-то знал, какое возникает искушение, даже у самых осторожных и добросовестных ученых, «обнаружить» именно тот результат, на который все рассчитывают. И вот Боб Кук сам провел все инъекции мышам, отметив только в своем компьютере, какая именно получила их препарат, а какая — соленую воду. После распечатки данные были слиты на дискету и запечатаны в коричневый пакет; их не учитывали при подсчете опухлей и метастазов.

— А где Боб? — спросил Том.

— В Менделе. Позвать?

— Нет, я сам схожу. Заканчивайте с этими цифрами.

Том покинул «Мышиный дом», миновал небольшой коридор и через вертящуюся дверь вошел в основное помещение лаборатории. Осмотрев все это огромное белоснежное пространство, сияющее стеклом и хромом, он заметил Боба Кука. Внешний вид и манера поведения выделяли этого человека среди окружающих. Все сидели, согнувшись над своими рабочими столами, а этот калифорниец, светловолосый и загорелый, почти лежал, откинувшись назад в своем рабочем кресле, подставив к свету предметное стекло из микроскопа. Он был похож сейчас скорее на любителя серфинга, высматривающего подходящую волну, чем на ученого. Широкая улыбка и свободные манеры нередко заставляли людей недооценивать его. Некоторая невоспитанность и даже непочтительность этого молодого человека напоминала Тому его самого — много лет назад.

Он сразу заметил коричневый конверт на столике у Боба и должен был подавить внезапный порыв броситься и схватить его.

Боб увидел его и улыбнулся. Казалось, всего одним скользким движением он умудрился одновременно отложить предметное стекло, взять коричневый конверт и встать.

— Ты за этим пришел?

Вернувшись вместе с Бобом в биолaborаторию, Картер поймал себя на том, что испытующе смотрит в лицо Норе, словно пытаясь понять, что она успела выяснить, просмотрев полученные данные. Если результаты однозначные, тогда дискета и не понадобится. Если у всех мышей одинаковое количество крупных опухолей, значит, эксперимент явно провалился, а если половина мышей совсем не имеет новообразований, значит, он почти наверняка удался. Но свиное лицо Норы ничего не выражало.

Боб свел брови, изображая хмурую сосредоточенность.

— Номинации на звание лучшего фильма следующие... — произнес он, вскрывая конверт и передавая Норе дискету.

Нора устало улыбнулась своему шефу, вставила дискету и запустила программу. В таблице на экране начали появляться новые данные. Том видел, как заполняются пустые колонки в правой ее части — там появлялись слова «да» или «нет», указывающие, какие именно мыши получили ретровирусное лечение.

«Ну же, ну же, — подгонял Том машину, — покажи разницу между этими группами!» Но он даже не успел закончить свой молчаливый призыв — экран выдал окончательные результаты, и разочарование на лице Норы подсказало ему, что надежда была напрасной.

— Никакой разницы, — резким голосом произнесла лаборантка. — В любом случае ничего статистически значимого.

— Черт! — Он еще отказывался верить в неудачу. Результаты оказались даже хуже, чем он опасался. Генетическое лечение не возымело никакого эффекта.

— Что-то пошло не так? — спросила Нора.

Том нахмурился и, скрестив руки на груди, забарабанил пальцами правой по плечу левой.

— Может, вирус не смог проникнуть в опухолевые клетки? Может, его остановил барьер несовместимости?

— Но ведь вирус был модифицирован именно с целью обойти барьеры! — заметил Боб необычно тихим голосом.

— Ну да, конечно, но, вероятно, это не сработало. Или вирус добрался до цели, а гены либо не смогли полностью реализоваться в клетках, либо не успели синтезировать достаточное количество белков, чтобы разница хоть как-то проявилась. В любом случае надо исследовать раковые клетки, чтобы сказать наверняка. Однако общий результат ясен: на сей раз эта дрянь не сработала.

Справа от него распахнулась дверь, и в комнату вошла Джасмин. Ее обычно сияющее лицо было мрачным и задумчивым.

— Том, можно тебя на минутку? — спросила она. — Это очень важно.

То, что она хотела ему сообщить, явно не предназначалось для всех, так что он извинился перед Бобом и Норой и последовал за Джасмин в коридор.

— Извини, — сказала Джасмин, — но у меня скверные новости.

Он заставил себя засмеяться:

— Вот здорово! Ты пришла как раз куда надо! Ну, давай выкладывай — посмотрим, чьи новости хуже.

— Я засекла хакера, который пытался залезть в память ИГ. Том крикнул. Только этого не хватало!

— И успешно?

— Нет, но думаю, они уже узнали, что в ней хранится. Имеют общее представление.

— И кто это был? Ты выяснила, кто это и откуда?

Джасмин покачала головой:

— Не-а. В этом-то и заключается самое странное. Это ни один из основных компьютерных регионов мира. Сигнал поступал откуда-то не из Европы, не с Дальнего Востока и не из Штатов.

— Ты уверена?

— Абсолютно.

— А больше ничего узнать не можешь?

— Ничего. Я сказала Джеку, но он тоже ничего не понимает. Все крупные страховые компании и конкурирующие с нами

биотехнологические фирмы, которые не прочь разнюхать, что содержится в наших базах данных, расположены в вышеупомянутых трех районах. А это вообще ни в какие ворота не лезет...

Том помассировал виски. Ему даже думать не хотелось о том, что случится, попади эта информации в руки страховых компаний. Или прессы. Или...

— А если это власти?

Джасмин помотала головой:

— Нет. Прошло три часа, и власти уже торчали бы здесь и дышали нам в затылок.

— Ну и кто же это может быть, по твоему мнению?

— Не знаю. Может, какой-нибудь хакер-одиночка, просто дурака валяет. Но что-то не похоже. У меня сложилось четкое впечатление, что, кто бы это ни был, он точно знает, за чем охотится. В любом случае я забила все щели и буду внимательно за этим следить.

— Что произойдет, если он снова попытается пролезть?

— Не пролезет. Но дело не в этом. Суть в том, что, какие бы шаги они ни предпринимали, им теперь известно, что у нас там. Ну а кроме этого есть и хорошая новость: программа «Ген-Джинн» работает просто отлично.

Том улыбнулся:

— Превосходно. Как только удостоверись, что сбоев нет, дай об этом знать Карен Тэннер в ФБР.

— А какие у тебя плохие новости? Эксперимент не удался?

Он отвел Джасмин обратно в биолaborаторию и кивнул на ноутбук Норы:

— Посмотри сама.

Нора отодвинулась в сторону, когда подошла Джасмин.

— Полный провал, — произнес Боб Кук.

Том молча наблюдал, как Джасмин просматривает таблицу с результатами.

— А это что? — вдруг спросила она, указывая на ноль в колонке результатов подсчета обнаруженных опухолей.

Он наклонился.

Нора тоже уставилась в то место на экране, куда тыкала пальцем Джасмин.

— У мыши номер с-370 метастазов нет. — В голосе лаборантки звучало удивление.

— Это имеет значение? — спросила Джасмин.

Боб пожал плечами:

— Вероятно, раковые клетки не прижились.

Нора нахмурилась еще больше:

— Нет, я помню этот экземпляр, с-370, у нее точно были метастазы! Только некротические. — Она посмотрела на Джасмин и пояснила: — Мертвые.

— Счастливое самоисцеление? — спросил Боб, поворачиваясь к Тому.

— Ничего себе самоисцеление! — возразила Джасмин, ткнув пальцем в «нет» в правой колонке. — Это же мышь из контрольной группы! Она получила только инъекцию подсоленной воды! И тем не менее исцелилась!

Нора бросила на Тома вопросительный взгляд:

— Может, это спонтанная ремиссия?

На мрачном лице Тома вдруг мелькнула возбужденная улыбка. Ему самому никогда еще не приходилось сталкиваться со спонтанной ремиссией у раковых больных — ни в лаборатории, ни в больнице. Такое случалось крайне редко; все случаи были задокументированы, но очень редки. И никто не был в состоянии понять или удовлетворительно объяснить, почему без всяких видимых причин иммунная система некоторых больных вдруг принимала решение освободить себя от рака. Медицинских свидетельств такого исцеления без лечения было предостаточно, а вот медицинского объяснения — ни единого.

Он повернулся к Бобу Куку:

— Ты, случайно, не сканировал ее ДНК перед экспериментом?

— Боюсь, нет. Программой это не предусматривается. А почему ты спросил?

Том и сам не был еще до конца уверен, но чувствовал, что в голове у него начинает вертеться какая-то идея.

— Возможно, мы сумеем выявить причину, почему эта мышь вдруг выздоровела. Если сравнить ее клетки до заражения раком с ее же раковыми и «излечившимися» послераковыми клетками, мы, может быть, найдем последовательность в генетическом коде, которая отвечает за естественную ремиссию. До сих пор мы все время пытались сами себе навязать теоретическое решение, взятое «из пробирки». А почему бы нам не заняться тем редким явлением, которое уже существует в природе, и попытаться повторить его? — Он оглядел своих сотрудников, ожидая их ответной реакции. Боб и Нора задумчиво покивали.

Джасмин с минуту смотрела на Тома, чуть нахмутив свой гладкий лоб.

— А ты уверен, что ответ будет вполне научным?

— А чем еще можно это объяснить? Верой? Или возобладанием сознания над материей? Ладно тебе, Джасмин!

— Да почему бы и нет? — продолжала настаивать та. — Есть множество случаев необъяснимого исцеления, отнесенных на счет именно веры. Когда я была ребенком, мои родители отправились в Лурд* — они повезли туда мою больную тетку Анджелу.

Нора кивнула, соглашаясь:

— Я тоже возила свою больную маму в Лурд, два года назад. И она какое-то время после этого чувствовала себя гораздо лучше.

— И моя тетка тоже, — подхватила Джасмин. — В Лурде имело место много известных и тщательно задокументированных случаев исцеления. — Она начала перечислять их, загибая пальцы: — Вот, например, некая Роза Мартен — полная ремиссия при раке матки, апрель 1947 года. Потом Витторио Микелли, 1962 год, у него полностью рассосалась опухоль на бедре всего через несколько дней купаний в целебной воде. Еще Клаус Кунст, в 1966-м — он пил эту воду и вылечился от рака почек.

* Лурд — город в Южной Франции, бальнеологический курорт. У католиков почитается как святое место, привлекает многочисленных паломников.

Том улыбнулся. В этом была вся Джас: иметь мозги, больше похожие на компьютер, и при этом допускать существование Бога.

— А я думал, баптисты не верят во все эти Лурды и прочие святые места. И был уверен, что только для католиков они святые.

— Ничего подобного! Когда нужно чудо, ты отправляешься туда, где происходят чудеса.

— Ну ладно, мне совершенно ясно только одно, — прервал их Боб, указывая на нулевой показатель на экране. — Если это вера, значит, мышь с-370 была чертовски верующей!

Все рассмеялись, но Том не желал отказываться от своей идеи.

— Я хочу лишь сказать, что в генетической конфигурации организма этой мыши что-то вдруг изменилось. Можете называть это наукой, или природой, или чем угодно еще, но нам стоит попытаться это повторить. Скопировать. — Он помолчал и посмотрел всем по очереди прямо в глаза. — Вот послушайте! Мы совершенно уверены, что знаем, как именно действует эта спонтанная ремиссия, но не знаем почему. В основе своей раковые клетки — собственные клетки организма, ставшие предателями, поэтому иммунная система их не трогает. А что происходит при спонтанной ремиссии? По какой-то причине иммунная система организма вдруг выясняет, что раковые клетки данному организму не принадлежат, они чужие, не свои. И иммунная система атакует опухоли, и те рассасываются. Так?

Он подождал, пока все согласятся с этим утверждением.

— А чтобы это произошло, должно что-то случиться с генетическим кодом этих дефектных клеток. Антитела иммунной системы должны понять, что клетки чужие. Вот, в общих чертах, то, что мы пытались проделать в ходе этого эксперимента. Мы пытались использовать ретровирусы, полученные с помощью генной инженерии, и изменить ДНК раковых клеток таким образом, чтобы привлечь к ним внимание иммунной системы организма.

— И что?

— А то, что в природе, вполне возможно, существует естественный ретровирус, способный убивать опухоли.

— Что?! — воскликнул Боб.

Том поднял обе руки, успокаивая его.

— Понимаешь, ретровирус действует, внедряясь в клетку организма и затем заменяя ее ДНК на свою собственную. Он так размножается и именно поэтому опасен. Он стирает и подавляет наш собственный генетический код и распространяется по всему организму. Сам знаешь, как эффективен в этом смысле ВИЧ — вирус иммунодефицита человека. А теперь представь, что существует чрезвычайно редко встречающийся вирус, который не стирает и не подавляет ДНК, но помогает ей воссоздаться. Ремонтирует ее.

— Существует в природе? — переспросила Нора. Ее глаза за стеклами очков широко раскрылись.

— Да. Вирус, способный ввести в клетку ген, который убьет все раковые клетки или восстановит поврежденные. Подумайте, ведь существуют гены, которые ремонтируют ДНК, восстанавливают ее. Мы об этом прекрасно знаем. И еще многие гены, которые дают клеткам приказ умереть, — это нам тоже хорошо известно. Стало быть, если в нужные клетки ввести нужные гены, в организме можно восстановить нарушенный порядок.

— Разве такое возможно? — тихо спросила Джасмин. — Разве может естественный ретровирус проделать такое?

Боб пожал плечами:

— Думаю, да. Вопрос лишь в том, что никто никогда раньше не интересовался, действительно ли такие позитивные ретровирусы могут существовать в природе. Вообще-то это выглядит сомнительно. Взять хотя бы микроорганизмы. Мы ведь всегда рассматривали грибки и бактерии как вредоносные, потому что они способны нас инфицировать, и поэтому всегда от них защищались. Потом Флеминг открыл пенициллин, способный противостоять инфекции. Его получают из натуральной плесени, он излечил огромное множество людей от гангрены и сифилиса, спас бесчисленное количество жизней.

— Именно, — подтвердил Том. — Вот я и говорю: давайте проверим эту идею.

— Я готова, Том. Только как? — спросила Нора.

Том помолчал, пытаясь нащупать наилучший подход к проблеме. И тут, к его удивлению, вместо него на вопрос ответила Джасмин.

— Нам понадобится ДАН, чтобы проанализировать ДНК организма, перенесшего спонтанную ремиссию, — сказала она. — Мы можем провести анализ генетического материала такого пациента до того, как у него возник рак, в ходе развития опухоли и после ремиссии. — Том заметил, как возбужденно блестят у нее глаза, словно она что-то вдруг вспомнила. Джасмин подошла к аппарату, стоявшему в дальнем углу комнаты и, в отличие от автономного ноутбука Норы, подключенному к Интернету. — Только ты же сам сказал, что такое встречается крайне редко, — бормотала она при этом себе под нос.

— Да, и к тому же нам потребуется живой пациент, — добавил Том, наблюдая, как Джасмин включает компьютер и входит в домен «Глобал медикл ньюс» во Всемирной паутине.

— Мне кажется, пару дней назад что-то в этом роде я видела в разделе «Медицинские наблюдения». Просматривала новости и увидела знакомое имя. — Джасмин повернулась к Картеру: — Жан-Люк Пти, так?

Том кивнул. Жан-Люк Пти, французский специалист по раку, не раз посещал «Джиниус», чтобы лично ознакомиться с работой первых геноскопов и посмотреть имеющихся больных.

— Да, я его хорошо помню. Хороший специалист. Возглавляет онкологическую клинику в Париже. И что там про него было?

Джасмин быстро щелкала мышкой.

— Информация была в разделе «Интересные факты».

Том был заинтригован.

— У него в клинике есть больной, переживший спонтанную ремиссию? Живой пациент?

Джасмин еще раз щелкнула мышкой, и на экране появилась страница текста на французском.

— Вот оно! Я же помню, что видела его!

Том наклонился вперед, радуясь когда-то проведенным в Институте Пастера в Париже нескольким месяцам стажиров-

ки. Прочитав текст, Том был настолько поражен, что решил еще раз прочесть все это по-английски — перевод как раз появился в нижней части экрана.

— Ну что? — спросил Боб сзади. — Есть у этого француза хоть один подходящий пациент?

— Нет. У доктора Пти одного такого пациента нет, — ответила Джасмин, и ее лицо расплылось в широченной улыбке. — У него их целых два!

Боб и Нора недоверчиво уставились на нее.

— Одного-то такого найти — уже событие, — сказал Боб, проводя обеими руками по волосам. — А шанс обнаружить сразу двоих, да к тому же в одной клинике... — Он замолчал, не находя подходящих слов.

— А они не могли подцепить от кого-то этот лечебный фактор и потом передать друг другу, а? — спросила Нора.

Том пожал плечами, пытаясь осознать возможные последствия этой находки.

— Джас, — произнес он наконец, — можешь ответить еще на один вопрос, пока не отключилась от сети?

Улыбка Джасмин стала еще шире, а ее пальцы снова забегали по клавиатуре.

— Может, я сама догадаюсь? — спросила она. Изображение на экране сменилось, представив сайт службы бронирования билетов компании «Эр Франс». — Ты ведь хочешь узнать, когда будет ближайший рейс на Париж?

Глава 7

Пещера Священного огня, Южная Иордания

Убить или объединиться с ним? Вот в чем вопрос.

На другой стороне планеты, в пещере Священного огня, под пятью скалами Асбаа аль-Лах, Изекьель де ла Круа потер усталые глаза и ощупал на уродливом старческом пальце когда-то плотно сидевшее кольцо с рубином, знак его власти. У дилем-

мы, стоящей перед ним, рога поострее, чем у самого дьявола! Если избрать сейчас неверный путь, то под угрозой окажется основная цель братства Второго пришествия...

Священное пламя за спиной Изекееля по-прежнему сияло синевато-белым светом. Таким оно оставалось последние три с половиной десятка лет. Но сколько времени оно еще будет таким? Изекеель с ужасом думал о том моменте, когда либо пламя изменит свой цвет, либо сам он умрет — до того, как найдется нового мессию. Его хрупкие худые плечи дрогнули — он вспомнил, что уже разменял свой десятый десяток. Время было отнюдь не на его стороне.

Со своего места во главе огромного дубового стола он смотрел на пятерых споривших, сидевших друг против друга. Все в темных костюмах и белых рубашках, при кроваво-красных галстуках. На плечи каждого накинут церемониальный плащ белого атласа с вышитым на нем алым крестом. Главы трех региональных отделений братства. Брат Хаддад, мрачный, с всегда опущенными веками, возглавляет отделение в Святой земле — самый почетный и самый древний пост в братстве; его власть распространяется на Ближний Восток и Левант. Напротив него — высокий, с серебряной шевелюрой брат Лучано; он руководит вторым по значимости регионом христианского мира, который включает всю Европу. Рядом с ним — самый младший из региональных глав, брат Олазабал с вечно мертвенно-бледным лицом. Он возглавляет отделение в Новом Свете. Всем троим уже за семьдесят, и все они, подобно большинству самых старших членов братства, отдаленным кровным родством связаны с первыми учениками основателя братства, святого Лазаря. Каждый из них занимает достаточно высокое положение во внешнем мире, члены Внутреннего круга — влиятельнейшие люди в братстве. Но они подчиняются двоим, сидящим рядом с Изекеелем, а те — ему.

Изекеель повернулся к брату, сидевшему слева. Переваливший за рубеж семидесяти лет, брат Бернард Трир был единственным членом Внутреннего круга, оставшимся в живых из тех, кто в тот знаменательный день стал свидетелем изменения цвета Священного огня. Толстый, с козлиной бородкой и се-

дыми редкими волосами, он когда-то был старшим офицером в германской армии. Но с тех пор как его выдвинули на пост поборника Второго императива братства, он стал единственным членом Внутреннего круга, прервавшим все мирские связи. Вторым императивом с его строжайшими требованиями по обеспечению безопасности их организации, сбору разведывательной информации на всех внесенных в список для праведного убийства и по руководству двумя боевиками, которые осуществляли эти убийства, отнимал все его время. Даже брат Хеликс Керкэм, который в качестве поборника Первого императива занимался проблемами достижения главной цели братства — отысканием нового мессии, сохранял за собой должность профессора физики в Оксфорде. И сам Изекьель находил время, чтобы помимо руководства братством следить за его крупными международными банковскими операциями.

Как обычно во время их ежемесячных заседаний в Священной пещере, брат Бернард и брат Хеликс спорили. Это было понятно — они всегда расходились во мнениях. Пять лет назад брат Хеликс заменил брата Дария на посту поборника Первого императива, и Изекьель знал — Бернарду не по душе, что Хеликс обладает теперь таким влиянием. Хеликсу Керкэму исполнилось пятьдесят. Он был на двадцать лет моложе брата Бернарда и считался самым молодым из когда-либо действовавших поборников Первого императива.

Этот высокий лысый человек в очках с тонкой оправой являл собой новую кровь в братстве, столь ему необходимую. Хеликс получил образование в лучших университетах, прекрасно разбирался в новейших достижениях науки и техники и был отлично подготовлен для того, чтобы вести древнее братство через все лабиринты современного мира. Изекьель сам выбрал его, чтобы их поиск ознаменовался свежими идеями и мышлением.

Однако может быть, его суждение, вызвавшее сейчас такие споры, было и вовсе экстравагантным? Слишком радикальным? Более всего Изекьеля пугало, что предметом обсуждения оно стало из-за неожиданного провала Немезиды в Стокгольме шесть недель назад.

Бернард с выражением полной безнадежности посмотрел на Изекееля, прежде чем повернуться обратно к Хеликсу, который со своим ноутбуком и модемом казался в этой пещере совершенно неуместным.

— Брат Хеликс, — заявил Бернард, продолжая спор, — разве можно всерьез рассчитывать на то, что мы отменим праведные очищения ради этой вот... — он ткнул пальцем в ноутбук, — этой... твоей фантазии?

— Это не фантазия, — спокойно возразил Хеликс. — То, о чем я говорю, может помочь нам обнаружить нового мессию.

— Но откуда тебе известно, что это сработает? — спросил брат Лучано, нервно теребя свою серебряную шевелюру.

Хеликс лишь пожал плечами:

— Мне это не известно. Но это может оказаться более эффективным, чем все, что мы предпринимали прежде. Мне было пятнадцать, когда пламя изменило цвет. И все время с того момента братья по всему миру продолжали поиск нового мессии. Безуспешно.

Брат Хаддад поморгал и заметил:

— Мы продолжаем поиск.

— И что мы нашли?

Ответом было молчание.

— Вот именно! Более тридцати лет мы рассылали по свету лучших из нас, тех, кто был глазами и ушами в наших поисках, — они изучали всех заявлявших, что им были видения или что они совершают чудеса. И хотя у нас уже есть небольшой список возможных кандидатов, ни один из них не соответствует полностью всем критериям и знакам. Мы, как и братья до нас, ждали две тысячи лет, когда пламя изменит свой цвет, извещая, что мессия вновь пришел на землю. Каждый из нас надеялся, что честь поиска его падет на наши плечи, начнется в наше время. И вот эта честь была нам оказана. Новый мессия ходит среди нас уже более тридцати лет, а мы все еще не обнаружили его.

Бернард Трир в отчаянии подергал себя за бородку.

— Брат Хеликс! Человек, который, как ты считаешь, поможет нам в поиске, состоит в списке обреченных на пра-

ведное убийство. Доктор Картер наш враг, а не союзник. — Брат Бернард говорил теперь тоном более спокойным, но не менее угрожающим. — Брат Хеликс, мы все преклоняемся перед твоими техническими познаниями, в коих ты достиг совершенства. Я уверен, в один прекрасный день они принесут свои плоды на благо нашей организации. Но сейчас этот день еще не наступил. Вероятно, мне следовало бы напомнить тебе слова и цель Второго императива. — И прежде чем Изекийель успел его остановить, брат Бернард позволил себе многозначительно прокашляться и напыщенным тоном зачитал древнее повеление: — «Ввести в практику праведные очищения, чтобы освободить мир от тех, кто подрывает ценности и верования братства Второго пришествия и угрожает праведному спасению человечества». Этот опасный ученый, — продолжал брат Бернард, — среди основных кандидатов в нашем списке праведных убийств. Эта его возня с генетикой позволяет ему верить, что человек скоро узнает достаточно для того, чтобы Бог стал для него излишним. Он сам играет роль Бога. Именно поэтому все мы — включая и тебя, брат Хеликс! — дали санкцию на очистительную акцию в Стокгольме. Для меня существует только одна проблема — когда именно мы завершим ее и кому ее поручим. То ли еще раз используем Немезиду, то ли передадим это задание Гоморре.

Хеликс медленно кивнул. Глаза его за стеклами очков улыбались. На Изекийеля, как всегда, произвела большое впечатление способность этого брата, несмотря на возраст, противостоять агрессивному напору Бернарда.

— Благодарю тебя, что ты напомнил нам о своей важной роли, — произнес Хеликс без какого-либо намека на иронию. — Однако уверен, что мне нет никакой необходимости напоминать тебе, брат, что Первый императив — найти мессию — имеет преимущество перед всеми остальными, особенно если они осложняют наши поиски, ставят их под угрозу.

Изекийелю совершенно не нравился подобный поворот в их политике — от «очищения» доктора Картера к сотрудничеству с ним. Но в то же время он не очень хотел спешить с убийством

этого ученого, прежде чем не станет понятно, как можно его использовать.

— Брат Хеликс, — произнес Изекьель, прежде чем Бернард успел возразить, — ты говоришь, что тебе нужны методы, разработанные этим ученым, чтобы обнаружить соответствующие гены. Но для чего тебе нужен он сам?

— Он нужен по двум причинам, — ответил Хеликс. — Прежде всего мы не можем вести генетическое сканирование, используя обычные каналы. Этические правила, соблюдаемые в лабораториях компании «Джиниус» по всему миру, настолько жесткие, что нам неминуемо начнут задавать неудобные вопросы. Единственный способ избежать строжайших проверок — это заставить доктора Картера самого санкционировать такое сканирование. Вторая же причина в том, что, когда дело дойдет до обнаружения соответствующих генов, нам потребуется его помощь, чтобы войти в базу данных ИГ.

— А разве мы не можем просто заплатить, чтобы воспользоваться этой базой? — спросил брат Лучано.

— Нет. Как я уже объяснял, ИГ не предназначено для широкого использования. По сути дела, информация, содержащаяся в его базе данных, должна оставаться конфиденциальной. Я наткнулся на нее случайно, когда изучал данные о компании для брата Бернарда. И с того момента мне удалось лишь добраться до меню внешнего интерфейса и узнать, что в этой базе содержится.

— Брат Хеликс, — перебил его Изекьель, — а почему бы тебе, как простому хакеру, не прорваться в саму базу данных и не попробовать найти подходящие гены там?

— Потому что она слишком хорошо защищена. Даже ознакомиться с ее содержанием оказалось достаточно трудной задачей. Создатель ее системы безопасности, некая доктор Уошингтон, одна из лучших в этой области. Она сделала ИГ практически неприступным.

— Стало быть, тебе нужен доктор Картер, чтобы помочь провести первичное сканирование и получить информацию из этого... ИГ? Так? — подвел итог Изекьель, уставший от этого профессионального жаргона и аббревиатур.

Хеликс кивнул.

— И почему ты думаешь, что он станет нам помогать? — издевательски осведомился Бернард. — И как его можно будет контролировать?

Хеликс пожал плечами:

— Пока не знаю. Но по крайней мере пока он жив, есть шанс найти такой способ. — Хеликс снял очки и протер стекла, потом поднял голову. — Отец Изебель, уж вы-то должны понимать, насколько важен может быть доктор Картер для осуществления Первого императива! Будет непростительной ошибкой сидеть, смотреть на Священный огонь и не найти мессию. И уж сущее безумие — полагаться только на наших Смотрящих. Мы непременно обязаны испробовать все, чтобы найти избранного, чего бы это ни стоило!

— Однако в равной мере, святой отец, — тут же вклинился брат Бернард, — мы должны предвидеть последствия того, что позволим не только отложить исполнение Второго императива, но и, по сути дела, вступим в сотрудничество с одним из тех, кто предназначен для праведного убийства!

Выражение лица Изебель оставалось бесстрастным — ему не хотелось принимать решение немедленно. Хеликс, несомненно, прав, и нельзя допустить даже мысли, что они не преуспеют в своем стремлении отыскать избранного. Но и сказанное Бернардом не лишено оснований. Сотрудничать с опасным святотатцем, которого они обрекли на «очищение»?

Посреди стола стояли большие сервировочные блюда с едой и высокие оплетенные бутылки с вином. Изебель протянул руку, налил вина со специями в шесть кубков и придвинул их поближе к присутствующим. Все восприняли это как знак начать трапезу и принялись накладывать себе на тарелки голубцы в виноградных листьях, финики и жареное мясо. Лишь Хеликс продолжал бегать пальцами по клавишам компьютера, нетерпеливо поглядывая на алтарь за спиной Изебель; свет от свечей и факелов, освещавших пещеру, бликами отражался в стеклах его очков.

Изебель продолжал обдумывать, как следует поступить. Он должен был признать праведность страстного желания моло-

дого брата. Однако братство вовсе не для того просуществовало целых две тысячи лет, чтобы теперь он пожертвовал всем для осуществления одного лишь единственного плана, к тому же принятого в запальчивости.

Он повернул голову и бросил взгляд назад, мимо Священного огня и алтаря — на запечатанную каменную дверь склепа Памяти. Что спрятано за нею? Чудовищная тяжесть двухтысячелетней ответственности внезапно легла на его плечи. Он подумал о Лазаре, основателе братства, который в этой самой пещере обращался к первым своим последователям. Вспомнил сон Лазаря в ночь Распятия. Ему приснился огонь, бушующий в земле, под выступом скалы, затерявшейся в бескрайней пустыне. Без всяких карт Лазарь привел сюда последователей, и здесь они кирками и мотыгами проложили себе путь сквозь каменные недра к самому огню. Он собрал их в этом тайном месте, где они могли бы готовиться к возвращению Христа, заботясь о том, чтобы Голгофа никогда не повторилась. И здесь Лазарь сообщил им пророчество, открывшееся ему во сне:

«Следующий мессия не будет знать о своем предназначении, и праведные, дабы обеспечить себе спасение, должны будут сами найти и помазать его. Не воссияет им Вифлеемская звезда, чтобы указывать путь, а лишь Священный огонь, пылающий глубоко во чреве земли. Когда пламя обретет белый цвет, тогда новый мессия появится в этом мире. Найти же, помазать и освятить его Священным Белым огнем нужно до того, как он вновь станет обычным, до того, как приидет день Страшного суда. И ляжет это бремя на братство Второго пришествия, ибо оно узрит Священный огонь. Спасение человечества — за ним».

Изекиель завидовал безоговорочной вере Лазаря. Коли Иисус Христос воскресил тебя из мертвых, разумеется, в твоём сердце не останется никаких сомнений, что этот человек — Сын Божий, заслуживающий полнейшей преданности.

Он покачал головой, восхищаясь подвигом предшественников. В течение первого тысячелетия братство распространило свое тайное влияние на всю Святую землю, проповедуя и

набирая сторонников среди христиан и евреев, верующих в приход мессии. И объединял их для осуществления Первого императива братства — поисков нового мессии.

Глядя, как братья поглощают пищу, Изекьель думал о Втором императиве. В ходе крестовых походов в двенадцатом веке рыцари-тамплиеры, покинув Европу, пришли в Святую землю, полные решимости отнять Иерусалим у сарацин, и тогда же присоединились к братству. Через крупнейшие королевские дворы Европы они распространяли влияние секты на весь христианский мир. Их растущее влияние заставило Внутренний круг братства перейти к более агрессивной политике и дополнить Первый императив. Они считали, что, вместо того чтобы просто сидеть и ждать появления Спасителя, братство обязано посвятить себя очищению мира от несправедливых, пока не явился новый мессия.

Так сложился Второй императив, но только члены Внутреннего круга да еще праведные исполнители, на протяжении всех веков именуемые Немезидой и Гоморрой, знали о его существовании. Простые же члены братства, число коих постоянно росло, знали лишь о Первом императиве.

Второй императив неизбежно вызывал в прошлом немалые проблемы, но не такие, какими было чревато убийство доктора Картера. Такого еще не случалось, чтобы предназначенный для праведного убийства во имя Второго императива мог бы обеспечить осуществление Первого императива.

Но и Священный огонь раньше тоже не становился белым...

Тут он почувствовал, что брат Хеликс осторожно тронул его руку:

— Отец Изекьель, так каково же ваше решение?

Иzekьель нахмурился. Доктор Картер представляет собой угрозу, и его могущество с каждым днем усиливается. Значит, его следует остановить.

— До тех пор пока меня не убедили, что доктор Картер может выказать намерение помогать нам, я могу принять только одно решение: его надо убить.

— А если все же удастся склонить его к сотрудничеству? — осведомился Хеликс. — Тогда вы отмените убийство?

— Возможно. — Изекьель обернулся к брату Бернарду: — Когда будет удобно очистить мир от доктора Картера?

— Вокруг него сейчас все время пасется дополнительная охрана, но это несерьезно. Гоморра на задании, а вот Немезида после дела на Манхэттене будет готова завершить начатое в течение двух недель.

Иzekьель с минуту раздумывал, потом вновь обернулся к Поборнику Первого императива:

— Брат Хеликс, мы отложим это еще на две недели. Следовательно, у тебя есть месяц, чтобы убедить меня в том, что мы можем безопасно и эффективно работать с доктором Картером. Но по истечении этого срока я сам вызову Немезиду и дам санкцию на его убийство. Все ясно?

Хеликс улыбнулся насупившемуся Бернарду и триумфально шелкнул крышкой ноутбука.

— Совершенно ясно, отец Изекьель, совершенно ясно.

Глава 8

Манхэттен

Мужчина весьма примечательной внешности — с длинными волосами и небесно-голубыми глазами, — насвистывая «Братец Жак», шел по Пятой авеню. Бледное послеполуденное солнце освещало его светлые, почти белые, волосы, так что они выглядели как сияние над его головой и широкими плечами. Напоминающий ангела лик его еще более подчеркивали черные, почти как у священника, одежды. И лишь огромный букет кроваво-красных роз, торчавший из хозяйственной сумки, которую он нес в правой руке, и тесно облегающие черные кожаные брюки указывали на его более земные интересы. Он весело насвистывал, и тонкие черты его лица украшала безмятежная улыбка полного довольства.

Прохожие невольно обращали на него внимание, однако им не дано было знать, что объект их восхищения вовсе не мужчи-

на, а женщина. И уж конечно, им было неизвестно, что эта женщина идет совершить праведное убийство.

Мария Бенарьяк моргнула, на миг прикрыв веками цветные контактные линзы, и остановилась, чтобы подавить жуткое желание почесать кожу на темени. Обычно она носила парики, изготовленные по спецзаказу, но на сей раз парик пришлось «взять взаймы». Ей было прекрасно известно, что другие профессионалы, занимающиеся подобными делами, предпочитают безликий, «серый» внешний вид, оставаясь возможно более неприметными. На некоторых заданиях это помогало, к тому же она терпеть не могла излишнего внимания. Но в других случаях она любила использовать свои хирургическим путем разглаженные лицо и тело как холст, на котором рисовала привлекательное и обманчивое изображение, которое потом будут вспоминать свидетели. Сегодня был именно такой случай. Плюс к тому сегодня такой внешний вид должен был помочь ей получить доступ к намеченной жертве.

Вот перед Марией открылся многоквартирный дом, в котором проживал Слай Фонтана. С видом на парк. Впечатляет. По информации, содержащейся в папке, переданной ей братом Бернардом, Фонтана пользовался этой квартирой как своей резиденцией; он приезжал на Восточное побережье Штатов, когда ему было необходимо сбежать из Лос-Анджелеса или поразвлекаться с Беби, моделью и проституткой мужского пола, проституткой высшего класса, к которому он был так привязан. Мария не видела никакой иронии в том, что Слай Фонтана, известный продюсер жестких порнофильмов гетеросексуального характера, сам был геем. Результаты ее собственных исследований доказывали, что его привлекали буквально все виды сексуальных перверсий. Владелец восьми высших наград порнофестивалей в Каннах, Фонтана контролировал значительную долю всемирной индустрии секс-кино. Однако настоящей его страстью были садомазохистские фильмы: видео, демонстрирующие жертв, обычно женщин, занимающихся сексом и убиваемых самым садистским образом в момент оргазма. Чтобы подтвердить, что все эти смерти настоящие, горло жертвам перерезали прямо перед камерой, всегда крупным планом

и часто так грубо, что они оказывались практически обезглавленными. Мария видела один такой фильм. Эта неизвестно какая копия далеко отстояла от оригинала, но изображение было достаточно четким, так что она все равно стоила тысячи долларов.

Копия принадлежала Беби, и Мария смотрела фильм вчера вечером, наведавшись в его хорошо обставленную квартиру в Гринвич-Виллидже. Адрес имелся в папке, полученной от брата Бернарда, и она без затруднений проникла туда и «взяла у него интервью». Нож и всего шесть минут времени потребовались ей, чтобы убедить этого бодибилдера рассказать ей все о Фонтане и договориться с ним о встрече. Свернув уже бесполезному Беби шею, она проинспектировала его гардероб и выбрала совершенно черный комплект, в котором Фонтана так любил видеть своего любовника.

Скальпировать Беби оказалось делом более трудным, чем она полагала. Это было как снять кожуру с апельсина целиком, не повредив ее. Но в конце концов, после долгой возни, она с этим справилась, оставила скальп на ночь посохнуть, а нынче утром с помощью талька и липкой ленты приклеила его на свою обритую наголо голову. Получилось очень даже хорошо, но темя чесалось просто ужасно.

Она достала из черной кожаной сумки солнцезащитные очки и надела их. Ей оставалось всего несколько шагов до многоквартирной башни. Знакомое возбуждение охватило ее, горячий волной разлившись по всему животу.

Под навесом у входа стоял швейцар. В своей униформе он выглядел просто огромным, но никакой угрозы собой не представлял. Он отвернулся, едва она приблизилась к нему — в своей маскировочной личине, вся в черном, в светлом «парике». Именно в таком виде Беби, как он сам утверждал, и должен был здесь появиться. Еще Беби сказал, что швейцару известны все шлюхи и мужского, и женского пола, что посещают зажиточных обитателей башни. И во всех без исключения случаях он точно знает, когда следует не замечать их. Мария позволила себе слегка улыбнуться: по иронии судьбы Слай Фонтана заплатил швейцару, охранявшему вход, чтобы тот пропустил убийцу.

Не обращая на швейцара никакого внимания, Мария уверенно проследовала в мрачный мраморный вестибюль и напрямиком направилась к лифтам. Войдя в кабину, взглянула на часы. Четырнадцать пятьдесят две. Фонтана ждет Беби к пятнадцати. Времени еще полно.

На седьмом этаже она вышла из лифта и остановилась прежде у лестницы. Там было темно, совершенно темно, и, как всегда, ей стало неудобно. Глубоко вдохнув, она напонила себе, что это временное неудобство. Справа она заметила кнопку выключателя, светящуюся в темноте как маячок. Она нажала ее, и вспыхнувший свет тут же разогнал всех ее демонов. Сунув руку в сумку, она достала пару хирургических перчаток, тонких, как презервативы. Привычным движением профессионала натянула их, затем снова сунула руку в сумку. Проверила видеокамеру — на пленке, конечно, ничего такого, что можно инкриминировать жертве, но сойдет и это. На дне сумки, рядом с камерой, лежал ее проверенный, надежный кукри. Она еще порылась под букетом красных роз и нащупала три других предмета: рулон липкой ленты, очень прочной, удавку и черную авторучку. Первые два она сунула в боковые карманы куртки. Авторучка на вид была совершенно обычной, пока она не сняла с нее колпачок, высвободив необычно длинный кончик пера, ненамного короче иглы шприца. Подула на него, убедилась, что он чист, вновь закрыла колпачком и убрала ручку обратно в сумку. Все готово.

Она ощутила, как праведное чувство наполняет ее грудь. Она была сейчас ангелом-мстителем, карающей десницей Господней. Сегодня гнусное наступление Зла будет на момент приостановлено, а одна из многочисленных голов этой гидры отсечена.

Она открыла дверь на площадку седьмого этажа и выглянула в коридор. Отсюда ей была хорошо видна дверь темного дерева в самом его конце и латунные цифры на ней: номер 70. За этой дверью сейчас и должен быть Слай Фонтана, один, ожидающий условленного стука — три удара — и букета красных роз на коврике у двери — обычного приветствия Беби. Очень трогательно, подумала Мария без тени улыбки.

Сработал сигнал будильника на ее наручных часах — он беззвучно завибрировал. Она опустила взгляд на запястье — 14:59. Пора.

Она прошла по роскошному ковру, устилавшему пол в коридоре, положила букет у двери с номером 70 и прижалась к стене слева. Ее правая рука уже поигрывала удавкой в кармане, словно это были четки. Успокоив дыхание, она поднесла костяшки пальцев к двери.

Тук-тук-тук.

Шорох за дверью. Приближающиеся шаги.

Потом она услышала, как отодвигается засов и снимается цепочка. Поворот ключа в замке. Еще один. Как он, однако, заботится о собственной безопасности, подумала Мария с мрачным сарказмом. При звуке открываемой двери она ощутила волну теплого воздуха — в квартире было очень тепло. Потом услышала возбужденное дыхание и тихий смешок — мужчина в дверях нагнулся, чтобы поднять цветы.

Поправив темные очки и опустив голову, чтобы длинные светлые волосы Беби упали ей на лицо, она предстала перед Слаем Фонтаной. Ширинка ее тесных кожаных штанов находилась теперь всего в паре дюймов от его головы. Хотя Фонтана стоял нагнувшись, легко было заметить, что этот продюсер порнофильмов не отличается высоким ростом — не дорос и до пяти футов семи дюймов. Редущие волосы, черные и лохматые, рыхлое тело, чего не могла скрыть даже свободная шелковая рубашка.

Она наблюдала, как он медленно выпрямляется, держа в руках розы. Он смотрел на нее снизу вверх жадными, голодными маленькими глазками, пытаясь разглядеть лицо за завесой волос. Это напомнило ей дни в сиротском приюте, то время, о котором она предпочла бы забыть навсегда.

— Приветик, Беби! — возбужденно воскликнул Фонтана, а его рука инстинктивно потянулась к собственной промежности. — Господи, как я рад, что ты наконец тут! Я уже готов был взорваться с момента, как мы с тобой говорили по телефону. — Он двинулся назад, сделав знак, чтобы вошедший последовал за ним.

Мария, чьи руки были заняты за спиной удавкой, бросила сумку на пол впереди себя и шагнула в квартиру, проследив, чтобы дверь за ней захлопнулась. Фонтана взглянул на сумку и облизнул губы:

— Ты принес игрушки, чтоб мы тут позабавились?

— Можно это и так назвать, — ответила Мария, стараясь как можно более похоже имитировать шепелявость Беби.

Но имитация, вероятно, была не слишком удачной или же волосы уже не закрывали ей лицо, потому что Фонтана вдруг посмотрел на нее пристальнее:

— Ты подрост, что ли?

Мария сделала шаг вперед и улыбнулась, протягивая к нему руки, вроде как чтобы обнять:

— Ну, не то чтобы... Я уже много лет такого роста.

Фонтана нахмурился, голодное выражение в его глазах сменилось страхом и подозрением. Он уже почуял неладное. Но Марии на это было плевать; он опоздал, она уже здесь. И едва его губы начали произносить недовольное «Кто ты такой, черт побери?!», она накинула удавку ему на шею, заткнув его рот с ловкостью опытного хирурга. Фонтана тут же выронил розы, широко раскрыв рот и дергаясь, как рыба, вытащенная на берег, и пытаясь ухватиться за тонкую проволоку, какой обычно режут сыр, впившуюся ему в шею.

«И почему они всегда так глупо себя ведут?» — спрашивала себя Мария, глядя в его выпученные от ужаса глаза. Ни один ни разу не попытался проделать единственно разумную вещь — не занялся ее пальцами, не попытался сломать их один за другим, пока она не будет вынуждена выпустить удавку. Всегда-то они хватаются за проволоку, которая уже глубоко врезалась в шею. Глупо. И бесполезно.

Мария быстро осмотрела все пространство огромной квартиры-студии. Ее глаза остановились на обитых светлой кожей креслах и столь необходимом для хозяина телевизоре в том конце комнаты, который служил гостиной. Волоча за собой Фонтану, скулившего, как собака на поводке, она провела его мимо вызывающе роскошного камина из розового мрамора и толкнула в кресло, установленное прямо напротив великолепного

телеэкрана. Огромный и черный, как полированный гагат, телевизор был весьма подходящим алтарем для того, что она задумала.

Она отпустила удавку, но прежде чем Фонтана успел хотя бы перевести дух, она схватила небольшое розовое мраморное яйцо из кучи аналогичных *objects d'art** на кофейном столике и затолкала его ему в рот. Потом вытащила из кармана рулон скотча, оторвала от него кусок и заклеила рот. Не оставившаяся, примотала его тело к креслу все тем же скотчем и в заключение приклеила его веки ко лбу, чтоб глаза все время оставались открытыми и лишь бегающие в панике зрачки могли двигаться. Потом достала из сумки видеокамеру. Теперь можно было без спешки подготовить весь предстоящий спектакль.

Ей потребовалось всего две-три секунды, чтобы понять, как управляется этот с виду бескнопочный телевизор, — она обнаружила сдвигающуюся вбок панель на его корпусе. Подсоединив к нему необходимые кабели, она установила камеру на его верхнюю крышку и направила объектив на связанного Фонтану с кляпом во рту. Потом взяла пульты дистанционного управления и включила телевизор и камеру. Экран мигнул, затем всю его огромную площадь заняло изображение верхней части лба Фонтаны. Разрешение было просто отличное — Мария видела каждую каплю пота, выступавшую под линией волос.

— Вы, кажется, нервничаете, — заметила она. — А ведь можно было подумать, что вы уже давно привыкли к кинопробам. — Она поправила камеру и настроила объектив-зум так, чтобы на экране было видно четкое изображение всего тела Фонтаны выше пояса. Под мышками у него расплывались темные пятна пота, резко выделяясь на кремовой шелковой рубашке. В безумных глазах застыло выражение немой мольбы. Все его мышцы, кажется, тщетно напряглись в попытке освободиться от прочной липкой ленты. Она улыбнулась и стащила с себя парик. Глаза Слая еще больше вылезли из орбит, словно вбирая в себя ее облик с наголо обритой головой, а потом почти совсем

* произведения искусства (*фр.*).

выкатились наружу, когда она сунула руку в сумку и извлекла из нее обнаженный кукри.

— Ну вот, — сказала она, обходя его и останавливаясь позади; в левой руке у нее был ПДУ видеокамеры, в правой — кривой тяжелый нож. — Шоу начинается.

Она наклонилась, чтобы ее лицо было вровень с его и чтобы оба были четко видны на экране. Приблизив губы к его уху, так что ей стали ясно видны волоски и даже сера на нем, она прошептала, тихонько и нежно, как любовнику:

— Я видела кое-что из твоих особо изощренных работ, и хотя не стоит даже надеяться, что я сумею достичь такой степени совершенства, я бы хотела, чтобы ты считал это в какой-то степени возмездием. Вспомни Библию. Ибо все, взявшие меч, мечом погибнут. — Нажав на кнопку ПДУ, она увеличила изображение, направив объектив ему на горло. Практически весь экран заполнился видом его потного адамова яблока, нервно прыгающего вверх-вниз. Потом обняла его правой рукой за шею и приставила острие ножа к горлу. На экране безупречное, отсвечивающее серебром лезвие резко контрастировало с его лос-анджелесским загаром. Слай попытался отвернуться, отодвинуться вбок, но липкая лента и рука Мария прочно удерживали его голову.

Она начала медленно вдавливать бритвенной остроты лезвие в его плоть, переместив при этом объектив с шеи на глаза, пока белки не заполнили весь экран. Слай отчаянно пытался закрыть глаза и отвернуться, но липкая лента держала его веки открытыми. Тем временем ее правая рука медленно провела лезвием по горлу, разрезая кожу и мышцы, и Слай Фонтана вынужден был неотрывно смотреть, как распахиваются темные глубины его души. Вот он сидит, трясаясь в ужасе, звезда садо-мазохистских фильмов; его постоянная аудитория может всласть порадоваться. Дрожащие зрочки должны были смотреть на собственную мучительную агонию и смерть, видеть тот великолепный момент, которого всегда с таким нетерпением ждала Мария: последнее мигание гаснущих зрачков, что отмечает отбытие этой проклятой души в иные места, где суд будет строгим, а наказание — вечным.

В последний момент, перед тем как ее лезвие добралось до яремной вены, она отступила назад, чтобы не попасть под льющуюся уже мощным потоком кровь, и прошипела ему на ухо:

— Сейчас ты умрешь и будешь проклят навеки.

Удовлетворенная сознанием того, что теперь все его грехи последуют за ним, Мария до конца перерезала ему горло. А потом вместе с ним смотрела, как кровь из вскрытой яремной вены брызнула на экран. Через секунду или две огромные, расширенные зрачки мигнули в последний раз и погасли.

Мария судорожно вздохнула. Дело сделано, надо уходить. Она — Немезида, профессиональный мститель, и она еще раз осуществила совершенное, безупречное убийство. Нет, уходить рано. Еще не все.

Надо оставить свою подпись, подтвердить, что это ее рук дело. Она полезла в сумку и достала ручку. Отвинтила колпачок, открыв перо, изготовленное по спецзаказу. Подошла к трупу, нащупала рану на яремной вене Слая, сунула в нее перо и наполнила ручку кровью.

Вытащив ее из раны, выбрала сухое и чистое место на воротнике его бледно-кремовой рубашки и написала:

*Ибо все, взявшие меч, мечом погибнут
Евангелие от Матфея, 26; 52.*

Потом вернула колпачок на место и сунула ручку обратно в сумку вместе с остальными своими орудиями. Снова напаялила на голову светлые волосы Беби, подобрала розы, валявшиеся в холле на полу, и выкинула их в помойное ведро на кухне. Она и внимания не обратила на боль, когда один из шипов прорвал ее резиновую перчатку и впился в мягкую плоть большого пальца ее правой руки. Она лишь пососала его, едва почувствовав языком солоноватый металлический привкус. Убедившись, что в коридоре пусто, она покинула квартиру, прикрыв за собой дверь.

На этот раз никаких ошибок допущено не было. Безупречное убийство.

Дамаск

Изебель де ла Круа миновал апельсиновые деревья, росшие у него в саду, и прошел к оливковой рощице, спускавшейся по склону к ограде его владения. Остановился и посмотрел в небо над Дамаском, раскинувшимся в двух милях к югу. Воздух был холодный, но послеполуденное солнце бросало золотистый отсвет на скрученные стволы оливковых деревьев и на далекий город. Он прожил жизнь, путешествуя по всему свету, но этот огромный старый дом всегда оставался его единственным родным приютом, каким он был для шести поколений до него. Его немного огорчало, что у него нет детей, которые бы его унаследовали. Он очень любил это место, особенно оно ему нравилось в это время дня. Оно напоминало ему прогулки, что он совершал здесь с женой, когда та была еще жива. Как они подолгу беседовали, утешая друг друга, помогая забыть обо всех проблемах.

Внезапная режущая боль в желудке заставила его быстро достать из кармана маленькую металлическую коробочку и извлечь из нее белую таблетку. Он проглотил ее — пусть антацид успокоит проклятую язву. Боль утихла, и он снова вернулся к размышлениям о плане, предложенном братом Хеликсом. Вечера вечером, вернувшись с заседания Внутреннего круга, Изебель в очередной раз должен был бороться с постоянно повторяющимся кошмаром, уже давно преследовавшим его. И как обычно в этом кошмаре, опять не только не сумел спасти нового мессию, но еще и помогал тем, кто распинал его. Это снова навело Изебеля на ужасную мысль о крахе дела всей его жизни и заставило более серьезно отнестись к предложению Хеликса. Ему было совершенно ясно, что безрезультатный поиск нового мессии в течение столь долгого времени вынуждает к принятию крайне смелого плана этого более молодого брата. При условии, конечно, что Хеликсу удастся убедить этого святотатца-ученого сотрудничать с ними.

Он повернулся и пошел назад, вверх по склону, к своему огромному дому. Что, если Хеликсу действительно удастся заставить доктора Картера сотрудничать с ними? Будет ли это оз-

начать, что он, Изебель де ла Круа, глава братства Второго пришествия, вступил в безбожный союз с атеистом?

Он все еще пытался разобраться с возможными последствиями подобного союза, когда заметил своего слугу, который махал ему рукой из арочного проема задней двери дома. Изебель махнул ему в ответ, давая знать, что заметил сигнал, и высокий стройный Давид пошел ему навстречу по ухоженному, точно маникюрными ножницами выстриженному газону. В руке он что-то держал, и Изебелью пришлось напрячь зрение, чтобы увидеть, что это телефонная трубка.

— Кто это, Давид?

— Она назвалась Немезидой.

Он взял трубку и вздохнул. Конечно, разговор будет в цифровом формате и закодированный. И все же он не поощрял подобные звонки напрямую, особенно домой. Приложив трубку к уху, он произнес в микрофон:

— Да, Немезида, что случилось?

Голос ее звучал, как у кающейся грешницы.

— Святой отец, я просто должна была позвонить вам. Вы не связывались со мной с самого Стокгольма. А мне нужно было объяснить вам, почему произошла такая ошибка. И сказать, что она никогда больше не повторится и что я хочу ее исправить.

— Тебе следует поговорить с братом Бернардом, а не со мной. Если ты желаешь что-то объяснить или перед кем-то извиниться, решай это с ним.

— Но, святой отец, мне нужно знать, простили ли вы меня за Стокгольм.

Он в раздражении покачал головой. Мария всегда была вот такая, с тех самых пор, когда он нашел ее двадцать лет назад. Всегда в ней одновременно присутствовал слабый ребенок, вымаливающий немножко родительской любви, и самый безжалостный оперативник, каких когда-либо выпускал их тренировочный лагерь. Он не винил ее за Стокгольм. За что, собственно?.. Это была ее первая и единственная ошибка.

— Немезида, забудь про Стокгольм. Что случилось, то случилось, а теперь надо двигаться дальше.

— Значит, вы меня прощаете?

Он слышал в ее голосе волнение и неуверенность и даже позволил себе чуть улыбнуться, вспомнив, какой она была в том корсиканском приюте — подавленная, почти уничтоженная, отчаянно пытавшаяся найти хоть какую-то зацепку в жизни, приткнуться к кому-нибудь. У него тогда даже возникло искушение считать ее тем самым ребенком, которого его жена так и не смогла ему подарить. Даже сейчас он должен был сам себе признаться, что питает к ней самые теплые чувства.

— Да, Мария, да, дитя мое. Я прошаяю тебя. А что?..

— Значит, я могу теперь закончить дело с этим ученым?

Он колебался.

— Подожди, у тебя ведь другое задание. Манхэттен...

— Это уже исполнено. Я успешно осуществила убийство на Манхэттене. И заслуживаю, чтоб мне дали еще один шанс с доктором Картером.

Исхель очень осторожно подбирал нужные слова, он знал, насколько страстно Мария выполняет свои обязанности.

— Немезида, не ты решаешь, от кого следует очистить мир. Ты прекрасный оперативный сотрудник, но, как я уже говорил, твоя роль заключается в осуществлении убийств, на которые тебя направляет брат Бернард.

— Но...

— Немезида! — Голос его теперь звучал жестко. Он и сам еще не решил, как поступить с доктором Картером. — Если будет решено, что его следует убрать, тебе сообщат об этом; при условии, естественно, что для осуществления этой акции брат Бернард выберет именно тебя.

— Что вы хотите сказать, святой отец? Что-то изменилось? Если два месяца назад было решено убить доктора Картера, конечно же, это решение остается в силе. А если не я закончу начатое, то кто? Гоморра?

— Немезида, выслушай меня! — Он потерял терпение, и язва желудка снова дала о себе знать. Обычно он не возражал, чтобы

Мария работала без строгого контроля. Это давало ей более значительную мотивацию, и даже ее почти параноидальная привычка оставлять записки на месте совершенных ею чрезвычайно изощренных убийств не причиняла братству никакого вреда. Но Бернард, вероятно, прав: видимо, ей была предоставлена слишком большая свобода. — Немезида, ты обязана подчиняться Поборнику Второго императива, а не мне. И помни: это тебе отдают приказания, а не ты их кому-то отдаешь! Это тебе понятно?

— Да, но...

— Это тебе понятно? — повторил Изекьель с большим нажимом.

— Да, святой отец. — Голос ее звучал подавленно, но холодно.

— Вот и отлично! — И он оборвал связь. С братом Бернардом придется поговорить завтра же, рассказать ему об этой беседе. Необходимо, чтобы Поборник Второго императива заставил Марию прекратить думать о своей неудаче в Стокгольме, пока это не начало отражаться на других ее заданиях.

Он пошел к дому, глядя на заходящее солнце. Продолжая думать о Марии и докторе Картере, он достал еще одну таблетку. Слишком он стар для всего этого. Девяносто шесть лет! Правильно ли, что спасение человечества должно лежать на его дряхлых плечах?

Другие на склоне лет предпочли бы более спокойную жизнь. Или смерть.

Он устало пожал плечами и на какой-то момент пожелал приблизить смерть и покой, который она сулит. Но, ступив на терракотовые плиты, которыми был вымощен задний двор возле дома, ощутил вдруг, что на его сознание опять обрушивается все та же кошмарная мысль, вновь разжигая огонь в его сердце. Да, он хорошо знал, что ему не дано умереть в мире и покое. Не дано, пока не осуществится предсказание. Пока не найден новый мессия, пока он не помазан, не освящен Священным огнем.

Глава 9

Клиническая больница, Третий округ, Париж

Доктор Жан-Люк Пти, насколько Том Картер его помнил, всегда прямо-таки излучал энергию, и Тому, несмотря на высокий рост, пришлось ускорить шаг, чтобы поспевать за французом, когда они неслись по больничным коридорам.

Том все еще пребывал в каком-то оцепенении, но это не мешало ему совершить восьмичасовой перелет из аэропорта Логан в аэропорт Шарль де Голль. Надо же такому случиться, что им удалось так быстро найти целых два редчайших случая спонтанной ремиссии — да еще в одной и той же палате! Если бы Том был человеком религиозным, он, вероятно, испытал бы искушение назвать это Божьим промыслом. И это после того, как эксперимент с мышами столь ужасным образом провалился и он успел смириться с тем, что придется все начинать сначала... Если бы не Джасмин!.. Это благодаря ей ему в голову пришла идея поискать вирусные причины и корни спонтанной ремиссии.

— Жан-Люк, *plus lentement, plus lentement**. Вы слишком быстро идете, — сказал Том, уже слегка задыхаясь.

Француз обернулся. В его темных комично-грустных глазах появилось выражение сожаления, его роскошный нос уставился прямо на Тома. Пожав плечами, он, не сбавляя темпа, обошел двух медсестер и на ходу извинился:

— Мне очень жаль, но я просто не умею ходить медленнее, разве что просто остановиться.

Роста Жан-Люк был небольшого, телосложения хрупкого, но держался свободно и даже сутулился, словно был гораздо выше. Его короткие ножки работали как поршни в цилиндрах, когда он несясь по ярко освещенным коридорам, то и дело бросая на ходу «*Bonjour***» или «*Ça va?****» тем, кто попадался по

* помедленнее (фр.).

** Добрый день (фр.).

*** Как дела? (фр.)

пути. Левой рукой он прижимал к себе две папки с историями болезней пациентов. Они направлялись в Онкологическое отделение имени Франсуа Миттерана*, в котором и произошли эти так называемые «чудеса».

— Жан-Люк, у вас есть хоть какие-нибудь соображения относительно того, почему им стало лучше?

Француз пожал плечами. Обернувшись, он улыбнулся своими темными глазками виноватой собаки:

— Возможно, это было чудо. Как все говорят.

— Но должна же быть какая-то причина, — настаивал Том, уступая дорогу медбрата, толкавшему перед собой каталку с пациентом. — Хотя что-то, что объясняло бы случившееся. Что-то, из чего мы могли бы сделать какие-то выводы, чему-то научиться. Так ведь? Что показали анализы?

— Вы сами увидите чуть позднее, но в общем-то ничего особенного. Ничего, что объясняло бы, почему их организмы сами себя излечили. Мы знаем лишь, что все произошло именно так. — Улыбка Жан-Люка стала еще шире, выдающийся нос сморщился. — Друг мой, почему наука должна все время все объяснять? Ведь так редко случается что-то хорошее, чего мы не можем объяснить. Может, нам просто следует быть благодарными, а?

Доктор Пти слегка сбавил темп, подходя к вращающимся дверям онкологического отделения, которые отворил резким толчком. Палата оказалась на удивление светлой и даже веселой, выдержанной в таких же желтых и синих тонах, что и палата в «Джиниус». Картер даже заподозрил, что тут кто-то кого-то скопировал, но это отделение переоборудовали явно уже после того, как Жан-Люк побывал у них в Бостоне. Здесь было два ряда по десять коек, и вокруг каждой было достаточно пространства, чтобы создать хотя бы намек на уединение. Некоторые были полностью закрыты занавесями.

По-прежнему двигаясь на полной скорости, доктор Пти оглядел палату. Нос его при этом работал как некое прицельное устройство. Потом, поискав глазами цель их прихода, сказал:

* Миттеран, Франсуа (1916—1996) — президент Франции в 1981—1995 гг. Умер от рака.

— Ah bon*. Начнем с мадемуазель Дюбуа.

Следуя за доктором через палату, Том поражался царившей здесь атмосфере. Вокруг стоял приглушенный шум, все разговаривали — и пациенты, и персонал. Он никогда не видел такого в крупных больницах. Палаты раковых больных всегда были тихими, там обычно больше думали, чем говорили, да и лежали в них люди, пытающиеся разобраться с собственными жизненными проблемами и примириться с возможным скорым концом. А в этой палате царил скорее дух ожидания, нежели рефлексии. И кровать, к которой они подошли, вся утопала в цветах. Никаких вам официальных венков и траурных лент — наоборот, сплошное буйное цветение, навевавшее мысль о скорейшем выздоровлении. Легко было догадаться, что обитатель этой постели скоро выпишется и покинет клинику. Через парадную дверь. На своих двоих.

Когда доктор Пти представил Тома пациентке, Валери Дюбуа, первое, что он заметил, было спокойствие во взгляде ее темно-синих глаз. Они просто светились уверенностью, даже какой-то вызывающей безмятежностью. А ведь эти глаза видели такое, что выпадало на долю мало кому из смертных. Они смотрели в глаза самой смерти. С одного взгляда на нее было понятно, что она уже выздоровела. Она была тоненькая, почти хрупкая, обритый наголо череп закрывала шапочка, но в облике пациентки не ощущалось никакой слабости, хилости. Кожа на высоких скулах отнюдь не казалась мертвенно-бледной, как обычно бывает при тяжелой болезни. На щеках ее играл легкий румянец, как у всякого выздоравливающего — здоровый розовый цвет, возвещающий зарю новой жизни.

Доктор Пти, весь лучась улыбкой, гордо потрепал ее по плечу:

— Валери двадцать пять, она студентка юридического факультета Сорбонны. Я рад, что ее самочувствие улучшилось, иначе она подала бы на меня в суд. — Он рассмеялся, и его плечи задергались в такт смеху.

Валери явно была рада его видеть, словно его удивление от ее улучшившегося состояния подкрепляло тот факт, что ей и в

* Ну хорошо (*фр.*).

самом деле стало лучше. А дело-то в том, догадался Том, что этот врач ведет себя иначе, чем все другие, которые всегда приносили ей дурные вести.

Доктор Пти раскрыл одну из принесенных с собой папок.

— У нее были первичные новообразования в желудке и почках. И вторичные — метастазы — по всему организму, включая два на обоих полушариях головного мозга. — И он протянул Тому два рентгеновских снимка.

Том поднял их к свету. На первом снимке были четко видны темные тени опухолей в желудке и почках. Небольшие, но ясно очерченные тени в мозгу на втором снимке тоже не вызывали никаких сомнений. У этой женщины был рак, ярко выраженный рак в терминальной стадии, на финальном этапе клоновой эволюции.

А теперь его не было.

— Мы как раз намеревались начать курс иммунотерапии с применением генномодифицированных клеток, — продолжал доктор Пти, — когда она сообщила, что головные боли у нее прекратились и что метастазы, которые она могла легко нащупать у себя на боку, уменьшились в размерах. — Его умные темные глазки посмотрели вниз, на Валери, которая улыбнулась в ответ.

— Валери, насколько внезапно это произошло? — спросил Том. — Уменьшение размеров опухолей.

— Буквально в один день. Я сперва подумала, что мне это просто показалось. Что приняла желаемое за действительность. И только к вечеру решила сказать доктору Пти. — Валери пожала плечами, глаза ее излучали уверенность. — Я и сама лучше себя почувствовала. Просто вдруг поняла, что чувствую себя гораздо лучше.

Он кивнул, глядя ей прямо в глаза. Как это там у Ницше? «То, что нас не уничтожает, делает нас сильнее». Только сейчас он понял, что именно имел в виду философ, и почувствовал укол зависти. Эта молодая женщина уже никогда не будет бояться смерти.

— Давно это произошло?

Доктор Пти справился в истории болезни.

— Сегодня вторник. Валери сообщила нам в четверг вечером. А в воскресенье мы и сами отметили значительное улучшение. — Он протянул Тому еще два снимка.

Том взял их и тоже поднял к свету. Разница была заметная. Это вполне могли быть рентгеновские снимки другого пациента. Опухоли в желудке и почках съжились до размеров небольших темных пятнышек, а головной мозг вообще был чист. Никаких опухолей.

— Мы также взяли ткани на биопсию, чтобы проверить окончательно, — сообщил далее француз. — И лаборатория подтвердила, что образцы ныне представляют собой некроз. Ткани опухолей погибли. Их убили антитела, которые выработал сам организм.

Том еще раз посмотрел на две пары снимков, лежащих рядом.

— И никаких догадок, как и почему это произошло?

— Никаких. Если не считать результатов анализа ДНК, полученных нами из парижского филиала «Джиниус».

— Вы уже сделали анализ ДНК? — переспросил Том. Его охватили одновременно возбуждение и разочарование. — И тоже ничего не обнаружили?

— *Au contraire!** — И доктор Пти кивком указал на койку в другом конце палаты, точно так же утопавшую в цветах. — Мы воспользовались услугами лаборатории компании «Джиниус» в Париже, чтобы сканировать образцы крови двоих наших пациентов — Валери и мсье Корбассона, он лежит вон там. Генетическое сканирование показало, что в их крови до ремиссии содержались генетические дефекты, которые и привели к заболеванию. Но после ремиссии их геномы изменились, стали другими...

— Последовательность генов в геноме сама себя исправила? Во всем геноме? Не только в поврежденных клетках?

— *Mais bien sur!*** Только мы не знаем, каким образом. Единственное, что между этими двумя пациентами есть общего, — это то, что у них одна и та же группа крови и они при перелива-

* Напротив! (*фр.*).

** Ну конечно! (*фр.*).

нии могли получить донорскую кровь из одной партии. Вот только у нас не осталось никаких ее образцов.

— Они получили одну и ту же донорскую кровь и ничего больше?

— Rien*. — И доктор Пти помотал головой.

— А другим пациентам делали переливание той же крови?

— Делали, но не раковым. Это редкая кровь, группы АВ. — Печальные глазки Жан-Люка снова вспыхнули. — Пойдемте! Я познакомлю вас еще с одним чудесным образом выздоровевшим пациентом. A bientôt, Valerie!**

Вторым «чудом» был Гийом Корбассон, сорокапятилетний фермер из-под Тулузы. Том пожал ему руку и поздоровался с ним по-французски.

Доктор Пти достал рентгеновский снимок из второй своей папки и пояснил:

— У мсье Корбассона была саркома бедра и большое количество метастазов по всему организму. — Он показал Тому снимок, и тот уставился на огромную, словно раздутую опухоль на правом бедре мужчины; она была размером с грейпфрут и грозила вот-вот прорвать кожу и вывалиться наружу.

— Когда был сделан снимок? — спросил Том.

— Ровно неделю назад. За последние восемь недель перед этим опухоль увеличилась вдвое. И мы уже отчаялись остановить ее рост. — Доктор Пти поднял глаза от истории болезни. — Его мы тоже собирались направить на генную терапию, когда она вдруг начала уменьшаться.

— Примерно в то же время, когда начало улучшаться состояние Валери Дюбуа?

— С разницей в один день примерно, — ответил доктор Пти. И попросил пациента показать ногу.

— Mais bien sur, — ответил Гийом и тут же откинул одеяло, демонстрируя результаты победы над болезнью.

Том наклонился и провел ладонью по его бедру. Оно было практически гладким. Если нажать посильнее, можно было нащупать маленькое уплотнение, этаким шарик более плотной

* Ничего (фр.).

** Пока, Валери! (фр.)

ткани, но он был очень мал — горошина, особенно в сравнении с тем, что было изображено на снимке.

— Невероятно!

— Oui. Incroyable*, — подтвердил пациент с радостной улыбкой, продемонстрировавшей, что у него недостает пары зубов.

Том ответил ему такой же веселой улыбкой, потом повернулся к доктору:

— А как насчет вторичных образований?

— Сплошные некрозы. Совершенно мертвые ткани. А теперь я предлагаю пойти ко мне в кабинет. Там мы можем поговорить.

Том поблагодарил Корбассона и вслед за доктором Пти вышел из палаты. Пока они шли, он продолжал бомбардировать француза вопросами:

— Жан-Люк, это не может быть совпадением. У вас было двое больных раком в терминальной стадии, им оставалось жить несколько месяцев, и вот, совершенно внезапно, они оба излечиваются! А между ними общее лишь то, что у них одинаковая редкая группа крови. Это означает, что при переливании они могли получить донорскую кровь из одной и той же партии. Может быть, что-то попало при переливании?

— Что, например? — спросил доктор Пти.

Том лишь пожал плечами. Потом сказал:

— Может, какой-нибудь новый вирус. Редкий вирус, несущий в себе правильный генетический код. Это же могло случиться, а, Жан-Люк?

Доктор Пти вздохнул и возвел горе свои печальные глазки:

— Да, случиться такое могло. Только шансов на это крайне мало, не правда ли? Обоих пациентов тщательнейшим образом проверяли на наличие вирусных инфекций и ничего не обнаружили. И не забывайте, что все образцы крови бесчисленное количество раз подвергают термической обработке, чтобы уничтожить все известные вирусные агенты.

— Да, конечно, но только известные агенты!

— Но у нас нет никаких данных о наличии каких бы то ни было вирусов в крови Валери Дюбуа или Гийома Корбассона!

* Да. Невероятно (*фр.*).

И каких бы то ни было агентов, способных произвести такие изменения, тоже! — Доктор Пти остановился у двери в свой кабинет, потом вошел. Жестом указал Тому на стул, подошел к кофеварке и налил две чашки кофе.

Том принял у него чашку.

— Но изменения-то имели место! — продолжал он настаивать. — А это доказывает, что что-то все же произошло. Что-то изменилось. Может быть, это что-то содержалось в генетическом коде крови, которую им перелили, и это что-то произвело генетическую модификацию их собственной ДНК? Некая инструкция, которая заменила их собственные дефектные программы правильным кодом, который содержался в крови донора?

— Вполне возможно, — признал доктор Пти, садясь и деля глоток. Его темные глазки смотрели на Тома поверх дымящейся чашки. — Знаете, я ничуть не меньше вас хотел бы найти причину, и ясно почему: тогда мы, вероятно, смогли бы использовать этот эффект. Но причину мы найти не можем. Сами знаете: переливание крови производилось из общей партии, из крови, взятой у множества неизвестных доноров. А поскольку от этой партии ничего не осталось, мы не можем произвести ее анализ. Конечно, можно взять на анализ кровь исцелившихся пациентов и проверить все результаты генетического сканирования. Но это все равно что пытаться зажечь костер сгоревшей спичкой. Катализатор уже исчез. Однако если чудесный, волшебный штамм все же существует, почему тогда мы все не подцепили сам вирус?

Том нахмурился. Этого вопроса он и сам старательно избегал, потому что не мог придумать никакого убедительного ответа на него. Большая часть вирусов инфекционных болезней не распространяется среди всего населения, потому что они сами «сгорают», убивая при этом своих новых «хозяев» прежде, чем те передадут их кому-то другому. Но чудесный, необычный штамм, такой вот, на который он возлагает все свои надежды, наоборот, продлевает жизнь своего «хозяина». Стало быть, если этот позитивный вирус существует хотя бы несколько последних десятилетий, напрашивается логический вывод, что боль-

шая часть населения планеты к настоящему моменту уже им заражена.

— Я не знаю, Жан-Люк, — признался он. — Однако все на свете имеет свою причину и свое следствие.

— О'кей. В таком случае разве этот чудесный штамм не может оказаться химического происхождения, а не вирусного?

— Химического? Что вы хотите сказать? Нечто вроде феромонов?

— Oui. — Жан-Люк еще раз пожал плечами. — Почему бы и нет? Если насекомые могут вырабатывать химические вещества, то почему мы не можем?

Том осторожно кивнул, понимая, что хватает за соломинку. А ведь это действительно так: некоторые насекомые вырабатывают и выделяют феромоны для привлечения брачного партнера, и уже давно считается, что человек тоже выделяет аналогичные химические соединения — с потом и кровью. Он знал, например, что, когда две или более женщин долго живут в одном и том же доме, их менструальные циклы со временем начинают совпадать. Никто до сих пор не понял в точности, как это происходит, но многие подозревают, что по причине некоего химического стимулятора, который передается от одной к другой. И это скорее химический агент, нежели вирусный, такой же, как тот, что лежит в основе талантов народных целителей, и это также объясняет его редкое появление. Целитель, видимо, имеет какие-то редкие гены в своей ДНК, которые дают ему возможность выделять некие химические вещества исцеляющего действия и передавать их пациенту простым прикосновением.

— Звучит не слишком убедительно, верно? — спросил он.

— Возможно, эти исцеления вообще невозможно объяснить строго научно; может, это просто воля Божья, — ответил Жан-Люк улыбнувшись. — Том, если бы вы были настоящим христианином, вы бы поняли. Рождество прошло, скоро будет Пасха. Может, Бог просто пожалел этих несчастных и решил вмешаться, чтобы отметить рождение, смерть и воскресение Своего Сына?

Том криво усмехнулся. И тут же вспомнил Джасмин. Как же он завидует им обоим — ей и Жан-Люку. Хорошо им с их верой. Если чего-то не понимаешь, можно просто сказать: «Ну, это, должно быть, воля Божья. Неисповедимы пути Господни!» И никаких больше вопросов, никаких сомнений, никакой головной боли. Слишком трудная проблема? Значит, надо уповать на Господа. Очень просто и легко.

— В таком случае, Жан-Люк, — сказал он с усталым вздохом, — помогите мне понять, с чего бы это ваш Господь вдруг вознамерился им помочь?

Жан-Люк улыбнулся, и его глаза с сочувствием уставились на Тома. Было ясно, что француз не совсем уверен в том, что его спрашивают совершенно серьезно.

— Видите ли, Господь может все. Он же всемогущ. — И он развел руками, хитро улыбаясь Тому. — Может, Он просто приказал, чтобы они выздоровели. Или, может быть, сделал именно так, как вы сказали. Ввел им что-то в кровь... — Тут он внезапно засмеялся, будто вспомнив нечто смешное. — Да, Том, может быть, Он просто заменил кровь доноров на кровь Иисуса. Скоро ведь Пасха, так что это очень правильно, что кровь Его Сына вновь спасает людей. Человечество. Так?

Жан-Люк Пти снова рассмеялся — легкий невинный смех, радость от чудесного исцеления пациентов.

Том даже не улыбнулся.

Жан-Люк внезапно замолк. Лицо его помрачнело — словно он осознал, что сказал что-то обидное.

— Это всего лишь шутка, мой друг. Я ведь врач, а не философ, и у меня по-прежнему нет ответа на ваш вопрос.

Том не ответил. Мыслями он был далеко, пытаясь уловить связь между двумя на первый взгляд не сочетающимися вещами: исцеляющим вирусом, или феромоном, и чем-то еще, о чем сейчас говорил Жан-Люк. В его голове стала зарождаться — на первый взгляд нелепая — идея. Что это была за статья в каком-то журнале, пару недель назад? Где это произошло? Да-да, на Сардинии! Надо позвонить отцу. Алекс должен помнить. И попросить его пересказать содержание.

Он резко повернулся к своему озабоченному коллеге:

— Жан-Люк?

— Oui, mon ami?*

Том вскочил со стула и похлопал коллегу по плечу:

— Спасибо за все. Можно мне попросить вас еще о двух одолжениях?

— Разумеется...

— Прежде всего — могу я воспользоваться телефоном?

— Mais bien sur.

— И не могла бы ваша секретарша поменять мой обратный билет? Мне нужно на Сардинию.

— На Сардинию? — Жан-Люк удивленно улыбнулся, встал и проводил Тома в приемную. — Конечно, Том. Что-то случилось?

— Нет, ничего, — ответил тот, пытаясь сосредоточиться. — Ничего. Совершенно ничего!

Глава 10

Штаб-квартира компании «Джиниус», отдел обработки информации. Бостон

Джасмин Уошингтон смотрела на Карен Тэннер и ждала ответной реакции. Реакция была именно той, на которую рассчитывала Джасмин. Зеленые глаза рыжеволосой фэбээровки расширились, и с полуоткрытых губ сорвалось: «Иисусе! Да как вам это удалось?!»

Джасмин загадочно улыбнулась. Улыбнулась и Дебби, ее высокая светловолосая ассистентка. Программное обеспечение «Ген-Джинн» работало почти безупречно, разрешение голографического изображения было просто превосходным. Оно произвело сильное впечатление даже на Джека Николса — с его то технофобиями!

* Да, мой друг? (фр.)

Все четверо находились в помещении для геноскопов, рядом с кабинетом Джасмин в отделе обработки информации. С того момента как Том стремительно отбыл три дня назад в Париж, Джасмин вместе с Деборой и всей своей командой работала практически круглосуточно над совершенствованием программы. И очень вовремя закончила, потому что нынче утром Джеку Николсу, все еще пребывающему в бешенстве по поводу того, что Том мотается по Европе без всякой охраны, позвонила взволнованная и возбужденная Карен Тэннер. Произошло еще одно убийство, на Манхэттене. Все признаки указывают на Проповедника, но на сей раз убийца оставил кое-какие следы, по которым можно его идентифицировать.

— Ну и как это работает? — повторила вопрос Карен, глядя на голографическое, в натуральную величину, изображение собственной головы, плавающее в воздухе рядом с геноскопом. Жаль, что Том пока не вернулся из Парижа, или с Сардинии, или где его там носит. Он еще не видел всего этого. Голограмма столь похожа на оригинал, что невольно вызывает мысль о колдовстве: даже рыжие волосы и зеленые глаза абсолютно идентичны оригиналу. Изображение, правда, выглядит чуть моложе, чем живая Карен, но это легко исправить — достаточно ввести в программу более точные данные об окружающей среде.

— Система считывает ваш генетический код и на его основе рассчитывает облик, — наконец произнесла Джасмин. — Когда вы пришли утром, я сняла у вас с плеча один волосок. Нужно было только убедиться, что он с луковицей, а остальное было совсем просто.

Карен протянула руку, и рука ее прошла сквозь призрачное видение.

— Точь-в-точь я. Невероятно! Вы можете только голову воспроизвести?

— Нет, и тело тоже. Просто решили отдать должное вашей скромности — Джек ведь тоже здесь!

Карен все еще пребывала в изумлении.

— В одежде ведь нет генов, — пояснила Дебби, улыбаясь во весь рот.

Джек задумчиво погладил свой шрам.

— А жаль. Мы с тобой, Карен, не раз вместе попадали в переделки, но я никогда не видел тебя *au naturel**. Хотя частенько сожалею об этом.

— Что ж, придется тебе и дальше довольствоваться игрой воображения, Джек, — рассмеялась Карен. — Если, конечно, сам не захочешь раздеться. Первым. — Снова повернувшись к Джасмин, Карен кивнула в сторону голограммы: — Стало быть, вы получили это из моей волосяной луковицы?

— Ага. Геноскоп до сих пор умел выдавать физические характеристики человека на основе его генотипа, но это новое программное обеспечение — еще один шаг вперед. Оно создает изображение человека в трех измерениях, а потом превращает его в голограмму. — Она указала на висящую в воздухе голову. — Мы воспользовались всего лишь вашим волосом, чтобы показать, насколько точно работает программа.

— Весьма убедительно. А как насчет ДНК нашего подозреваемого? Горю нетерпением взглянуть на этого ублюдка.

Джасмин повернулась к геноскопу и щелкнула несколькими клавишами на стоящей рядом клавиатуре.

Этот прототип программы еще не имеет системы восприятия голосовых команд, но версия совершенствуется. Со временем даже голограмма будет говорить.

Джасмин нажала еще на одну клавишу, и голова Карен Тэннер растворилась в воздухе.

Джасмин смотрела на экран. Сотрудники из отдела судебных экспертиз обнаружили свежие следы крови на шипах розы, брошенной в помойное ведро на кухне жертвы. Это были те самые розы, которые, как утверждали свидетели, они видели в сумке подозреваемого блондина.

— Да, анализ закончен. Мы просканировали образец крови, обнаруженной в квартире Фонтаны.

Спецагент ФБР кивнула. Глаза ее горели от возбуждения.

— И что?

* в натуре, голой (*фр.*).

Джасмин бросила взгляд на Дебби — та проверяла лампы, создающие голографическое изображение. Потом обернулась и показала большой палец: все о'кей.

— Итак, чего желаете? Только голову? Или всего целиком?

— Давайте целиком, — улыбнулась Карен.

— О'кей, настало время вызвать джинна.

И Джасмин нажала на клавишу «Ввод».

Рокот геноскопа сменился щелчками статических разрядов, потом установленные вокруг голографической конструкции лампы вспыхнули и в их свете возникла призрачная фигура. По мере того как программа считывала и обрабатывала данные, поступавшие из биокомпьютера геноскопа, изображение становилось все более четким.

Прорисовка, начавшись с ног, поднималась вверх, и картина выглядела удивительно достоверной. Лишь одна деталь вызывала недоумение — это была женщина, а не мужчина.

Джасмин обернулась к ошеломленной Карен, с открытым ртом смотревшей на голограмму:

— А я-то думала, что Проповедник — мужчина.

— Я тоже, — кивнула Карен.

— А она красивая, — невозмутимо заметил Джек.

Да, она была красива. Каштановые, с медным оттенком, волосы, высокая атлетическая фигура, полная грудь, длинные красивые ноги просто поражали воображение. Но самым поразительным были, пожалуй, глаза: огромные, формой напоминавшие кошачьи, что само по себе необычно, они имели необычный цвет — вернее, два цвета: левый был голубым, а правый — карим.

— Нет, это должен быть мужчина! — заявила Карен Тэннер. — Нам известно, что Проповедник убил мужчину-проститутку по кличке Беби и выдал себя за него, чтобы добраться до Фонтаны. И когда мы допрашивали швейцара, тот описал пришедшего как мужчину со светлыми волосами. Господи, тут только рост совпадает!

— А вы уверены, что это кровь Проповедника? — спросил Джек. — Может, вам попался какой-то не тот убийца?

— Ничего подобного. Кровь была свежая, и это не кровь Фонтаны, значит — кровь киллера. К тому же он не только оставил свое обычное послание — цитату из Библии, — он, как всегда, воспользовался авторучкой.

— Авторучкой?

— Да, Проповедник пишет свои библейские послания кровью жертвы, используя для этого авторучку со специальным пером, которым можно брать кровь из вены или артерии; обычно он берет ее из бедренной артерии. Но в данном случае кровь взята из вскрытой яремной вены. Почерк также совпадает с тем, каким написаны записки на месте других убийств. Нет, это точно Проповедник.

— Значит, теперь вы знаете, что это женщина, умеющая мастерски переодеваться, гримироваться и маскироваться, — заключил Джек.

— Непревзойденно умеющая, — пробормотала спецагент ФБР, доставая из кармана компьютерный фоторобот. — Этого блондина видела куча людей, когда он подходил к дому. Явно в гриме, но лицо — по описанию — другое. Нос, скулы, щеки — все не совпадает, все не так. Даже глаза другого цвета. — Она кивнула на голограмму: — Да вы только посмотрите на груди! Таковую ни за что не спрячешь, даже с помощью утяжек. Это же прелестная женщина, и, поверьте мне, некоторые из свидетелей, которых я допрашивала, были как раз из тех мужиков, которые ни за что не пропустят привлекательную женщину. И все они клянутся, что видели мужчину.

Джасмин пожала плечами:

— Внешность можно изменить. Все, что умеет программа, — это восстанавливать облик на основе генов, с которыми человек родился, — в соответствии с обычными жизненными «нормами», предполагающими обычное питание и обычные физические нагрузки. Программа не учитывает косметические или хирургические изменения, привнесенные позднее.

Карен Тэннер скорчила разочарованную гримаску. Было ясно, что, по ее мнению, ожидаемого прорыва в расследовании не произошло.

— По крайней мере вы теперь знаете, что это женщина, — повторил Джек. — Это, без сомнения, даст делу новый поворот. Готов поспорить, что у вас появятся новые ниточки, когда вы еще раз проанализируете прошлые убийства в свете новых данных. Кроме того, вы теперь приблизительно знаете, как выглядит преступник.

Карен повернулась к нему, сверкнув зелеными глазами:

— Знаю? Что я знаю, Джек? Господи помилуй, как я понимаю, преступник сейчас может выглядеть и как Мэрилин Монро, и как Арнольд Шварценеггер!

Читтавеккья, Сардиния

Мария Бенарьяк не была похожа ни на Монро, ни на Шварценеггера, когда стояла перед маленькой белой церквушкой городка Читтавеккья на Сардинии и вглядывалась в выходящего из нее мужчину. Доктор Картер, кажется, улыбался и, несмотря на хромоту, целеустремленно двигался по залитой солнцем улице. В правой руке у него был кейс, в левой — что-то маленькое, чего она никак не могла разглядеть. Издали оно походило на стеклянную пробирку.

Она поправила фокусировку своего «олимпуса» и откинулась на сиденье взятого напрокат «фиата», продолжая наблюдать, как Картер подходит к такой же белой машине, припаркованной через три места от нее.

Щелк. Щелк. Она сделала два снимка, и механизм фотоаппарата тихонько зажужжал возле ее уха, прокручивая пленку.

Доктор Картер провел в церкви почти два часа. Что он там делал? Беседовал со священниками? Но он же атеист! Какие у него тут могут быть дела?

После неудачного звонка святому отцу, когда он так уклончиво отвечал на ее вопросы относительно доктора Картера, она решила следить за ученым. Вероятно, Внутренний круг по каким-то причинам не решается или не хочет закончить то, что сам же инициировал. Сама мысль, что этот дьявол во плоти может избежать возмездия, приводила ее в неистовство.

Проследить за ним было нетрудно. Один звонок в «Джини-ус» — и она выяснила его местонахождение в Париже; другой — в парижскую клинику — позволил узнать о его дальнейших планах. Поначалу она пыталась убедить себя, что ей вовсе не нужно следовать за ним сюда, — понимая при этом, что это ее нежелание ехать на Сардинию проистекает из того, что совсем рядом лежит Корсика со всеми связанными с ней гнусными воспоминаниями.

Щелк. Щелк. Еще два снимка. Если б фотоаппарат был винтовкой, подумала она, Картер уже был бы мертв. Если б только!..

Она смотрела, как он открывает дверцу машины, как его высокая фигура сгибается и он садится на водительское место. Вот он устраивается поудобнее, ставит кейс на приборную панель, открывает его и, еще раз осмотрев похожую на пробирку вещичку, кладет ее обратно.

Потом она услышала, что он запустил мотор, и увидела, как машина выехала со стоянки, держа путь в сторону аэропорта. Секунду она размышляла, не поехать ли следом, но остановила себя. Она знала расписание самолетов, а также то, что до следующего рейса в Италию, а потом в Бостон времени у нее предостаточно.

Бросив последний взгляд на уменьшающийся вдалеке автомобиль, Мария вылезла из машины, аккуратно, чтобы не прищемить платье, закрыла дверцу и направилась к церкви. Войдя туда, она по-итальянски обратилась к первому встречному священнику, объяснив, что разыскивает своего зятя — высокого прихрамывающего американца. Священник внимательно выслушал эту хорошо одетую женщину, говорящую с римским акцентом, и уважительно сообщил ей, что ее зять только что уехал, но ей не следует волноваться, потому что он нашел то, что искал.

Прежде чем она успела спросить, что же это такое, он провёл ее к статуе Мадонны в задней части церкви. Все еще не понимая, что именно нашел здесь доктор, она попросила священника, чтобы тот объяснил. Его ответ заставил ее покинуть церковь ошарашенной и взбешенной.

И только когда она уже ехала в аэропорт, в ее сознании наконец сложилась картина происходящего.

Она всегда считала своим долгом досконально изучать мотивы поведения и привычки тех, кто был намечен для «очищения». Это прибавляло ей уверенности в праведности совершаемых убийств. В конце концов, она заранее хотела быть уверенной в их необходимости. Случай с доктором Картером не был исключением. Она начала читать статьи и книги по генетике, как только взяла в руки папку с его делом. И хотя она получила лишь поверхностное представление о том, что эта наука может и чего не может, этого оказалось достаточно, чтобы убедиться: доктор Картер возмнил себя Богом.

И сейчас, пытаясь понять, почему вдруг атеист вздумал посетить маленькую церквушку на Сардинии, она никак не могла избавиться от страшного, внезапно возникшего у нее подозрения. Если ее мысль правильна, значит, этот ученый еще более опасен, чем она предполагала.

Но действовать она пока что не имела права. Надо собрать побольше доказательств. И только тогда сообщить о фактах брату Бернарду и святому отцу.

Несмотря на ярость и негодование, она улыбнулась. По крайней мере если ее подозрения подтвердятся, у святого отца и брата Бернарда не будет выбора. Им придется разрешить ей закончить то, что было начато в Стокгольме.

Бэк-Бей, Бостон

Джасмин Уошингтон никогда в жизни не видела такого количества оружия, и это ее напугало.

— Ларри, какого черта ты все это приволок в нашу квартиру?

— Не волнуйся, это всего лишь камуфляж. — Ларри улыбнулся и опустил коричневую коробку на пол их огромной гостиной.

— Камуфляж?

— Ага. Макеты. Образцы оружия, которое мы будем использовать на съемках в Лос-Анджелесе. Я попросил консультанта

прислать их сюда, потому что встречаюсь с режиссером рано утром в понедельник. А она хотела посмотреть на оружие главного героя и главного негодяя.

Джасмин ненавидела оружие, и не только из-за случившегося с Оливией. Все ее детство в южном Лос-Анджелесе револьверы и пистолеты были частью повседневной жизни, равно как перестрелки и даже убийства, прямо на школьном дворе — обычно ими все и кончалось.

— Только держи их где-нибудь подальше, — попросила она.

Ларри ободряюще улыбнулся:

— Да ладно тебе, Джас, ты их больше не увидишь. Только, думаю, тебе не помешало бы взглянуть хоть на один из них поближе. Просто чтоб знать, как он действует.

Джасмин помотала головой. Она прекрасно помнила, как ее старший брат говорил ей то же самое, давно, когда они все жили вместе — тогда ей было всего десять. Незадолго до того как его убили в случайной перестрелке, после чего родители запретили ей выходить на улицу одной.

— Убери их подальше, Ларри.

Ларри нагнулся и задвинул коробку под диван.

— Убрал. Извини.

Он подошел к ней и обнял. Высокий, атлетически сложенный мужчина с чувственным лицом. Но больше всего Джасмин обожала эти вот его мощные руки. Она всегда гордилась своим бесстрашием и своей с трудом доставшейся ей независимостью, но бывали моменты, когда ей хотелось забыть про них и укрыться в этих объятиях. Смерть Оливии и грозящая Холли опасность заставили ее понять, насколько хрупко их благополучное существование. Ее собственное близкое знакомство со всеми «подвигами» Проповедника не слишком укрепило ее веру в человечество. И сейчас сулящие полную защиту объятия Ларри давали ей ощущение особого спокойствия. Она понимала, что это совершенно иррациональное чувство, однако свято верила, что, пока он ее обнимает, ничего по-настоящему плохого с ней случиться не может. Не сопротивляясь, она позволила ему подвести себя к дивану и поцеловать в губы.

Сегодня вечером она необычно рано вернулась с работы и, несмотря на коробку с оружием, рада была обнаружить, что Ларри уже дома. В последнее время они мало виделись. Он половину недели проводил в Лос-Анджелесе, где готовился к съемкам нового фильма, а она чуть не сутками напролет работала. Это был просто подарок — очутиться дома в половине седьмого вечера в пятницу и иметь впереди весь уик-энд в собственном распоряжении.

Она крепче прижалась к Ларри, ощутив, как его руки еще теснее прижимают ее, а теплое дыхание щекочет ей шею. И конечно — в тот самый момент, когда его рука скользнула ей под блузку и начала ласкать левую грудь, — зазвонил телефон.

И все звонил и звонил.

— Вот черт! — не открывая глаз, пробормотала она.

— Пусть себе звонит, — прошептала Ларри, расстегивая ей лифчик и положив ладонь на ее правую грудь. — Автоответчик сам все сделает.

Она вздохнула и, отдавшись во власть теплых волн, растекавшихся по телу, прошептала:

— Тебе следует почаще уезжать из дому.

Телефон продолжал звонить.

— Черт! — повторила она.

Ларри продолжал ласкать ее груди, потом его руки скользнули ниже, на живот, усиливая поток теплых волн. Потом еще ниже. Он жарко прошептала ей в ухо:

— Автоответчик скоро его отключит, не беспокойся.

Но она все равно беспокоилась, а автоответчик все не срабатывал. С тех самых пор как она едва не пропустила звонок из Стэнфорда и сообщение, что ей дали стипендию, Джасмин была не в силах равнодушно слушать звонящий телефон, убежденная, что любой следующий звонок может быть «самым главным» и если его пропустить, может случиться что-то скверное.

Она высвободилась из объятий:

— Видимо, я случайно отключила автоответчик.

— Ну так включи его.

Этого она сделать не могла. И раз уж встала, надо было взять трубку.

— Джасмин Уошингтон, — произнесла она в микрофон.

— Джас, это Том. — Мог бы и не говорить, она его узнала.

Но голос его звучал более возбужденно, чем обычно.

— Привет. Ты где?

— Дома. Вернулся.

— И как Париж?

— Очень интересные новости.

— А что насчет Сардинии? — Она обернулась к Ларри, который ответил ей хмурым взглядом и жестом потребовал, чтоб она побыстрее заканчивала разговор. Ей и самой хотелось вернуться к тому, на чем их прервали. Но удерживало любопытство. Чем Том так взволнован? — Жан-Люк звонил три дня назад и спрашивал, не знаю ли я, зачем ты туда полетел. Зачем, Том? Что-то связанное со спонтанной ремиссией?

Том помолчал.

— Вроде бы, — сказал он после паузы. А потом добавил — эти слова она очень часто слышала от него и раньше, и слова эти обычно заставляли ее полностью пересмотреть свое отношение к тому, что возможно и что невозможно: — У меня есть идея.

Она попыталась взять себя в руки:

— Какая?

— Это долгая история, но мне кажется, я придумал способ, как помочь Холли.

— Да ну? Говори скорее.

В голосе Тома теперь звучала какая-то виноватая нотка. Почти мольба.

— Вот об этом-то я и хотел поговорить с тобой. Ты сейчас не занята? Можешь приехать? Это очень важно, Джас. Алекс и Джек уже едут.

— Прямо сейчас? — Она бросила вопросительный взгляд на Ларри, который сердито замотал головой.

— Если ты не занята, конечно... — быстро добавил Том.

Ларри был мрачнее тучи. Она улыбнулась ему — самой теплой улыбкой, на какую только была способна. Потом выдохнула в трубку:

— Конечно, Том. Уже еду.

Глава 11

Бикон-Хилл, Бостон

Было уже почти восемь вечера, когда Джасмин остановила свой кабриолет «БМВ» возле дома Картера на Бикон-Хилл. Несколько минут у нее ушло на то, чтобы успокоить Ларри, пообещав ему, что они наверстают упущенное, когда она вернется. Она была весьма убедительна, и Ларри смирился.

«Сааб» Алекса и «мерседес» Джека уже стояли там, когда она подъехала. Интересно, что за идея созрела у Тома? Он сказал «вроде бы»... Но она по собственному опыту знала, что в устах Тома Картера «вроде бы» обычно означает «ничего общего». Значит, это не имеет отношения к спонтанной ремиссии, изучать которую он летал в Париж.

Дверь ей открыла Марси Келли, домоправительница Картера. И сказала, что все сидят на кухне. Джасмин пересекла огромный холл и, поскольку Холли нигде не было видно, решила, что та уже в постели. Перед закрытой дверью она остановилась. Сквозь дубовую панель до нее донесся сердитый голос Джека:

— Том, черт тебя побери, за тобой же кто-то по пятам ходит, и не кто-то, а убийца! Господи Иисусе, да перед самым твоим отъездом Проповедник располосовал какого-то слизняка на Манхэттене!

— Знаю, ты мне это уже несколько раз говорил сегодня, — услышала она ответ Тома. По его тону было ясно, каких усилий ему стоит оставаться спокойным.

— Ты не имеешь никакого права вот так улетать неизвестно куда! К тебе приставили полицейскую охрану, и небезосновательно, черт возьми! И за каким дьяволом тебя вообще понесло в Европу?

— Да успокойся ты наконец! Раскудахтался как курица! Сейчас все расскажу.

Джасмин открыла дверь и остановилась на пороге, не желая участвовать в перепалке. Все трое, Том, Джек и Алекс, си-

дели вокруг старого соснового стола в противоположном от нее конце большой кухни. Том сидел во главе стола, волосы его были растрепаны сильнее, чем обычно. В правой руке он держал нечто смахивающее на небольшую стеклянную колбу. Слева от него сидел Алекс, его отец. Уже почти оставивший кафедру профессор теологии из Гарварда, как обычно, был невозмутим. Он разливал кофе в четыре чашки. Перед ним лежала папка для бумаг и стопка книг. Джек Николс в спортивном костюме стоял напротив. Том явно сдернул его прямо с вечерней пятничной «разгрузочной» пробежки. Джек был хмур. Нетрудно догадаться, что жена и двое их сыновей устроили ему хорошую сцену. Ей вспомнился взгляд, каким смотрел на нее Ларри, и она хмыкнула про себя. Атмосфера в кухне была накалена до предела, напряжение прямо-таки висело в воздухе, так же как аромат крепкого кофе. До сих пор ей еще не приходилось наблюдать таких схваток между партнерами.

Том поднял на нее глаза и улыбнулся — с заметным облегчением:

— Джас, спасибо, что приехала. — Он указал ей на стул. — Давай присаживайся.

Она села. Алекс улыбнулся, собрав морщинки возле глаз, почти таких же синих, как у сына, и подвинул одну из чашек поближе к ней:

— Привет, Джасмин. Кажется, вы пропустили большую часть огневой подготовки.

— Как сказать... У меня было то же самое, Алекс, — ответила она с улыбкой и посмотрела на стопку книг на столе. Их названия ее крайне удивили: если они имеют отношение к новой идее Тома, то идея эта явно не из области геной инженерии.

Джек криво улыбнулся ей и тоже сел.

— Привет, Джас. Думаю, лучше сидя выслушать то, что нам хочет сообщить Том. Кажется, у него появилась какая-то крутая идея. И он как последний идиот рисковал собственной шкурой, чтобы добраться до нее.

— Идея действительно крутая, Джек, — сказал Том, поднимая руку с зажатой в ней колбочкой. — Если я прав, этот стек-

лянный сосуд может содержать лекарство от всех генетических болезней. А может, и от других тоже.

— Откуда тебе это известно, Том? — скептически осведомился Джек, скрешивая руки на груди. Он явно все еще кипел негодованием. — Ты вдруг исчезаешь на Сардинии, никому из нас ничего не сообщив... — Джек посмотрел на Алекса. — Большинству, во всяком случае. Потом возвращаешься и заявляешь, будто нашел волшебное средство, чудесное лекарство. Кончай свои шуточки!

— Я вполне серьезно, Джек.

— Ну и что такого особенного в этой колбе? — спросила Джасмин.

— Это кровь. И если это та самая, настоящая, то она может содержать гены-целители.

Она придвинулась ближе:

— Откуда это известно? Чьи это гены? Кого-то с позитивным вирусом?

— Если это та самая кровь, настоящая.

— Это она была причиной двух случаев спонтанной ремиссии в Париже?

Том отрицательно качнул головой:

— Сомневаюсь.

— Так чья тогда это кровь? — спросил Джек. Джасмин заметила, как сузились у него глаза, — он явно пытался предугадать, что скажет Том. Сама она не имела ни малейшего представления, куда он клонит.

Том ничего не ответил. Он просто смотрел на них, и в глазах его мелькали какие-то сумасшедшие огоньки.

— Должно быть, кого-то очень интересного, — медленно произнесла она.

— Крайне интересного, черт меня побери, — добавил Джек. Джасмин видела, что он тоже заинтригован, несмотря на свою злость. — Так кого? — В голосе Джека звучало нетерпение.

Том улыбнулся им обоим и помахал колбой:

— А если я скажу вам, что здесь содержится ДНК человека, умершего примерно две тысячи лет назад? Он был ремесленник, точнее, плотник. Плотник из Назарета.

Джасмин замерла, полураскрыв рот, — она была в шоке. Насколько ей удалось заметить, Джек тоже этого не избежал.

— Иисусе, — пробормотал он едва слышно.

— Именно, — подтвердил Том, ставя колбу на стол перед Алексом. — Наводит на некоторые размышления, не так ли?

Напряженное молчание все тянулось и тянулось.

— А она настоящая? — наконец открыл рот Джек, взяв в руки колбу и глядя, как красно-коричневая жидкость переливается внутри. — Не может быть, чтоб ей было две тысячи лет!

Алекс придвинулся ближе к столу и сказал:

— Тут ты прав. Ей не две тысячи лет. Она появляется на статуе плачущей Мадонны в церкви городка Читтавеккья на Сардинии. Местные жители утверждают, что статуя плачет кровавыми слезами — и это кровь Христа. Они пытались заставить Ватикан официально объявить это чудом. Но те так и не согласились. Кровь человеческая, это точно. Но анализы, сделанные тогда же, показали, что она совпадает по всем параметрам с кровью одного из местных жителей. Но даже если это так, статуя по-прежнему продолжает плакать кровавыми слезами, и туристы валят туда толпами. Вы, может быть, видели сообщение об этом — оно было в газетах несколько недель назад.

— Так, значит, это просто розыгрыш? — спросила Джасмин, удивляясь облегчению, которое испытала.

— Да, — ответил Том. — Но он заставил тебя думать, задаваться вопросами, не так ли? А что, если это действительно его кровь? Что в ней может содержаться? — Том повернулся к Джеку: — И прежде чем вы оба начнете возражать, пусть Алекс расскажет, что он обнаружил в результате своих исследований.

— Погоди, Том, — вмешалась Джасмин. — Дай время обдумать и понять все это. — Она долго изучающе смотрела то на Тома, то на Алекса. И гарвардский профессор теологии, и ученый-генетик выглядели совершенно невозмутимыми — их как будто и не взбодорила эта совершенно безумная идея. Она

опустила взгляд на книги, лежавшие рядом с Алексом. «Рукописи Мертвого моря* и христианский миф», — было написано золотом на корешке верхней, переплетенной в кожу книги. Под ней лежал еще более толстый том в рваной бумажной суперобложке: «Тексты из Наг-Хаммади** в переводе на английский». Три следующие книги имели тематически сходные названия: «Эдгар Дж. Гудспид. Жизнь Иисуса»; «Апокрифический Новый Завет», «Речения Иисуса».

Она взглянула на Алекса и почувствовала, как внутри у нее возникло ощущение неясной тревоги, беспокойства.

— Вы это серьезно, ребята, а?

Алекс пожал плечами и улыбнулся одними уголками губ.

— Конечно, Джас. Почему бы и нет? — ответил он так спокойно, словно только что взорванная Томом бомба не стоила особого внимания. Вполне в их стиле, подумала Джасмин, и Тома, и его папаша. Всю жизнь оба только и делали, что генерировали новые идеи — чем безумнее и невозможнее, тем для них лучше.

Сама она была несколько иного склада. Хотя она и гордилась своим восприимчивым ко всему новому умом, ей все же требовалось время, чтобы принять сумасшедшие гипотезы, особенно такие, которые попирали то, во что она верила. Она посмотрела на Джека. Он был мрачен и стоял в оборонительной позе: скрестив руки на груди и глядя прямо перед собой. Кажется, его прагматизм также подвергается суровому испытанию. Если бы существовал прибор, определяющий нормальное и странное, его стрелку сейчас уже зашкалило бы далеко за призыв Орвилла Райта, сказавшего однажды свое-

* Рукописи Мертвого моря (кумранские свитки) — тексты на древнееврейском, арамейском, набатейском и др. языках, относящиеся ко II в. до н.э. — II в. н.э. и принадлежавшие секте ессеев; с 1947 г. их находят в районах на западном побережье Мертвого моря. Тексты проливают свет на историю некоторых предхристианских культов и раннего христианства.

** Наг-Хаммади — город в Египте (древнее название Хенобоскион), где в 1946 г. были обнаружены раннехристианские тексты на коптском языке, относящиеся к III—V вв., по большей части апокрифические, — например «Евангелие от Фомы», «Евангелие Истины» и др.

му брату: «Эй, Уилбер, а давай-ка попробуем заставить эту штуку летать!»*

Джасмин прокашлялась.

— Пожалуйста, я хочу убедиться, что все поняла правильно. — И сделала паузу, не до конца уверенная в том, что может выразить свои чувства и не будет при этом выглядеть полной душой. — Вы хотите найти образец останков Иисуса Христа: какой-нибудь генетический материал, содержащий его ДНК. Потом хотите пропустить его через геноскоп, отсканировать его гены и выявить любые целительные свойства, которыми они обладают. И вы хотите использовать эти свойства, чтобы помочь Холли. В общих чертах правильно?

Том спокойно кивнул:

— В общем и целом — да. Эту идею подал мне Жан-Люк Пти — косвенным образом, конечно.

Джасмин выслушала короткий рассказ Тома о посещении клиники в Париже, который он заключил словами:

— Стало быть, вместо вируса, как предполагает Жан-Люк, могли быть химические вещества, некие агенты, вызвавшие генетические изменения в организмах его пациентов — как феромоны у насекомых. То есть человек с редким набором правильных генов может лечить других, просто выделяя определенные химические вещества.

Джек поставил свою чашку на стол и снова нахмурился:

— А при чем тут Христос?

— А при том, что у нас нет времени разыскивать людей, у которых могут оказаться эти целебные гены, даже если такие люди существуют. Случайное замечание Жан-Люка заставило меня вместо этого сконцентрировать внимание всего на одном человеке с наиболее хорошо задокументированной историей осуществленных исцелений. Это Иисус Христос.

Джек в недоумении покачал головой:

* Орвилл (1867—1912) и Уилбер (1871—1948) Райты, известные также как братья Райт, — американские авиаконструкторы и пилоты, создатели первого в мире самолета с двигателем внутреннего сгорания, на котором они в 1903 г. совершили первый полет продолжительностью 59 секунд.

— Но, Том, ты же атеист, будь ты проклят! Ты ведь в Христа не веришь!

— В этом-то все и дело, Джек. Я вполне готов поверить, что он существовал. — Том похлопал ладонью по стопке книг на столе возле Алекса. — Свидетельств тому немало. И я готов поверить, что он обладал кое-какими способностями. Чего я не желаю принимать, так это того, что он так называемый Сын Божий. Если он мог делать то, о чем говорит Священное Писание, тогда, насколько я понимаю, эти способности должны проистекать из генетического строения его организма. Джек, только представь, что мы могли бы там обнаружить! Умные гены, умеющие ремонтировать ДНК; генетические коды белков с неизвестными пока целительными свойствами. Получил этот человек свой дар от Господа Бога или вытянул счастливый билет в лотерее, разыгранной природой, но его гены могут содержать ключ к решению задачи коррективировки всех наших генетических дефектов!

Только теперь смутное беспокойство Джасмин стало обретать определенность. Том Картер, человек, которым она восхищалась больше, чем кем-либо другим, кажется, предлагал нечто пугающе близкое к святотатству. Она вспомнила о своих баптистах-родителях там, в Лос-Анджелесе, о тех строжайших принципах, что они вбивали ей в голову, об их вере, которую стремились передать и ей. Внезапное чувство вины навалилось на нее, будто тяжелая рука пастора сдавила плечо. Джасмин не могла назвать себя истинно верующей, но вера у нее была. Неповедимы пути Господни, никому не дано понять их, и ей тоже. Но в ее понимании он все же существует. А этот план Тома... Тревога Джасмин усилилась. Слишком уж смело, слишком амбициозно, даже по его собственным меркам!

А вот Джек, кажется, воспринял идею вполне нормально.

— Том, — спросил он, — ты впрямь считаешь, что сможешь обнаружить какие-то особые гены в его ДНК?

Том пожал плечами:

— Не знаю. Но тут могут быть три возможных варианта. Первый — этот парень был просто мошенник; второй — он обладал божественной силой и способностями. И третий — он был

генетической редкостью, был одарен — или проклят, зависит от того, как посмотреть, — сверхчеловеческими способностями. Естественно, во второй вариант я не верю.

— А что, если это первый вариант?

— Тогда идея не сработает. Но поскольку я не вижу никакого другого способа своевременно помочь Холли, то готов начать эту игру. У тех пациентов в Париже, что пережили спонтанную ремиссию, произошло изменение генома всего на несколько «букв» генетического кода; и этого оказалось достаточно, чтобы убить все раковые клетки. Мы не знаем, как и почему это произошло, но я полагаю, что агент, повлекший эти изменения в их ДНК, поступил извне, вероятно, вместе с донорской кровью — им ведь делали переливание. Я не знаю, какую форму принял этот катализатор. Это мог быть вирус, или химический секрет, или что-то еще. Но факт остается фактом: в их ДНК действительно произошли изменения, — значит, такой катализатор должен существовать. И я не вижу другого места, где его можно отыскать, кроме как в ДНК Иисуса Христа.

Джек опять нахмурился, задумчиво потирая свой шрам.

— О'кей, ты у нас гений, и раз ты считаешь, что можешь обнаружить этот катализатор, корректирующий гены, или какой-нибудь умный белок из ДНК Христа, то кто я такой, чтобы с тобой спорить? Однако какой бы осуществимой твоя идея ни казалась, она остается исключительно теоретической, пока ты не ответишь на один простой вопрос. — Тут Джек протянул руку через стол, взял склянку с якобы кровью Христовой и положил ее себе на правую ладонь. — Каким, черт возьми, образом ты намерен раздобыть настоящий образец его ДНК? Где ты собираешься искать то, что от него осталось, если от него вообще хоть что-то осталось?

Джасмин молча смотрела, как Джек скрестил руки на груди и воззрился на Тома. Поза его как будто говорила: «А теперь я хотел бы услышать какие-нибудь факты, какие-нибудь конкретные доказательства». Джасмин тоже смотрела на Тома. Но ответ последовал от его отца.

Алекс надел очки и спокойно раскрыл лежавшую перед ним папку. Взглянул на Джека и слегка улыбнулся:

— Это все, что вы хотели бы узнать? — Кажется, он был даже разочарован. Он прошелся пальцами по толстой пачке бумаг в папке. — Вас не интересуют документальные свидетельства целительных способностей Христа? Или споры о том, действительно ли его распяли? Или о том, не были ли его так называемые чудеса и знамения просто политическими акциями? И вам не хочется узнать об исторических свидетельствах, найденных в Рукописях Мертвого моря или в текстах из Наг-Хаммади? Или посмотреть список его чудес? Или проанализировать тот факт, что он фигурирует не только в Библии, но и в Коране, и что мусульмане тоже считают, что он обладал божественными способностями? — Алекс помолчал, пристально глядя на Джека, потом продолжил: — Вы лишь хотите знать, где нам следует его искать?

— Для начала и этого достаточно, — хрипло ответил Джек.

Алекс пожал плечами и достал три листа бумаги из нижней части стопки. Они были исписаны безупречным каллиграфическим почерком. Бездушные услуги компьютерного принтера Александр Картер не принимал. Он протянул листки Джеку, который наклонился вперед, чтобы взять их. Джасмин должна была признать, что, несмотря на собственное нежелание участвовать во всем этом, она все же заинтригована. Она по-прежнему не произносила ни слова, просто сидела и смотрела на лежащие перед Джеком бумаги.

Это были списки. Три списка. Один написан зелеными чернилами, другой — черными, третий — красными. Каждый лист был разделен на четыре колонки, озаглавленные соответственно: «Источник», «Местоположение», «История» и «Достоверность». В колонке «Достоверность» каждый пункт был помечен одной, двумя или тремя звездочками. Джасмин просмотрела эти пункты. Некоторые слова просто бросались в глаза: Туринская плащаница... Плачущая статуя... Стигматы... Крайняя плоть Христова... Сантьяго-де-Компостела... Вино для причастия из Ланчано... Реликварии...

— А зачем три списка? — вырвалось у нее.

— Я несколько расширил свои интерпретации возможных источников генетического материала Христа. Красный список — это просто перечень мест во всем мире, где заявляют, что у них сохранились останки Христа. Знаете? Церкви, кафедральные соборы и тому подобное, которые заявляют, что у них хранится либо кровь, либо крайняя плоть, либо еще какая-нибудь часть его тела.

— Его крайняя плоть?

— Да, в Средние века это была весьма распространенная реликвия. Был такой момент, когда целых пять церквей утверждали, что она хранится именно у них... Далее, в зеленый список внесены все известные феномены, где видели то, что именуется «кровью Христовой». Например, плачущая статуя Мадонны в Читтавеккье на Сардинии, откуда Том привез этот липовый образец. Есть и другие примеры, на которые стоит взглянуть. Например, кровоточащая олеография из Мирабо во Франции. Или распятие Марии Хорта в Португалии...

Алекс остановил себя, словно осознав, что его унесло в сторону.

— В любом случае все они в этом списке, — заключил он и указал на третий список, выполненный черными чернилами: — Это список всех зарегистрированных фактов появления стигматов. То есть перечень тех, у кого вроде бы возникают раны, нанесенные Христу при распятии. Помните? Необъяснимые кровоточащие раны на руках, ногах и на боку. Я просто подумал, что, может быть, стоит прогнать кровь из этих «ран» через геноскоп.

Джасмин заметила, как кивает Джек, просматривая список.

Списки были подробными и четкими — заметки настоящего ученого, очень убедительные. Джека они явно захватили, да и сама она должна была признать, что здорово заинтересовалась. Алекс хорошо знал свое дело. Однако то, что их обоих так заинтриговало, было не слишком сильно выраженное возбуждение самого старика. А сейчас он явно давал Джеку возможность проникнуться идеей.

— А что означают звездочки в правой колонке? — спросил Джек. — Три — это многообещающее свидетельство, а одна — сомнительное?

— Именно так.

— Немного тут этих, с тремя звездочками, — заметил Джек, просматривая записи. — По сути дела, здесь сплошь свидетельства, отмеченные только одной.

Алекс криво усмехнулся:

— Я и не говорил, что нам будет легко. А принимая во внимание фактор времени, я бы занялся только теми, что с тремя. Остальные, несомненно, липа. Фальшивки. Я внес их в списки только для того, чтобы показать, как много есть мест, где утверждают, что именно у них хранятся эти реликвии.

— А какие, по-вашему, самые многообещающие из тех, что помечены тремя звездочками? Вы приписали здесь, где отмечено вино для причастия из Ланчано, что там хранится настоящий образец крови Христовой*. И напротив кровоточащей олеографии из Мирабо тоже.

Алекс наклонился над столом, прищулив глаза за стеклами очков, и показал Джеку парочку других записей.

— Храм Крови Христовой в Иерусалиме выглядит весьма многообещающе. Относительно, конечно. Еще стоит проверить реликвию в Сантьяго-де-Компостела в Испании. Крайняя плоть, хранившаяся в Калькате, тоже была многообещающей — но ее несколько лет назад оттуда похитили. А с остальными я не стал бы возиться.

Джек перечитал списки.

— А как насчет Туринской Плащаницы? Мне казалось, что это вполне реальная вещь.

— Нам нужны биологические останки, а не ткань.

— Ага, — кивнул Джек. — А что насчет стигматов?

Алекс пожал плечами:

— Кто знает? Пожалуй, Мишель Пикар из Парижа и Роберто Дзуккато из Турина, кажется, наиболее надежны. Остальные весьма сомнительны. Из всех пунктов во всех трех списках, должен сказать, лишь пять или шесть достойны изучения.

* Согласно христианскому вероучению, при таинстве пресуществления вино и хлеб для причастия превращаются в кровь и плоть Христову.

Джек, похоже, всерьез заинтересовался — так и донимает Алекса вопросами. А Джасмин чувствовала, что совсем запуталась. С одной стороны, она припомнила, что читала в журнале «Тайм» о многих из тех случаев, что упомянуты в списках. Это превращало для нее идею Тома из фантастической во вполне реальную. Но с другой стороны, она не могла избавиться от мысли, что сама по себе идея — сплошное святотатство. Она и так наступила на христианские принципы, занимаясь генетикой, и постоянно твердила себе, что позволить человеку умереть — гораздо больший грех, чем любое обвинение во вмешательстве в Божий промысел. В конце концов, Господь же счел необходимым наделить человечество разумом, чтобы оно познало тайны собственного существования. Но нынешняя идея была совсем из другой оперы.

Джек, не замечая ее беспокойства, был явно больше озабочен практическими соображениями.

— Хорошо, Том, может быть — всего лишь может быть, — тебе повезет. Ты находишь аутентичный образец, но ведь спустя две тысячи лет он, несомненно, будет совершенно непригоден для работы, так?

Том покачал головой:

— Это не проблема. В середине девяностых ученые уже проводили анализ ДНК останков египетских фараонов, которым более трех тысяч лет. Это на тысячу лет больше. Были даже успешно исследованы останки, которым больше пяти тысяч лет, — древних обитателей Южной Америки. Если все это время образец оставался сухим, все будет о'кей. И если мы найдем такой образец, то, вероятно, сможем его использовать.

Уверенность Тома, казалось, была абсолютной. И Джасмин впервые, насколько она могла припомнить, обнаружила, что старательно избегает его взгляда. Однако сидящий в ней ученый все же спросил ее: что, если им действительно удастся подвергнуть анализу гены человека, стоявшего у истоков величайшей религии, которую когда-либо знал мир? Человека, творившего чудеса, человека, которого многие почитают Сыном Божьим, Богом во плоти? И что они обнаружат в ДНК, извлеченной из этой плоти?

Она чувствовала, как волосы на голове встают дыбом. Да, несомненно, это не просто игра с генетикой — это гораздо более амбициозное посягательство. И гораздо более опасное — игра с генами Бога.

Том повернулся и посмотрел на нее, и когда он обратился к ней, она услышала в его голосе озабоченность.

— Джас, что-то тебя совсем не слышно. Что ты думаешь насчет всего этого?

А она и сама еще толком не понимала, что она думает. Помимо того, что ей было здорово не по себе.

— Что-то мне это не нравится. Мне кажется, что это неправильно, — быстро сказала она. Слова ее прозвучали неубедительно. Выражением лица Том показал, что ждет продолжения.

И она продолжила:

— Ты сам не понимаешь, что говоришь. Ты не найдешь того, что ищешь, в генах Христа. Ты не сможешь анатомировать то, что определяло его божественную сущность, и исследовать это под микроскопом. Его сила, — от Бога. Она духовного происхождения, не физического. Пытаясь обнаружить его ДНК, ты как бы заявляешь, что он не воскрес и не вознесся на небеса. Ты считаешь его просто обычным человеком, чьи кости теперь просто где-то валяются. А это противоречит всему, во что меня учили верить.

Том покачал головой.

— Ты полагаешь, что я попираю христианство, но это не так, — сказал он. — Мне слишком нужна твоя помощь, чтобы насмехаться над тем, что ты считаешь важным. — Он повернулся к Джеку, который задумчиво кивнул ему. — Мне нужна помощь всех вас! Без вас у меня никаких шансов!

Том снова обернулся к Джасмин, и она увидела улыбку у него на губах, но его взгляд, казалось, пронзал ее. Она была рада, что он ни слова не сказал о Холли. Это прозвучало бы как шантаж. Но она сделает все, что угодно, чтобы помочь своей крестной дочери. Ну, почти все.

Тут Алекс прокашлялся и прошелся ладонью по своим все еще густым седым волосам. Старый теолог вышел из задумчи-

вости и заговорил, словно пытаясь решить какую-то трудную задачу.

— Вовсе не обязательно, чтобы это противоречило вашей вере, Джасмин, — мягко произнес он.

Ее пальцы машинально гладили ручку кофейной чашки.

— Как же это? — спросила она.

Старик поднялся на ноги и начал расхаживать по кухне, заложив руки за спину, словно читал свою обычную лекцию. По теологии.

— Итак, воскресение и вознесение на небо. Эти понятия стоят в самом центре вашей религии. Без них нет и христианства, верно?

Она кивнула.

Алекс указал на лежащие на столе бумаги:

— Но если вы посмотрите в эти списки, то не увидите в них ни единого упоминания о физических останках Иисуса, иначе это бросало бы тень сомнения и на воскресение, и на вознесение. Все перечисленное связано с тем, что могло иметь отношение к его телу до его смерти: волосы, кровь и даже знаменитая обрезанная крайняя плоть. По правде говоря, я не смог обнаружить ни записей, ни утверждений о наличии реликвий, которые отрицали бы центральное положение христианства. Даже оссуарии*, обнаруженные в Иерусалиме в 1996 году, те самые, в которых, по утверждениям некоторых, хранились кости Христа, были пусты. Итак, даже если бы мы возжелали подвергнуть нападкам вашу веру, то не нашли бы ничего для этого подходящего.

Джасмин неопределенно пожала плечами, ожидая продолжения.

— Вы ведь верите, что Христос — это воплощение Господа, верно? Сын Божий во плоти?

— Да, верю.

— Но в вашей религии нет ни единого упоминания о том, каким образом Господь передал свою силу и власть своему Сыну, не так ли?

* Оссуарий — каменный, глиняный или деревянный сосуд для хранения костей умершего.

Она настороженно нахмурилась:

— Нет, ничего такого...

— Значит, Господь мог передать силу и власть духовным образом или — и как раз этого-то мы и не знаем! — Христос мог быть в буквальном смысле этого слова воплощением Господа, самим Господом, обретшим плоть. И таким образом, наряду со способностью общаться со своим Отцом посредством молитвы, он мог — допустим такую вероятность — получить от него нечто, заключенное в его генах, что давало ему власть и силу — частицу божественности, если угодно. — Старик помолчал, глядя на нее и поигрывая своими карманными часами, засунутыми в жилетный кармашек. — Это возможно, Джас?

— Возможно, только...

— И неужели вам не хотелось бы это обнаружить?

Как обычно, слова Алекса заставили ее напряженно думать. Сидящий в ее душе ученый сейчас противостоял христианке и ставил вопрос огромной важности: что, если бы оказалось возможным обнаружить божественные гены в ДНК Иисуса?

Алекс вернулся на свое место и откинулся на спинку стула, чуть расслабившись. Потом продолжил:

— Вы будете правы, утверждая, что Иисус мог получить власть и силу чисто духовным образом. Но если это не так, если его божественная сущность, как вы ее называете, скрыта в его генах, это также никоим образом не идет против вашей веры. В любом случае ваша вера остается при вас. — Тут старик наклонился вперед, и его глаза вспыхнули юношеским энтузиазмом. — Но вы только представьте себе на секунточку, что нам удалось выделить то, что сделало его тем, чем он был, — исключением — и использовать это, чтобы помочь человечеству. Не только Холли, но всем. Может ли ваш Господь быть против подобного? И не та ли это цель, ради которой он, прежде всего прочего, и направил Сына своего в наш мир? Кто знает? Вполне возможно, именно в этом и заключалось его намерение.

Джасмин отвернулась от Алекса и снова посмотрела на Тома. Перед ней сидел человек, который не разделял ее веру,

зато ценности у них обоих были одни и те же. И он был в большей степени христианином, нежели большинство тех, что встречались ей в жизни. И еще она подумала о своей крестной дочери, храбром и умном ребенке, который заслуживал, чтобы ради него был использован любой шанс.

Когда они с Томом встретились взглядами, она уже знала, что свой выбор уже сделала.

— Думаю, вы не правы, — сказала она. — И не думаю, что вы найдете то, что ищете. — Джасмин оглядела всех собравшихся вокруг стола — Джека, Алекса и Тома. Это были ее друзья, почти ее семья. — Мне надо подумать. Утро вечера мудренее — утром я сообщу свое окончательное решение. Но если вы все — за, пока можете считать, что я с вами.

Она попыталась улыбнуться, но в глубине души ее все еще звучал слабый голос протеста, который она никак не могла заглушить.

Том Картер смотрел на всех с благодарностью. Одно то, что ему удалось поделиться этой сумасшедшей идеей с теми, кому он больше всего доверял, сняло с него тяжкий груз, принесло невероятное облегчение. Последние несколько дней мысли так и бились у него в голове. Настроение прыгало — от полной уверенности, что идея сработает, до ужаса, что посмел вообразить такое. Помог отец. Он не только принялся изучать вопрос, но и взял на себя роль, которую обычно выполняла Оливия, — задавал вопросы, помогал выстроить спутанные мысли в логическую цепочку. В конечном итоге они свели все к трем «если» и одному «тогда».

Если им удастся найти образец ДНК Христа и обнаружить уникальные гены, обладающие целительными свойствами, и если они смогут задействовать эти уникальные гены или синтезированные ими белки, тогда, возможно, им удастся вылечить Холли и кто знает кого еще.

На первый взгляд проще некуда.

Однако было просто жизненно необходимо привлечь на свою сторону остальных. Джек, как обычно, более всего был

озабочен чисто практическими проблемами, но Том здорово просчитался насчет Джасмин. Почему-то он решил, что, будучи истинной христианкой, она тут же начнет рукоплескать его стремлению обратиться за спасением к Христу. Но понял, как ошибался, едва увидел ее лицо. К счастью, Алекс помог и здесь. Что ж, самое время делать следующий шаг.

— Как Джек уже заметил, — осторожно произнес Том, — наша первоочередная задача — найти эту ДНК. Иначе идея останется лишь идеей. Я попробую получить образцы крови у тех, кто страдает от стигматов. — Он обернулся к Джасмин: — Джас, ты можешь отключить один из геноскопов от общей сети и закачать в него самое последнее программное обеспечение? Еще его нужно будет отформатировать так, чтобы можно было работать со старой и, вероятно, подпорченной ДНК. И проверь, пожалуйста, базу данных ИГ — нет ли там среди наших пациентов случаев исцеления одной верой? И если есть, выясни, нет ли у них каких-нибудь необычных генов. Это, конечно, выстрел с очень дальним прицелом, но попробовать стоит.

— О'кей. Только зачем отключать геноскоп?

— Я хочу, чтобы работа велась втайне от других сотрудников компании, кроме самых доверенных лиц, если нужно будет привлечь кого-то еще. Так что придется к тому же отгородить часть лаборатории Менделя. И поместить геноскоп туда.

— Сколько понадобится места? — хмурясь, спросил Джек.

— Немного. Скажем, пятая часть второго этажа. Можем использовать задние помещения — лабораторию Крика и конференц-зал. Этого должно хватить.

— А это не отразится на других проектах?

— Думаю, справимся. И я действительно считаю, что все это должно сохраняться в тайне. Я особенно не хотел бы, чтобы про это пронюхали наши коллеги из Национального института здравоохранения. У нас нет времени выбивать из них решения.

Джек снова нахмурился:

— Мне тоже так кажется. Если уж у Джас возникают сомнения насчет этого проекта, можно себе представить, какотреагируют эти ребята. Кроме того, я полагаю, что наши акционеры тоже ничего не поймут. Нам нужно придумать какое-то прикрытие.

Том уже придумал.

— Мы можем начать осуществление нашего проекта под маркой выявления и исследования так называемого вредного гена. Помните это бездарное предложение президента, которое он пытался нам втереть?

— Ты имеешь в виду проект «Криминальный ген»? — вспомнила Джасмин.

— Ага, именно его. Если кто-то сунет нос, мы всегда можем сказать, что передумали и теперь считаем, что такие гены могут существовать — гены, отвечающие за хорошее или дурное поведение. И что это пробное исследование, попытка ответить на данный вопрос. — Том помолчал, потом добавил с нажимом: — Но это только прикрытие, и мы воспользуемся им только в случае необходимости — чего, надеюсь, не случится.

— О'кей, — кивнул Джек. — Я займусь перестановкой. И еще — тебе нужны будут коды доступа к финансовым счетам. Что еще от меня требуется?

Том подумал. Этот момент будет, видимо, самым трудным.

— Мне нужен твой совет на предмет тех четырех или пяти образцов из списка Алекса. — Он протянул руку через стол, взял бумаги и стал их проглядывать, выискивая нужные пункты. — Вино для причастия из Ланчано, реликвии из Сантьяго-де-Компостела, кровоточащая олеография из Мирабо и реликвии храма Крови Христовой в Иерусалиме.

— Какой совет?

— Как это заполучить.

Джек, кажется, понял — черты его лица разгладились.

— Стало быть, как я понимаю, разрешения ты спрашивать не намерен?

— Времени нет. Как и гарантий, что мы его получим, даже если попросим. Да и нужно-то нам совсем малость — соскоб, не более. Никто и не заметит.

— И ты хочешь, чтобы я нашел людей, способных раздобыть нужное?

— Именно.

Лицо Джека вдруг расплылось в совершенно пиратской ухмылке. Как Том и надеялся, бывший фэбээровец был просто счастлив тряхнуть стариной.

— Когда тебе все это нужно?

— Как можно скорее. Сейчас середина февраля — значит, самое позднее к концу марта. О'кей? — Том обвел всех взглядом. Сейчас он ощущал себя королем Артуром — все кивали ему в ответ, как рыцари Круглого стола, готовые отправиться на поиски Святого Грааля.

Джек — он сейчас был Мерлином — протянул руку к папке, лежащей возле Алекса, и потянул ее к себе.

— Проект «Кана»? — прочитал он название на обложке. — Значит, так мы это и будем называть?

— Это идея Алекса. — Том кивнул в сторону отца.

Джек отодвинул папку:

— Но почему «Кана», Алекс?

— Кажется, я уже догадалась, — подала голос Джасмин, прежде чем Алекс успел ответить. — На свадьбе в Кане Галилейской Иисус Христос превратил воду в вино.

— Ну да. — Джек пожал плечами. — И что?

— Это было первое чудо, которое он сотворил, — улыбнулась Джасмин. — Самое первое и одно из многих.

ЧАСТЬ II

ПРОЕКТ «КАНА»

Глава 12

Три недели спустя. Париж

Мария Бенарьяк сидела в прокуренном кафе на рю Кастильоне и неторопливо пила кофе. Взглянув на часы над барной стойкой, возле которой полноватого вида хозяин заведения пытался уболтать какую-то стареющую блондинку, она убедилась, что уже почти два пополудни. Мария давно, уже почти три часа, вела наблюдение за клиникой по ту сторону залитой дождем улицы, силясь понять, зачем доктор Картер арендовал там небольшое хирургическое отделение.

Со времени поездки Картера на Сардинию три недели назад Мария не спускала с него глаз, несмотря на приказ брата Бернарда. Последний ее просто взбесил: когда она в очередной раз связалась с Поборником Второго императива, чтобы поинтересоваться его планами в отношении ученого, ей было весьма недвусмысленно приказано держаться от него подальше. А когда она спросила почему, он лишь посоветовал ей не поддаваться своей навязчивой идее.

Навязчивая идея? Да ничего подобного! Просто она озабочена сложившимся положением, которое больше никого не волнует, потому что, видите ли, Бернарду Триру нет до него дела. Но ее роль в организации заключается в том, чтобы осуществлять праведные убийства. К этому ее и готовили. Стало быть, раз этого ученого сочли кандидатом на смерть в Стокгольме, то каковы основания не считать его таковым теперь? Что изменилось?

Да и кто такой этот брат Бернард, чтобы ей указывать, от кого следует держаться подальше и от кого не следует? А каким тоном он ей напомнил, что она всего лишь «оперативник»? Да одного этого тона достаточно, чтобы вывести ее из себя и толкнуть на самостоятельные действия! Как будто она и не член братства! Как будто она просто наемник, которому можно приказывать всё, что заблагорассудится. Она сделала глубокий вздох, пытаясь успокоиться. Ну ничего. Как только ей удастся собрать данные, подтверждающие ее подозрения, святой отец и брат Бернард будут вынуждены прислушаться к ее словам.

Следить за доктором Картером было легко. Вся охрана сводилась лишь к патрульной машине, которая по временам проезжала мимо его дома и сопровождала его на работу и с работы. Но вне Соединенных Штатов он был сам по себе, если не считать Джека Николса, который иногда появлялся вместе с ним. Она уже съездила с доктором Картером в Турин и во Франкфурт, и вот теперь оказалась в Париже.

— *Encore un safe?** — Толстяк — хозяин бара вдруг оказался рядом. В руке он держал кофейник. Она подняла глаза и увидела, что он плотоядно пялится на нее. Плотское желание так и сверкало в его маленьких, как бусинки, глазках — это напомнило ей о Слае Фонтане. И разбудило старые воспоминания — а еще панику, мертвыми тисками сжавшую сердце. Она мгновенно пожалела, что не пришла сюда, переодетая мужчиной, и ответила на вопрос самым холодным тоном:

— *Non, merci***.

Что-то в ее облике, видимо, отпугнуло хозяина: он перестал пялиться и ухмыляться, неуверенно, почти нервно помотал головой и удалился.

На той стороне улицы остановилась большая черная машина. Водитель вышел и открыл заднюю дверцу. Мария сначала не обратила на это внимания, все еще во власти пережитого. Но потом заметила, что дверь клиники приоткрывается и на улицу, под дождь, выходит доктор Картер. В руках у него зон-

* Еще кофе? (фр.)

** Нет, спасибо (фр.).

тик и какой-то конверт. Мария тут же вспомнила, что когда он встречался с тем человеком — возле клиники в Турине, тот тоже держал в руках конверт. И так и ушел с этим конвертом, зажав его в руке. Что это? Плата за что-то? Если да, то за что?

Мария со стулом придвинулась вперед и прилипла к окну. Доктор Картер подошел к машине, наклонился и вытянул руку с зонтом вперед, словно намеревался помочь пассажиру выйти и укрыть его от дождя. Когда он снова выпрямился и отступил от машины, Мария и в самом деле увидела маленькую пожилую женщину, опиравшуюся на его руку. Они пошли обратно к клинике. Старушка двигалась так, будто ходьба причиняла ей острую боль. Мария ощутила, как что-то сжалось у нее в груди, и поняла, что ее подозрения полностью оправдываются. Подняв свой «олимпус», она посмотрела сквозь объектив, внимательно изучая руки женщины.

Щелк-уирррр. Щелк-уирррр. Щелк-уирррр.

Три снимка. Автоматическая перемотка в кафе почти не слышна.

Да, думала она. Все как с тем человеком в Турине — руки замотаны толстым слоем бинтов.

Том предложил старушке кофе, прежде чем провести ее в маленькую операционную, которую снял на время у местного врача, приятеля Жан-Люка. Помещение было на удивление похожим на те маленькие белые операционные, которые он снимал в нескольких других городах Европы, где побывал за последние три недели. Раковина для умывания, обитая кожей кушетка, стул с жесткой спинкой, медицинский шкафчик и белый стальной столик — вот и все убранство. В этой операционной, в дальнем ее конце, мини-лаборатория.

В глубине души он прекрасно осознавал, что то, чем он сейчас занимается, выходит за рамки науки. В основе проекта «Кана» научного содержалось крайне мало. Только дикая, необузданная дерзость. Абсурд. Но ему и нужно было в общем-то чудо. А как сказала Джасмин по поводу паломничества в Лурд, надо идти туда, где чудеса происходят.

Он усадил Мишель Пикар на кушетку.

— Давно у вас начали появляться эти раны? — спросил он на своем хромящем французском, разматывая бинты.

— Уже семь лет. В первый раз они появились, когда мне было шестьдесят пять. Когда умер мой муж.

— И они все время открыты и кровоточат?

— Нет, только с пятницы до воскресенья. И в понедельник заживают. Потом вообще исчезают: со вторника по вторую половину дня пятницы их нет.

Том кивнул. Картина была типичной. Подобное он уже видел. Но это его ни разочаровывало, ни вдохновляло. Он просто еще раз убедился в том, что плывет совершенно не исследованными морями, и был намерен сдерживать свой природный скептицизм и исследовать факты. Он осторожно снял последний слой марли с запястий старушки. Следы явственно были видны и на ладонях, и на тыльной стороне. И, как обычно, только выступившая кровь, следы же инфекции или воспаления отсутствовали. Но раны были глубже и больше, чем все виденные им раньше.

Теперь ноги. Сняв повязки, он обнаружил тут такие же раны — открытые и сочащиеся свежей кровью. То же самое — и с раной на боку. Его даже передернуло, когда он смотрел на все это.

— Очень больно?

Маленькие глазки старушки улыбались.

— Это и хорошо. Боль меня утешает.

А вот на это ответа не было. Он взял пять мазков — по одному из каждой раны, поместил образцы в отдельные пробирки с этикетками и запечатал их. Потом взял анализ крови из вены в шестую пробирку. Задав старушке еще несколько вопросов, он снова перевязал ее. Покончив с этим, Том поблагодарил даму, проверил, не забыла ли она конверт с деньгами, и проводил ее обратно к машине.

Мишель Пикар, кажется, была разочарована, что все прошло так быстро; она как будто намеревалась подробнее рассказать ему о своих стигматах. Но Том устал, да и уже слышал он все эти истории. Сейчас ему нужны были только образцы для анализа. Они сами все ему расскажут. Другие стигматы, которые он исследовал до этого, не дали ничего, что представ-

ляло бы реальный интерес. Два случая оказались полной ерундой — людей просто толкала на авантюру какая-то паскудная жажда славы и денег. В других случаях, включая Роберто Дзукато из Турина, кровь была генетически ничем не примечательной. Случай с Мишель Пикар выглядел более обнадеживающе, но окончательно все покажут только анализы. Уж они-то не солгут.

Проводив старушку, он вернулся в лабораторию и занялся упаковкой исследовательского материала, горя нетерпением двигаться дальше. Он уже больше недели не видел Холли, и не увидит, пока не встретится завтра в Италии с Джеком. За Холли пока присматривает Алекс. Она привыкла к его частым отъездам, но он все равно скучал по дочери. «Какого черта я здесь торчу?» — снова и снова задавал он себе один и тот же вопрос. И, как всегда, ответ находился один-единственный: «Пытаюсь дать Холли шанс».

Он открыл портфель, проверил образцы. Почти все гнезда для пробирок были заполнены. Он решил провести предварительное сканирование шести образцов крови Мишель Пикар. С собой в Италию, а потом в Бостон он возьмет только те, что представляют интерес, пусть самый ничтожный.

Сначала он занялся образцом крови с раны на руке старушки, потом кровью, взятой у нее из вены; это был единственный образец ее крови не из раны. Первое, о чем он подумал, увидев результат этого второго анализа, — это что он, должно быть, допустил какую-то ошибку. Он еще раз проверил пробирки: нет, никакой ошибки.

Он нахмурился и почувствовал дрожь возбуждения.

— Очень странно! — пробормотал он. — Очень-очень странно!

Адриатическое побережье Италии

Вечером следующего дня Том Картер стоял на палубе рыбацкого суденышка, приближавшегося к Адриатическому побережью Италии, и все еще пытался решить загадку, которую задала ему

Мишель Пикар. Два часа назад он рассказал обо всем Джеку, когда они поднимались на борт этого кораблика в Пескаре.

— Скорее всего полный вздор, — заявил бывший фэбээровец и, связавшись с какими-то своими «друзьями», попросил их хорошенько проверить старую даму.

Судно качнулось, и желудок Тома подскочил к самому горлу. Загадка стигматов Мишель Пикар вдруг показалась ему совершенно незначашей. Он застонал и чуть присел, пытаясь подстроиться под ритм качки, пока команда ставила суденышко на якорь. Переход из Пескары был относительно коротким, но он плохо переносил путешествия, особенно морские.

Он стоял рядом с Джеком, который, будто назло, не обращал никакого внимания на качку. Ночь была ясная и удивительно теплая для начала марта. Уже был виден берег, подсвеченный луной, — бледный серебристый его кусочек. Том внимательно изучал береговую линию, высматривая тех, кого они ожидали, и желудок его судорожно сжимался от каждого удара волны в борт посудины.

Внезапно он почувствовал руку Джека у себя на плече и услышал его смешок:

— С тобой все в порядке? А то ты какой-то зеленый.

— Я и чувствую себя так же. Как зеленая плесень, — буркнул Том. Это помогло ему чуть отвлечься. Те, с кем они должны здесь встретиться, явно опаздывают.

С ними договорился Джек, это были его «контакты», оставшиеся с былых времен, — Голландец и Ирландец. Перед ними была поставлена задача посетить места, указанные в списке, и «снять» нужные образцы. Том снабдил их всем необходимым и подробными инструкциями, как хранить и перевозить добытый материал. Все делалось с соблюдением необходимых предосторожностей, так что заподозрить какую-либо связь де-лишек этих профессиональных грабителей с «Джиниус» было невозможно. Но поскольку нынешняя вылазка была последней — эти двое должны посетить церковь в Ланчано, — он решил присоединиться к Джеку и лично принять у воров «добычу». Конечно, он рисковал. Но убедил себя, что это необходимо, чтобы обеспечить полную безопасность доставки образ-

цов. К тому же это было заманчиво, сулило приключения. Но теперь, хотя Джек с явным наслаждением снова окунулся в атмосферу бурной и опасной оперативной деятельности, Том пожалел, что не отправился сразу домой, к Холли.

— Чтoб я еще раз пошел на такое!.. — пробормотал он себе под нос, ощутив очередные конвульсии желудка. Перегнулся через фальшборт, и его вырвало, почти всухую. Выпрямился, немного отдышался, глотнув холодного солоноватого воздуха.

Джек протянул ему инфракрасный бинокль:

— На-ка вот. Это тебе поможет.

Том застонал, поднес бинокль к глазам и стал осматривать берег. В окулярах все перед ним предстало словно освещенное зеленым светом. Детали пейзажа выглядели четче, и он заметил маленькую резиновую лодку на песчаном пляже, но ни Голландца, ни Ирландца рядом с ней не было.

Ну-ка! А это что?!

Он мог бы поклясться, что видит отблеск лунного света от чего-то металлического или стеклянного — там, справа, у самой скалы. По спине его пробежал холодок. Неужели за ними кто-то следит?

Тут он заметил, что по пляжу, по направлению к лодке, бегут две фигуры. Он коснулся руки Джека:

— Вот они!

Голландец — он был выше — бросил в лодку сумку и помог Ирландцу столкнуть надувное плавсредство в набегающие волны. Оба запрыгнули в лодку и заработали веслами, держа курс прямо на рыбацье судно. Том снова навел бинокль на правую часть пляжа, туда, где скалы. Ничего. Никакого блеска. Видимо, показалось.

Через пару минут лодка подошла к борту, и Том с Джеком помогли гребцам подняться на палубу.

— Проблемы были? — спросил Джек.

Голландец ухмыльнулся, показав отличные белые зубы:

— Нет, в церкви все прошло тихо.

Ирландец сунул руку в большую сумку, которую его напарник поставил на палубу, достал оттуда алюминиевый кейс и потрепанный список.

— Все здесь. С наклейками и в том порядке, как вы хотели. Том просмотрел список. Все пять пунктов были зачеркнуты. Он заглянул в кейс-холодильник: во всех пяти гнездах стояли стеклянные пузырьки с этикетками. Он защелкнул кейс и крепко прижал его к себе.

— Отлично сработали.

Голландец кивнул:

— Ага. В Сантьяго, в Испании, возникла небольшая проблема. Какой-то умник засунул кровь в специальный контейнер, снабженный устройством самоуничтожения, если кто-то вздумает его открыть.

— И?.. — спросил Джек.

— Не беспокойтесь. Ирландец нашел способ взять пробу.

— А как с образцом из Ланчано? — поинтересовался Том. Этот его интересовал более всех остальных. Вино для причастия, обратившееся в Кровь Христову, более десяти лет назад было датировано с помощью радиоуглеродного анализа учеными из Оксфорда, и результаты этой датировки были особенно многообещающими.

— Как я уже сказал, легко. Никакой охраны. Не беспокойтесь, в любом случае никто и не узнает, что мы там что-то взяли.

Джек достал из кармана пиджака конверт и протянул Голландцу:

— Все в иенах. Отследить невозможно.

— Спасибо, мистер Николс. Прямо как в старые добрые времена! Работать с вами — одно удовольствие!

Голландец взял деньги и сунул в сумку не пересчитывая.

— Мы высадим вас в Пескаре, как договаривались. А там добирайтесь как хотите.

Когда «контакты» спустились в кубрик, Том снова открыл кейс и осмотрел ряд аккуратно упакованных пузырьков. Каждый имел наклейку с датой и адресом. На последнем значилось: «Кровь Христова из Ланчано, Италия. 6 марта 2003 г.». Осторожно Том взял пузырек и поднял повыше, чтоб на него упал лунный свет. Порошок цвета ржавчины в пузырьке засветился, словно это был толченный рубин.

— Это то, что нужно? — спросил Джек под скрип выбираемого командой якоря.

Тома била дрожь, и это не имело никакого отношения к холодному ночному бризу, что дул над Адриатикой, и когда судно взяло курс на Пескару, он вдруг обнаружил, что морская болезнь отступила.

Он обернулся к Джеку и шепотом сказал:

— Результаты тестов, проведенных в Оксфорде, говорят, что данному образцу две тысячи лет. Кровь принадлежит человеку, мужчине. — Он помолчал и улыбнулся: — Это, несомненно, повышает наши шансы на успех, не так ли?

Шелк-уиррр. Щелк-уиррр.

Мария Бенарьяк стояла возле скалы на темном пляже, держа в руках фотокамеру с включенным режимом ночного видения, и смотрела, как рыбацье судно удаляется от берега. Тело ее застыло от холода, но внутри у нее все горело: гнев смешался с праведным возмущением.

Сомнений больше нет. Она не только убедилась в том, что доктор Картер изучает стигматы, но и видела, как двое воров выкрали священную реликвию из церкви в Ланчано! А если и этого мало, то она видела еще и как Джек Николс заплатил за украденное, а Картер тут же стал разглядывать его в свете полной луны!

Невероятно. Доктор Картер не только проигнорировал ее угрозу, он еще и дразнил ее, оскверняя своим святотатством все вокруг. Этот дьявол явно желает принести в жертву святыне христианские реликвии, возложив их на черный алтарь генетики. Если раньше она считала Картера угрозой, то теперь, она была в этом совершенно уверена, он являет собой нечто гораздо более опасное. Зачем еще смертный будет искать гены Господа, если не для того, чтобы самому занять его место?!

Следующее утро. Южный Бостон, начальная школа

Первая клетка отказалась выполнять инструкции, полученные от ее генетического кода, ровно в 11 часов 09 минут в пятницу, 7 марта 2003 года.

Холли сидела между Дженнифер и Меган во втором ряду в своем классе. Шел урок французского. Когда она с готовностью подняла руку, чтобы ответить на вопрос миссис Бреннан «Comment allez-vous?»*, она была еще вполне здоровой девочкой, которой оставалось всего несколько дней ждать своего очередного дня рождения. Но несколько секунд спустя, когда она ответила: «Je vais bien, Madame Brennan»**, — и опустила руку, она уже была больна раком, и до дня ее смерти осталось всего несколько месяцев.

В эту долю секунды глиальная клетка в ее мозгу дегенерировала — и началась первая мутация в цепи клоновой эволюции, которая неизбежно приведет к раку. Простая вещь, словно выключатель щелкнул — и здоровая девочка превратилась в смертельно больную.

Каждая клетка в организме человека строго контролируется: ее смерть, обновление и размножение — все это четко управляется генетическими инструкциями, записанными в ДНК. В ту секунду, когда ген p-53 исчез из пораженной глиальной клетки в мозгу Холли, этот четкий контроль был нарушен и клетка начала делиться, образуя множество других таких же клеток с дефектной ДНК.

Клоновая эволюция проходит шесть стадий, и на первой стадии дефектная клетка в организме Холли начала следовать новым, неправильным указаниям. Эти указания отключают тормоза в ядре клетки, так что она продолжает делиться и бесконечно размножаться. Сама клетка кажется нормальной, но, беспрепятственно размножаясь, она клонирует собственную дегенеративную ДНК и создает другие «неправильные», мятежные клетки, которые, в свою очередь, вытесняют генетически послушных соседей. А поскольку антитела данного организма не опознают эти мятежные клетки как чужие, те продолжают без помех множиться.

Вторая мутация происходит тогда, когда пока еще нормальные мятежные клетки начинают размножаться в ускоренном

* Как поживаете? (фр.)

** Хорошо, мадам Бреннан (фр.).

темпе, создавая давление на окружающую среду — соответствующие органы.

В ходе третьей мутации в цепи клоновой эволюции клетки размножаются еще более быстро, причем некоторые из них претерпевают структурные изменения. К тому моменту, когда это начнется, весь набор ключевых генов в хромосоме 9 организма Холли будет уже уничтожен.

Четвертая, и финальная, мутация обычно заключается в том, что клетки становятся злокачественными, раковыми. К этому времени один экземпляр хромосомы 10 теряется целиком вместе со всеми генетическими указаниями, которые в ней содержались. Клетки на этой стадии повинуются только своим собственным эгоистичным приказаниям: выживать и множиться; они не понимают, что убивают хозяина.

Самая жуткая ирония заключается в том, что рак — это нечто вроде попытки клетки стать бессмертной. Этот эгоистичный поиск бессмертия и есть то, что губит весь остальной организм. И конечно, когда организм умирает, раковые клетки умирают вместе с ним.

Но пока Холли сидела в классе рядом с подругами и ничего об этом не знала. Она пребывала в счастливом неведении, не зная, что внутри ее уже сидит предатель, поднявший против нее мятеж. Пройдут недели, может быть, даже месяцы, прежде чем она почувствует какой-то дискомфорт. Ее отец будет первым, кто узнает о ее состоянии, когда она пройдет очередной сеанс компьютерной и позитронно-эмиссионной томографии. Тогда и обнаружится еще почти незаметное новообразование. Конечно, даже тогда Холли скорее всего ничего не поймет. Если отец будет выглядеть несколько более озабоченным после их очередного посещения больницы, она решит, что у него, видимо, просто плохое настроение.

Она не будет даже догадываться о том, что к тому времени уже станет известно ее отцу: пророчество геноскопа начало осуществляться. Спящий враг в ее теле не только проснулся, но и начал свой безнадежный и фатальный поход за бессмертием.

Глава 13

Три дня спустя. Женева

Прошло три дня после того, как Мария Бенарьяк выследила доктора Картера и Джека Николса у побережья Италии. Сейчас она сидела в роскошном холле отеля «Ла Сиконь», наслаждаясь обилием полированного дерева и белого мрамора, и ждала, когда ее вызовут. Она уже не раз бывала в этом малоприметном жевевском отеле. Здесь она всегда встречалась со святым отцом. Ей было известно, что отцу Изекелю де ла Круа очень нравится здесь, поскольку гостей в отеле всегда обслуживали с безупречной вежливостью и отличным вкусом и никогда не задавали никаких вопросов. Он держал здесь за собой номер люкс, которым регулярно пользовался, когда наезжал в Женеву для проверки банковских счетов братства.

Мария взглянула на изукрашенные напольные часы, стоявшие возле стойки администратора. Она ждала уже почти двадцать минут. Обычно святой отец принимал ее тотчас же, но, как она предполагала, сегодня ему предстояло принять много решений. Фотографии и записи, которые она переслала брату Бернарду, видимо, заставили их здорово поломать голову. Она скрестила ноги, расправила свою простую темно-синюю юбку и отпила минеральной воды. Ничего, ей спешить некуда.

Звук шагов по мраморному полу заставил ее обернуться в сторону лифтов. Она взяла свой небольшой атташе-кейс и встала, увидев, что к ней приближается толстый брат Бернард. Одет он был в строгий темный костюм. Бородка его нынче выглядела более неухоженной, чем обычно, а пухлые, вытянутые вперед губы кривились в знакомой усмешке.

Не удосужившись поздороваться, он бросил ей короткое «Пошли!» и повернул обратно к лифтам. Пока они поднимались на третий этаж, ни один не произнес ни слова, да и когда шли по длинному, обшитому деревянными панелями коридору от лифта к двери люкса с номером 310, тоже молчали. Марию подмывало спросить, что он понял из полученных

материалов и чем, по его мнению, может сейчас заниматься доктор Картер. Но она хранила молчание. Что же касается похвалы за проникновение в планы опасного ученого, то она давно уже не ждала ее, да и не желала ничего подобного от брата Бернарда. Только одобрение святого отца что-то для нее значило.

Следом за Бернардом она вошла в люкс. Ее глазам открылась освещенная мягким светом гостиная с гигантским кремового цвета диваном и двумя такими же креслами. На диване сидел высокий мужчина. Она быстро осмотрела всю эту прекрасно обставленную комнату, и когда убедилась, что здесь больше никого нет, даже не попыталась скрыть свое разочарование.

— А где же святой отец? — спросила она.

Высокий мужчина встал с дивана. Худой, в очках с тонкой оправой. Несмотря на лысеющий череп, он выглядел значительно моложе Бернарда. Мария уже дважды встречалась с братом Хеликсом Керкэмом, это было несколько лет назад, и сейчас не могла понять, что он тут делает. Он был Поборником Первого императива, а сейчас дело касалось только Второго императива.

Брат Хеликс улыбнулся ей и сказал:

— Оперативник Немезида, отец Изекель сегодня не будет присутствовать на нашей встрече. Но он просил нас передать тебе, как высоко он оценивает твою бдительность. — Он протянул ей правую руку и произнес: — Да будет он спасен!

Она ответила на ритуальное приветствие и, опустив взгляд на стеклянный кофейный столик рядом с Хеликсом, увидела на нем свои фотографии и записи.

— Что, мои материалы не пригодились?

— Напротив, — улыбнулся Хеликс. — Они оказались настолько важными и интересными, что святой отец должен был отложить принятие решений по некоторым нашим планам, имеющим к этому отношение. — И сделал ей знак садиться. Она неохотно села.

Брат Бернард уселся на диван рядом с Хеликсом и спросил:

— Ты привезла оригиналы и негативы, как мы просили?

Она открыла кейс, достала пластиковую папку, в которой держала все собранные «улики», и протянула ему.

— Это должно убедить вас в том, что этого ученого нужно остановить как можно скорее. Я готова действовать.

Бернард и Хеликс продолжали просматривать ее заметки и снимки. При этом они не раз и не два обменялись взглядами и едва заметными кивками.

Хеликс первым поднял взгляд на нее и спросил:

— Чем, по-твоему, сейчас занят доктор Картер?

— Он пытается тайно использовать ДНК Господа Бога.

— А каковы его мотивы? — Хеликс задал свой вопрос небрежно, словно уже знал ответ.

Она пожала плечами. Она уже много думала об этом, даже просматривала некоторые книги, пытаясь осмыслить его действия. Она даже сидела позади доктора Картера и Джека Николса в самолете во время рейса из Италии, пытаясь подслушать их разговор. Но все, что она услышала, было только одно название: «Проект “Кана”».

— Мне точно неизвестно, каковы его мотивы. Возможно, он хочет дискредитировать религию, доказав, что Иисус был всего лишь смертным. Или, может быть, он стремится каким-то образом поставить себе на службу способности Христа. — Она сделала паузу и перекрестилась. — А может, пытается клонировать Иисуса?

Хеликс покачал головой:

— Нет, такое пока еще невозможно. Даже доктор Картер считал бы это слишком трудной задачей. До клонирования человека еще далеко, несколько десятков лет.

Она сидела и ждала, когда Хеликс поделится собственными мыслями на сей счет. Всем было известно, что этот сравнительно молодой Поборник Первого императива отлично разбирается в современных технологиях. Но брат Хеликс не стал с ней ничем делиться.

— А как думаешь ты, зачем он этим занимается? — подтолкнула его она.

Хеликс отвел взгляд:

— Я еще не до конца уверен... Это, видимо, имеет какое-то отношение к идее выделить гены Христа. Он, кажется, полагает, что если ему удастся обнаружить и использовать эти гены, то он сумеет создать чудодейственное лекарство, панацею от всех болезней. С коммерческой точки зрения это может сделать его очень богатым, богаче, чем сейчас. И, что еще более важно, даст ему огромную власть и могущество. — Хеликс вздохнул. — Но тебе больше не следует им заниматься.

Она пришла в ужас:

— Что ты хочешь сказать? Больше им не заниматься?!

Тут брат Бернард наклонился вперед:

— Немезида, позволь мне объяснить, что ты должна сделать. Ты слушаешь?

— Да, конечно.

— Хорошо. Все очень просто. — Она заметила у него в руках конверт из манильской бумаги. — Я хочу, чтобы ты не делала ничего. Тебе следует оставить его в покое, пока я не отдам тебе иной приказ. У тебя теперь другие задачи. Другие праведные убийства, которые требуют твоего опыта и умения; вот список, в этом конверте.

Мария сначала похолодела, потом вдруг почувствовала резкий жар.

— Это из-за того, что произошло в Стокгольме, да?

Бернард покачал головой:

— Нет, к Стокгольму это не имеет никакого отношения. Просто у нас теперь другие планы в отношении доктора Картера.

— Какие планы? Вы хотите передать дело Гоморре? Да у него никакого воображения! Он бы никогда не выяснил, чем занимается этот ученый! Это мне принадлежит право...

— Немезида! — прервал ее брат Бернард, повысив голос. — Праведное убийство доктора Картера отложено на неопределенный срок! Это приказ! Выполняй!

Она не верила своим ушам.

— Отложено? Но почему? Я требую, чтобы мне дали возможность встретиться со святым отцом. Уж он-то...

На сей раз ее перебил Хеликс:

— Все уже решено, Немезида. Отец Изекьель сам принял это решение. Так что не вмешивайся.

Она заметила, что брат Бернард зло уставился на Хеликса, крайне недовольный тем, что коллега пытается успокоить его подчиненную. Потом он повернулся к ней, разъяренный, что она посмела усомниться в его решении в присутствии Хеликса.

— Немезида, ты и так слишком увлеклась этим делом. Ты всего лишь оперативник. Все стратегические приказы ты получаешь от Внутреннего круга, от меня. Если ты еще раз посмеешь поставить их под сомнение, тебя отстранят от дела. Или даже заменят. Гоморра, может быть, не столь изобретателен, как ты, но он делает в точности то, что ему приказано. Ты у нас отнюдь не единственная незаменимая. Это тебе понятно?

Мария проигнорировала его и обратилась к Хеликсу, который, как ей показалось, был несколько обескуражен:

— Брат Хеликс, ты уверен, что это решение принял сам святой отец?

— Ты же слышала, что сказал брат Бернард.

— Можешь мне сказать, почему он так решил?

Хеликс пожал плечами и уже готов был ответить, когда Бернард, с красным от гнева лицом, вскочил на ноги и указал на дверь:

— Немезида, разговор окончен! Свои снимки и записи оставишь нам, а сама немедленно покинешь отель!

Мария резко повернулась к Поборнику Второго императива и, утратив свою обычную осторожность и сдержанность, позволила своим чувствам вылиться в ледяной взгляд. Этот взгляд был полон презрения. Она уже собралась уходить, когда заметила, что его маленькие глазки вдруг заморгали и скользнули в сторону.

Она повернулась к Хеликсу и, кивнув ему, попрощалась:

— До свидания, брат Хеликс.

— До свидания, оперативник Немезида, — кивнул он ей в ответ.

Она стремительно прошла мимо Бернарда и покинула номер.

В тот же день позднее. Лондон

В ту ночь Мария Бенарьяк не могла уснуть. Лежа — без одежды, голая — в своей одинокой постели, в Лондоне, она чувствовала себя раненым зверем. Она не могла припомнить, когда ей было так одиноко — с тех пор как ее увезли с Корсики. Спать она легла, как всегда, при свете, но сегодня, несмотря на горящие над ее головой четыре мощные лампы плюс еще шесть направленных, локального освещения, убирающих тени, она не могла изгнать мрак, клубящийся в голове.

До того как доктор Картер ушел от возмездия, отец Изекль всегда приглашал ее к себе, обращался с нею ласково и с уважением. Она была его любимицей. Избранной. А теперь святой отец избегал ее, оставив все контакты с нею брату Бернарду, который ее и не понимал, и не ценил. И во всем этом виноват доктор Картер. Только уничтожив его, она сможет все исправить. В этом она уверена. Только тогда она сможет снова ощутить всепоглощающую любовь святого отца, только тогда будет знать, что ее ценят, что она — любимый член семьи.

Она протянула руку к столику и нащупала нож. От прикосновения к холодной стали клинка по телу прокатилась волна страха и возбуждения, волна, заглушившая недавние ее заботы и обещавшая освобождение. Пальцы сжали рукоять.

Она взяла нож и подняла его над головой. Осмотрела кривое лезвие и большим пальцем другой руки провела по его заточенному острию. Чуть нажала. Из ранки на пальце выступила капелька крови. Стараясь не моргнуть, она смотрела, как капля увеличивается в размерах, пока теплая кровь не сорвалась из ранки и не попала ей в открытый глаз.

Затем твердой рукой она передвинула нож ниже, туда, где виднелись свежие, едва успевшие зажить шрамы. Не глядя вниз, она прижала кривое бритвенно острое лезвие к правому бедру и начала медленно его покачивать, пока не пришла острая боль, пока не разошлась вспоротая кожа и из раны не начала хлестать кровь.

* * *

Это случилось за день до ее пятнадцатилетия, когда Марию внезапно вызвала к себе мать Клеменца, мать-настоятельница, возглавлявшая сиротский приют близ Кальви, на Корсике. Строгая и суровая матрона не сделала и попытки скрыть свою нелюбовь к Марии, когда та, нервно спотыкаясь, вошла в ее кабинет и остановилась перед внушительных размеров письменным столом. Мать Клеменца была толстой и носила толстые очки, которые, казалось, лежали на ее круглых, толстых щеках. Очки придавали ее глазам, с нависшими над ними тяжелыми веками, неприятное, злобное выражение. Она была похожа на гигантскую жабу, напаялившую на себя пышные одежды и усевшуюся за столом в ожидании мух, чтобы их сожрать. А когда эта жаба остановила на ней свой взгляд и заговорила, девочке показалось, что ее острый розовый язык вот-вот вывалится из пасти и угодит прямо в нее, в Марию.

— Как тебе известно, дитя мое, отец Анджело приехал к нам с очередной инспекцией. После обхода приюта он потребовал, чтобы одна из девочек почитала ему. Он в башне, в библиотеке. Откровенно говоря, у нас немало более достойных девочек, и я предпочла бы послать к нему другую. Однако он потребовал тебя. Смотри же, это великая честь! Ты должна произвести хорошее впечатление, так что води себя соответственно. Если же нет, я об этом сразу узнаю — и сама знаешь, что за этим последует.

Мария кивнула. Ей было прекрасно известно, какие наказания обычно назначает эта жаба: за годы, проведенные в приюте с момента, когда ее сюда подкинули в трехдневном возрасте, она тут знала все.

Тонкие губы жабы скривились в подобии улыбки, но глаза остались ледяными.

— Ну хорошо. Беги, он уже ждет.

Поднимаясь по каменным ступеням центральной башни, которая возвышалась над зданием старого приюта, Мария недоумевала, зачем это она понадобилась отцу Анджело. Она прекрасно знала, что он — один из самых старших в ордене, но его он видел всего один раз, во время своего предыдущего визи-

та. И только потому, что во время обхода зачем-то сунул нос в прачечную, где она в это время стирала, или «выполняла свои обязанности», как называла это мать Клеменца. Так что это была чистая случайность, что он ее вообще заметил. В отличие от других девочек она всегда была чем-то занята.

Мария уже давно оставила всякую надежду понять, почему сестры так ненавидят ее, но знала твердо, что они ее ненавидят. Они всегда находили предлог, чтобы наказать ее. Она догадалась, что это как-то связано с ее внешностью. Некоторые сестры даже обзывали ее «дочь дьявола» — из-за ее глаз, конечно; и еще они заставляли ее очень коротко стричь волосы, так что сквозь них видна кожа. «Не думай, что быть красивой — значит быть особенной», — то и дело слышала она. И Мария уже перестала об этом думать и пытаться что-то понять. Все, что она знала, — это то, что сама ненавидела свою внешность и очень хотела быть обычной, незаметной. Тогда она перестанет выделяться и у нее появятся друзья.

Подходя к закрытой двери в библиотеку, Мария снова задала себе все тот же вопрос: почему отец Анджело потребовал именно ее? Ее вовсе не радовала такая честь — наоборот, внутри все сжималось от нервного напряжения. Ведь отец Анджело занимает такой важный пост в церкви, он, наверное, запросто беседует с Богом; даже жаба, то есть мать Клеменца, в его присутствии нервничает.

Остановившись у двери, она уже подняла руку, чтобы постучаться, но на секунду остановилась и спросила себя: а что будет, если она сейчас просто повернет назад? Сбежит... Ее накажут, скорее всего засадят в этот ужасный карцер. Нет уж... И она, глубоко вдохнув, три раза тихонько стукнула в дверь.

— Войдите! — раздался громкий голос.

Дрожащей рукой она нажала на металлическую ручку и отворила тяжелую дверь. Отец Анджело был в библиотеке один. Он сидел на кушетке у окна, прямо напротив двери. Стены по обе стороны от кушетки были заставлены полками с книгами в кожаных переплетах. Библиотека была маленькая и довольно уютная. Она много раз бывала здесь. Но сейчас она была один

на один с женщиной, и от этого библиотека выглядела странной и чужой.

Отец Анджело — тощий старик. Даже когда он сидит, его одежды болтаются на костлявом теле. Лицо длинное, нос бесформенный, глаза слишком близко посажены. Но самое ужасное — его кожа: вся рябая, в родимых пятнах и желтовато-бледная, как у больного. Когда он улыбается, видны его желтые зубы. Мария замерла на месте, ей отчаянно захотелось повернуться и убежать, но отец Анджело хлопнул ладонью по кушетке рядом с собой:

— Иди сюда, дитя мое. Сядь рядом. Ты ведь Мария, не так ли?

Сжав кулаки, так что ногти впились в ладони, она заставила себя подойти к нему.

— Да, отец Анджело.

Она села на кушетку, но как можно дальше от него, насколько это возможно, и даже на таком расстоянии почувствовала, как скверно пахнет у него изо рта. Вонь гнилой капусты, когда опорожняешь помойные ведра с кухни. Он протянул ей книгу. Библию. Потом встал и пошел к двери. Напряжение немного отпустило ее; но все равно в его присутствии у нее по коже бегали мурашки. И тут же опять она вся напряглась, увидев, что он задвинул засов на двери.

— Отлично! — сказал он и опять показал в улыбке свои желтые зубы. — Теперь нам никто не помешает. И я могу спокойно послушать, как ты читаешь.

Он вернулся к кушетке и опять сел рядом, но на этот раз очень близко, так что его бедро коснулось ее ноги. Она попыталась отодвинуться, но уперлась в подлокотник: дальше двигаться некуда.

— Что вы хотите, чтобы я читала? — спросила она, стараясь, чтобы голос ее не дрожал.

— Сама выбери, дитя мое. И не отодвигайся. — И он костлявой рукой похлопал себя по ляжке. Тут она заметила, какой у него прекрасный маникюр. — Садись ко мне на колени.

Сердце у нее начинает биться так часто, что она едва дышит.

— Благодарю вас, отче, но мне удобно.

Его ладонь еще более настойчиво хлопнула по ляжке.

— Вздор! Садись сюда, я тебе говорю!

Она обернулась к нему и увидела, что его глаза прямо-таки впилась в нее. Он устался на нее как голодный волк, и она очень испугалась. Дикий зверь, а не человек. Лоб весь потный, верхняя губа тоже мокрая.

Он улыбнулся ей, и это было самое ужасное зрелище, какое она когда-либо видела. Дрожащими руками она раскрыла Библию и стала читать с первого попавшегося места: «И тогда сказал ангел...».

А его рука уже лежала на ее левой груди и сжимала ее так сильно, что ей сделалось больно. Мария не верила себе: отец Анджело не может так себя вести! Она попыталась не обращать внимания на его поползновения — в надежде, что он сейчас остановится, и продолжала читать, стараясь сосредоточиться, но слова плыли у нее перед глазами.

Другой рукой он между тем расстегивал пуговицы ее блузки и лез ей под лифчик, хватал другую грудь. Его хриплое дыхание участилось, словно он долго бежал. Не в силах притворяться, что ничего такого не происходит, она отложила Библию в сторону и попыталась оттолкнуть его руки.

— Пожалуйста, отец Анджело, не надо! Пожалуйста, оставьте меня!

— Но это вовсе не моя вина, дитя мое! Ты так прекрасна! Это ты меня соблазняешь, а не я тебя! — Его темные глаза бешено, лихорадочно блеснули. — Веди себя смирно, и тебя не накажут.

Она не пыталась вырваться, но тут он вдруг навалился на нее всем телом. Несмотря на худобу, он был очень силен и легко повалил ее на кушетку. Она хотела закричать, но он своим вонючим ртом впился ей в губы. Она почти задыхалась. Его язык забрался ей в рот. Лицо его было так близко, что она видела все пятна на его рябой физиономии, все угри на бесформенном носу. Она чувствовала, как его правая рука лезет ей под юбку, стаскивает с нее трусики и костлявые пальцы щиплют и ощупывают ее живот. Она напрягала все силы, чтобы вырваться, но он давил на нее своим весом. Его пальцы делали ей больно,

и вдруг он на одну милосердную секунду отстранился. И тут она ощутила, как что-то очень большое настойчиво втискивается ей между ног, оно очень большое, и ей очень больно. Он стонал и рычал как зверь. В полной панике она уже не могла даже пошевелиться или закричать. По щекам ее потоком текли слезы.

И тут он буквально воткнулся в нее. Острая боль пронзила ее. Она и представить себе не могла, что может быть такая боль. Было так больно, словно ее вот-вот разорвет надвое. Она снова хотела закричать, но не смогла. Ей начало казаться, что она вот-вот сойдет с ума от боли, но ее сознание отдалилось, почти отключилось, она старалась вообразить, что все это происходит вовсе не с ней, что она просто посторонний свидетель этого гнусного спектакля...

Краешком сознания она ощутила его толчки и тяжелое дыхание и крикание, они все убыстрялись, потом он прошептал, почти прошипел: «О, мой маленький порочный ангел!» — и тут же содрогнулся всем телом. Она почувствовала, что между ног у нее мокро, и он тут скатился с нее. И прежде чем ей удалось собраться с мыслями, отец Анджело уже стоял над нею, потом поднял ее с кушетки и повел в туалетную комнату рядом с библиотекой.

— Перестань плакать и умойся, дитя мое, — резко приказал он. — И никому ничего не рассказывай! Это был твой грех. И тебя накажут, если ты кому-нибудь расскажешь. Пусть это будет нашей тайной.

На дрожащих ногах Мария вошла в туалет. Посмотрела вниз и увидела две темные капли на холодном полу. Подняла юбку и увидела кровь, стекающую по ноге. Испуганная, онемевшая от ужаса, она взяла висящее возле раковины полотенце и начала мыться. Потом надела трусы. Посмотрела в зеркало, увидела, как опухли от слез глаза, нагнулась над раковиной и плеснула в лицо холодной водой, стараясь больше не плакать. Она еще не верила, не могла поверить в то, что сейчас произошло. Как мог отец Анджело, один из самых главных в Божьей Церкви, сделать такое? И почему с нею? Может, это и ее вина? Она посмотрела на свое отражение в зеркале и, собрав все свое муже-

ство, решила немедленно пойти к матери-настоятельнице и все ей рассказать.

Выйдя из туалета, она увидела, что отец Анджело уже ушел, а на кушетке не осталось никаких следов того, что произошло. Несмотря на режущую боль, она спустилась по лестнице и пошла к кабинету матери-настоятельницы.

Дверь кабинета была открыта, и она увидела, что отец Анджело уже там, разговаривает с матерью Клеменцей. Жаба смеялась.

Мария секунду стояла у порога, не зная, что делать. Почему жаба смеется? Что он ей сказал? И тут — в первый раз за все время! — каменноголикая жаба обернулась к ней и улыбнулась. Прямо-таки просияла улыбкой полного одобрения.

— Отец Анджело говорит, что ты очень хорошо читаешь. И умеешь себя вести. Он рекомендует, чтобы тебе позволили поехать завтра с остальными девочками на праздничный пикник.

Священник тоже повернулся к ней, положил руку ей на голову, взъерошил ежик ее волос:

— Ты хорошая девочка.

Мария не могла произнести ни слова, ей так сжало горло, что она едва могла дышать. Она ощутила такую ярость, что слезы снова выступили у нее на глазах.

Жаба нахмурилась:

— Не плачь.

— Но он напал на меня! — с трудом, сквозь рыдания выдавила из себя Мария. И хлопнула себя по юбке, по низу живота: — Мать-настоятельница, отец Анджело сделал мне больно, вот тут!

Молчание. Жаба повернулась к отцу Анджело, который явно шокирован, потом обратно к Марии. Встала из-за стола и направилась к ней. Ее монашеская физиономия не выражала никаких чувств.

— Что ты сказала?!

Мария вся содрогнулась от рыданий.

— Он сделал мне больно вот здесь! Он напал на меня!

Мать Клеменца протянула к ней правую руку, и Мария инстинктивно потянулась ей навстречу, ожидая, что ее обнимут,

ей было очень нужно сейчас, чтобы эта толстая старуха приласкала ее и сказала, что все будет хорошо.

Пощечина обрушилась на ее лицо, и хотя ладонь жабы ударила ее по щеке со всей силой, Мария не ощутила боли. Она словно оцепенела.

Лицо жабы приобрело темно-серый оттенок, как надвигающаяся грозовая туча.

— Как ты посмела сказать такое про отца Анджело — да еще в его присутствии?! Мария, с тех самых пор как ты была маленькой, мы всегда терпели твои фантастические выдумки, твою ложь, но это... это уж слишком! Ты немедленно извинишься перед отцом Анджело, а потом ты будешь наказана!

— Но это же правда!

Лицо жабы стало красным.

— Ты немедленно извинишься, или наказание будет еще страшнее!

Мария не произнесла ни слова. Ничто на свете не могло заставить ее извиниться.

Тогда вступил отец Анджело. На лице у него выражение невинно оскорбленного.

— Бедное дитя, она явно не в себе и нуждается в нашей помощи. Вероятно, мне нужно будет поговорить с ней, когда я приеду в следующий раз.

— Вы очень внимательны, отец Анджело. Мария всегда была лгуньей. Боюсь, что даже вам не удастся ее исправить.

— Но попробовать можно.

Мария была в шоке. А ее между тем вели к старым кельям. Неужели никто из сестер не скажет сейчас, что верит ей и что это отца Анджело следует наказать, а вовсе не ее? Но, увидев железную дверь у подножия лестницы, она осознала, что это именно ее сейчас запрут в карцер, а не его.

Она давно уже потеряла счет этим наказаниям, не помнила, сколько раз ее сажали сюда, но в первый раз это произошло, когда ей было четыре года. Именно тогда, если верить сестрам, она и начала рассказывать свои «лживые истории». Но они вовсе не были лживыми — ну, не совсем, хотя теперь она уже ни в чем не уверена. С течением лет она так и не избавилась от

страха перед тем, что ее запирали в абсолютно темном чулане, куда не проникает ни звука. Ужас ее со временем только усилился. Хотя это наказание длится всего несколько часов, демоны, свободно летающие во мраке, преследовали ее еще долго после того, как ее выпустили.

Когда дверь за ней захлопнулась и она услышала, как в замке поворачивается ключ, она поняла, что это на всю ночь. До этого она еще никогда не сидела в карцере больше пяти часов. Отчаянно борясь с паническим страхом, она ощупью пробралась в угол, где стояла узенькая складная кровать. Легла и свернулась в клубочек, прижав колени к груди. Широко раскрытыми глазами она искала хотя бы лучик света в этом удушающем мраке.

К ее удивлению, сегодня ее страх был не так силен. Несмотря на несправедливость случившегося, ее мысли не шли по обычному мрачному пути. Она была даже рада, что ею все еще владели гнев и злость, даже ненависть, — это придавало ей сил. Она пришла к заключению, что Бог, несомненно, должен покарать такого порочного мерзавца, как отец Анджело, который нагло заявил, что действует от его имени. И всю оставшуюся часть ночи она строила планы мести, которую когда-нибудь осуществит от имени Бога.

Боль от четвертого удара ножом в бедро вытолкнула Марию из полузабытья. Она посмотрела на залитое кровью полотенце и улыбнулась. Сейчас ей гораздо лучше. Выпустить немного дурной крови — это всегда приносит облегчение, снимает напряжение и беспокойство, отгоняет скверные чувства.

Она тщательно отерла лезвие грубой белой тканью, промыла раны спиртом. Жуткая боль заставила ее еще больше сосредоточиться, взять себя в руки. Сунув кукри в ножны, она улеглась на спину и начала спокойно восстанавливать весь разговор с Бернардом и Хеликсом. Теперь, расставив все по своим местам, она отчетливо поняла, что именно ей следует делать дальше.

Она встретится со святым отцом и решит эту проблему с ним самим, тет-а-тет. И тогда наконец сможет забыть об этом навсегда.

Да, думала она, позволив наконец глазам закрыться. Она поедет к святому отцу, и они вместе все исправят. После чего, все еще думая о том, как замечательно скоро все устроится, Мария погрузилась в глубокий, без сновидений сон.

Глава 14

Штаб-квартира компании «Джиниус», Бостон

Джасмин была не так разочарована, как остальные собравшиеся за круглым столом в конференц-зале при лаборатории Фрэнсиса Крика. Она помнила, что всегда повторяла ей мать, утверждавшая, будто разочарование бьет сильнее всего тогда, когда его меньше всего ожидаешь.

Прошло три недели с того дня, как Том начал работу над проектом «Кана». За это время она делала все, что должна была делать, и, несмотря на свое весьма сдержанное отношение к проекту, была уверена, что сделать больше она не в состоянии. Геноскоп с самым последним программным обеспечением был полностью подготовлен к работе и уже запущен в дело. Она просмотрела всю базу данных ИГ в поисках тех, у кого могли оказаться необычные гены, или пациентов, выздоровевших благодаря своей вере. Ей попалось несколько нужных имен, но только в одном случае все было хорошо задокументировано. Она занялась изучением материалов.

За последние двадцать лет мистер Кейт Андерсон из Гилфорда, графство Суррей, Англия, приобрел устойчивую репутацию человека, умеющего снимать боль от ревматического артрита. Никакими лекарствами или специальными методами лечения он не пользовался и даже не упоминал о них, однако было бесчисленное множество свидетельств врачей и больных, утверждавших, что всего лишь наложением рук на воспали-

ные суставы он приносил немедленное облегчение от страданий. Если верить данным, он действительно умел исцелять. Но возникало две проблемы. Первая — Джасмин не обнаружила ничего необычного в его генах. Вторая — он погиб в автомобильной катастрофе в июне прошлого года, и тело его было кремировано. Однако вовсе не мистер Кейт Андерсон был причиной разочарования Тома и всех остальных.

Три дня назад Картер и Джек вернулись из Европы в приподнятом, даже триумфальном настроении. «Не волнуйся, — сказал Том Джасмин, когда та сообщила ему, что ей удалось найти. — Вряд ли твои поиски могли принести немедленный результат». Ну да, конечно, с горечью подумала Джасмин. Совсем другое дело бегать по всему свету в поисках останков двухтысячелетней давности...

Но вот геноскоп закончил анализ привезенных образцов. И Джасмин увидела, как сильно разочарован Том. Его эйфория улетучилась. Испарилась, как лужи после дождя.

Джасмин окинула взглядом всех собравшихся за столом. Напротив сидели Джек и Алекс. Боб Кук и Нора Лутц — по обе стороны от нее. Светловолосый калифорниец и очкастая лаборантка долго ничего не знали про Холли, но три дня назад им вкратце сообщили о содержании проекта «Кана», в конфиденциальном порядке. Оба они с жаром принялись за дело. Но теперь сидели молча, глядя, как Том нервно меряет шагами помещение.

Время от времени он поднимал глаза и бросал обвиняющий взгляд на геноскоп, словно намереваясь что-то сказать в его адрес. Но потом, мотнув головой, продолжал ходить туда-сюда.

Джасмин испытывала смешанные чувства. Естественно, она хотела помочь Холли. Но когда она в первый раз взглянула на образцы, именуемые останками Господа, у нее возникло ощущение, что ее вовлекли в какое-то святотатственное действие. Она с ужасом думала о том, что ей придется как-то принять случившееся, если эксперимент увенчается успехом. Так что негативные результаты хоть и явились для нее настоящей катастрофой, имели все же оттенок отпущения греха.

Наконец Том заговорил:

— Ладно. Я могу согласиться с тем, что образцы крови Мишель Пикар оказались фикцией. То, что ее кровь из вены — группы АВ, а из ран — группы О, полный вздор. И теперь, когда Джек выяснил, что она блефует, подсовывая кровь своей приятельницы-медсестры, мы можем о ней забыть. Что касается остальных результатов, их тоже следует принять. Черт побери, придется принять! — Он вздохнул и снова посмотрел на геноскоп, будто требуя, чтобы он признал свою ошибку. — Но что касается образца из Ланчано... Мы нигде не могли ошибиться?

Джасмин отрицательно качнула головой:

— Мы проверили три раза.

— Однако, Джас, сканирование подтвердило возраст образца; пол тоже совпадает... Может, ДАН что-то не учел?

Джасмин посмотрела на Боба и Нору. Те пожали плечами.

— Извини, Том, — сказала она. — Но никаких ошибок не было. Сканирование проведено безупречно. Все дело в образце. В нем просто нет никаких примечательных генов. Во всяком случае, ничего такого, чего бы мы уже не видели в базе данных ИГ.

— Значит, это мистификация, — объявил Том.

Джасмин выпрямилась и сказала то, чего, она была уверена, Том не хотел бы слышать:

— Если, конечно, не допускать возможности, что образец может быть настоящим, но не содержать никаких целительных свойств в своих генах.

Том протестующе выдвинул челюсть:

— Нет, Джас. Если он обнаружил такие способности, значит, откуда бы он их получил? Они хранились в его генах...

Джасмин решила не развивать эту тему и откинулась назад. Том обвел группу упрямым взглядом, словно бросая вызов и предлагая поспорить. Но все продолжали молчать. Было очевидно, что общая уверенность в возможности найти то, что требуется, гаснет. Даже у Алекса, который готовил список мест, где искать образцы.

А раз так, то проект «Кана» — лишь очередная безумная идея и надо идти дальше, нащупывая иной подход к решению про-

блемы. Но дальше идти некуда. Вот в этом Том не сомневался. А выходило так, будто он все свои надежды возложил именно на этот проект. Джасмин видела, что Том растерян. Ее разрывали противоречивые чувства. Ей хотелось заставить его образумиться, и в то же время она готова была идти с ним рука об руку до конца — в этом его упрямом, обреченном поиске, — даже при том, что она с ним не согласна.

— И что нам теперь делать? — осторожно спросила она. — Что мы еще можем? Скажи, и я сделаю.

Том долго смотрел на нее не мигая. Внезапно его взгляд стал беззащитным, почти жалобным.

— Мне нужна всего лишь одна микроскопическая клетка. Из тела Иисуса, — сказал он. — Вот и все.

Джек подался вперед и с внезапной нежностью спросил:

— Но, Том... Даже если все это и существует, где и когда ты намерен ее найти?

Джасмин смотрела, как Том повернулся к Алексу. Тот лишь покачал головой. Сердце у нее упало. Впервые за все время их знакомства, Том не скрывал того, что не знает, как поступить...

Суббота. Бикон-Хилл, Бостон

Утро на следующий день было прекрасным: безоблачное небо обещало тепло и безветренную погоду. Лето не за горами, а пока изумительная весна, середина марта. Тому, однако, вся эта красота настроения не улучшала — наоборот, природа словно смеялась над его несчастьем, равнодушно демонстрируя, что ей нет дела до судьбы маленькой девочки, его дочери; и никакие, даже самые сильные, человеческие чувства не влияют на течение времени и смену времен года.

Он сидел с Джеком в оранжерее, подставив лицо солнечным лучам, проникающим сквозь стекло. Джек заехал к нему позавтракать. С едой они уже покончили и теперь сидели и смотрели на Холли. Она играла в саду с подругами — они пускали мыльные пузыри. Сейчас была очередь Меган, и она сушила огромную петлю из розового пластика, закрепленную на

палочке, в миску с мыльной водой. Вот она вынула оттуда свою петлю, одновременно потянув за рычажок на палочке. Этим движением она расширила петлю, и пленка мыльной воды растянулась, но не порвалась. Потом она взмахнула рукой, как матадор плашом перед мчащимся на него быком, и огромный, разноцветный мыльный пузырь медленно поплыл в воздухе, трепеща от утренней прохлады.

Продолжая смотреть на детей, Том снова переключился на полученные вчера результаты, и его с новой силой охватило чувство полной беспомощности. По иронии судьбы вчера он навестил Хэнка Полански и узнал, что генная терапия с применением вируса иммунодефицита пошла ему на пользу. Это известие обрадовало Тома как врача и ученого и огорчило его как отца. Если бы можно было как-то помочь Холли! Хотя бы при тех же пятнадцати процентах успеха!

Всю минувшую ночь он пролежал без сна: ждал, что Оливия подскажет ему, что делать. Но он был один. Он уже перечитал кое-какую литературу по раку головного мозга. Кроме некоторых работ доктора Блаза в середине девяностых, использовавшего стероиды для замедления развития глиобластом и лишь вскрывшего всю сложность проблемы, до сих пор не было опробовано никаких способов лечения этого заболевания; да, видимо, они и не появятся — по меньшей мере в ближайшие пять-шесть лет. По сути дела, с того момента, как ДАН выдал свой вердикт три месяца назад, в декабре, ситуация ничуть не изменилась, а время неумолимо шло. И никаких перспектив.

— Наверное, надо принять неизбежное, — сказал он, подводя итог своим невеселым мыслям. — И совсем по-другому использовать это время. Я, пожалуй, готов к тому, чтобы сдаться.

Джек, продолжая наблюдать за мыльным пузырем, тяжело вздохнул.

— Том, вопрос не в том, сдаешься ты или нет. Вопрос в том, делаешь ли ты то, что лучше всего для Холли, или то, что лучше всего для тебя. Если тебе легче с головой уйти в работу и не думать о самом страшном, то это само по себе неплохо. Но если

это означает, что ты практически не общаешься с дочерью, тогда это не слишком хорошо для вас обоих.

Том медленно кивнул. Конечно, Джек прав. Выбора у него почти нет.

— Если образец из Ланчано — липа, значит, на поиски настоящего образца ДНК Христа — если он все же существует — уйдет уйма времени. Плюс опыты и эксперименты.

Джек отвернулся от окна и посмотрел на Картера:

— Может, все же настало время принять неизбежное? И смириться?

— Ты думаешь, это просто?

— Но на свете нет никого, кто сильнее тебя хотел бы спасти Холли и был бы лучше всех для этого подготовлен. И если уж ты не можешь ей помочь, то и никто не сможет. Что до проекта «Кана», то он как был, так и останется чисто академическим упражнением. Так что тут и решать-то нечего. Все, что ты можешь сейчас сделать, — это применить известные методы лечения и как можно более эффективно использовать оставшееся время.

Том мрачно смотрел, как веселая Холли выдувает огромный мыльный пузырь. Отпустив его плыть в прозрачном воздушном потоке, она подбежала к оранжерее и начала стучать им в стекло.

— Папа, дядя Джек, смотрите, какой огромный! — кричала она. Глаза ее сияли.

Том улыбнулся и показал ей большой палец. Они с Джеком встали и подошли к двери. Холли махнула им рукой и побежала назад. Радужно переливающийся пузырь завис в воздухе выше, чем дети могли достать. Они прыгали и хохотали. Пузырь, важно раздув бока, сверкал на солнце, переливаясь красками. Несмотря на скверное настроение, Том не смог сдержать улыбку. Чувство отчаяния слегка отступило. Он не заметил, как Марси Келли принесла утреннюю почту прямо в оранжерею. Обернувшись, он увидел под стволом юкки пачку конвертов.

Почти автоматически он подошел, наклонился и взял их. Лениво просмотрел. Счета, пара приглашений выступить на семинарах; письмо от кузины из Сиднея. И еще какой-то ма-

ленький черный конверт. Адресован ему. На печати из красного сургуча оттиск креста, надписан конверт красными же чернилами.

Он повертел в руках черный прямоугольник и взглянул на Джека. Тот поднял одну бровь, но не произнес ни слова. Том сломал печать, вскрыл конверт. Оттуда выпали черная открытка, авиабилет и две фотографии. На снимках был он.

— Что это? — спросил Джек, заметив оторопь Тома. — Такое впечатление, что в тебя ударила молния.

Том тупо кивнул. У него и в самом деле было такое чувство. Стараясь, чтобы голос не дрогнул, он начал читать вслух:

— «Уважаемый доктор Картер!

По имеющимся у нас сведениям, вы совершили ряд попыток получить биологический материал, который позволил бы подвергнуть анализу ДНК Господа нашего Иисуса Христа, для чего решились посягнуть на священные реликвии ряда церквей. Этот проект вы далеко не случайно назвали «Кана», однако цели своей не достигли и не достигнете — без нашей помощи, поскольку только у нас есть искомое вами.

Нам также известно о существовании у вас незаконной базы данных ИГ. В качестве доказательства наших добрых намерений мы воздержимся информировать власти об этих фактах.

До определенного момента вам нет необходимости знать, с кем вы имеете дело. Вы должны лишь быть уверены, что мы представляем друг для друга взаимный интерес. Наша деятельность преследует иные цели, однако связана с вашим поиском.

От вас требуется лишь одно: воспользоваться прилагаемым авиабилетом. Вас встретят в пункте назначения 13 марта в 14 часов по местному времени. Вы должны прибыть один.

Данное предложение обсуждению не подлежит, и любое нарушение настоящих инструкций сделает наши взаимоотношения невозможными. В этом случае мы не даем гарантий о сохранении в тайне обстоятельств вашей деятельности.

Как и вы, веруя в чудо, совершенное в Кане Галилейской, мы выражаем надежду на возможность объединения наших усилий и ресурсов, что благотворно послужит обеим сторонам».

— Так вот что за ублюдки шарили в наших компьютерах! — подвел итог Джек, взяв у Тома послание. — Подписи, надо полагать, нет?

Том покачал головой:

— Никакого намека. Разве что печать... Да и она, собственно... — Он повертел конверт, потом отложил его и взял в руки фотографии. Вот он выходит из маленькой белой церкви в Читтавеккье. На втором снимке они с Джеком на рыбачьем суденышке, там же Голландец и Ирландец. Потом развернул авиабилет — самолет компании «Эль-Аль», бизнес-класс, пункт назначения — Тель-Авив.

— Но ты ведь не полетишь? — полуутвердительно осведомился Джек, в свою очередь, изучая сургучную печать на конверте.

— Еще как полечу, черт возьми!

Джек поднял на него встревоженный взгляд:

— А ты не боишься, что это ловушка? Подумай сам, Том! Может, она, эта Проповедница, следила за тобой с самого Стокгольма? Выяснила, что ты ищешь, и придумала всю эту... — Он не договорил, щелкнув ногтем по красному обломку сургуча на конверте.

— Это не важно. Это шанс! Шанс, которого я ждал.

— Этот шанс пахнет порохом! Тебя убьют! И Холли останется круглой сиротой. Ты этого хочешь?

— А без этого шанса, — Том ткнул пальцем в конверт, который Джек все еще держал в руках, — сиротой ей быть недолго.

— Брось, Том. Если это действительно Проповедник? Что тогда?

Том почувствовал, как в душе его закипает ярость. В сознании видением промелькнула голографическая красавица. Убийца Оливии. Спазм сжал ему горло.

— Откровенно говоря, я бы приветствовал такое развитие событий, — хрипло произнес он.

— Что?!

— Помимо Холли, есть только одна вещь, о которой я все время думаю. Как поймать эту ведьму! Пусть заплатит за то, что она сделала.

— Хорошо, хорошо, — быстро и уже совсем другим тоном проговорил Джек. — Но тогда нам самим следует расставить сети! А в одиночку тебе не справиться. Карен Тэннер! Мы могли бы все рассказать ей. Подключим Бюро. И стерве конец.

Том на секунду задумался, следя глазами за тем, как три подружки продолжают беготню на лужайке.

— А что, если это не Проповедник? — наконец проговорил он. — Что, если предложение... настоящее? Тогда я потеряю единственный шанс, и второго такого не будет.

Джек застонал:

— Ну ты хоть думаешь, что говоришь? Это наверняка Проповедник. Давай по крайней мере проверим все это через ФБР.

Том упрямо посмотрел на Джека:

— Нет, я уже решил. Я не хочу с ними связываться. Они все угробят! А я лучше умру, попытаюсь спасти Холли, чем буду жить и смотреть, как она угасает. К тому же я, возможно, сумею отомстить за Оливию. Так что другого выхода у нас просто нет.

— Какой-то ты сегодня на редкость тупой, мать твою!

— Какой есть... Ты будешь мне помогать или нет?

Джек сокрушенно помотал головой и испустил горестный вздох, явно сдаваясь.

— А как насчет того, чтобы взять с собой пистолет? Я бы научил тебя им пользоваться...

— Нет уж. Если приглашение настоящее, пистолет тут лишний.

Джек снова застонал, на этот раз ничего не сказав.

Мыльный пузырь в воздухе лопнул, девчушки завизжали. Несмотря на скепсис Джека, Том почувствовал прилив энергии. Отчаяние его куда-то исчезло. Лопнуло! Как этот мыльный пузырь. Перед ним встала новая задача, а значит, появилась надежда.

Он услышал голос Джека:

— По крайней мере, я должен держать с тобой связь. Если что-то пойдет не так, я буду знать, где тебя искать.

— А ты сумеешь делать все незаметно?

— Нет, — устало ухмыльнулся Джек. — Но я знаю парня, который это умеет.

Глава 15

Тель-Авив

Том Картер перевел часы на местное время — до назначенного срока оставалось две минуты, когда «Боинг-747» авиакомпании «Эль-Аль» остановился на залитой солнцем посадочной полосе аэропорта Бен-Гурион в Тель-Авиве. Том облегченно вздохнул. Путешествовать по воздуху было для него все же немного легче, чем на корабле. Благополучно уйдя от полицейской охраны и поцеловав на прощание Холли в бостонском аэропорту Логан, все время полета он боролся со своим нетерпением. И хоть оно было сильным и лишь возрастало, это не избавило его от обычной в полете дурноты. Хорошо, что не дошло до рвоты, а то прощай низкочастотный радиомаячок, который Джек заставил его проглотить. Сам Джек уже прилетел сюда предыдущим рейсом, чтобы при посредстве местного «приятеля» оборудовать временный пункт мониторинга для отслеживания передвижений Тома.

Динамик в самолете затрещал, просыпаясь к жизни.

— Экипаж самолета благодарит вас за решение лететь рейсом компании «Эль-Аль». Просим вас при выходе не забывать в салоне свои вещи. Капитан лайнера Давид Ури и экипаж надеются...

Обращение Том проигнорировал. Отстегнув ремень безопасности, он тут же устремился к выходу. Багаж его был невелик — небольшая сумка, которую он взял с собой в салон. Выслушав от стюардессы на трапе обычные слова прощания, по «рукаву» он проследовал в здание терминала. Вдруг он почувствовал нервное покалывание где-то в области шеи. Одной рукой он ослабил и без того расстегнутый воротник белой льняной рубашки. Едва он ступил на выложенный плиткой пол аэровокзала, возле него возник высокий мужчина.

— Доктор Картер, добро пожаловать. Меня зовут Хеликс, Хеликс Керкэм. Следуйте за мной, пожалуйста.

Незнакомец говорил спокойно и сдержанно. Это был человек лет пятидесяти, лысеющий, сквозь стекла очков на Тома

смотрели умные глаза. На убийцу он был мало похож, скорее, на ученого.

Хеликс улыбнулся и протянул Тому узкую ладонь. Рукопожатие его оказалось крепким.

— Надеюсь, вы нормально долетели. Давайте ваш паспорт, я позабочусь, чтобы вы избежали всех этих нудных процедур с иммиграционными службами.

Выговор Керкэма был английский, но к нему примешивался какой-то акцент. Похоже, родом он не из Англии.

Том послушно полез во внутренний карман пиджака.

— Куда мы едем? — спросил он, протягивая Керкэму документы.

Хеликс взял у него паспорт и быстро передал одному из двух верзил у себя за спиной — как они тут оказались, Том не заметил. Керкэм отдал отрывистое приказание на неизвестном Тому языке, и мужчина сразу же удалился в направлении группы прибывших пассажиров.

Хеликс снова повернулся к Тому и с улыбкой ответил:

— Вам не нужно знать, куда мы едем. Но не беспокойтесь. Долго вы там не пробудете. Ровно столько, сколько понадобится для обсуждения нашего дела.

И, прежде чем Том успел задать следующий вопрос, Хеликс первым двинулся — мимо двух охранников из службы безопасности аэропорта, наблюдавших за лестницей, — на летное поле, по направлению к стоявшему неподалеку вертолету «Чинук».

— Идемте, — позвал он. — Мы ответим на все ваши вопросы, когда будем на месте.

Сопровождаемый вторым верзилой, Том последовал за Хеликсом. Поскольку ни одного из молчаливых спутников Тому не представили, он понял, что им велено следить, чтобы он никуда не сбежал. У того, что взял его паспорт, лицо было совершенно невыразительным. Но тот, что шел сейчас рядом с ним, был совсем другим: держался с достоинством, даже с важностью, и явно не был простым охранником. Высокий, почти одного с ним роста, мощного телосложения. Иссиня-черные волосы коротко острижены, серо-зеленые глаза на породистом лице смотрели цепко, остро. Если бы Том не знал, что Пропо-

ведник — женщина, он бы, пожалуй, решил, что перед ним убийца — такой опасностью веяло от него. Даже имя, которое Том услышал, когда Хеликс обращался к нему, было странное и внушало тревогу. Гоморра. Явно не из числа привычных слуху имен.

У вертолета, стоявшего в конце рулежной дорожки, покончив с формальностями, их догнал второй охраняющий. Хеликс вернул Тому паспорт и пригласил его в салон «Чинука». Едва Том оказался внутри, дверь со щелчком захлопнулась, замкнув его в чреве железной машины. И тут Том вспомнил Джека. Как он чуть ли не умолял его отказаться от этой авантюры, а он плевать хотел на все его увещевания.

Вспомнил он и о Холли. Вечером, когда они прощались, она отчего-то насторожилась. И спросила, куда он летит и зачем, чего обычно никогда не делала. Он ответил, что собирается помочь одному человеку, который заболел. Это ей было понятно. В ее понимании, в том и состоит его работа. Однажды в школе на вопрос миссис Хойт, преподавательницы английского, чем их родители зарабатывают на жизнь, Холли так и ответила: «Мой папа не дает людям умереть».

Сейчас он оглядел сумрачную внутренность вертолета и сказал себе, что именно этим он в данный момент и занимается. И решил на эту авантюру только чтобы не дать Холли умереть. И он был прав, отмахнувшись от предостережений Джека, потому что у них оставался только этот, единственный шанс. Выбора не было. И ничего тут нет такого уж опасного.

Однако он все же не мог не сглотнуть — нервно и судорожно, когда услышал, как взревел мотор, а еще через несколько секунд ощутил, что они уже не на земле. Все. Пути назад нет. Он уже ввязался в это дело! Желудок его отозвался предательским спазмом, и Картер сосредоточил все свои силы на том, чтобы сдерживать рвотные позывы. Было бы неплохо, если б Джек был рядом, тогда он мог бы подзаряжаться от друга чисто физически.

Особенно это нужно сейчас, когда Гоморра вдруг протянул к нему руку.

В руке он что-то держал. Какой-то прибор. Похожий на электробритву, но с несколькими мигающими красными ин-

дикаторами. Металлоискатель. Том сидел неподвижно, пока обшаривали его сумку, ботинки, одежду. Потом облегченно перевел дыхание. На нем нет ничего, что могло бы вызвать подозрения, — ни оружия, ни подслушки. Единственное, на что он согласился, так это проглотить радиомаячок: Джек убедил его, что это «высококласный» прибор, который невозможно засечь. Проверка и в самом деле закончилась благополучно. Серо-зеленые глаза Гоморры через несколько минут приобрели удовлетворенное выражение, и он кивнул Хеликсу.

— Прошу простить за меры предосторожности, — сказал Хеликс извиняющимся тоном, приподняв плечи. — Но без них никак.

Наклоном головы Том дал понять, что ничего не имеет против. Он ничем не должен выдать своего страха! Но только он отвлекся, как Гоморра достал из кармана нечто напоминающее повязку. Черт, если ему завяжут глаза, его уж точно вырвет! И мало того что он лишится маячка, так еще и покажет своим хозяевам — или врагам? — что трусил. И когда Гоморра на безупречном английском попросил его пригнуться, Том на секунду замешкался, решая, а не стоит ли воспротивиться. Но лишь пожал плечами и позволил обвязать себе голову пахнущей маслом тряпкой. «Думай только о Холли, — приказал он себе, — только о ней!»

Результатом перехода из полумрака в кромешную тьму стало то, что его «повело». И тут, словно в компенсацию потери зрения, у него резко обострились слух и обоняние и восприимчивость к малейшим — даже самым неуловимым — маневрам вертолета. Он ощутил запах пота и масла. Завязав ему глаза, сопровождавшие начали переговариваться, будто теперь, с повязкой на глазах, он превратился в глухого или вообще в отсутствующего.

Сквозь рев двигателя до него доходили плохо различимые гортанные звуки и слова. Грудь теснили паника и тошнота, поднимавшаяся из разбушевавшегося желудка. Тому казалось, что его замотали в тяжелое, толстое, удушающее одеяло. Хотелось сорвать эту вонючую повязку, распахнуть дверь вертолета и полной грудью вдохнуть свежий воздух. Но ничего этого он сделать

не мог. Он просто выдохнул, сложив ладони чашечкой возле рта, затем наполнил легкие собственным выдохом и представил себе свою лабораторию — сплошное стекло, сплошной свет. Огромное, безграничное пространство. И вообразил, что вместе с Холли стоит на твердой, неподвижной земле. «По крайней мере ты хоть что-то делаешь, — еще раз повторил он себе. — А это лучше, чем ничего не предпринимать, пустив все на самотек».

Да, пустив все на самотек.

Прислушиваясь к реву двигателей и стрекоту лопасти винтов, он оторвался от действительности. В голове его резонировал рев моторов, и он не заметил, что слышит уже совсем другой хлопающий звук, тоже в темноте, летом 1974 года, сразу вскоре после своего двенадцатилетия.

Занавеси в спальне задернуты. Здесь темно, и вибрирующий звук неисправного кондиционера задает своеобразный ритм. Комната пуста, и он не обращает никакого внимания на белый листок бумаги, лежащий на кровати, а бежит прямо к закрытой двери в смежную ванную комнату. Он, конечно, стучится, но сильно сейчас возбужден и, кроме того, знает, что если ручку повернуть дважды, старый замок откроется. Так что, не дожидаясь ответа, распахивает дверь и влетает в ванную.

Сначала ему ничего не видно — над ванной поднимается густой пар. Потом он слышит голос мамы, но он звучит не так, как обычно:

— Закрой дверь, милый, и оставь меня на минутку.

— Что случилось, мама?

Что-то в ее голосе тут же снимает все его возбуждение, а вместо него в животе появляется какой-то холодный комок.

— Папа говорит, что уже пора ехать. А то в кино опоздаем.

Он поворачивается в ее сторону и видит то, что потом останется с ним на всю жизнь.

Том уже давно знает, что мама больна. Ее постоянные визиты к врачу говорят сами за себя. Он уже слышал слово «рак», произнесенное шепотом как-то ночью, но еще не понял, в чем дело. И он, уж конечно, не имеет понятия, что она уже много месяцев борется с опухолью, разрастающейся у нее в мозгу, и что это уже наложило свой отпечаток на ее жизнь и является причиной сильнейших болей.

Пар немного рассеивается, и он видит, что мама лежит, совершенно голая, в ванне, полной горячей воды. Лицо у нее мертво-бледное, а вода вся в розовых разводах. На маминых запястьях зияют жуткие красно-алые разрезь.

Сначала он ничего не может понять.

— Мамочка, у тебя кровь!.. Что случилось? — спрашивает он в ужасе. — Ты упала? Что с тобой?

— Извини, милый. Я не хотела, чтобы ты это видел...

Инстинкт подсказывает ему — надо бежать и звать отца.

Но мама говорит:

— Том, милый, не пугайся. Со мной все в порядке. Мне совсем не больно.

Он кидается к двери:

— Я сейчас позову папу!

Горло у него перехватило от подступающих рыданий, но он останавливается. Мама буквально умоляет его:

— Нет, не надо звать папу. Рано еще.

— Но почему, мамочка? Почему не надо?

Нижняя губа у него дрожит. Постепенно до его сознания доходит, что мама сама это с собой сделала.

— Мне надо отдохнуть, милый. Мое тело восстало против меня. Но я вас с папой очень люблю. Ты ведь скажешь ему это, правда? Только потом. О'кей?

Ему отчаянно хочется бежать отсюда, но в маминых глазах такая боль!.. Если он приведет отца, тот просто не даст ей уйти. И хотя он больше всего на свете желал бы, чтобы мама оставалась с ними, он все же понимает, что это, наверное, будет неправильно — заставить ее остаться против ее воли.

— Сядь, милый. Побудь со мной. И вот еще что: посчитай мне, как раньше.

Тут у него возникает странное ощущение, словно он наблюдает все происходящее со стороны и видит, как скованной походкой он подходит к стулу, стоящему возле корзины для белья, убирает с него мамины часики, браслет и бусы, садится.

— Посчитай мне, как ты делал, когда был маленьким, — слышит он мамин голос. — До скольких сможешь. — Глаза у мамы такие грустные, что у него начинает свербить где-то в

носу. Он наклоняется, становится возле ванны на колени и нежно гладит мамин лоб — он хорошо помнит, как она это делала, когда он болел. Несмотря на горячую воду и пар, ее кожа на ощупь ледяная. Он кладет обе свои ладони ей на лоб в надежде хоть немного согреть ее своим теплом, сделать ее здоровой... И начинает считать:

— Один, два, три... пять... семь... одиннадцать... тринадцать... семнадцать... девятнадцать... двадцать три...

Дойдя до двухсот шестидесяти девяти — числа, на котором она умерла, — Том Картер толчком вернулся к действительности. Рев вертолетных двигателей мало напоминал дребезжащий шум кондиционера в спальне родителей много лет назад. Ему пришлось даже напрячь слух, чтобы обнаружить хоть какое-то сходство.

До сегодняшнего дня Том так и не понял, был ли он тогда соучастником самоубийства собственной матери. Чувство вины осталось с ним навсегда. Отец пытался убедить его, что он все сделал правильно. Однако Том понимал: Алекс мог испытывать горькое сожаление, что сын не позвал его. Ведь из-за него он не попросился с женщиной, которую любил — настолько сильно, что второй раз так и не женился.

Став взрослым и набравшись опыта, Том сделал из случившегося два безусловных для себя вывода. Первый заключался в том, что раз такая замечательная женщина, как его мать, могла погибнуть от рака, значит, Бог, достойный того, чтобы в него верили — не говоря уж о том, чтобы ему молились, — просто не может существовать. Если Вселенной действительно управляет какая-то высшая сила, значит, это жестокая и безжалостная Фортуна, маскирующаяся под Мать-Природу. И только наука может дать какой-то шанс изменить соотношение сил в борьбе с нею.

Второй вывод состоял в том, что он должен быть готовым оказать всемерную помощь тому, кому она потребуется, и, если такое случится, встретить болезнь во всеоружии. Еще когда он был подростком, его героями стали люди в белых халатах, орудующие скальпелями или склонившиеся над микроскопами,

борящиеся с болезнями и спасающие жизни. Он с самого начала знал: чтобы победить в этой войне, ему необходимо стать не просто врачом. И он стал не только медиком, но и генетиком. И вовсе не для того он всю свою жизнь посвятил этому крестовому походу, чтобы теперь просто стоять в стороне, когда в помощи нуждается его собственная дочь.

Вертолет дернулся. Болтанка с новой силой обрушилась на его несчастный желудок. Потребовалось несколько минут, чтобы он понял — внезапная потеря высоты означает, что машина идет на посадку. Со смесью возбуждения и страха он осознал, что они почти у цели.

Он собрался с силами, чтобы выдержать момент приземления, и попытался прикинуть, сколько они летели, но в полумраке салона, да еще погруженный в собственные мысли, он потерял ощущение времени. Может, прошел час, а может, и все четыре. Рокот двигателя вдруг перешел на более высокую ноту, вертолет завибрировал и затих.

— Прибыли, — сообщил справа Хеликс.

С облегчением Том услышал, как открывается дверь, и почувствовал свет, даже сквозь повязку. Горячий сухой воздух ворвался внутрь и закрутился по салону, действуя как прохладный напиток, унимающий тошноту. Он чувствовал запах пыли и песка и еще едва заметный пряный привкус. Глубоко дыша, он ощущал, как напряжение его постепенно уходит.

— Повязку уже можно снять? — спросил он.

— Пока нет, — ответил Хеликс, держа его за руку и помогая пройти дверной проем. — Скоро снимете.

Том, вслепую нащупывая шаткие ступеньки, спустился на землю, и в лицо ему тут же ударили бесчисленные песчинки, поднятые в воздух замирающими лопастями вертолетных винтов. Солнце светило ему в затылок, во рту пересохло, ногами он ощущал неровности песчаной почвы. Его куда-то повели.

Когда двигатели окончательно стихли, его поразило полное отсутствие звуков вокруг. Если не считать шороха сухого ветерка и редких слов, которыми обменивались сопровождающие, никаких звуков не было вообще. Ни шума уличного движения. Ни голосов. Ничего. Только его собственное дыхание и

скрип песка под ногами. Он вдруг ощутил себя бесконечно одиноким, но горячий воздух, песчаная почва и слабый свет, пробивающийся сквозь плотную повязку, придали ему сил.

Почти сразу же он почувствовал, что вместо песка у него под ногами уже более твердая поверхность, а солнце больше не греет затылок. По звуку своих шагов, ставшему иным, он определил, что они вошли в какое-то здание. Руки сопровождающих вели его дальше, в прохладу. А потом вдруг заставили остановиться.

— Осторожнее, здесь ступеньки, — предупредил справа все тот же голос Хеликса.

Пощатнувшись, он перенес вес тела на здоровую ногу, правую осторожно вытянул вперед и опустил. Ступенька оказалась настолько низко, что у него екнуло сердце и он на какой-то момент решил, что стоит на краю пропасти. Но тут, когда он уже почти потерял равновесие, нога наконец коснулась твердого. Ему никогда еще не встречались такие высокие ступени. Он спускался все ниже и ниже, держась за веревку, служившую перилами, чтобы не упасть.

И тут, совершенно внезапно, ему пришла в голову простая мысль. Раз он все еще жив, значит, эти люди действительно хотят с ним о чем-то договориться. И вероятно, у них есть то, что он ищет.

Им овладело возбуждение, и пока они спускались по нескончаемо длинной винтовой лестнице, страх его постепенно уходил, уступая место почти радостному предвкушению.

Когда лестница кончилась, сопровождающие заставили его пригнуться и быстро провели, судя по звукам, по узкому коридору. Он задел головой низкий потолок, гулкие звуки шагов по каменному полу, слившиеся воедино, едва не разорвали ему барабанные перепонки.

Затем подобно тому, как бурная река сразу же успокаивается, влившись в огромное озеро, эхо шагов стихло, едва узкий коридор привел их в просторное помещение.

Его резко дернули назад, быстрый шаг сменился медленным, почти прогулочным. Судя по запахам, помещение могло быть церковью. Том с детства помнил эти запахи: сухой пыли и

старых книг. Аромат ладана явно ощущался в воздухе — вместе с запахом восковых свечей. Но самым примечательным здесь была акустика. Огромная пустота вокруг. Казалось, ее можно пощупать руками, она была почти как живое существо. Он обнаружил, что старается ступать мягко, чтобы не создавать шума, так сильно бьющего по его ставшим сверхчувствительными барабанным перепонкам.

Наконец ему сделали знак остановиться, и он начал было приходить в себя, но тут чья-то сильная рука ухватила его за плечо. Он почувствовал на своей шее ледяное прикосновение стального клинка.

Глава 16

Южная Иордания

Мария Бенарьяк улыбнулась, передвигая рычаг коробки передач взятого напрокат «рейнджровера». Перед ней расстилалось молчаливое пространство пустыни, не изуродованное признаками присутствия человека. Пересекая этот песчаный океан в кондиционированном коконе машины, она ощущала глубокое умиротворение. Далеко впереди едва были видны пять каменных столбов, поднимающихся над пустыней подобно вздыбившимся носам тонущих кораблей. С той самой ночи три дня назад, когда Мария приняла решение встретиться со святым отцом, она чувствовала себя уверенно и спокойно. И поражалась, почему это не пришло ей в голову раньше.

Она уже несколько раз была в пещере Священного огня, но никогда не приезжала сюда без приглашения. Однако поскольку сегодня был день очередной из регулярных встреч отца Изекеля с его самыми старшими помощниками, она была уверена, что он здесь. А в разговоре с ним — она была совершенно уверена — ей удастся добиться пересмотра решения относительно доктора Картера.

Солнце стояло высоко в ярко-синем небе, машина неслась вперед по пескам, и Мария позволила своим мыслям уплыть

далеко-далеко. Она представила себя блудной дочерью, возвращающейся в объятия отца, и тут только осознала, как жаждет этой встречи. Она не говорила с отцом Иезекиелем наедине уже месяцев пять и с нетерпением ожидала момента, когда увидит выражение его лица: он, несомненно, удивится, узнав о ее неожиданном приезде. Она не сомневалась, что он будет рад ее видеть и подтвердит ее право завершить выполнение задания. Не он ли всегда повторял ей, что она Немезида по рождению, что ни у кого другого нет таких талантов и преданности делу при осуществлении праведных очищений? Она улыбнулась, вспомнив свое первое убийство, то самое, что привлекло к ней его внимание.

Пятнадцатилетней Марии Бенарьяк нелегко далось решение убить отца Анджело, и ее самое поразило, как скоро ей представилась такая возможность.

Толчком послужили два события. Покончила с собой сестра Дельфина, юная послушница, недавно появившаяся в их приюте. И — ее в третий раз изнасиловал отец Анджело.

После первого случая он стал настаивать, чтобы она всякий раз приходила к нему, когда он приезжает в приют. Старавшаяся ничего не замечать подхалимка мать Клеменца, конечно же, заставляла ее подчиниться, ибо она «должна быть благодарна за все заботы», которые «этот великий человек берет на себя», чтобы «помочь ей выйти в люди».

На этот раз, когда он приехал, Мария попыталась спрятаться, но он нашел ее и вновь изнасиловал — грубо и жестоко.

Когда она начала сопротивляться, он связал ее и принудил к оральному сексу. Потом — к анальному. И все твердил, что она перед ним бессильна, что она — рабыня и должна благодарно принимать то, что выпало на ее долю. Потом он похвастался, что она не одна такая. Что он для своих удовольствий использует и других, даже еще более юных ее подруг.

Десять дней спустя сестру Дельфину обнаружили висящей в петле, привязанной к потолочной балке над ее постелью. Она была на четвертом месяце беременности. Никто и понятия не имел, кого надо винить в случившемся.

Кроме Марии.

И тут она поняла, что, если не хочет кончить тем же, ей нужно убить отца Анджело. Идти ей все равно некуда. И она должна сделать это таким образом, чтобы содеянное никто не мог связать с нею. А наказаний с нее и так хватит.

Когда спустя две недели отец Анджело вновь появился в приют, она сделала вид, что полностью покорилась ему — этаким ребенком с полностью сломленной волей.

И тогда он тихонько сообщил ей, что останется ночевать в Кальви. И устроит так, что она сможет тайно приехать к нему в гостиницу. Она без возражений приняла это предложение.

Он улыбнулся: ему явно было по душе ее послушание. Уезжая, он оставил ей ключ и сто франков. «Выедешь сразу после полуночи и возьмешь такси. А в гостиницу пройдешь через боковую дверь, тебя никто не увидит. Я позабочусь, чтобы ты вернулась еще до зари».

Мария сунула деньги в карман. Однако брать такси она вовсе не собиралась. После обеда она, как обычно, пошла на кухню, чтобы опорожнить помойные ведра, и ушла оттуда, прихватив самый большой нож, какой только смогла там найти, и спрятала его под юбку. Потом пошла в прачечную и выбрала из кучи грязного белья, которое должна была перестирать завтра утром, подходящее платье. И отправилась к навесу для велосипедов. Взяла оттуда велик матери Клеменцы, вывела его за главные ворота и спрятала в кустах неподалеку.

Оставшуюся часть дня она занималась своими обычными делами, пытаясь отвлечься от мыслей о том, что задумала. Если бы у нее были друзья, с кем можно поговорить, поделиться!.. Вечером она долго лежала без сна, дрожа от страха и возбуждения.

Отец Анджело заслуживает смерти, она была в этом уверена. Его нужно остановить, прежде чем он причинит зло кому-нибудь еще или убьет ее. Он носил одежду Божьего слуги, но действовал как слуга дьявола. И Господь желает, чтобы она лишила его жизни. Она — орудие в руках Господа, и она отомстит и за поруганные Божьи заповеди, и за себя самое. То, что она задумала, — дело доброе и праведное.

Наконец часы показали тридцать пять первого ночи. Она встала. Все здание погрузилось в сон; натянув на себя грязное платье, она тихонько выскользнула из дортуара; свою чистую одежду она взяла с собой, сложив в пластиковый пакет. Выйти незамеченной и вытащить из кустов велосипед оказалось очень просто. Ночной воздух был прохладен и чист, но она вспотела, преодолевая путь к назначенному месту. Оставив велосипед на улице, подальше от гостиницы, и закрыв лицо шарфом, она пробралась в номер через боковую дверь.

Номер на втором этаже, но коридоры были пусты, ей никто не встретился. Она сама поразилась тому, насколько спокойно и уверенно действует, твердо зная, что назад пути нет. У нужной двери она остановилась и тихонько постучала. Дверь почти тут же распахнулась, из нее высунулось рябое лицо отца Анджело с блестящими от похоти глазками. Он быстро оглядел коридор, втащил ее в номер и закрыл дверь.

— Как я рад, что ты пришла, дитя мое!

Она едва успела окинуть взглядом красиво обставленный номер, а он уже стащил с себя всю одежду и встал прямо перед ней, со своим злобно-напряженным пенисом.

Не дав себе труда раздеть ее, он заставил ее опуститься на колени и, тяжело дыша, потянул ее лицо к распаленному члену.

— Давай, сделай мне приятное, — скомандовал он.

И снова она поразилась своему спокойствию. Ужас, который она испытывала прежде, когда он ее насиловал, исчез. Вместо этого она чувствовала, что полностью контролирует свои действия и уверена в собственной силе. Глядя ему в лицо, она открыла рот и придвинулась ближе. Увидела, как он улыбается ей, а сама нащупала за поясом юбки нож и тихонько вытащила его.

Она уже думала о том, что будет много крови и шума, и хотела свести все это к минимуму. Так что действовала очень быстро. Правой рукой отрезав ему пенис, левой она схватила с кровати подушку и прижала ее к лицу сладострастника, чтобы заглушить его крики. Но криков довольно долго не было. На лице его поначалу отразилось скорее удивление, чем боль, — он словно не верил, что кто-то мог сделать с ним такое.

Но тут ноги у него подогнулись, и когда он схватился за промежность, она толкнула его на кровать. В его глазах мелькнули изумление и ужас. Он пытался бороться, но она прыгнула ему на грудь, вдавила в его рот угол ватной подушки и стала душить. Потом тщательно связала ослабевшие руки простынями, которые все уже были в крови. Кровь была повсюду, но она не чувствовала никакого отвращения, наоборот — только прилив радостного возбуждения.

Оставив его корчиться на кровати в беззвучной и бессильной агонии, она ощупала скользкий от крови ковер, но не нашла то, что искала. Залезла обратно ему на грудь и улыбнулась в лицо мучителю.

— Скажи-ка, — потребовала она, — сестра Дельфина тоже была одной из твоих рабынь? Если ответишь честно, я позову врача. — У нее кружилась голова от ощущения полной власти над старцем, и она помахивала отрезанным пенисом перед его расширенными от ужаса глазами. — У тебя еще есть возможность спасти это сокровище. Так что, ее ты тоже насиловал?

Он в ужасе смотрел на свой окровавленный член у нее на ладони.

— Говори! Кивни, если это так.

Он медленно кивнул.

— Хорошо. — Она вытащила край подушки у него изо рта и, едва он раскрыл рот, чтобы заорать, впихнула туда отрезанное мужское достоинство и снова зажала рот подушкой. — Ну, кто теперь раб? — спросила она, глядя прямо в его вылезшие из орбит глаза и слыша, как он хрипит и задыхается, пытаясь вдохнуть.

Она спокойно наблюдала его предсмертные мучения и судороги, и ее наполняло чувство полного удовлетворения. Вот его глаза моргнули в последний раз. Убедившись, что он мертв, она слезла с кровати и ножом написала кровью на оставшемся белым куске простыни: «Око за око, зуб за зуб». Стащила с себя платье, приняла в ванной душ, вытерла нож и надела на себя все чистое. Окровавленную одежду свернула в комок и засунула в пластиковый пакет. В последний раз осмотрела место расправы, довольная, что правосудие свершилось. Потом, не потрудившись закрыть мертвецу глаза, ушла.

Проходя по коридору, она заметила поодаль силуэт мужчины. Она еще плотнее замотала лицо шарфом и почти бегом покинула гостиницу. По дороге она чувствовала, что ее кто-то преследует.

Вернувшись в приют, Мария вздохнула спокойно: она в безопасности. Велосипед и нож она вернула на свои места, окровавленную одежду засунула поглубже в кучу грязного белья и забралась в постель, под одеяло. Прошло всего пятьдесят пять минут. И никто никогда не узнает, что это она убила отца Анджело.

Но неделю спустя, когда мать Клеменца вызвала ее к себе, Мария поняла, что ошибалась.

Жаба пребывала в состоянии полного шока, с тех пор как сестра Дельфина совершила самоубийство и было обнаружено тело священника. Но это вовсе не объясняло ее странного поведения сейчас, когда Мария вошла в ее кабинет. Мать Клеменца являла собой саму доброту, в ее голосе звучали материнские нотки. Мария решила, что все это имеет какую-то связь с присутствием здесь сухопарого мужчины с морщинистым лицом, темными глазами и в темном костюме. Жаба улыбалась и подобострастно кланялась ему.

— Здравствуй, Мария. К тебе посетитель, — сказала она, как будто Мария некая важная персона. — Этот джентльмен хочет поговорить с тобой.

У Марии замерло сердце. Нетрудно было догадаться, о чем он хочет с ней поговорить. Интересно, какие улики она умудрилась оставить на месте преступления? Откуда этому человеку известно, что именно она убила отца Анджело?

Жаба внезапно встала и пошла к выходу.

— Ну что ж, думаю, у вас есть о чем поговорить. Не буду вам мешать.

Мужчина вежливо приподнялся со стула и сказал:

— Я бы предпочел, чтобы нас никто не беспокоил. — Его тон превратил эти слова в приказ.

Мать Клеменца вытерла потные руки о юбку и нервно улыбнулась:

— Как вам будет угодно.

Мария была поражена. Мать Клеменца прежде никогда никому не уступала свой кабинет! Даже отцу Анджело.

Когда жаба, выйдя, закрыла за собой дверь, мужчина представился и жестом велел ей сесть за стол.

— Но это же место матери-настоятельницы!

Темные глаза насмешливо улыбнулись.

— А мы ей ничего не скажем!

Она улыбнулась в ответ и почувствовала, как ее напряжение понемногу ослабевает. Может, он приехал совсем по другому поводу? Но едва она уселась, он произнес слова, от которых у нее тут же начали дрожать колени.

— Мария, я знаю, что это ты убила отца Анджело. Один из моих друзей видел, как ты входила в его номер и как уходила оттуда — как раз тогда, когда его убили.

Она села, вся сжавшись, и смотрела только себе на ноги. Не было смысла оправдываться.

— Он был плохой человек. И Господь пожелал, чтобы я его убила. Он три раза изнасиловал меня, он довел сестру Дельфину до самоубийства. — Она произнесла эти слова механически. Все равно ей не поверят.

— Я знаю, — услышала она в ответ. — Отец Анджело действительно был очень плохой человек, и он заслуживал смерти.

Пораженная, она поднялась глаза и увидела, что мужчина улыбается ей. Это была улыбка восхищения и понимания — так отец улыбается своей не очень послушной дочери. Ее удивлению не было предела, она чувствовала комок в горле, к глазам ее подступили слезы.

— Знаешь ли ты, почему ты страдала, Мария? — спросил мужчина, как будто все-все про нее знает.

Не доверяя словам, она лишь отрицательно покачала головой.

— Это потому, что ты особенная.

— Особенная?

— Да. Избранная.

— Не понимаю.

— Господь выделил тебя из всех, чтобы ты служила ему. Он одарил тебя прекрасными качествами: умом, красотой и сме-

лостью. Но он также ниспослал тебе страдания, чтобы испытать тебя. И теперь, когда ты прошла все это, настало время готовить тебя к более трудному. Понимаешь?

Мария посмотрела прямо в его темные глаза и медленно кивнула. Да, она понимала. Все внезапно стало на свои места. Ее испытывали! Перед более серьезными делами. Господь выделил, избрал ее, а теперь этот человек поведет ее навстречу ее судьбе.

— Господь дал тебе талант и одарил страстностью, — услышала она и увидела, как улыбка морщинами ложится на пергаментное лицо этого доброго человека. — И если ты согласна, я уже договорился забрать тебя отсюда.

Мария улыбнулась. Это решение было самым легким в ее жизни.

Всего лишь вспомнив улыбку отца Изекееля, Мария почувствовала прилив мужества. Машина подъезжала к пяти скалам. Конечно, в те времена она и понятия не имела, что сестра Дельфина — племянница брата Куласа, одного из старших братьев братства. И что эта послушница успела написать своему дяде и все рассказать про отца Анджело, прежде чем покончить с собой. И братство направило предшественника Марии, его тоже звали Немезида, чтобы он сделал то, что успела совершить она. Это он видел, как она уходила из номера отца Анджело. И именно он рекомендовал ее в качестве своего преемника. Так что отец Изекеель вызнал все ее тайны еще до встречи с нею.

С того момента ее жизнь полностью переменялась. Последовали пять лет подготовки в школе, которой руководил брат Бернارد; там ее учили всему — начиная с иностранных языков и кончая праведными убийствами, там она узнала историю братства и его заповеди. И впервые в жизни почувствовала, что у нее есть семья, и истинно уверовала в справедливость того, что делает. Она отлично помнила, какая гордость распирала ее, когда после пяти лет обучения ее привезли в пещеру Священного огня и она прошла кровавый обряд посвящения. Когда отец Изекеель проколол ей руку острием церемониального кинжала, она не почувствовала боли. Позднее в тот же день он по-

хвалил ее и назвал самой преданной ученицей из всех, кого он помнит.

Еще два года спустя она была назначена новой Немезидой. И в последующие тринадцать лет наслаждалась своими несравненными достижениями.

До Стокгольма. До неудачи с доктором Картером.

Она сжала зубы, но тут же напонила себе, что скоро все исправит. Впереди показался вертолет и два «лендровера», припаркованных возле самой высокой скалы. Она подъехала ко входу в пещеру. Здесь стояли два человека, пристально наблюдавшие, как она натягивает бейсбольную шапочку на свою наголо обритую голову. Выключив мотор, она открыла дверцу и вылезла под палящий зной. Захлопнула дверцу и направилась прямо к этим двоим.

Первый едва успел открыть рот, как она протянула ему правую руку и произнесла:

— Да будет он спасен!

Выражение его лица тут же смягчилось, и он чуть кивнул, пожимая ей руку. Потом протянул свою левую, чтобы пожать ее левую, и оба рукопожатия образовали крест.

— Дабы он мог спасти праведных.

Страх Тома Картера сменился облегчением, когда прижатый к его шее нож двинулся вниз, разрезая повязку, закрывавшую ему глаза. Он повернулся и, когда глаза привыкли к золотистому свету, увидел Хеликса. Тот стоял рядом с ножом в руке, на его губах играла легкая улыбка.

Хеликс сделал широкий жест, обводя правой рукой огромное подземное помещение:

— Доктор Картер, добро пожаловать в пещеру Священного огня, святилище братства Второго пришествия.

Том восторженно уставился на резной сводчатый потолок, поддерживаемый тяжелыми каменными колоннами, толстыми, как вековые дубы. Золотистый свет исходил от бесчисленных свечей, горящих на узком выступе стены, который делил ее, тридцатифутовую в высоту, пополам. Их дрожащий свет плясал на потолке, вырубленном в сплошном красноватом камне.

Дополнительный свет давали газовые лампы и факелы, закрепленные в металлических держателях на каждой из колонн. Стены зала украшали выглядевшие очень старинными гобелены, свисавшие с железных балок как паруса небольшого корабля. На гобеленах были изображены религиозные сюжеты, которые в этом мерцающем свете казались ожившими.

В дальнем конце зала Том увидел алтарь, задрапированный белой тканью с кроваво-красным крестом. Его взгляд остановился на языках пламени возле алтаря. Пламя было неестественно белым и горело ровно и прямо. Оно вырвалось из дыры в каменном полу, и его слепящие отблески освещали огромную дверь в стене позади алтаря. Дверь была закрыта.

Посреди пещеры на исцарапанном мозаичном полу стоял массивный стол, размерами соответствовавший помещению. Его толстая деревянная столешница покоилась на мощных ножках, резьбой имитировавших когти орла. На столе стояли блюда и тарелки с едой, но шесть помпезных стульев вокруг были пусты.

Том ощутил могучую силу воздействия этого места, ему даже стало не по себе. Это было похоже на огромный мавзолей, собравший под своими сводами все самые древние верования человечества.

— Добро пожаловать, доктор Картер. Мы рады, что вы здесь. — Громкий мужской голос застал Тома врасплох. Он едва обратил внимание на две фигуры под колоннами в дальнем углу пещеры — такими незаметными они казались в этой обстановке. Обратившийся к нему мужчина казался особенно маленьким, совершенно теряясь в пространстве пещеры.

— Доктор Картер, — вступил Хеликс, — позвольте мне представить вам отца Изекъеля де ла Круа, главу братства Второго пришествия, а также брата Бернарда.

Иzekъель приблизился:

— Я прошу прощения за то, как вас сюда доставили. Но мы охраняем нашу тайну уже две тысячи лет.

— Я понимаю, — сказал Том. — При условии, что ваше приглашение не было шуткой и мой приезд стоил потраченных трудов.

— Смею вас заверить в серьезности наших намерений.

Том никак не мог определить, что за акцент у этого человека — какая-то странная смесь ближневосточного и французского. А когда Изекьель подошел совсем близко, Том заметил, что, хотя губы его улыбаются, темные глаза изучают его особенно пристально. Этот сухопарый человек с тонкими, как шелк, седыми волосами был очень стар. И тем не менее его манера держаться была такой властной, что вряд ли кто-то или что-то могло служить препятствием его действиям.

Иzekьель протянул для приветствия тощую, похожую на клешню руку — на кривоватом пальце сверкнул перстень, украшенный огромным рубином, — такого Том не видел никогда в жизни. И крест! Он узнал его. На сургучной печати конверта был его оттиск. Пожимая протянутую ему руку, он ощутил, какая высохшая и шершавая у Изекьеля кожа. Лицо его выглядело ненамного лучше: истончившийся пергамент на выступающих костях черепа. Казалось, стоит эту кожу потерять, она тут же сотрется в порошок и кости вылезут наружу. Упрятанное под темный костюм и роскошный плащ тощее тело все же, можно было догадаться, таило немалую мышечную силу. Но настоящая сила была в его темных умных глазах. Они словно не имели возраста и смотрели настороженно и хитро. Этого человека вряд ли можно недооценивать. А доверять ему?

— Вы уже познакомились с братом Хеликсом, — сказал Изекьель. — Он ученый, такой же, как и вы, доктор Картер. Он возглавляет наш Первый императив и постоянно держит нас в курсе всех событий. — Тут Изекьель обернулся к третьему из присутствующих. — А брат Бернард занимается нашими... — он сделал паузу, подбирая подходящее выражение, — вопросах нашей безопасности.

Картер пожал руку брату Бернарду. Редеющие волосы и седоватая козлиная бородка свидетельствовали, что он старше Хеликса — видимо, ему уже за семьдесят. Огромного роста, мощного сложения и довольно жирный. Губы толстые, особенно нижняя — она придает ему вид разозленного и капризного мальчишки. Картеру он не понравился с первого взгляда.

— Так кто вы? И что такое Первый императив? — спросил он.

Изекиель одарил его еще одной скудной — одними губами — улыбкой.

— Все в свое время, доктор Картер, все в свое время. — Он сделал приглашающий жест в сторону стола: — Присаживайтесь. И давайте обсудим возможность совместного использования наших ресурсов. наших сокровищ, принадлежащих прошлому, и ваших технологий, принадлежащих будущему.

И прежде чем Том успел попросить его объясниться подробнее, старец неожиданно резво повернулся и четким, размеренным шагом направился к столу.

— Вот пища и вино. Вам не помешает подкрепиться после путешествия.

Том действительно чувствовал жажду, и когда брат Хеликс помог ему усесться за стол, взглянул на часы. С тех пор как он приземлился в Тель-Авиве, прошло почти три часа. Интересно, который теперь час в Бостоне? Да, Холли, наверное, уже в школе.

Изекиель уселся во главе стола — алтарь и слепящий белый свет были теперь за его спиной. Братья разместились по обе стороны от него. Том оказался рядом с Хеликсом.

— Откушайте, пожалуйста, — предложил старец начал трапезу.

Именно так Том представлял себе средневековое пиршество: огромные оловянные блюда — с финиками, инжиром, гранатами и сыром; подносы с наваленной на них бараниной, говядиной и цыплятами; миски с маринованными пикулями и голубцами из виноградных листьев; глиняные кувшины с водой и вином; разукрашенные кубки.

Хеликс поднял один из кувшинов и налил ароматного вина цвета темного рубина в кубок Тома, брат Бернард придвинул к нему блюдо. Несмотря на взвинченные нервы, вид всех этих яств заставил Тома осознать, что он уже давно ничего не ел. Джек, снedaемый своей обычной паранойей, прямо как курица-наседка, предупредил его, чтоб он ни к чему не притрагивался. Однако, памятуя о теплом приеме, который был ему ока-

зан, Том вряд ли должен был чего-то опасаться. Если бы эти люди хотели ему навредить, они бы уже это сделали.

Акустика помещения, кажется, здорово усиливала звук. Голос Изекееля, когда он заговорил, был громким и внушительным.

— Раз уж мы вас пригласили, думаю, начать следует мне. Пока вы закусываете, я расскажу вам кое-что о нашей организации. А уж потом обсудим суть дела.

Том кивнул. Как будто у него был выбор! Он поднес к пересохшим губам кубок. Густое крепкое вино было на удивление освежающим. Стараясь унять растущее возбуждение, Том вдруг осознал, что начинает наслаждаться происходящим. Уж слишком оно невероятно.

Изекеель де ла Круа встал. Его маленькое шуплое тело отбрасывало гигантскую тень на ближайшую из колонн. Прежде чем начать, он внимательно посмотрел на гостя. Его радовало, что доктор Картер принял их приглашение, и он не мог не оценить выдержки этого человека. Картер совсем не походил на обычного дерзкого борца с суевериями и предрассудками, какого они ожидали увидеть. Мчаться на другой конец света в надежде на ничтожный шанс, что у совершенно неизвестных ему людей окажется то, что он ищет, — это доказывало, как высоко он ценит их реликвию. Вряд ли Картером движут исключительно коммерческие мотивы. У него и так денег больше, чем ему может когда-либо понадобиться. Но каковы бы ни были его мотивы, манера поведения доктора Картера и его преданность своему делу подтверждали предположение, что он не станет пренебрегать предложением.

— Позвольте мне начать с самого начала, — произнес Изекеель. — Две тысячи лет назад Лазарь, тот человек, которого Иисус Христос воскресил из мертвых, был свидетелем ужасного действия — распятия Христа; тогда он поклялся, что сделает все, чтобы древние уродливые верования никогда больше не позволили совершить подобное преступление. В ночь после Голгофы Лазарю было сновидение, в котором он узрел древнюю пещеру и горящий в ней огонь. На следующий день он

повел своих последователей в это священное место. У братства Второго пришествия всего одна всепоглощающая цель: дожидаться появления нового мессии, опознать его и помазать его, освятив в Священном огне. Эта единственная цель — так называемый Первый императив — с тех самых пор и влечет и направляет нас. — Изекийель повернулся к белому пламени и продолжил: — Это Священный огонь, который дал пещере ее название. Именно здесь проходило первое собрание Внутреннего круга братства, здесь братья молились перед алтарем Священного огня.

Он снова повернулся к Картеру и с радостью увидел, что тот внимательно его слушает.

— В своем сне Лазарь видел, как пламя меняет свой цвет с синевато-белого на оранжевый, когда Христос умер на кресте, искупая грехи наши. Но ему было сказано, что, когда цвет пламени вновь станет белым, мессия вернется в этот мир. За две тысячи лет пламя становилось белым всего два раза. — Изекийель сделал паузу и приблизился к огню. — В первый раз — когда Иисус из Назарета ходил по этой земле. И сейчас. Сегодня. Новый мессия находится среди нас уже тридцать пять лет, и мы должны найти его.

Картер неуверенно нахмурился:

— Откуда вы знаете, что ваш мессия сейчас ходит по земле? Может, изменение цвета пламени — простая случайность? Геологический сдвиг, выход газа?

— Мы знаем, — нетерпеливо ответил Изекийель.

Картер придвинул к себе блюдо с цыплятами.

— И как же вы намерены найти этого вашего нового мессию?

— С вашей помощью, доктор Картер.

Он вернулся на свое место и кивнул брату Хеликсу.

Поняв его сигнал, Хеликс поправил очки и склонил лысую голову в сторону Картера:

— Мы намерены найти нашего мессию с помощью вашего проекта «Кана».

— Не понимаю...

— Мы следили за вашей работой и за работой вашей группы. И знаем, что вы пытаетесь найти образчик ДНК нашего Господа.

Картер молчал.

Хеликс сложил ладони пальцами вверх, образовав нечто вроде пирамиды, полюбовался своими ногтями.

— Поиск ДНК Христа представляется довольно необычным занятием для атеиста. Может быть, у него чисто коммерческое объяснение? Может быть, вы полагаете, что сумеете извлечь какое-то волшебное лекарство из найденных генов? Это, безусловно, будет весьма ценное приобретение — владеть эксклюзивными правами на средство, которое может лечить все на свете.

Картер продолжал молчать.

— Но пока что вам не везло, — вступил брат Бернард. — Вы так и не нашли настоящий образец, не так ли?

Том спокойно отхлебнул вина.

— Нет. Не нашли. Потому-то я здесь.

Бернард улыбнулся своей жесткой улыбкой:

— Во-первых, нам понадобится доступ в ваше ИГ, в вашу базу данных. Ту, которую вы не имели права создавать.

— А зачем вам доступ в ИГ?

Изекееля вопрос удивил не меньше, чем Бернарда и Хеликса. Неужели доктор Картер еще не понял, зачем им нужен доступ к базе данных более чем на сто миллионов человек?

Хеликс нахмурился:

— Как зачем? Конечно же, чтобы найти там соответствующую ДНК!

Теперь до Картера стала доходить их идея. Ему и в голову не приходило, что кто-то из живущих может обладать божественными генами Господа. Том продолжал молчать. Он вертел в руках кубок и пытался просчитать последствия сделанного ему предложения. Потом нахмурился и обратился к брату Хеликсу:

— Неужели этот ваш... новый мессия не знал бы о своих способностях? И не привлек бы к себе вашего внимания?

Хеликс покачал головой:

— Не обязательно. Он мог, конечно, понять, что обладает неким даром, когда был ребенком, но потом «узнать», что не должен иметь таких способностей и делать то, что может делать. Он мог просто подавить в себе эти способности — из обычного конформизма. Чтобы ничем не отличаться от других. И его дар, вероятно, теперь пребывает в бездействии. Он, по сути, мертв. И может быть, навсегда.

Картер задумчиво кивнул.

— Или, — продолжал Хеликс, — он может и вовсе не знать о своих генетических способностях. Просто не пользоваться ими. В конце концов, любую способность следует развивать — использовать ее, практиковаться.

— Возможно, — пожал плечами Картер.

Возникла небольшая пауза. Потом Хеликс и Бернард переглянулись и одновременно посмотрели на Изекьяля. Прокашлявшись, он спросил:

— Итак, доктор Картер, если бы вы нашли ДНК Христа, как вы полагаете, сумели бы вы с помощью вашего геноскопа и вашей базы данных найти аналогичную ей ДНК у кого-то из живущих — ДНК нашего мессии?

Молчал Картер недолго.

— Если такая существует, — произнес он. — И если она есть в нашей базе данных. Тогда да. Полагаю, что сумел бы.

Бернард и Хеликс торжествующе посмотрели на Изекьяля. Вполне возможно, что такой безбожный альянс и в самом деле может оправдать себя.

— Доктор Картер, если мы передадим вам соответствующий образец, вам придется выполнить вашу часть сделки и направить все ваши ресурсы на поиск этой аналогичной ДНК. Если вы этого не сделаете, мы будем вынуждены... реагировать соответствующим образом. — Изекьель испытующе посмотрел на Картера. Его взгляд говорил, что если он нарушит соглашение, то будет наказан.

Картер улыбнулся:

— Не беспокойтесь. Я в этом заинтересован ничуть не меньше вас. Однако не следует забывать еще об одном. Нам нужен совершенно аутентичный, подлинный образец. Без такового все

рассуждения о соглашении остаются всего лишь словами. Только словами.

Изебель несколько секунд помолчал, глядя на свой рубин. Раскаленным угольком в нем светился огонь. Вот он, момент истины! Да, они готовы пойти на это.

— Тогда перейдем к делу, — сказал он, поднимаясь. И, повернувшись к алтарю, добавил: — Идемте, доктор Картер. Я хочу вам кое-что показать.

Глава 17

Скел Памяти

Том Картер последовал за Изебелем де ла Круа к алтарю, лихорадочно осмысливая услышанное. То, что они узнали про ИГ, лишь объясняло причину их приглашения. Но мысль о том, что кто-то из живущих может обладать теми же генами, что и Господь, потрясла его своей простотой! Она открывала им совершенно новый путь! Как только ДАН проанализирует геном Христа, он может проверить любую базу данных ДНК и выявить нужную у кого-то из живущих.

Он смотрел, как Изебель прошел мимо сияющего белого пламени и приблизился к запертой двери за алтарем. Слева от нее на уровне пояса из стены торчал деревянный рычаг, с конца которого свисала грубая пеньковая веревка с петлей на конце.

Том, проходя мимо, легонько подергал петлю.

— Полагаю, вам лучше это не трогать, — твердо сказал Изебель.

Том отдернул руку.

— Почему? Что это такое?

Изебель одарил его какой-то странной улыбкой:

— Это можно назвать последней предосторожностью, на крайний случай. Пожалуйста, не трогайте. — Он наклонился и нажал еще на один деревянный рычаг, скрытый за алтарем.

Том услышал скрежет камня по камню, и дверь сдвинулась в сторону. Открылся проход, в который можно было протиснуться по одному. Изебель прошел первым. Том остановился, ожидая, что за ним последуют Хеликс и Бернард, но те не двинулись с места. Было件нятно, что внутрь войдут только Изебель и он.

Воздух там, куда они вошли, был совсем другой — здесь пахло пылью и древностью. Маленькое, ничем не примечательное помещение освещали две электрические лампы, питавшиеся от бензинового генератора. В результате в этом высоком и пустом помещении почти не было кислорода. Потом в стене напротив он заметил другую дверь и сообразил, что это не отдельная комната, а нечто вроде передней или прихожей между огромной пещерой и тем, что лежало за второй дверью. И конечно, Изебель нагнулся и потянул за еще один рычаг, закрывавая дверь, в которую они только что вошли.

Потом древний глава древнего братства подошел ко второй двери и снова нажал на рычаг. Дверь отошла в сторону с таким же скрежетом, что и первая, открыв темное, как ночь, пространство. Изебель скользнул туда, и Том услышал щелчок выключателя. Комната тут же наполнилась ярким светом.

— Это склеп Памяти, — объявил Изебель, но никаких дополнительных объяснений давать не стал.

Первое, что почувствовал Том, оправившись от внезапной вспышки света, было разочарование. Он не думал увидеть здесь сокровища, золото и драгоценные камни, но при всем при этом ожидал чего-то большего. Ничем не примечательная комната выглядела как нечто среднее между кладовкой уборщицы и маленьким пыльным музеем. Стены закрывают длинные шаткие полки, заставленные коробками, папками с документами и необычными предметами. На грубо обтесанном каменном полу стоят пять каких-то старых сундуков. В дальнем углу болтается веревочная лестница, свисающая из узкого отверстия, прорубленного в потолке. Из отверстия едва заметно тянет свежестью, и, как понял Том, оно в конечном счете должно выводить на поверхность — если у кого-то хватит духу и сил, чтобы карабкаться по этой жуткой тесной щели. Рядом с лестницей он уви-

дел углубление не более трех футов высотой. Оно было закрыто занавеской. Ничто в этой комнате не выглядело ценным, по крайней мере на первый взгляд.

Он подошел к одной из коробок и заглянул в нее. В коробке лежали хорошо сохранившиеся свитки, очень древние — их возраст насчитывал, наверное, многие сотни, может быть, даже тысячи лет; еще там были книги, написанные на языках, о которых он не имел ни малейшего представления. Он посмотрел на остальные предметы и с трудом распознал в них оружие и еще какие-то древности, давно уже пережившие свой век и цивилизации, которые их создали. Том отступил назад и еще раз посмотрел вокруг — возбуждение снова охватило его. Даже на его несведущий взгляд, сокровища, собранные в этой не поддающейся влиянию времени камере, были не просто ценными — им поистине не было цены.

Его особенное внимание привлек свиток, лежащий на каменном выступе. Что-то в выцветших чернилах на потрескавшемся пергаменте произвело на него впечатление. Он склонился ближе, чтобы попробовать прочесть его, но не сделал и попытки прикоснуться к хрупкому документу. Иезекиель неотрывно наблюдал за ним.

— Это запись сна Лазаря, сделанная им собственноручно, — объяснил старец. — В ней описывается эта пещера и содержится пророчество, связанное со Священным огнем, — все записано так, как он увидел в своем сне. Там также изложены все законы и цели братства; они оставались практически неизменными на протяжении двадцати столетий.

Том медленно покивал. Его глаза скользили по полкам, пока не наткнулись на сверток из вытертой до основы ткани. Она была довольно грязной и буднично обернута куском кожи.

Иезекиель, по-прежнему не спуская с него глаз, спросил:

— Знаете, что это такое?

Том покачал головой. У него мелькнула мысль, что его отец знает ответ на этот вопрос. Алекс отдал бы руку, только чтобы увидеть хоть одно из этих сокровищ.

Старец понизил голос, демонстрируя глубочайшее почтение:

— Это саван Господа нашего. Плащаница.

Том не в силах был сдержаться — несмотря на свои атеистические убеждения, он вздрогнул всем телом.

— Но, насколько я знаю, она хранится в Турине.

Ответом ему был сухой, презрительный смешок.

— Там хранится всего лишь подделка; это нечто вроде циркового фокуса, чтобы вводить в заблуждение доверчивых и легковых и обеспечивать их преданность. И денежные поступления от них.

Том ничего не сказал в ответ. Да и что он мог сказать? Впервые в жизни он смотрел на то, что являлось якобы подтверждением религиозных постулатов. Историческая ценность этих артефактов никаких сомнений не вызывала. Однако он все еще оставался не до конца убежденным в их духовной ценности.

Краем глаза он заметил древний шлем с носовой стрелкой. А рядом с ним, небрежно прислоненный к стене, словно обычная бейсбольная бита в шкафу тинейджера, стоял самый огромный меч, какой Том когда-либо видел. Его потрясающий воображение полированный клинок был изготовлен из прекрасно закаленной стали, тяжелая гарда богато изукрашена, а сама рукоять обтянута какой-то непонятной тканью. У основания рукояти глубоко в сталь был утоплен огромный рубин — раза в два больше того, что украшал перстень отца Изекееля. Меч был, видимо, очень тяжелый — Том и представить себе не мог, что кто-то может его поднять, не говоря уже о том, чтобы им сражаться.

Изекеель пояснил с явной гордостью:

— Эти меч и шлем принадлежали мессииру Антуану де ла Круа, крестоносцу и рыцарю ордена тамплиеров, которые стояли гарнизоном в замке Крак-де-Шевалье в Сирии. Он был главой братства почти тысячу лет назад. Я — один из его потомков.

— Меч просто замечательный! Но как он им пользовался? Он же просто огромный!

Небрежное пожатие плечами и сожаление в голосе в ответ.

— В те времена люди были более дисциплинированны.

Том осмотрел другие свитки и заметил весьма впечатляющую каменную табличку. На ней была выбита какая-то надпись, но буквы он разобрать не мог. И в недоумении взглянул на святого отца:

— Откуда у вас все эти сокровища? И почему вы держите их в тайне?

Темные глаза Изекееля так и впились в него.

— Основатель нашего братства и его последователи спасли эти сокровища или выкупили их, они передавались из поколения в поколение целых две тысячи лет. — Старец задумчиво покивал. — Доктор Картер, история вовсе не наука. Это всего лишь память. Избирательная память людей, которым принадлежит власть. Если некто наделенный властью считает необходимым забыть что-то из прошлого или изменить, он в состоянии это сделать. А вот с вещественными доказательствами, с артефактами спорить невозможно. История как вера: все зависит от того, во что вы верите. Но в отличие от веры любой взгляд на историю или память о происшедшем можно подкрепить конкретными артефактами. Вещественными доказательствами. — Старческие руки взлетели в стороны, словно обнимая комнату. — Вещи, собранные здесь, и являются нашими вещественными доказательствами и помогают нам сохранить нашу веру. И пока они целы и хранятся в безопасности от всяких нынешних властолюбцев, стремящихся погубить религию, мы всегда будем иметь доказательства того, во что верим. И того, что храним в своих сердцах.

Тому внезапно стало очень неуютно — он ощутил себя совершеннейшим чужаком. Он понимал, что Изекеель, должно быть, рассматривает его — со всем его атеизмом и научными увлечениями — как одного из тех властолюбцев, что вознамерились принизить значение религии и своими обещаниями светлого будущего уничтожить значение прошлого.

— Как вы полагаете, а я смогу уверовать в то, во что верите вы, после того, как увидел все это?

Старец пожал плечами:

— Может быть.

— Но история все же не религия. Например я верю, что Кеннеди существовал и что он был великим человеком, но я отнюдь не обожествляю его, не поклоняюсь ему.

— Задумайтесь вот о чем, доктор Картер. Если бы мы не верили в божественную сущность Христа и не стремились подкрепить нашу веру в него путем собирания и сохранения предметов, что вы видите вокруг, если бы мы вместо этого начали слепо карабкаться к технологически потрясающему, но духовно несостоятельному будущему, если бы мы пошли на все это, то, как вы думаете, обладали бы мы все еще тем, что вы ищете?

Том неопределенно пожал плечами. Использование братством всех этих сувениров для оправдания своей религии и нескрываемое презрение Изекееля к стремлению человечества самому распоряжаться собственной судьбой вызывали в его душе мощный протест, но сейчас было не время его демонстрировать.

Изекеель с минуту пристально смотрел на него, потом резко отвернулся и произнес:

— Ладно, хватит разговоров. Давайте перейдем к делу.

Он снял с шеи маленький золотой ключ на цепочке и подошел к углублению в дальней стене комнаты. Откинул в сторону занавеску. Глазам предстала богато украшенная золоченая клетка около трех футов высотой, с высокой остроконечной крышкой и решетчатыми стенками. Мастерство, с которой она была изготовлена, потрясало.

Том смотрел, как старец медленно наклоняется и отпирает ключом решетчатую дверцу. Скрипнули давно не открывавшиеся петли, и Изекеель медленно засунул руку внутрь. Он возился там целую вечность, прежде чем в конце концов выпрямился. В руках он держал то, что на первый взгляд представлялось шкатулкой из драгоценного металла, выложенной самоцветами. Том наклонился вперед.

Старец поднял на него глаза:

— Основатель братства, Лазарь, принес это сюда вместе с плащаницей. Чтобы хранить как память о том, что случилось в день, когда люди распяли своего Спасителя.

Том безмолвно наблюдал, как Изекьель приблизился к нему, прижимая к груди раскрытую шкатулку. На стенке шкатулки, обращенной к нему, Том разглядел рубины, оправленные в серебро и образующие крест. Углы шкатулки были отделаны кованым золотом и украшены четырьмя изумрудами.

— Мы никогда не выносили ее из этого склепа, — сообщил Изекьель. — Ни разу за все две тысячи лет.

Его темные глаза смотрели на Тома, жилистые руки протягивали ему шкатулку. Твердые руки хирурга, никогда не подводившие его, сейчас дрогнули, когда он принял от старца священную реликвию. Он заглянул внутрь. Лежавшие внутри шкатулки предметы были частично утоплены в подушке пурпурного шелка. Он сразу понял, что это — вернее, ему показалось, что понял, — и обернулся к Изекьелю, пытаясь что-то сказать.

Темные глаза старца, несомненно, отметили, в каком ошарашенном состоянии он пребывает, и голова его медленно склонилась, словно подтверждая, что все увиденное — правда.

— Если вы в чем-то сомневаетесь, прикоснитесь к ним, — прошептал старец.

Том взял шкатулку в одну руку и очень осторожно снял с пурпурной подушки оба лежащих на ней предмета. И вот они на его ладони. Да. Теперь у него нет никаких сомнений в том, что это такое.

Ржавый гвоздь шести дюймов в длину и пожелтевший человеческий зуб.

Со своего удобного места рядом с дверью в пещеру Священного огня Мария Бенарьяк видела, что встреча подходит к концу. Внутренняя стража, охранявшая святилище братства, позволила ей спуститься вниз без доклада, но при условии, что она не войдет в пещеру и не будет беспокоить святого отца. Она ждала почти час, и ей не терпелось удивить всех своим появлением.

Она смотрела в полуоткрытую дверь, и ей было видно, что святой отец стоит там с братом Бернардом и братом Хеликсом. Они принимают гостя, так что ей пришлось сдерживать свое нетерпение. Она сунулась было в дверь, чтобы выяснить, кто этот

посетитель, но тот стоял в тени колонны. С места, где стояла она, их искаженные эхом голоса доносились до нее невнятно, она не могла разобрать, что они говорят, но по их движениям и тону разговора было понятно, что они вот-вот закончат и разойдутся. В этот момент Хеликс наклонился и протянул гостю руку. Гость шагнул вперед, чтобы пожать ее. Что-то в его облике показалось ей знакомым.

Вся группа уже шла к выходу, вот-вот они поравняются с ней. Стоя в тени, она могла рассмотреть идущих. Держались они свободно, без всякого напряжения, все их движения свидетельствовали о том, что они успешно завершили какое-то важное дело. Вот Бернард пожал руку гостю. Рукопожатие совершенно искреннее. Для братства этот посетитель явно представляет какую-то ценность, недаром Поборник Второго императива обращается с ним столь уважительно. А вот с нею он никогда так не обращался!

Все четверо остановились шагах в тридцати от нее, и их голоса слились в одно неразборчивое бормотание. Посетитель держал в левой руке небольшой сверток, но она по-прежнему не могла рассмотреть его — мешали колонны. Она видела, как брат Бернард погладил свою дурацкую бородку, как Хеликс кивнул в знак согласия с тем, что говорит святой отец. Отец Изебель сейчас выглядел совсем маленьким в сравнении с Хеликсом и этим высоченным незнакомцем.

Вдруг она услышала справа шаги, и из тени выступил мужчина. Он явно ждал там, за дверью, вероятно, охраняя вход. Он прошел в середину пещеры и присоединился к остальным, и когда он попал в свет факела, она тут же узнала его.

Гоморра!

Он-то что здесь делает? Почему его пригласили присутствовать на этой встрече? Он-то всего лишь второй оперативник. Первый — она! И тем не менее он здесь — его включили в число посвященных, его ценили, он принимал в этом участие!

Ее охватило негодование, когда она увидела, как святой отец приветствует ее соперника и конкурента. Потом она увидела, что Изебель обернулся и пожал руку гостю. Может, это была просто игра ее воображения, усиленная потрясением от того,

что она увидела здесь Гоморру, но что-то в рукопожатии святого отца свидетельствовало о тесном союзе, и это вызвало у нее приступ ревности. Посетитель, видимо, был весьма значительной персоной. И в этот момент он шагнул к двери и обернулся. На его лицо упал свет.

Доктор Картер!

Она не верила своим глазам. Просто не могла поверить! Как мог этот нечестивец оказаться в святыне братства? Она потрясла головой, словно стараясь избавиться от наваждения и взять себя в руки. Этому ее учили в тренировочном лагере. Держать себя в руках — самое главное. Зрение на миг утратило четкость, но после нескольких глубоких вдохов все опять стало отчетливым. Она не ошиблась. Доктор Картер действительно был здесь, и не в качестве узника или врага, но как почетный гость. Какой, интересно, трюк он удумал, чтобы заставить святого отца пригласить его сюда и дружески пожимать ему руку?

Желчь подступила ей к самому горлу, когда группа снова направилась к выходу, к двери, где она стояла. Она отступила в тень и усилием воли заставила себя сохранять спокойствие, когда буквально в одном футе от нее прошли Гоморра, брат Бернард и все остальные. Доктор Картер на миг оказался так близко, что она могла бы дотронуться до его черных волос. Теперь ей было слышно каждое их слово.

— Итак, мы договорились? — услышала она вопрос отца Изекьяля, протянувшего Картеру руку для последнего рукопожатия.

— Да, — ответил доктор Картер. — Я сразу же поставлю вас в известность, как только мы найдем любые необычные гены в этих образцах. И конечно же, я свяжусь с вами, когда — и если — мы обнаружим любые, аналогичные геному вашего мессии.

«Обнаружим... аналогичные геному вашего мессии»?

Мария не верила своим ушам.

Да они стали сотрудничать!

Этот ученый убедил святого отца работать сообща! Альянс столь немыслимый, что у нее даже дыхание перехватило. Ее словно по голове ударили. Неудивительно, что ей запретили

даже приближаться к этому генетику, заморозили все планы. И святой отец, который всегда проповедовал бескомпромиссную праведность, в своем отчаянном положении позволил охмурить себя и заключил союз с дьяволом! Она видела, как Бернард, извинившись, надел на голову доктора Картера глухую повязку и повел его по узкому коридору к лестнице. Святой отец остался вместе с Хеликсом. Гоморра топтался рядом, охраняя их.

— Надеюсь, мы поступили правильно, брат Хеликс, — слышала она слова святого отца. — Мне все еще немного не по себе, что мы решили сотрудничать с ним.

— Не беспокойтесь, — успокаивающе ответил Хеликс. — Вы приняли правильное решение. Скоро сами в этом убедитесь.

А вот это уж слишком! Святого отца явно уведут с пути истинного! И кто?! Его собственный Поборник Первого императива! Мария вышла из тени, заставив всех, включая Гоморру, вздрогнуть от неожиданности. Она не предприняла ни малейшей попытки скрыть свою ярость.

— Святой отец, не слушайте его! Как можно иметь дело с атеистом?!

Гоморра напрягся, готовый отразить любое ее движение.

Изекилью потребовалось несколько секунд, чтобы обрести контроль над собой, и его глаза гневно сверкнули.

— Немезида?! Что ты здесь делаешь?

Она горько рассмеялась:

— Я приехала, чтобы убедить вас позволить мне прикончить Картера. Однако я вижу, брат Хеликс предпочитает обмениваться с ним рукопожатиями.

— Это выше твоего понимания, — заметил Изекиель.

— Выше моего понимания? Нет, я прекрасно все понимаю! Вы почему-то решили использовать доктора Картера с его святотатственными замашками, чтобы он помогал вам в вашем священном поиске. Это совершенно неразумно, это все равно что воспользоваться светом Люцифера, чтобы осветить себе дорогу в рай!

Она видела, как вздулись желваки на щеках святого отца, — он стиснул зубы, чтобы сдержать гнев.

— Давай-ка я лучше кое-что объясню тебе, — сказал Хеликс. — Генетические методы доктора Картера дают уникальную возможность найти мессию. Возможность, к которой мы не можем прибегнуть без его помощи. И он нужен нам живым, и чтобы он был на нашей стороне, пока не найдет то, что мы ищем. Это единственная причина, в силу которой праведное убийство было отложено.

Она, казалось, не обратила на эти слова никакого внимания и продолжала смотреть на святого отца.

— Но это значит, что доктор Картер будет совать свой нос в самую божественную сущность Господа нашего! Как вы можете такое позволить, что бы это ни обещало?

Изекиель покачал головой:

— Найти нового мессию — это единственное, что имеет значение. Остальное не важно. Первый императив не имеет ничего общего с примитивным выбором между тем, что правильно, и тем, что неправильно. Я обязан видеть конечное всеобъемлющее добро, даже если на пути к нему приходится идти на сделку со злом.

— Но ведь добро и Бог — это идеалы, а не предмет сделки! Вы сами меня этому учили! Этот ученый обманул, совратил вас, а брат Хеликс позволил ему...

— Вздор! — воскликнул святой отец, потеряв терпение. — Меня не интересует, что ты думаешь. Наша сделка состоялась. И это дело тебя совершенно не касается. А теперь пусть Гоморра проводит тебя отсюда. Возвращайся домой и постарайся успокоиться. Брат Бернард скоро с тобой свяжется или я сам. — После чего отец Изекиель и брат Хеликс повернулись и пошли обратно в пещеру Священного огня.

Разъяренная, она бросилась было следом, но Гоморра преградил ей путь. Ей указали на дверь! Ее просто душило от злости. Она была готова драться с Гоморрой, изувечить его, только чтобы дать выход ярости. А когда к нему присоединились еще двое из внутренней стражи, она даже подумала, не напасть ли на всех на них сразу.

Но тут же поняла, что этим ничего не добьется. А сделать предстояло очень многое.

Глубоко вздохнув, Мария повернулась и пошла по коридору к лестнице. Ускоряя шаг, быстрой ходьбой она пыталась снять напряжение, унять свой гнев на святого отца и на проявленную им слабость. До сего времени она считала его образцом совершенства и добродетели, идеалом доброты и бескомпромиссной праведности. Но этот великий человек старел, слабел, и теперь вот позволил, чтобы какой-то атеист так охмурил и его, и брата Хеликса! Понемногу она успокоилась, обуздала свою горячность, заставив ее превратиться в твердую как гранит решимость.

И сосредоточилась на одной-единственной задаче, на своем собственном первом императиве: доктор Картер должен заплатить за то, что он совершил. И она, мстящая Немезида, добьется, чтобы он дорого заплатил за это. В глубине души она была абсолютно уверена, что отец Изекьель, в сущности, не слишком хотел этой сделки и совместной работы с доктором Картером. Да и как он мог этого хотеть?

Поднимаясь по лестнице, она все отчетливее понимала сложившуюся ситуацию. Время ожидания приказов от брата Бернарда и святого отца прошло. Настало другое время: взять дело в свои руки.

Глава 18

Лаборатория имени Фрэнсиса Крика, Бостон

Джасмин Уошингтон едва сдерживала дрожь, следя за ДАНОм, продолжавшим сканировать геном. Она понимала, что даже чрезвычайно сложный мозг геноскопа не в состоянии оценить важность того, что он сейчас делает. Его сверхмощный «глаз» может видеть, но не может понять, что он видит. Его могучий «ум» может читать, но не может осознать, что он читает. ДАН просто слепо сканирует «буквы» генетического кода, содержащиеся в окрашенном для анализа образце ДНК, помещенном под микроскоп. И его виртуальный мозг бездумно расшифро-

вызывает программу, записанную в этой ДНК, определяя, какие именно аминокислоты и, следовательно, белки синтезируются в соответствии с ней.

Геноскопу нет дела до субъекта, ДНК которого он анализирует; он выявляет лишь различия между генами, которые определяют все особенности этого субъекта. Для ДАНа целое ничуть не больше, чем сумма всех его частей. Наоборот, он уверен, что именно части составляют это целое, а потому только они и имеют значение. В отличие от самой Джасмин геноскопу было наплевать на то, что ДНК, которую он в данный момент сканирует, может содержать генетический «чертеж» плотника, жившего две тысячи лет назад; человека, известного миру под именем Иисус Христос.

Прошло два дня после возвращения Тома из поездки в Тель-Авив, после чего она, как и все остальные, испытала огромное облегчение, что он вернулся целым и невредимым. Но когда он продемонстрировал ей то, что привез, она не смогла проявить такой же безудержный энтузиазм, как все другие члены группы. Хотя ни один из привезенных предметов не бросал открытого вызова ее вере, что Христос вознесся на небо, само по себе простое осознание того, что они могут оказаться настоящими, было достаточным, чтобы выбить ее из колеи. Она никак не могла отделаться от изводящих ее совершенно ненаучных подозрений, что любые тайны, которые могут содержаться в этих образцах, может быть, следовало бы оставить нераскрытыми.

Она подняла глаза на Боба Кука. Калифорниец был бледным, несмотря на свой загар, и необычно напряженным. Его рабочий стол, как и стол Норы Лутц рядом, был завален пипетками, гелями и заставлен штативами с пробирками, в которых находились окрашенные образцы ДНК.

— Теперь уже недолго, — сказала Нора.

— Ага. — Боб натянуто улыбнулся. — Семь минут. Как поджарить хороший бифштекс.

— Тому следовало бы поспешить, — заметила Нора. — А то опоздает.

— О нем не беспокойся, — сказала Джасмин. Том ушел из лаборатории с час назад — отправился проверить пациентов в

больничном отсеке. Но он знал, когда надо вернуться. — Он придет вовремя.

Она помнила внутреннюю борьбу, с которой она начала работать в проекте «Кана». И отдавала себе отчет, что сделала это из преданности Тому и страха за Холли. Но она никогда до конца не верила, что удастся найти настоящий образец, а если даже и удастся, что он будет содержать что-то для них интересное. Однако теперь она уже не была уверена ни в чем. В последние два дня она помогала Тому, вместе с Бобом и Норой, подготовить так называемые образцы из Назарета. Наблюдала, как сверло входит в то, что могло быть настоящим зубом изо рта Иисуса Христа, чтобы потом выявить его ДНК. Она своими руками сделала соскоб следов крови на гвозде, которым, вполне возможно, Христос действительно был прибит к кресту.

Она тяжело вздохнула. Все пугало ее, и она чувствовала себя не в своей тарелке. Скоро, очень скоро она будет точно знать, действительно ли образцы из Назарета настоящие, истинные, и содержат ли гены Господа.

— Ну, как идут дела? — спросил Том, врываясь в лабораторию. Он запыхался, глаза его горели от возбуждения. — Уже закончили?

Она кивнула:

— Да-да, осталось совсем немного. Несколько минут.

Дверь в лабораторию распахнулась, вошел Джек, за ним Алекс. Никто не хотел пропустить тот момент, когда ДАН покажет им, что делало Христа отличным от всех остальных.

Рокот геноскопа внезапно изменил тон. На черной гнущей «шее» мигнули индикаторы.

— Вот оно, — выдохнула она.

Все молча ждали.

Том Картер не спал почти трое суток подряд, но никогда он не ощущал себя в состоянии большего азарта, чем сейчас. В крови у него все еще бурлил адреналин, тот самый, с момента посещения пещеры братства, и все, что он хотел сейчас увидеть, было результатом проделанной ДАНОм работы.

Джасмин встала.

— Я хочу, ребята, кое о чем предупредить вас, — сказала она. — Геноскоп настроен так, что покажет общий результат, по обоим предметам. Результат анализа крови появится первым. Но поскольку гвоздь в значительной мере испорчен, в лучшем случае мы сможем получить только треть этого генома. Так что не расстраивайтесь заранее. Второй образец, зуб, в более приличном состоянии. Оба результата появятся и на экране, и будут переданы голосом, через динамики.

Том увидел, как внезапно мигнул и ожил большой монитор рядом с геноскопом, представив на экране логотип «Джиниус».

— Как только обнаружим что-то интересное, — добавила Джасмин, — активизируем систему виртуальной реальности, чтобы видеть генетическую структуру в трех измерениях. — «Черный лебедь» издал предупреждающее ворчание. — Тише, пожалуйста. ДАН, у тебя все готово?

Все смолкли. Слышалось только шарканье ног по полу — всем хотелось встать поближе к монитору. В установившейся тишине раздался голос ДАНа:

— Завершено сканирование образца «гвоздь из Назарета». Результаты получены. Прошу выбрать нужную опцию: «Основные результаты», «Анализ по хромосомам», «Подробный анализ генов».

— «Подробный анализ генов», пожалуйста, — скомандовала Джасмин.

Изображение на экране сменилось — там появились буквы и побежали вниз, очень быстро, так что читать было невозможно. Время от времени они замирали, весь экран заполнялся буквенными сочетаниями. Каждая тройка букв, триплет, означала кодон, обозначающий конкретную аминокислоту: «АТГ, ААЦ, ГАТ, АЦГ, ЦТА, ТЦА, АГЦ, ТТТ, ТТА...»

Когда буквы останавливали бег, на экране вспыхивали цифры, указывающие, к которой из двадцати трех пар хромосом относится данный код ДНК. Рядом с этими цифрами появлялись другие, информирующие, сколько процентов генома проанализировано. И буквы бежали снова. Это продолжится до тех

пор, пока не будет проанализирован весь геном. Сейчас показатель готовности равен тридцати двум процентам.

Но вот изображение сменилось в последний раз, и на экране возникла таблица, в левой колонке демонстрирующая все двадцать три пары хромосом, в правой — процент читаемых кодов ДНК в каждой паре.

— Все хромосомы поврежденные, — сообщил ДАН. — Никаких исключительных генов в читаемых секциях не обнаружено. Для экстраполяции отсутствующих сегментов необходима дополнительная информация.

— Скверно? — спросил Алекс.

— Скверно, — подтвердил Том. — Но нам оказалась доступной только треть информации с этого образца. ДНК — мощная и сложная структура, но из-за коррозии железа и того, как разложились на нем клетки крови, значительные фрагменты генетического кода либо нечитаемы, либо разрушены. Все, что мы знаем наверняка, — это то, что в той трети, которую мы сумели прочитать, необычных генов нет.

— И что теперь?

— Ждем результатов второго анализа. ДНК в нем защищено зубной эмалью, так что должна была остаться неповрежденной. Как известно по опыту изучения ДНК египетских фараонов, генетический материал, взятый изнутри зуба или из кости, может дать достаточно хорошо читаемый образец ДНК, а те образцы были на тысячу лет старше наших.

Алекс, как обычно, желал знать больше.

— Но откуда ты знаешь, что в первом образце ничего нет?

Отцу нужны слова, а не какие-то там тупые цифры, к тому же он не привык быть единственным учеником в классе, который не понимает, что написано на доске. И Том взял распечатку, как раз выползавшую из принтера.

— Смотри сюда, я тебе сейчас все покажу, — сказал он, расправляя бумагу на столе. — Это легче понять на бумаге.

Джек тоже подошел поближе.

Том повернул распечатку так, чтобы цифры были видны обоим.

— Смотрите.

— Это хромосомы? — спросил Алекс, надевая очки и указывая на пронумерованные строки.

— Ага. Представь себе, что это карта США, на которой изображены только двадцать три штата. Эти двадцать три пары хромосом — штаты, а гены в них — это города и поселки в штатах. В самих генах видны вот эти «буквы» кода — условно жители. Порядок «букв» определяет, какие белки синтезирует каждый ген. Белки определяют развитие и существование организма. Заставляют расти волосы. Переваривают съеденную пищу. Залечивают порезы. И тому подобное. Эти данные — общая характеристика, они относятся только к генам, к тому же к необычным генам. Понимаешь? К генам, которые выходят за рамки или находятся у самой границы показателей стандартного здорового генома. — Он указал в распечатке на графу «Ненормальные гены»: — Если бы тут было что-то необычное, эти гены были бы выделены. Но, как видишь, все гены в данной хромосоме в пределах нормы. Во всяком случае, те, что не были повреждены из-за коррозии железа. — Он ткнул пальцем в верхнюю часть страницы: — Если взглянуть сюда, то увидишь, что во всем этом геноме, вернее, в той части, которая уцелела и которую мы смогли просканировать, необычных генов нет. Никаких.

— И ты надеешься, что какие-то необычные гены могут обнаружиться в тех семидесяти процентах, которые вы просканировать не сумели? — спросил Джек.

— Да.

Джек повернулся обратно к геноскопу, возле которого Джасмин и Боб проверяли результаты сканирования зуба:

— И рассчитываешь, что более полная ДНК, взятая из зуба, даст тебе возможность их обнаружить?

— Может быть.

Алекс склонился над распечаткой:

— А откуда ДАН узнает, где именно находятся эти гены, среди всех этих букв?

— В действительности лишь очень небольшой процент из трех миллиардов букв генетического кода, содержащегося в ДНК человека, кодирует работу действующих генов. Остальные,

в особенности так называемые интроны, как бы вообще ничего не делают. Цепочка кода в каждом гене начинается и заканчивается особой комбинацией символов, именуемых старт-кодонами и стоп-кодонами. Они-то и укажут ДАНу, куда следует смотреть. Например, большая часть генов начинаются с метионина — аминокислоты, код которой — АТГ. И вот, когда ДАН натывается на АТГ, он тут же опознает начало гена. Другое сочетание «букв», ТАГ, указывает ДАНу на его конец. Поэтому он читает только те «буквы», что находятся между этими маркерами, в так называемых «открытых для чтения рамках». Остальное просто игнорирует.

— Завершено сканирование образца «зуб из Назарета». Результаты получены. Выбрана опция «Подробный анализ генов», — перебил его голос ДАНа.

— Отличные результаты! — воскликнула Джасмин. Голос ее звенел от возбуждения. — Практически безупречные!

Том вместе со всеми прильнул к экрану.

— Никаких генов, выходящих за рамки стандартного генома человека, не обнаружено, — внезапно сообщил ДАН.

— Что?! — воскликнул Том, пораженный. Он не верил своим ушам.

Джасмин испустила протяжный вздох: то ли разочарования, то ли облегчения — ей самой было непонятно.

Джек тихонько, но вполне отчетливо произнес:

— Вот черт!

Алекс лишь покачал головой и нахмурился.

Том еще раз просмотрел результаты анализа. Сканирование не выявило никаких необычных генов. Абсолютно никаких. Это было невероятно. Геном, более того, был безупречным! Стандартным. Можно сказать — образцовым, с такими обычно сравнивались другие геномы для определения отклонений. Геном Христа, если это был его геном, был необычен только в одном — он был слишком обычным, слишком нормальным. В его генетической структуре не было обнаружено вообще никаких дефектов. Но кроме этого — ничего.

Первым неловкое молчание нарушил Алекс.

— Это, наверное, глупый вопрос, — произнес он хорошо поставленным голосом, — но, может быть, те гены, которые мы ищем, имеют иные старт- и стоп-кодоны, которые ДАН просто не опознает?

Том посмотрел на Джасмин: она, кажется, подумала о том же. Вопрос действительно был глупый. Ни один уважающий себя генетик не станет и задавать такой. Но именно поэтому Том не стал от него отмахиваться.

— Но как нам найти эти иные начальные и конечные кодоны? — растерянно спросила Джасмин, словно читая его мысли.

— Можно попытаться найти гомологические пары, — предложил Боб Кук. — Но тогда нам понадобится другой фрагмент ДНК, содержащий те же гены.

— Гомологические пары? — недоуменно спросил Алекс.

— Да, — подтвердил Том. — ДАН может просмотреть и сравнить два фрагмента ДНК и попробовать выявить длинную цепочку «букв», одинаковую в каждом участке. Шансы на то, что такая цепочка окажется геном, весьма велики. Тогда мы получим его начальную и конечную комбинации символов. И все! У нас будут новые, иные старт- и стоп-кодоны!

— Но нам действительно понадобится еще один фрагмент другой ДНК, в которой содержится один или более таких генов, — напомнила Джасмин.

— А как насчет того генома, который ты нашла в памяти ИГ, когда изучала гены исцелившихся с помощью веры? — тихо спросил Том, в отчаянии готовый ухватиться за любую соломинку. — Как его звали? Того англичанина, что снимал приступы ревматического артрита простым наложением рук? Его вроде кремировали в прошлом году.

Джасмин обернулась к компьютеру и онемевшими вдруг пальцами застучала по клавишам.

— Андерсон, кажется?

— Точно, он самый. Быстренько проводи анализ на предмет обнаружения гомологических пар в его геноме, и в этом, нашем...

Пальцы Джасмин снова принялись за дело.

— Все, готово. Я ввела все данные, через несколько минут будет ответ.

ДАНу потребовалось всего четыре с половиной минуты, чтобы объявить: в обоих геномах имеются идентичные цепочки, состоящие из пятидесяти семи тысяч «букв» генетического кода, а выделенные старт- и стоп-кодоны состоят из девяти «букв» каждый: комбинация ГЦЦТГАЦЦГ открывает «рамку», а сочетание ТЦГАГГТАЦ закрывает ее. Джасмин за тридцать секунд перенастроила ДАН на новый поиск — в соответствии с этими новыми буквосочетаниями.

За этим последовала пауза, во время которой Том не слышал никаких звуков — даже собственного дыхания.

Потом ДАН заговорил:

— Обнаружен один лишний ген в отцовской копии хромосомы семь, не соответствующий стандартному геному человека.

На экране начали скакать цифры, и на этот раз глаза Тома принялись скакать вслед за ними. Сейчас он видел прямое доказательство того, на что он до сих пор лишь надеялся.

ДАН выдал странный звук, словно прочищая глотку, и заговорил снова:

— Обнаружен один лишний ген, не соответствующий стандартному геному человека, в отцовской копии хромосомы десять.

Два гена. Там было два гена! Он горел нетерпением узнать, за что эти гены отвечают. Но прежде чем он успел задать свой вопрос, геноскоп начал бурчать, словно пытаясь решить особенно трудную проблему. И когда он вновь заговорил, Тому показалось, что он слышит в его металлическом и монотонном голосе удивление.

— Обнаружен третий ген в отцовской копии хромосомы восемнадцать. Больше генов, не соответствующих стандартному геному человека, не обнаружено.

Том ощутил внезапный прилив облегчения и восторга. Про разочарование и отчаяние он уже забыл. Тот, кому принадлежал зуб, имел в своем генотипе три гена, которые отсутствуют у большинства, если не вообще у всех остальных человеческих

существ. Он оглянулся на присутствующих и отметил про себя выражение лица Джасмин. У остальных, впрочем, оно было такое же — удивление на грани шока.

Первым заговорил Джек.

— И что эти гены делают? — спросил он. — Стоит из-за них так возбуждаться?

— Сейчас выясним. — Том повернулся к геноскопу и командовал: — ДАН, пожалуйста, проведи оценку функций этих новых генов.

Тон рокота геноскопа сделался ниже, индикаторы на его овальном теле замигали. Потом рокот стал обычным.

— Первичная экстраполяция кода аминокислот показывает, что ген в хромосоме семь контролирует синтез белков, содержащих ДНК и имеющих способность восстанавливать поврежденные клетки. Ген в хромосоме десять обладает способностью контролировать развитие и работу клеток. Третий ген в хромосоме восемнадцать комплексный, определить его функции сразу невозможно. Оценки основаны на имеющихся данных. Необходимо лабораторное подтверждение.

Боб Кук взглянул на Тома широко раскрытыми глазами — он был под впечатлением открывающихся возможностей.

— Невероятно! Первый ген может синтезировать или ремонтировать ДНК! А второй способен контролировать рост клетки. Видимо, очень умные гены: один действует как акселератор, а второй как тормоз процесса размножения. Вместе они могли бы сдерживать все флуктуации в остальной части генома!

— Если только экстраполяция ДАНа правильна, — осторожно заметила Джасмин.

— Конечно, правильна, — заявил Том, рассеивая ее сомнения. — Нам необходимо будет проверить все это в лаборатории, а кроме того, предстоит еще выяснить, за что отвечает третий ген. Но если они действительно настолько умны, что контролируют всю ДНК, это объясняет, почему у Спасителя был такой здоровый геном. Может быть, они обеспечивали ему более мощную иммунную систему?

— Такую, которая могла воздействовать на другие? — встал Боб, возбужденно улыбаясь.

Том улыбнулся в ответ:

— Ну что ж, это вопрос на миллион! Именно это нам и нужно выяснить. — Он вдруг вспомнил об отце Изекеэле. — Джас, а мы сможем найти в памяти ИГ человека с такими же генами?

Джасмин пожала плечами:

— Наверное... Только нужно будет перенастроить базу данных с учетом новых старт- и стоп-кодонов. Но нам уже известно, что у Кейта Андерсона имелся один такой ген. Так что если в памяти ИГ кто-то есть, вполне вероятно, мы сумеем отыскать человека с такими же показателями.

Том подошел к геноскопу и снял с его «клюва» шлем виртуальной реальности.

— Давайте-ка посмотрим на них поближе. ДАН, переводи изображение сюда. — Он почувствовал, как все сгрудилось рядом, пока он надевал шлем. Но он тут же обо всех забыл, сосредоточив внимание на путешествии в пространстве клетки. Сначала он видел только темноту, но затем вокруг него появилось изображение. Хромосомы, словно континенты с изменяющимися очертаниями, поблескивали вокруг него всеми цветами и оттенками. Он знал, что это сияют намагниченные красители, но зрелище от этого представлялось ему не менее, а еще более реальным.

— Покажи-ка мне хромосому семь, — скомандовал он ДАНу. — И дай разрешение на хромосомном уровне.

Картина у него перед глазами тут же расцвела еще более ярким разнообразием красок. Но он сосредоточился только на одной хромосоме и заключенной в ней спирали ДНК. Это было потрясающе. Его взгляд скользил по двойной спирали винтовой лестницы всех цветов радуги. Он видел разные пары нуклеотидов, составляющих звенья ДНК, в трех измерениях. Вот он, этот новый ген, он его видит! Том почувствовал, как ему сжало грудь. Это тот самый фрагмент — с программой, вызвавшей появление самого известного человека на свете. И он, атеист, стал первым из живых, кто обнаружил генетическую особенность, определившую его судьбу.

— ДАН, давай другой ген, в хромосоме десять, — отдал он новую команду.

Изображение перед его глазами смазалось и сменилось другим. Теперь он находился внутри двойной спирали и смотрел на ее флуоресцирующие цепочки генов. Он находился внутри одного из генов, которые сделали Христа Спасителем. И Том ощутил истинное благоговение. Но преклонялся он лишь перед случайной избирательностью природы, сделавшей такое исключение из своих правил и законов.

Однако от третьего гена, находящегося в хромосоме 18, у него действительно перехватило дыхание. Ничего удивительного в том, что ДАН назвал его «комплексным»: он был длиной в несколько сотен тысяч пар нуклеотидов, гораздо длиннее всех тех, что Том видел раньше. Он мог лишь догадываться, на какие чудеса закодирована его программа. Мозг его внезапно заполнили сотни вопросов, как именно они будут расшифровывать эти гены и пытаться использовать их огромные возможности. Будут ли эти гены вести себя как обычные? Сможет ли он воспользоваться методом рекомбинантной ДНК, чтобы ввести синтезированные и закодированные ими белки в бактерии, выращенные в лаборатории? Сможет ли он «загрузить» их в вирус и ввести напрямую пациенту, то есть Холли? Сотни вопросов! Но все это были нормальные, деловые вопросы. У него теперь есть выбор. И материал, с которым можно работать. Наконец-то он в состоянии что-то сделать!

Тут он осознал вдруг, что заграбастал шлем себе, и снял его, чтобы дать посмотреть и другим. Как обычно, глазам потребовалось несколько секунд, чтобы адаптироваться к реальному миру, но еще раньше он почувствовал, что члены группы уже не толпятся возле него. Удивленный, он обернулся и несфокусированными глазами увидел, что все сгрудилось вокруг кого-то в противоположной стороне. Его возбуждение тут же сменилось раздражением. Ведь было же ясно сказано, что никому, кроме участников проекта, не разрешается входить в эту часть лаборатории! И особенно важно это было сегодня. Сейчас.

Он приблизился к нарушителям и снова подивился: все молчали. Никто не произносил ни слова; группа стояла, сгру-

дившись в кружок, и глазела на пришельца, вторгшегося в лабораторию. Зрение у него наконец наладилось, и он застыл, уставившись туда же. Пришелец стоял спиной к нему. Спина его была совершенно голая.

Джасмин сидела за клавиатурой — она молча поманила Тома к себе. Лицо у нее было такое, словно увидела привидение. Он обернулся к пришельцу — тот стоял совсем рядом. Да, Джасмин действительно увидела привидение. Призрак. Призрак плотника из Назарета, уже две тысячи лет как мертвого.

Джасмин еще пару раз шелкнула клавишами, отдавая команды программе «Ген-Джинн», и жутковатое, совершенно как живое, голографическое изображение повернулось к нему лицом.

ЧАСТЬ III

ГЕНЫ ГОСПОДА

Глава 19

Бикон-Хилл, Бостон

В 3 часа 12 минут ночи 1 апреля, через пятнадцать дней после того, как были обнаружены гены плотника из Назарета, в доме Тома Картера стояла полная тишина. Молчание и темноту в комнате Холли нарушало лишь ее тихое дыхание. На ее спокойном лице блуждала улыбка, навеянная снами; она спала в счастливом неведении о том, что в ней вот-вот поселится болезнь.

Прошло двадцать четыре дня с того момента, когда первая глиальная клетка в ее головном мозге превратилась в предателя. Она уже успела наплодить бесчисленное количество своих клонов, с такой же мятежной ДНК. Даже когда Холли спала, этот мятеж неустанно набирал размах и скорость, развиваясь даже быстрее, чем предсказал ДАН. Послушные клетки головного мозга ничего не могли сделать, чтобы подавить этот мятеж. Даже иммунная система, внутреннее ополчение организма, настроенная на то, чтобы отбиваться от любых вторжений, игнорировала эти мутации, позволяя клеткам организма без помех делать свое смертельно опасное дело.

Всего два дня назад, когда отец и Джас взяли ее в кино на «Звездные войны-7», Холли впервые узнала, что такое головная боль и головокружение. Но никому об этом не сказала, поскольку опасалась, что папа во всем обвинит компьютер и запретит ей играть в виртуальные игры. Она просто решила сама сократить сеансы перед ноутбуком и играть лишь по ве-

черам, уверенная в том, что головные боли пройдут сами собой. Но они, конечно же, не пройдут, теперь они только усилятся.

И сейчас, когда Холли видела сон, как прошлым летом, когда папа и мама были вместе и играли с нею на бело-розовых пляжах Хорсшу-Бей на Бермудах, предательские клетки уже проходили второй этап мутации в процессе клоновой эволюции. И если мятежники, начавшие эту генетическую войну за независимость, так и не встретят никакого противодействия, если получат возможность беспрепятственно размножаться в тесных пределах детской головки, драгоценная дочь Тома Картера очень скоро воссоединится со своей дорогой мамочкой не только во сне.

Том Картер еще не знал о начавшейся болезни Холли, когда отправлялся утром на работу. Он так и будет пребывать в неведении до следующего сканирования ее головного мозга, которое состоится меньше чем через неделю. Все эти пятнадцать дней с момента обнаружения генов из Назарета он сосредоточил все свои мысли и энергию на выявлении их способностей и возможностей. У него едва нашлось время подумать над смыслом того факта, что он видел голографическое изображение воскресшего Спасителя, не говоря уж о том, чтобы беспокоиться, не заболела ли уже Холли.

Первое, чем Том занялся, войдя вместе с Бобом Куком утром в лабораторию Крика, была проверка состояния культур в термостатическом шкафу. Он извлек с верхней его полки четыре прозрачные кюветы и внимательно осмотрел их. В трех содержались бактерии *Streptomyces* с введенным в каждую культуру одним из трех генов из Назарета. Бактерии работали как фабрики, транслируя новые генетические команды в кодируемые ими белки. В четвертой кювете были точно такие же бактерии, но в них были введены все три новых гена.

— Изменения есть? — спросил Боб.

— Нет, здесь все то же, что было с бактерией *E coli*, кишечной палочкой. Мы, по всей видимости, так и не получили похожие гранулоциты, но процесс идет аналогичным образом. Мы

что, использовали одни и те же рекомбинантные плазмиды и рестрикционные ферменты во всех кюветах?

— Абсолютно идентичные.

— Ну что ж, значит, ген Назарет-три по-прежнему не желает вести себя как следует. Какой бы белок он ни кодировал, тот все еще не синтезируется.

Боб Кук взял четвертую кювету с наклейкой «Троица — *Streptomyces*» и нахмурился:

— Если мы ввели сюда все три гена вместе, то получим неизвестный белок.

— Да, но что нам это даст? Культуры человеческих клеток подтверждают, что ген Назарет-один явно осуществляет синтез какого-то белка для ремонта ДНК, но не очень активного. А белок, синтезируемый геном Назарет-два, обладает ограниченными характеристиками контроля развития клетки, но опять-таки в этом нет ничего нового. Хотелось бы понять, что представляет собой этот совершенно новый белок, синтезируемый под воздействием трех генов вместе. На первый взгляд кажется, что он вообще ничего собой не представляет и ничего не делает.

Боб взял со стола свои заметки.

— Если бы нам только удалось заставить этот проклятый Назарет-три работать изолированно...

— При условии, что он может так работать, — пробормотал Том.

— Если нет, — заявил Боб, — тогда все это займет у нас черт знает сколько времени — выяснить, чем именно он занимается в соединении с теми двумя. Может, будет лучше попытаться отыскать его аналог, пару?

Том поставил кюветы с культурами бактерий на стол и принялся шагать по лаборатории. Задача оказалась труднее, чем он предполагал! Он был уверен в правильности выбранной стратегии. Однако сейчас ситуация складывалась так, что ему, видимо, придется изменить направление работы. С самого начала было понятно, что если гены из Назарета обладают какими-то лечебными свойствами, то ответ на все вопросы лежит в сложном строении белка, который синтезируют эти три гена

«сообща». Таинственный ген Назарет-3 словно добавлял какие-то неопределимые свойства двум другим генам, превращая синтезируемые ими по отдельности ничем не примечательные белки в нечто уникальное и потенциально выдающееся. Чтобы расшифровать необычайно сложный третий ген в отдельности, даже ДАНу потребуется слишком много времени. Таким образом, стратегия сейчас сводилась к анализу трех более широких аспектов.

Первый заключался в синтезе белка в лабораторных условиях. Путем ввода всех трех генов бактериям можно было превратить эти бактерии в мини-фабрики, производящие соответствующим образом кодированные белки. И после некоторых модификаций Том надеялся, что сможет вводить такой белок с помощью шприца — как обычное лекарство.

Второй аспект предполагал прямую инъекцию всех трех генов подопытным животным с целью выяснить, какое воздействие на организм они имеют и какие белки затем образуются *in vivo**.

Третий способ проверки он придумал в качестве самого последнего средства, на случай, если два первых ничего не дадут или потребуют слишком много времени. Он предполагал отыскать живого человека, обладающего полноценно функционирующим набором этих генов. Том рассчитывал в таком случае подвергнуть анализу этот естественным образом возникший феномен *in situ***.

И если ему все же не удастся определить, как они действуют, то он попытается убедить этого человека использовать целительные способности, которыми тот, вероятно, обладает, чтобы попробовать спасти Холли. Этот способ с самого начала представлялся ему наименее привлекательным, однако, принимая во внимание их невеликие достижения на сегодняшний день, именно он становился приоритетным.

Первый вариант они проверяли бесконечно. Все гены испытывали поодиночке и все вместе на кишечной палочке, на бактериях *Saccharomyces cerevisiae*, *Streptomyces* и даже на

* в живом организме (лат.).

** на месте (лат.).

культурах клеток человека. Но ген Назарет-3 всегда отказывался выдать свой собственный белок, и вместо этого они в каждом случае получали таинственный сложный белок, в котором были соединены результаты деятельности всех трех генов, — не склонный к излишней почтительности калифорниец уже окрестил их «Троицей». Однако всякий раз, когда они проводили такой опыт, эта выращенная в лабораторных условиях версия сложного белка была на первый взгляд совершенно инертной.

Второе направление пока что тоже не принесло особых результатов, хотя нужно было провести еще немало экспериментов. На сегодня «Троица», которую вводили с использованием вирусного вектора, не возымела никакого действия на мышей и на живые раковые клетки. Слева от Тома за стеклянной передней дверцей холодильного шкафа сейчас был виден штатив с отличными сыворотками, которые его группа сумела создать: все они были предназначены для доставки трех генов в стволовые клетки любого организма. Но гены как будто не инициировали никаких перемен, даже попав в эти клетки.

Видимо, Боб Кук был прав и им следовало на первое место поставить третье направление работы — если, конечно, их сыворотки не дадут положительных результатов при последующих опытах. Нужно будет все-таки отыскать человека, который уже обладает действующим набором этих трех генов, чтобы затем проанализировать их работу *in vivo* или убедить этого человека лечить Холли напрямую. Том протянул руку к телефону и набрал внутренний номер Джасмин, в отделе обработки информации. Она взяла трубку после второго гудка.

— Джас, это я.

— Привет, Том.

— Как у тебя дела?

Пауза. Потом:

— Ничего хорошего. Только двое, всего двое имеют один из этих генов: либо Наз-один, либо Наз-два. И ни одного, у кого есть все три. Пока не попался и такой, у которого был бы Наз-три. «Большая мама» все время вводит результаты новых ска-

нирований, но я уже просмотрела большую часть из прошлых записей в памяти ИГ и ничего не обнаружила, так что перспективы пока неважные.

— Сколько результатов сканирований выбирает «Большая мама»?

— Как обычно. Один из каждых пяти.

— Перенастрой ее — пусть берет пять из пяти. С настоящего момента я намерен проверять всех и каждого, кто проходит сканирование на генокопе в любой части мира.

— Всех и каждого? Это еще зачем? Что, этот твой таинственный Изекьель на тебя давит?

— Нет, у нас есть еще три недели, прежде чем он начнет проявлять нетерпение. — Том вспомнил, в какое возбуждение впал старец, когда они вернули ему обе реликвии и сообщили, что сумели выявить три гена. Изекьель тут же спросил, когда они смогут обнаружить живой аналог, но не стал настаивать на том, чтобы сократить пятинедельный срок, о котором они договорились ранее. — Это результаты других экспериментов на меня давят, Джас. Время уходит. Теперь вся надежда только на тебя.

— Спасибо, мне от этого гораздо лучше. Но ты не слишком на меня рассчитывай. Это может растянуться на годы — кто знает, когда этот тип, у которого имеются все три гена, вздумает пройти сканирование и его результаты попадут в память ИГ. Если, конечно, этот тип вообще существует.

— А как насчет тех восьмидесяти процентов геномов, которые «Большая мама» еще не скачала в память ИГ?

Джасмин тяжело вздохнула.

— Они все в частных базах данных, разбросанных по всему миру. Доступ к ним закрыт, влезать в них — значит нарушать закон.

— Только если об этом узнают.

Джасмин попыталась было изобразить праведное негодование, но Том слышал, что идея вызвала у нее определенный энтузиазм.

— Они чрезвычайно хорошо защищены, — предупредила она.

— Хочешь сказать, что в них нельзя проникнуть? Или нужен гений, чтобы это проделать?

В ответ раздался короткий смешок.

— Доктор Картер, вам никогда не говорили, что вы способны уболтать любого, когда вам действительно приспичит?

Теперь и он хмыкнул.

— Нет, доктор Уошингтон, честно могу сказать: никто никогда мне этого не говорил.

Последовала еще одна пауза, потом Джасмин, уже более серьезно, спросила:

— Как там моя крестная дочь? В кино она была какая-то притихшая.

— Да, я заметил, но она говорит, что все в порядке.

— Когда ей на следующее сканирование?

— Через неделю.

— Ты действительно считаешь, что нам нужно найти живой аналог с таким же набором генов, чтобы ей помочь?

— Мы по-прежнему пробуем все другие способы, но пока что они ничего не дают. Так что да, считаю.

Джасмин снова тяжело вздохнула.

— Ладно, посмотрим, что удастся сделать. Но обещай мне одну вещь, Том.

— Какую?

— Что будешь навещать меня в тюрьме.

Это был просто отличный кандидат. Телосложение, рост, даже овал лица — все было просто идеальное. И еще одно — он был совершенно один. Последние две недели Мария Бенарьяк следила за этим темноволосым парнем по всему Бостону, и теперь было понятно, что он недавно в городе и у него почти нет друзей. На третий день он отправился в клуб, и там обнаружилось, что он бисексуал. Это тоже не создавало проблем: партнеры у него все были случайные. Его, видимо, целую неделю никто не хватится; может, даже больше. Ему почти никто не звонил — подслушивающее устройство позволило ей узнать и это, — а когда и звонили, он никогда не брал трубку, предоставляя автоответчику выяснять, кто на проводе.

Если не считать отдельных моментов, он был именно тем, кого она искала. Даже его сексуальные наклонности лишь убеждали ее в правильности принятого решения. Они делали кандидата несправедливым и, следовательно, вполне достойным смерти.

Мария соблюдала все меры предосторожности, следя за ним от здания компании. Ей удалось выяснить, что раньше он служил в полиции Нью-Йорка и, стало быть, имел кое-какую подготовку. Она отметила, что полиэтиленовую сумку он несет на плече, а форменную фуражку — в правой руке. Значит, собеседование в компании прошло успешно.

Что ж, отлично.

Если он не получит работу в службе охраны этой компании, все остальные его качества и способности будут ей уже ни к чему. А вот если получит, тогда все сложится просто великолепно — это будет настоящий Божий дар.

Он забрался в свою машину, и она последовала за ним на своей. Ей уже не нужно было вести плотную слежку: к настоящему времени она легко могла определить, куда он направляется и что намерен делать. Он успел снять квартиру в доме возле Гарварда. Когда они проезжали мимо кампуса компании «Джиниус», Мария позволила себе легкую улыбку. Она почти ощущала вкус полного удовлетворения от убийства этого проклятого ученого. Через несколько дней она познает действительный вкус этого ощущения.

Они подъехали к его дому, и она припарковала взятую на прокат машину через дом от него и дальше пошла пешком. Когда она достигла ворот этого старого многоквартирного дома из красно-коричневого известняка, он уже был на месте. Она потянула за ручку двери, и, как и вчера, и позавчера, та оказалась открытой. Она вошла в вестибюль, проверила, нет ли кого поблизости, и неспешно пошла к лифтам, выбрав из двух тот, что еще работал. Здание было старое и запущенное, краска на стенах облезла; жили тут преимущественно студенты. Но на несколько дней сойдет и это. Брат Бернард, несомненно, все еще пытается выйти с нею на связь, он уже оставил три сообщения на телефоне в ее лондонской квартире — она не ответила ни на одно. Но Бернарду или тому, кого он пошлет ее искать, здесь ее ни за что не найти. А когда найдут, будет уже поздно.

На третьем этаже она проверила свою одежду — на ней был комбинезон — и сумку с инструментами, а затем проследовала по коридору. Квартира номер 30. Она остановилась и постучала.

Тишина. Потом еле слышное «Кто там?».

Она услышала его дыхание по ту сторону черной двери и поняла, что он смотрит в глазок.

Подняв сумку с инструментами, она повернулась, чтобы показать ему оранжевый логотип у себя на спине. И самым низким голосом — профессионального ремонтника — прохрипела:

— Проверка, сэр. У вас тут было несколько опасных скачков напряжения, и в соседнем доме тоже. Надо проверить ваш счетчик и проводку. Просто мера предосторожности.

Пауза. Потом:

— А удостоверение у вас есть?

Вопрос вызвал у нее приступ раздражения. И почему люди так подозрительны? Какие основания имеет этот физически развитый, молодой экс-полицейский не доверять сотруднику электрической компании? И чего это он боится?

Она полезла в карман и достала сложенный вчетверо листок.

— У меня есть письмо от нашего босса. На бланке компании. Годится? — И она подсунула листок под дверь. — Или вам нужна моя карточка? — Она демонстративно открыла сумку и стала рыться в ней. Как будто засунула куда-то эту самую карточку и теперь пытается ее найти.

Она издала несколько хриплых звуков, демонстрируя нетерпение и неудовольствие. На самом же деле она просто ждала. И прислушивалась.

Шуршание говорило о том, что этот тип разворачивает письмо. Он по-прежнему был у двери. Не пошел в глубь квартиры, чтобы позвонить в компанию. Ну и отлично.

— Черт возьми! — простонала она. — Не знаю, куда она подевалась. Была ведь где-то тут! Ладно, хрен с ней, если хотите, могу зайти позже, когда найду ее. О'кей?

Пауза. Она почти слышала, как ворочаются мысли у него в мозгах, потом опять раздалось шуршание — он складывал пись-

мо. Ему явно не хотелось, чтобы она пришла сюда еще раз. Наоборот, он желал поскорее со всем этим покончить.

Внезапно раздалась скребущие звуки — он отпирал замки и снимал цепочку.

— Заходите, — сказал он, открывая дверь и возвращая ей письмо. Он хмурился, в руке у него все еще была фуражка. — Сколько это, по-вашему, займет времени?

— Минут пять — десять. Постараюсь управиться побыстрее. — Мария закрыла за собой дверь и пошла следом за ним в маленькую кухню.

Он подошел к буфету, остановился спиной к ней и открыл дверцу.

— Счетчик и все прочее здесь. Давайте, действуйте.

— Спасибо. — Мария полезла в сумку с инструментами и вытащила оттуда пластиковый пакет и девятимиллиметровый «глок» с глушителем. И прежде чем мужчина успел повернуться, натянула пакет ему на голову, прижала глушитель к затылку и два раза нажала на спуск. Даже несмотря на пластиковый пакет, кухню забрызгало кровью, но не слишком сильно. Она оттащила тело в ванную, засунула в ванну и пустила холодную воду. Добавив в нее льда, она сможет замедлить процесс разложения на неделю, а что будет после, не имеет значения.

Она подняла упавшую фуражку, стерла пару капель крови с черного козырька и натянула себе на голову. Фуражка пришлась впору. Она была права, это оказался прекрасный кандидат.

Глава 20

Три ночи спустя. Штаб-квартира компании «Джиниус», Бостон

Подобно всем другим сообществам обитатели киберпространства имеют свою субкультуру. От скуки отлично владеющие компьютером детишки свободно бродят по кибермагистральям и киберпереулкам в поисках развлечений, вызывающих при-

лив адреналина в кровь, а также и признания — пытаюсь взломать системы защиты и проникнуть в любую сеть, в какую только получится. Эти так называемые киберпанки мотаются взад-вперед по информационным каналам, свободно перескакивая с одного сайта сети на другой и пытаюсь убедить друг друга, что именно они самые горячие головы, самые первые парни во всей кибердеревне. И все они больны одной и той же мечтой: предпринять что-нибудь по-настоящему опасное и героическое — убить какого-нибудь электронного дракона и возвыситься над обычными киберпанками, став настоящим киберлордом.

Удавалось это немногим. Но были и совершенно выдающиеся хакеры, о которых ходили легенды. Например, об одном, который сумел пробиться в базу данных Федеральной резервной системы, в систему управления спутниками НАСА и в сеть центра русского командования ядерными ракетами стратегического назначения, взяв под свой полный контроль каждую из них по очереди. К счастью для властей, этот гениальный хакер был настолько благороден, что всякий раз, прорвавшись через все препоны, сообщал в соответствующие инстанции о своем проникновении и указывал, как те могут — да и просто обязаны! — улучшить свою систему безопасности. Естественно, эти самые соответствующие инстанции пытались выследить хакера и арестовать, но поскольку тот всегда пользовался сложными окольными путями доступа, меняя узлы сети и перепрыгивая из одной сети в другую, переходя на спутниковые линии связи и обратно, то жертву свою они упустили. Тем не менее сообщество киберпанков знало, кто все это проделал. Он был один из них — хакер по кличке Циркулярка.

Это случилось двенадцать лет назад. После того случая Циркулярка практически исчезла из Интернета, однако имя и легенда продолжали жить, легенда о настоящем крупняге, настоящем киберлорде.

Но сегодня Циркулярка снова разгуливала по информационным магистралям. Alter ego* хакера требовало соблюдения анонимности, но ощущало потребность в том, чтобы немного

* Второе «я» (лат.).

«подпитаться» за счет былых триумфов, связанных с этой кличкой. Потому что нынче ночью женщина, потратившая многие годы на то, чтобы стать в высшей степени уважаемым членом ученого сообщества — да к тому же еще и лауреатом Нобелевской премии! — снова нарушала законы.

Доктор Джасмин Уошингтон отпила глоток диетической колы и вонзила зубы в кусок пиццы, не отрывая взгляда от двадцатидюймового экрана. Она уже пятнадцать часов работала в своем кабинете на первом этаже стеклянной пирамиды компании «Джиниус». И была рада, что Ларри сегодня нет в городе. Она наслаждалась тишиной ночи — в это время суток ее мозг работал наилучшим образом.

Кабинет освещали только мерцание экрана да еще круг яркого света от гибкой настольной лампы рядом. В соседнем помещении, совершенно белом, с искусственно поддерживаемой постоянной температурой, в сердце отдела обработки информации «Большая мама» издала нежный, почти умиротворенный звук, когда малая часть ее могучего мозга приступила к сбору и анализу результатов сканирований, проведенных всеми действующими генокопами во всем мире. В кабинете не было слышно ни звука, за исключением уютного тиканья часов на мониторе. Было уже за полночь, и Джасмин казалось, что весь мир, кроме нее, давно спит.

Она проверила свои записи. Поиск в памяти ИГ среди файлов прежних лет был завершен два дня назад. Ни единого генома, содержащего гены, аналогичные трем генам из Назарета, обнаружено не было, хотя к ней продолжали поступать новые данные с только что проведенных сканирований, еще не включенных в базу данных ИГ. Но сейчас она занималась совсем другим. Она успела взломать многие легкодоступные базы, значившиеся в ее списке, такие как сети больниц или мелких страховых компаний по всему миру. В каждую из них она вводила свой сжатый «умный» файл с цепочкой генов из Назарета, позволяющий обнаружить аналог нужного генома. Сейчас Джасмин как раз покончила с некоторыми более крупными и более трудными для несанкционированного доступа базами данных, включая хранилища данных на весь личный состав вооружен-

ных сил Соединенных Штатов, Великобритании и Франции, которые охранялись второй версией программного обеспечения «Хищник», способного выследить любого хакера. Но все их защитные барьеры оказались не столь сложными для истинного киберлорда, и она лишь порадовалась, что еще не потеряла сноровки отменного хакера. Однако она была разочарована: проверив почти двести миллионов индивидуальных геномов, она так и не обнаружила нужного ей аналога.

Джасмин потянулась, подняв руки над головой, и встала со стула. На затекших ногах подошла к стеклянной стене пирамиды. Снаружи была сплошная чернильная темнота, хотя ей удалось разглядеть несколько звезд, мерцающих на чистом небе, и тонкий серебристый серп луны. Впереди, за погруженным во мрак кампусом, виднелся чуть освещенный силуэт ворот. Она знала, что там дежурят двое охранников, наблюдающих за территорией с экранов своих мониторов. Она уже вошла в главный компьютер, контролировавший эту систему, и ввела в запись с той камеры, что наблюдала за ее кабинетом, пленку-петлю. Теперь любой охранник, проверяющий эту часть здания, увидит на экране только опустевший, погруженный во тьму кабинет, а вовсе не директора отдела обработки информации «Джиниус», незаконно вторгающуюся в одну за другой базы данных.

Она вернулась к своему столу и села за компьютер. Появление голографического изображения Христа не просто испугало ее, а заставило ужаснуться. Неужели она каким-то образом, совершенно против собственного желания, вызвала его дух? Прямо как какой-нибудь колдун-некромант из прошлого! Всю следующую после этого ночь она копалась в своей душе, да и большую часть дня тоже. Она терзалась сомнениями, что ей делать — то ли уйти из проекта «Кана», то ли остаться.

В конечном итоге, помолившись и надеясь на чудо, она решила, что если она хоть как-то может помочь Холли, и не только ей, то, безусловно, должна продолжить работу. Ведь только от нее сейчас зависит, будет ли найден аналог этим необычным генам. От нее зависят Том и Холли!

Она еще раз проверила свои списки. Базы данных, в которые она намеревалась проникнуть, располагались в них по мере возрастания трудности их взлома и связанного с этим риска. Имело смысл заняться сначала простыми случаями — если она попадется и получит тюремный срок, это не поможет никому. Однако Джасмин отлично понимала, что самые высокие шансы что-то найти могут дать наиболее обширные и лучше всего защищенные базы данных. Одна такая была в Париже — Джасмин называла ее «Черной дырой», — защищена она была новой, третьей версией программы «Хищник», как и ее собственное детище, ИГ, защиту которого она считала практически неприступной. И любой, кто попытается взломать «Черную дыру», не имея пароля доступа или необходимых навыков, рискует быть затянутым в нее без какой-либо надежды вырваться и замести следы — «Хищник» уцепится за сигнал хакера и быстро выследит его. Циркулярка в свое время сочла бы это настоящим вызовом и ни за что не устояла бы перед таким соблазном, но взрослая и более опытная доктор Джасмин Уошингтон более осторожна и рассудительна. Она подумает, как взломать «Черную дыру». Но только когда — и если — у нее не останется выбора.

Она передвинула курсор на экране на следующий пункт своего списка. Любой, кто хоть немного связан с генетикой, знает о существовании базы данных под названием «Джином дайверсити»*. В ней собраны наработки в рамках весьма противоречивого проекта, носившего то же название. Созданный в начале девяностых по инициативе двух генетиков — Луиджи Луки Кавалли-Сфорца из Стэнфордского университета и Кеннета Кидда из Йеля, — он был ответвлением проекта «Геном человека». Его целью было добыть и сохранить ДНК и потенциально редкие гены, обнаруженные у представителей более пятисот этнических групп и общин из самых отдаленных уголков планеты. Многие из этих групп, такие как племя хадза в Танзании, юкагиры в Сибири или онге на Андаманских островах, находились на грани исчезновения.

* «Джином дайверсити» (англ. — Genome Diversity) — букв. «Многообразие геномов».

Противоречие возникло из-за того, что западная наука ценила ДНК исчезающих народностей явно более высоко, нежели сами эти народности. Возникло много скандальных ситуаций. Западные страны, в частности правительство США, пытались запатентовать редкие гены, обещавшие последующую разработку средств борьбы с некоторыми заболеваниями. Эти попытки были пресечены, но если бы им позволили осуществиться, доходы от этих разработок попали бы в карман правительства США и фармацевтических компаний, а вовсе не туземным обладателям бесценных генов.

Появление геноскопа дало руководителям проекта возможность зафиксировать имена тех, кто сдал кровь на сканирование. Так что если анализ обнаруживал какую-нибудь редкую генетическую линию, всегда была возможность проследить ее до конкретного человека, семьи или общины — разумеется, небезвозмездно. Как только «права на разработку» были документально согласованы и приняты, осуществление проекта пошло более гладко и все геномы отправлялись на хранение в базу данных «Джином дайверсити».

Джасмин «кликнула» по иконке, и на экране тут же возник запрос на введение пароля. Она мгновенно поняла базовую архитектуру этой системы: продвинутая версия реляционной базы данных «Кибуки-2000», напичканная сделанными по спецзаказу системами безопасности. Как и всегда, когда она встречалась с продуктами японской изобретательности, Джасмин высоко оценила дизайн этой системы. Целая серия «дверей», запирающих доступ к базе данных, была жестко запрограммирована, хорошо продумана и снабжена большим количеством умно запрятанных программных сигналов тревоги.

Все это ее не смущало. Циркулярка, может быть, была теперь не такая шустрая, как раньше, однако доктор Джасмин Уошингтон всегда шагала в ногу со временем, не пропуская никаких новшеств и, более того, участвуя в их создании. По собственному опыту она знала, что все эти прекрасные японские разработки всегда страдали одним трагическим недостатком: именно ясность, четкость, красота дизайна имела тенденцию превращаться в их ахиллесову пяту.

Рука Джасмин автоматически потянулась через стол и подхватила кусок совсем остывшей пищи. Пережевывая, она размышляла над стратегией своего поведения. Затем небрежно вытерла губы тыльной стороной ладони и принялась стучать по клавиатуре. Один за другим перед ней распарывались все невидимые «стежки» программирования, которыми разработчик программы «зашил» базу данных. Всякий раз, когда она выводила из строя очередную «дверь» системы безопасности, она убеждалась в своей правоте. Система была слишком хорошо разработана. И следовательно, слишком предсказуема.

Менее чем через сорок минут, как Циркулярка в старые добрые времена, Джасмин была уже внутри системы. Прodelав браузинг всей базы данных, она внедрила в нее свой хитрый файл с данными по генам из Назарета и взялась за поиск их точного аналога среди генетических цепочек, хранящихся в памяти взломанного хранилища.

Готовясь некоторое время ждать результата, потянулась за бутылкой кока-колы. Даже мощнейшей машине — со скоростью обработки информации сто терагерц — требовалось время для просмотра столь обширной базы данных.

Но сообщение «Аналог обнаружен» вспыхнуло на экране почти мгновенно.

Так быстро, что она даже покачнулась на стуле, расплескав колу и залив майку и джинсы.

— Господи Иисусе!

Досада ее тут же сменилась возбуждением, когда на экране возникла фотография и текст рядом с ней. С фото — похоже, моментального снимка для полицейского досье — на нее смотрело темное лицо мужчины, обрамленное длинными седыми волосами. Лицо ей понравилось — в нем чувствовались сила и гордость, даже благородство. Человек был стар, но сохранил прекрасную форму: на его обнаженном торсе четко выделялись мощные мускулы. Она быстро просмотрела сопроводительный текст. Индеец из племени вайю, Карисаль, Колумбия. Фамилия его была Пуйяна, а имя значилось просто как Аль. Сердце у нее подпрыгнуло, когда она прочла последние строчки: «Считается, что обладает способностями целителя».

Аль был колдуном. Шаманом. Джасмин прочитала, что Аль Пуйяна в отличие от других местных целителей для лечения своих пациентов не пользовался никакими средствами, приготовленными из тамошних растений и трав, а действовал наложением рук. Ученые, оставившие эту запись, так и не поняли, как он это делает, но утверждали, что, согласно имеющимся у них «достоверным сведениям», он «обладает настоящим даром целителя».

В верхней части экрана появились иконки опций, позволяющих обратиться к более подробным сведениям об этом человеке. Та, которая тут же привлекла внимание Джасмин, имела надпись «генетические данные» — она, несомненно, подтвердит соответствие генам из Назарета тех генов, на которые ученые до нее не обратили никакого внимания по причине иных старт- и стоп-кодонов в его геноме. Джасмин уже была готова «кликнуть» по этой иконке, когда заметила, что под именем Аля стоят две даты, а не одна. И вторая указывала на день чуть больше трех месяцев назад.

Она вернулась к тексту и прочитала информацию до конца.

— Черт! — шепотом произнесла она. Ей стало ужасно грустно. Аль Пуйяна с лицом сильного и гордого человека, с приносящими исцеление руками умер три месяца назад в весьма преклонном возрасте — девяноста двух лет от роду.

Джасмин еще раз сравнила обе генетические цепочки. Совпадение полное. В геноме умершего присутствовали все три гена из Назарета, и каждый был идентичен обнаруженным при анализе образцов из останков Христа. Она скопировала файл и сохранила его на диске другого компьютера. Даже после смерти этот человек может оказаться хранителем еще каких-то секретов.

Какая неудача! Они опоздали всего на три месяца! Она подумала, не позвонить ли Тому, но тут же отбросила эту мысль, взглянув на часы. Почти полвторого ночи. Вряд ли Том еще здесь. Надо, наверное, ехать домой и хоть немного поспать. Но она была слишком взбудоражена, слишком завелась и знала, что не заснет. Она еще раз прочитала все, что сообщалось про этого индейца племени вайю из Карисаля. «Считается, что об-

ладает способностями целителя» — эти слова будто издевались над ней с экрана.

С глубоким вздохом Джасмин дважды проверила, нет ли в этой системе другого аналога генам из Назарета, затем аккуратно вышла из нее, проверяя, не осталось ли за ней следов вторжения. Подобно тому как это было много лет назад, она незамеченной влезла во мрачную, с виду неприступную крепость и выбралась из нее, оставив часовых мирно спящими, в полном неведении, что все их защитные кордоны оказались бессильны.

То, что она потом сделала, было вызвано скорее всего разочарованием: ведь она так близко подошла к решению проблемы. Или она слишком завелась, чтобы заснуть. Или скорее всего ей просто нравилось снова ощутить себя Циркуляркой, мятежницей, восставшей против истеблишмента со всеми его правилами и законами. Но что бы ни было тому причиной, доктор Джасмин Уошингтон, игнорируя весь длинный список баз данных, с такой тщательностью собранный в порядке повышения риска, перешла сразу к последнему пункту. Настало время проверить, в той хорошей форме сейчас Циркулярка, как прежде. Может ли киберлорд так же легко проникнуть в самую мрачную из всех крепость — в «Черную дыру»?

Полчаса спустя в караулке у главных ворот в кампус «Джиниус» сменилась охрана. Два новых охранника с топотом прошли в дверь, обмениваясь на ходу нецензурными приветствиями с уходящей сменой.

Гас Странски уже семь лет состоял в штате частной охранной фирмы «Шилд», охранявшей кампус «Джиниус». Ему было за пятьдесят, и когда-то он считался одним из лучших полицейских Бостона, до того как его выперли досрочно на пенсию после серьезного пулевого ранения в правую ногу. Несмотря на ночные дежурства, он любил свою работу — она давала ему возможность передохнуть от вечных попреков его сварливой половины по имени Дорис.

Контракт с фирмой «Джиниус» был просто мечта. Здесь водились денежки и оборудование было самое новейшее. Все,

что ему нужно было делать, — это сидеть в караулке у ворот и следить за экранами системы наблюдения. После Стокгольма, когда была убита миссис Картер, меры предосторожности здесь были удвоены, так что теперь у него был напарник. Сегодня с ним был новый парень, молодой, по имени Барт Джонсон, высокий и мощного телосложения. Он заключил контракт с «Джиниус» всего пару дней назад. Вроде бы вполне подходящий, к тому же Гас имел навык работы с новичками. Начальство всегда говорило, что он умеет наладить с ними контакт.

В караулке в два ряда стояли мониторы системы наблюдения. Один демонстрировал все, что видели телекамеры вокруг огромного пирамидального здания, включая большую часть кампуса и белковую фабрику, расположенную в правом дальнем его конце. Второй давал изображения всех внутренних помещений, в том числе атриум и вторую пару охранников, сидящих там. Один человек вполне мог уследить за всеми изображениями, но сегодня Гас оставил за собой наружные камеры, а новичку отдал внутренние.

Гас быстро проверил экраны, отметив, что все, кажется, в полном порядке. И обернулся к напарнику:

— Ты женат, Барт? Или наслаждаешься одиночеством?

— Наслаждаюсь одиночеством, — ухмыльнулся тот.

Гас наблюдал, как Барт осматривает экраны. Все они демонстрировали пустые помещения. Только в больничном отсеке и в лаборатории Крика кто-то был. На экране трудно разобрать, чем он там занимается, но, кажется, возится с чем-то на своем рабочем столе.

Барт нажал на клавишу, включив внутреннюю связь с охраной в атриуме пирамиды.

— Как у вас там?

Один из охранников на экране поднял руку и показал ему большой палец:

— Пока все о'кей. Это ты, Барт?

— Это я, Джорджи, мой мальчик.

— Старина Гас на месте?

Барт оглянулся на Гаса и улыбнулся в ответ на его хмурое выражение лица:

— Ага, старина Гас на месте. Как у вас там?

— Очень тихо, — ответил голос из динамика интеркома. — Так тихо, что я не возражал бы против какого-нибудь развлечения.

Гас достал пластинку жевательной резинки «Даблминт», сунул в рот и начал жевать. Предложил и Барту, но парень лишь отрицательно покачал головой. Гас убрал пачку обратно в нагрудный карман, уселся на свое место и стал методично осматривать мониторы. В помещениях белковой фабрики было пусто, снаружи возле них — тоже, кампус казался безлюдным. Никакого движения.

Тут он заметил, как сидевший рядом напарник вдруг напрыгнул. Гас повернулся к нему и увидел, что Барт уставился на экран, показывавший лабораторию Крика, где работал доктор Картер.

— Что-то не так? — устало спросил он. И чего эти молодые такие нервные? Вечно им кажется, что в любой тени таится какая-то опасность.

У Барта брови сошлись к переносице.

— Не уверен. — Он встал, освобождая место. — Гас, посмотри получше. Что ты там видишь?

Гас вздохнул, но встал.

— О'кей. — Если бы ему платили доллар всякий раз, когда новичок просил его глянуть своим опытным глазом на какую-нибудь идиотскую тень или грязное пятно на экране, ему бы вообще не надо было работать. Это уж точно.

Напарник освободил ему место, и он наклонился к монитору:

— Ну и в чем дело? Ничего я тут не вижу.

— Внизу справа. Что-то маленькое. Очень маленькое.

Гас наклонился еще ближе к экрану, но так ничего и не увидел. Там был только доктор Картер — он задумчиво скреб затылок, склонившись над стеклянными кюветами. Какого черта Барт тут разглядел? И тут позади него раздался тихий металлический щелчок. Сначала он и внимания на него не обратил, но

потом вдруг оглянулся — он вспомнил, что это за звук, как мелодию давно забытой песни.

Это был звук взводимого курка.

Он обернулся, больше сердитый, чем испуганный:

— Какого х...

Больше он ничего произнести не успел — два хлопка отозвались режущим жаром в груди. Это было очень странное ощущение. Не столько боль, сколько полная невозможность вдохнуть. Пораженный, он потрогал рукой грудь. И ощутил что-то влажное и липкое. А на мониторе перед ним виднелись красные расплывающиеся капли. Кровь, понял он с ошеломившим его самого спокойствием, его собственная кровь. Черт, в него стреляли! Он почувствовал слабость и головокружение, так что опустился на свой стул и попытался вдохнуть, но так и не сумел. Дыхание к нему не возвращалось. Он оглянулся и увидел, что Барт внимательно за ним наблюдает. Это было совершенно невозможно: его молодой напарник держал в руке пистолет с глушителем. Вдруг он почувствовал огромную усталость и откинулся на спинку стула, пытаясь устроиться поудобнее. И все это время Барт не сводил с него глаз.

Потом зрение его начало туманиться, и лишь две мысли тревожили остатки сознания. Он понял, что уже никогда не увидит свою Дорис, и от этого ему почему-то стало грустно. И еще — почему это он никогда раньше не замечал, что у Барта один глаз синий, а другой карий.

Мария Бенарьяк удостоверилась, что безжизненное тело Гаса не свалится со стула, и открыла свою сумку. Положила туда пистолет, проверила, на месте ли все остальные инструменты, которые она захватила с собой. Она потратила весь день, чтобы найти подходящие гвозди. Ни в одной из скобяных лавок не было достаточно длинных и нужной толщины. Но она была уверена, что эти пять, которые ей в конце концов удалось разыскать в Чарлстауне, как раз подойдут. Ей нужно было всего четыре, но запасной вполне может пригодиться. Деревянный молоток, который она нашла в квартире Джонсона, был достаточно тяжелый, чтобы вбить эти гвозди.

Убийство Гаса не было убийством в истинном смысле этого слова. Как и убийство Барта Джонсона, новичка охранника из фирмы «Шилд», у которого она позаимствовала униформу, место работы и внешность вместе с документами. Эти двое были всего лишь досадными помехами на пути к завершению ее священной миссии.

На какой-то момент она с грустью подумала о святом отце и их недавнем споре. Она надеялась, что, как только с доктором Картером и его проектом будет покончено, святой отец поймет, что она действовала мудро, и примет ее обратно под свое крыло. Но даже если этого не случится, она была убеждена, что истинно следует заповедям Второго императива. А Господь потом укажет ей следующую цель, которую она должна будет поразить, и ей придется действовать без вмешательства и руководства святого отца, отвыкать от привычки чувствовать себя в лоне братства как у Христа за пазухой.

Ну и пусть, решила она. Однажды она уже пережила нечто вроде второго рождения. Переживет и еще раз.

Она нажала кнопку интеркома, стараясь говорить низким голосом:

— Эй, ребята! Я иду к вам, надо кое-что принести. О'кей?

Один из охранников атриума кивнул ей с экрана монитора:

— Нет проблем. Сейчас отопру дверь.

— Премного благодарен, — сказала она, отключая связь. И, не оглядываясь на обмякшее тело Гаса, вышла из домика.

Поправив форменную фуражку, она пошла по усыпанной гравием дорожке. Возвышавшаяся впереди стеклянная пирамида, казалось, уходила верхушкой в самое ночное небо подобно какому-нибудь футуристическому изображению храма. Да, будет совершенно справедливо убить ученого прямо в его логове. Она терпеливо дожидалась этого момента, позволив себе отсрочить его на целую неделю, но теперь время пришло. Она ощущала, как с каждым шагом ее возбуждение все возрастает, и при каждом шаге повторяла свой девиз: «Я — Немезида. И пусть мой меч правосудия пребудет остер... И пусть моя броня праведности пребудет неуязвимой... И пусть мой щит веры пребудет крепок...»

Каждый скрип ее башмаков по гравию сопровождался этими словами; в прохладной ночном воздухе они звучали как декламация.

Прогулка через кампус заняла меньше пяти минут, и вот дверь в атриум распахнулась перед ней еще до того, как она протянула руку к ДНК-сканеру запирающего устройства. В освещенном атриуме виднелись фигуры обоих охранников — они сидели на своих местах и улыбались ей. Ее взгляд упал на распределительный щиток позади одного из них — в нем были заключены кроссы всех телефонных линий, подключенных к зданию.

— Добро пожаловать в наше жалкое убежище, приятель, — приветствовал ее Джордж — тот, что говорил с ней по интеркому. — Ну и что ты нам притащил?

Она подошла ближе, улыбнулась и похлопала по своей сумке:

— То, что вы так хотели получить.

Улыбка охранника стала еще шире.

— Да ну? И что же это такое?

Она сунула руку в сумку и ухватила за рукоять своего верного «глока».

— Небольшое развлечение.

Глава 21

Отдел обработки информации, штаб-квартира фирмы «Джиниус», Бостон

Не более чем в сорока ярдах от атриума, в отделе обработки информации, знаменитый хакер Циркулярка пребывала в своего рода трансе, пробиваясь сквозь защитные бастионы, охраняющие «Черную дыру». Ее пальцы с потрясающей скоростью и точностью порхали по клавиатуре, а глаза неотрывно следили за виртуальным миром, скрытым за экраном монитора.

Официальное название базы данных в верхней части экрана действовало сейчас в качестве постоянного напоминания о

серьезности задачи — и о последствиях, если ее застукают. Ту же функцию выполняло и сообщение, красными буквами сверкавшее посредине: «ХИЩНИК, ВЕРСИЯ 3. ЗАЩИТА ВКЛЮЧЕНА». Она уже обезвредила первые три «двери» самой, вероятно, защищенной из существующих баз данных и вот-вот должна была пройти четвертую, заставив красный сигнал смениться зеленым и пробив последний барьер на пути к файлам.

Как только Циркулярка войдет в саму базу данных, система «Хищник» тут же засечет ее и в течение одной минуты вычислит адрес ее компьютера. У нее будет всего шестьдесят секунд, чтобы обнаружить аналог нужного генома и «чисто» выйти из системы, не оставив никаких следов. Если задержаться в ней на один момент дольше, ловушка захлопнется и не выпустит ее, не даст выйти из системы, пока владельцы базы данных ее не отследят. А это были люди, с которыми ни Джасмин, ни Циркулярке связываться не стоит. Вообще.

Внезапно экран мигнул, как будто что-то произошло с электропитанием. Потом последний красный сигнал внизу экрана сменился зеленым. Она прошла последний, четвертый уровень защиты.

Пока все хорошо. И прорыв сквозь все преграды тоже способствовал хорошему настроению, очень хорошему. Внедрившись глубоко в сложный язык программного обеспечения, контролирующий работу и безопасность этой базы данных, она сумела переписать значительные участки программы, не возбудив никаких подозрений у самой системы.

Она на секунду остановилась, стараясь успокоиться, затем перевела курсор на иконку, которая действовала как электронный сигнал «Сезам, откройся!», предоставляя доступ к данным. Теперь при нажмении на клавишу мышки начнется обратный отсчет, и через минуту включится программа «Хищник», после чего у нее уже не будет никаких шансов уйти незамеченной.

Она подняла левую руку и сняла с нее часы. Проверила голосовой будильник. «Пять секунд», — раздался в ответ монотонный голос часов. Удовлетворенно кивнув, она установила время сигнала, включила будильник и положила часы рядом с

клавиатурой. Рука легла обратно на мышь и потащила курсор к иконке файла, в котором содержались гены из Назарета. Этот сжатый электронный файл содержал только генетическую последовательность трех необыкновенных генов. Джасмин создала его для ускорения поиска аналога. Введя файл в базу данных и активировав команду «Поиск», она могла искать аналогичную цепочку среди всех геномов, упрятанных в память этой базы. Она переместила иконку в центр экрана — теперь файл был готов к введению в базу.

Циркулярка сделала глубокий вдох, нажала на кнопку часов, включая будильник, и затем щелкнула мышкой, запуская файл.

Она уже была внутри базы данных.

Действуя пальцами с быстротой молнии, она переместила свою иконку в графу «Поиск» и «кликнула» по команде «Быстрый просмотр».

Тут включилась система «Хищник». Красный сигнал «Предупреждение» вспыхнул на экране, и из динамиков раздался лающий электронный голос: «Включена система отслеживания. У вас есть шестьдесят секунд, чтобы ввести личный идентификационный код и символ разрешенного доступа».

В правой верхней части экрана появились крупные цифры — 60, и тут же начался обратный отсчет: 59, 58, 57...

Циркулярка чувствовала, как на лбу вот-вот выступит пот, но оставалась спокойной. Игнорируя отвлекающее мигание цифр на экране, она не сводила глаз с окна поиска. Вот горизонтальная белая полоса на нем начала постепенно заливаться черным, слева направо. Под полоской появились цифры, показывающие с промежутками в пять процентов, какая часть базы данных уже проверена.

Черный цвет залил пока одну десятую часть белой полосы, появился сигнал «10 процентов базы данных проверено». Потом, после промежутка, показавшегося ей вечностью, черный цвет сдвинулся еще на одно деление и 10 процентов сменились на пятнадцать.

Часы в правом верхнем углу продолжали обратный отсчет: 42, 41, 40...

Поиск шел скачкообразно. Черная полоса достигла значения 20, 25, но потом очень долго не могла дойти до 30.

31, 30, 29 — продолжали отсчитывать часы.

— Тридцать секунд, — предупредил будильник возле клавиатуры.

Она с трудом заставляла себя не отрываясь смотреть на экран. Программа «Быстрый поиск» могла дать лишь самые общие детали любого соответствующего генома, но по крайней мере она обеспечивала стопроцентный просмотр всей базы данных в отведенное время. Напряжение становилось совершенно невыносимым.

— Семнадцать секунд.

Проверено семьдесят восемь процентов.

И тут, совершенно неожиданно, программа обнаружила аналог.

— Аллилуйя! — шепотом воскликнула Джасмин, пробуждаясь к действию. Она не стала открывать обнаруженный файл и проверять его. Лишь выделила его, скопировала и сохранила на отдельном диске. Потом, «кликая» мышкой и стремительно перемещая курсор, вывела иконку генов из Назарета из бокса «Поиск» и вышла из системы.

В тот момент, когда часы на экране показывали цифру 3.

— Шестьдесят секунд, — сообщили часы.

Только теперь Циркулярка позволила себе стереть выступивший на лбу пот и испустить долгий вздох облегчения. Она своего добилась. Киберлорд сумел пробиться в самое сердце «Черной дыры» и выбраться оттуда незамеченным, не оставив никаких следов. В полной безопасности.

Монитор вдруг издал шипение, и на экране появилось главное меню. Нахмурившись, она решила, что это, видимо, вышло из строя или отключилось какое-то из приложений к системному программному обеспечению.

Она протянула руку к телефону и набрала внутренний номер атриума. Ничего. Полное молчание. Что там, черт возьми, происходит?!

Она встала, вышла из кабинета в компьютерный зал и выглянула в окно, выходящее в атриум. Где охранники? Оба мес-

та пусты. После того как началась эта охота за Картером, Джек объявил, что под угрозой увольнения ни при каких обстоятельствах не разрешает покидать оба поста одновременно и в атриуме, и в караулке у ворот. Она прошла к ближайшему посту.

И увидела торчащий из-под стола отлично начищенный черный ботинок.

Он выглядел крайне странно и неуместно — высовывался из-под стола под каким-то немыслимым углом. Ее усталым мозгам потребовалась целая секунда, чтобы понять, что в ботинке есть еще и нога. Ощущая нарастающий ужас, она обошла стол и увидела сначала щиколотку, затем обтянутую брючиной ногу, а потом и вторую, отвалившуюся набок, и в конце концов все тело Джорджа, охранника атриума. Он ей нравился; она даже познакомилась с его женой и двумя сыновьями — на корпоративной вечеринке с барбекю прошлым летом. Сейчас он смотрел на нее невидящими глазами, пустыми, как экран выключенного компьютера. На его груди виднелось три аккуратных пулевых отверстия, и тоненькая струйка крови стекла ей под ноги, пачкая туфли.

Джасмин почувствовала приступ тошноты. Переступив через лужицу крови, она проверила пульс на еще теплом запястье Джорджа. Но его пустые глаза сказали правду: жена Джорджа уже стала вдовой, а двое сыновей остались без отца. Ее начало тошнить, когда она увидела второе тело, лежащее под соседним столом.

Зажав ладонью рот и пытаясь справиться с охватившей ее паникой, она инстинктивно схватилась за телефон. Поднесла трубку к внезапно оглохшему уху и выругалась, проклиная собственную глупость, когда снова услышала в ответ полную тишину. «Думай! — приказала она себе. — Думай, черт бы тебя побрал!»

«Беги! Подальше отсюда! Сейчас же!» Эти команды независимо от разума зазвучали где-то глубоко внутри ее. Ее охватил животный страх. Это был не просто шок от увиденных трупов; она вдруг ощутила ужас, что то же самое может случиться и с нею самой. Отвернувшись от окровавленных тел, она краем глаза скользнула по мониторам системы внутреннего наблю-

дения и перевела взгляд в сторону лестницы, ведущей в подземный гараж.

И тут ее словно стукнуло: мониторы!

На одном из экранов мелькнул белый халат. Мелькнул всего на долю секунды, но словно отпечатался у нее на сетчатке глаза. В смутной надежде, что это ей привиделось, Джасмин заставила себя еще раз посмотреть на экран. Фигура в белом халате была все там же, только теперь она двигалась; под экраном была табличка: «Лаборатория имени Крика».

Том все еще был здесь!

И в ту же секунду до нее дошло: Проповедник! Он тоже здесь. Чтобы убить Тома.

Теперь у нее в голове звучало два голоса. Один продолжал орать: «Беги!» — только еще громче, еще настойчивее. «Беги к машине! Зови на помощь! Никто не просит тебя что-то предпринимать, просто позови на помощь!» Но другой голос, шепотом, который можно было и не услышать, констатировал, что никто не придет и она сама должна идти на помощь своему другу.

— Только вот что я могу сделать? — вслух спросила она себя, глядя под ноги и видя, что они уже ведут ее к лестнице в гараж, к безопасности. Тут ей в голову пришла нужная мысль, и она остановилась. Потом повернулась и пошла обратно, туда, где лежало тело Джорджа. Стараясь не смотреть в его мертвые глаза, Джасмин перевернула его.

Кобура была застегнута, страшный черный пистолет на месте.

Дрожащими пальцами она отстегнула клапан, проверила, заряжен ли пистолет — в точности так, как учил ее когда-то брат. Полный магазин. Она сняла оружие с предохранителя и подняла обеими руками, словно взвешивая, и тут же вспомнила слова брата: «Доставай пистолет только тогда, когда готова пуścić его в дело».

А она готова? Готова ли она сделать то, чего поклялась не делать никогда? Поднять пистолет, навести его на человека и выстрелить? Во рту пересохло, ноги тряслись как желе, но она пошла к лифту.

«Нет! — заорал внутренний голос. — Не на лифте! Не обна-
руживай, что ты здесь!»

Джасмин повернулась и побежала к лестничной клетке. Распахивая дверь, она пыталась убедить себя, что она сейчас вовсе не она, а Циркулярка, киберлорд, вырвавшийся из виртуального мира, чтобы действовать в реальном.

А что еще ей было сейчас нужно?!

«Смелее! — твердила она себе. — Сейчас мне потребуется все мое мужество!»

Сделав глубокий вдох и уняв дрожь в ногах, она пошла вверх по ступеням.

Этажом выше Том, тяжело вздохнув, посмотрел прямо в глаза стоявшему перед ним мужчине.

— Расскажи мне про третий ген! — потребовал он. — Как он действует? — Он поднял пробирку с сывороткой, «заряженной» новыми генами, и сунул ее прямо в лицо мужчине. — Говори же, как он действует?! И как, будь они прокляты, действуют все эти три гена вместе? Черт тебя возьми, говори же!

Но мужчина ничего не ответил; он лишь молча смотрел на Картера. Том в отчаянии ударил его кулаком по голове, но удовлетворения от этого не было никакого — рука прошла сквозь пустоту. Вечно с этими голограммами так! Собеседники из них никакие. Да и в качестве боксерской груши они тоже никуда не годятся.

Том взъерошил свою шевелюру, зевнул и вернулся обратно к ДАНу, все еще продолжавшему прогонять информацию через свой виртуальный мозг в попытке развязать гордиев узел — решить загадку третьего гена. Склонившись над клавиатурой, он щелкнул двумя клавишами, и голографическое изображение Христа исчезло. Том анализировал все полученные данные с половины девятого утра, вчерашнего утра, и все еще ничего не добился.

Он взял со стола кювету с этикеткой «Назарет-3 — E coli». Надпись была сделана аккуратным почерком Норы. Поднял ее к свету и некоторое время рассматривал. Никаких белков. Ничего. Повторил ту же операцию с кюветой «Троица — E coli», в

которой были все три новых гена. Здесь был синтезирован совершенно новый белок. И в большом количестве. Но как он действует? На что влияет?

«Может, эти гены вообще ничего не делают? — издевался над ним его собственный усталый мозг. — Может, о них и знать-то ничего не нужно?» Том посмотрел на часы и подошел к телефону. Интересно, Джасмин еще здесь? Такое с ней не раз случалось — задерживаться до поздней ночи. Он взял трубку и поднес к уху. Тишина. Он потряс ее и послушал снова. Только этого еще не хватало! Телефон молчал.

Он швырнул трубку на аппарат, повернулся и пошел к лифту. И очень удивился, увидев темную фигуру в униформе охранника.

— Джордж, это вы? Что там случилось с телефонами?

— Я их выключила, доктор Картер. Мы здесь одни. Только вы и я.

Низкий женский голос ударил его как током. Волосы на затылке встали дыбом.

— Какого дьявола вы здесь делаете? И кто вы, черт бы вас побрал?!

Темная фигура выступила на свет:

— Вы знаете, кто я.

Том замер возле рабочего стола. Страх ледяной рукой сдавил ему грудь. Человек был ниже его, но все же выше среднего роста. Атлетического сложения, с мощными плечами. Лицо, пожалуй, красивое, но обычное, даже неинтересное: тяжелая челюсть, тонкий нос и поразительные, какие-то кошачьи глаза — один голубой, другой карий. Беглого взгляда было достаточно, чтобы понять — это вовсе и не мужчина, а женщина. Он вспомнил, что однажды уже видел эти глаза — на голограмме Проповедник! Сознание пронзила мысль: перед ним убийца Оливии. Страх вдруг исчез.

И в момент, когда женщина достала из своей сумки пистолет, его охватила ярость. Такая, какой он не ощущал ни разу в жизни.

Продолжая смотреть в глаза убийцы, Том пошарил рукой по столу, нащупывая клавиатуру.

* * *

Мария Бенарьяк подошла ближе к Картеру, взвешивая «глок» в руке. Пистолет стал легче — она выпустила восемь пуль в охранников, но в магазине оставалось еще девять патронов. Застрелить охранников в атриуме было совсем легко. А заперев снаружи дверь в больничный отсек, чтобы дежурная медсестра не проявляла излишнего любопытства, она получила доктора Картера в полное свое распоряжение.

Вблизи его синие глаза отливали арктическим холодом. Заглянув в них, она испытала разочарование и раздражение — в них не было ни раскаяния, ни страха. Ну ничего. Она заглянет ему в глаза еще раз, когда пустит в ход гвозди. А когда он умрет, она оставит сообщение, написанное его кровью: «Во многих мудрости много печали». Екклесиаст, 1; 18».

Она направила глушитель пистолета в голову Картера и улыбнулась. Вот он, момент торжества справедливости!

— Доктор Картер, возмездие за грех — смерть.

— И в чем же мой грех? — последовал вопрос. В голосе Картера звучало только одно — ярость.

Левой рукой она опустила сумку на стол, в правой продолжала держать нацеленный на Картера пистолет.

— В чем ваш грех? Я долго следила за вами, доктор Картер. Очень долго. Ваш грех в том, что вы желаете занять место Всевышнего. Вы не только вмешиваетесь в жизнь его созданий, вы посмели посягнуть на его Сына!

— Мое вмешательство спасает жизни! А сколько жизней отнял Проповедник?

Она улыбнулась, услышав эту дурацкую кличку, которую приклеили газеты. Ей нравилось, что он знает обо всех ее действиях.

— Это были те, от кого требовалось очистить мир.

— Очистить? Хотите сказать, убить? И кто же это решил, что им следует умереть?

Она смахнула со стола все, что там лежало. Колбы, кюветы, пробирки с грохотом посыпались на пол. Станный белый инструмент с круглым резиновым наконечником, торчащим сверху, чуть не попал ей по ноге. Она измерила его взглядом и

решила, что размеров стола будет как раз достаточно. Если не разводить ему руки в стороны на всю длину. Она извлекла из сумки гвозди — один за другим — и сложила рядом на столе.

— Это Господь решил, что они должны умереть.

— Какой еще Господь? — ядовито-насмешливо спросил ученый. — Хотите переложить ответственность на него? Да его не существует! Это мы сами придумали его, чтобы объяснить то, чего не можем понять. А теперь, когда наука дала нам знание, он нам больше и не нужен. Поэтому вы и хотите меня убить? Или вам просто нравится убивать, прикрываясь именем Господа?

Она достала из сумки веревку и молоток и положила их рядом с гвоздями, пытаясь унять поднимающийся в душе гнев. Она помнила, как важно сохранять над собой полный контроль, но этот разъяренный и наглый тип был совсем не похож на всех предыдущих ее жертв. Он не чувствовал вины и совсем не боялся своего палача. Он по-прежнему упрямо держался идиотской веры в свою правоту. И если она до этого момента сохраняла хоть какие-то остатки праведной беспристрастности, даже отрешенности по отношению к нему, то сейчас они исчезли. Она уже не могла холодно взирать на него лишь как на угрозу, которую следует убрать; теперь он вызывал в ней жгучую ненависть, поскольку был олицетворением всего, чего она боялась и что презирала.

— У вас есть выбор, — сказала она. — С которой руки начнем?

Злобное выражение в его глазах на секунду сменилось удивлением.

— О чем это вы? — Тут он посмотрел на гвозди, видимо, пытаясь понять, для чего они. Или, наоборот, стараясь не думать об этом.

— Как я уже говорила, я долго следила за вами. И знаю, чем вы занимаетесь. И раз уж вы пожелали получить власть и силу Христа, то вы умрете так, как умер он. — Она навела пистолет на его левую руку, повисшую вдоль тела. — Я привяжу вас к этому столу и прибью к нему гвоздями обе руки и обе ноги. — Она не могла сдержать улыбки. — Мне нужно проделать дырку

для первого гвоздя. Пуля облегчит нам обоим эту задачу. Так с которой руки?

Наконец-то страх! Настоящий страх в этих яростных глазах! «Отлично. Вы уже не такой наглый теперь, а, доктор Картер?» И прежде чем он успел сделать что-то еще, она выстрелила.

— Черт бы тебя побрал! — вскрикнул он от боли.

Это было почти комично, как он дернулся и крутанулся вокруг себя, подхватив раненую левую руку правой.

Она испытала глубокое удовлетворение, когда увидела аккуратную дырочку в его ладони и кровь, стекающую на пол. Ученый, побледнев, смотрел на рану. Она подумала, что его может даже стошнить. Но когда он снова поднял голову, она не заметила следов страха в его глазах — лишь пристальный ледяной взгляд.

— Ты, сука чокнутая!..

Невероятно!

— Так вы и не думаете раскаиваться? — требовательно спросила она, желая, чтобы он сдался, уступил, прежде чем она его казнит, чтобы признал ее правоту.

Тут он засмеялся:

— Раскаиваться? В чем? В том, что хочу спасти людей?

Она шагнула вперед, уперев пистолет ему в висок. Они стояли теперь между двумя столами — рабочим и письменным.

— Это не ваши жизни, чтобы их спасти! Вы не в силах изменить то, что предначертал Господь, лишь потому, что вы так захотели! Люди должны заслужить спасение! Лишь Господь решает, кто будет спасен благодаря его чудесам, а не людишки вроде вас!

У Картера заиграли желваки на скулах — так он сжал зубы, чтобы справиться с болью в руке. И когда он вновь заговорил, то слова он словно выплевывал сквозь стиснутые зубы.

— А это вовсе не его траханные чудеса, ты, злобная стерва! — буквально прошипел он. — Это наши чудеса! Как огонь или возможность летать. В любом случае что дает тебе право решать, что он хочет свершить? Тебе что, известна его воля?!

— Он избрал меня!

Картер на это лишь рассмеялся громким сумасшедшим смехом.

— Да откуда тебе это известно? Ты сама его спрашивала, когда осталась с ним наедине?

Она начинала уставать от этого разговора. Этот невыносимый упрямец и не собирался уступать ни по одному пункту! Настало время заставить его признать истину. Она вдавила пистолет ему в висок:

— Положи левую руку на стол!

Она была готова к тому, что он начнет бороться, сопротивляться, но, к ее удивлению, он скривился от боли и положил раненую руку на стол рядом с гвоздями, ладонью вверх. И все время его синие глаза вызывающе смотрели на нее.

Мужества ему не занимать. Это она должна была признать. Она переложила пистолет в левую руку и потянулась за первым гвоздем.

— Ты когда-нибудь встречалась с Христом? — вдруг спросил он на удивление спокойным тоном. Казалось, ему действительно интересно услышать ее ответ.

Она проигнорировала этот вопрос, нащупывая гвоздь. Свободной у нее была только одна рука, так что ей было необходимо всадить гвоздь точно в пулевое отверстие и хоть немного вогнать его в столешницу, а уж потом взять молоток и вбить его глубже, пригвоздив руку к столу. Но если она не попадет в рану, гвоздь не войдет на нужную глубину.

Все ее внимание было занято этой проблемой, и она не видела его левой руки, которая переместилась к клавиатуре стоявшего позади него компьютера. Встрепенулась она лишь тогда, когда слева от нее вдруг что-то задвигалось. Краем глаза она заметила какую-то фигуру. Совершенно инстинктивно она обернулась и выстрелила в нее, но темная фигура даже не вздрогнула. Она как зачарованная смотрела на призрачное видение, обретавшее между тем все более четкие контуры, пока всего в паре футов от нее не возникла фигура мужчины.

— Ну, давай, — услышала она голос Картера, доносившийся словно бы откуда-то издалека. — Вот ты и встретишься с Хри-

стом. Так пользуйся случаем, спроси его, чего он действительно хочет от нас, что мы должны делать с его генами!

Она замерла на месте, пораженная, окаменевшая. Рядом с ней стоял обнаженный мужчина с гладким лицом и с длинными каштановыми волосами... Долгую-долгую минуту она лишь молча смотрела на него.

Потом, когда она разглядела лучи света, исходящие из черной круглой подставки снизу, и поняла, что это, видимо, просто какая-то проекция, о ее голову разбилась тяжелая стеклянная бутылка и сильная рука швырнула ее, оглушенную, на пол. Падая, она успела вытянуть руку и три раза выстрелить.

Ей понадобилась всего пара секунд, чтобы сесть и стереть кровь с разбитого лба. Разъяренная, она обернулась к своей жертве. Сейчас она его прикончит, хоть распнет, хоть застрелит!

Но его рядом уже не было.

Она повернулась к дверям как раз вовремя, чтобы заметить, как он, хромая, исчез за ними. Она вскочила и бросилась следом. В дверях посмотрела налево, через все огромное пространство лаборатории, и на лифты по ту сторону от нее. Там он и оказался — его высокая фигура была хорошо видна над низкими рабочими столами и жужжащими аппаратами. Раненое колено не позволяло двигаться быстрее, и в его неуклюжей походке было что-то комичное. Несмотря на ярость, она даже улыбнулась, любуясь этим зрелищем и ощущая, как все это справедливо. Потом подняла пистолет и прицелилась ему в затылок. Все, сейчас со всей этой глупостью будет покончено!

— Двигайся, черт бы тебя побрал, двигайся быстрее! — шипел себе Том, стремясь поскорее доковылять до лифтов и превозмогая волнами накатывавшуюся боль в руке. Если ему удастся добраться до кабинета Джека на верхнем этаже пирамиды, у него будет шанс. Там есть сотовый телефон, а в нижнем ящике стола Джек всегда держал пистолет.

Но то, что он себе твердил, не имело никакого значения, потому что он уже видел движущееся отражение в темной стеклянной стене. Она уже не бежала за ним, она лишь подняла руку,

целясь в него. Черт побери, бутыл, которую он разбил о ее голову, даже не замедлила быстроты движений этой суки, не говоря уж о том, чтобы оставить ее лежать без сознания!

Он хотел было нырнуть под какой-нибудь стол, но понял, что это лишь отсрочит неизбежное. Раз уж она сейчас начнет стрелять, то ему лучше двигаться, а не прятаться за мебелью. По крайней мере это дает шанс, пусть и небольшой, что она промажет. Он пригнул голову, стараясь сделаться пониже и поменьше, и заставил свое негнущееся колено работать. До ближайшего лифта оставалось всего ярдов десять.

И в этот момент увидел вспышку, отразившуюся в темном стекле, и услышал звук выстрела.

И упал.

Выстрел был очень удачный. Когда Джасмин открыла глаза, то увидела, насколько удачный.

Поднимаясь по лестнице, она чувствовала, что сейчас вполне в норме. Боится, конечно, до смерти, но полностью себя контролирует. Осторожно приоткрыв дверь в главную лабораторию, она увидела темную фигуру, преследующую Тома, и замерла на месте, внезапно осознав ужасающую реальность того, с чем столкнулась. Проповедник!

Никогда в жизни она не переживала подобного ужаса. Он охватил все ее существо, сковал каждую мышцу тела.

Фигура, преследующая Тома, остановилась и подняла руку, спокойно целясь.

Не теряя ни секунды, Джас очнулась от ступора, распахнула дверь и сделала шаг вперед. Во рту у нее было так сухо, что она не смогла бы выкрикнуть обычное в таких случаях «Стой!», даже если бы захотела. Она зажала пистолет обеими дрожащими руками и навела его на убийцу, целясь в спину. Потом, как учил ее брат, медленно потянула спусковой крючок и сделала то, чего он наказывал ей никогда не делать: зажмурила глаза.

Выстрел оглушил ее. Отдача больно вывернула ей плечо, отбросив руки чуть ли не к самому лицу. Острый запах бездымного пороха сжал ей горло, заставив икнуть.

«Вперед, Циркулярка!»

Открыв глаза, сквозь дым она увидела, что преступница неподвижно лежит на полу. А где же Том? Вот он. Возле лифта. Поднимается с пола и отряхивается. Видимо, упал, но, кажется, не ранен.

— Забери у нее пистолет, Джас! — крикнул Том, бросившись к обездвиженной фигуре.

Все еще на волне впрыснутого в кровь адреналина, Джасмин бросилась вперед и ногой отбросила пистолет в сторону. Том тут же подобрал его. Взглянув на распростертое у ее ног тело, Джасмин заметила рваную рану на голове, где пуля, видимо, зацепила череп, оставив жертву без сознания. Миллиметром выше, и Джасмин промахнулась бы. На пару миллиметров ниже, и мозги убийцы украшали бы сейчас пол у нее под ногами. Обе эти возможности ввергли Джасмин в приступ дурноты.

Темные волосы женщины выглядели как-то неестественно — вроде как съехавшая набок, сбившаяся дешевая купальная шапочка. Джас не сразу сообразила, что короткая стрижка и вполне натуральные волосы — парик. Пуля, видимо, сбила его, и там, где парик сдвинулся, было видно, что череп тщательно выбрит. Джас ощутила, как по спине ее волной взбирается дрожь. Мерзкая и гадливая.

— Прекрасный выстрел, Джас! — воскликнул Том, наводя на неподвижную преступницу пистолет — на зависть твердой рукой.

— Не совсем, — заметила Джасмин, пытаясь совладать со своими ощущениями. — Я ведь целилась ей между лопаток.

Том улыбнулся и обнял ее. Глаза его сияли.

— Ну, по моим меркам, ты настоящий снайпер, настоящая Энни Оукли*. Если бы ты в нее не попала, она бы уж точно попала в меня. И именно туда, куда целилась.

Джасмин немного пришла в себя в его объятиях, и ее левая нога начала судорожно подергиваться. Возбуждение понемно-

* Энни Оукли — реальная историческая фигура и героиня одноименного вестерна режиссера Дж. Стивенса; очень меткий стрелок.

гу проходило. Когда Том выпустил ее, она заметила кровь у него на ладони.

— Что у тебя с рукой?

— Ничего особенного. Все уже в порядке. Скажу лишь, что Проповедник планировал для меня не самую легкую смерть.

— Значит, это и в самом деле Проповедник?

— Ага. Ты только что уложила одного из самых разыскиваемых преступников в Америке. — В его голосе появилась озабоченность. — Ты сама-то как, в порядке?

— Да. Немного не в себе только. — Она вновь посмотрела на лежащее на полу тело. Рассматривая совершенно мужской профиль, она вспомнила красавицу, которую они вместе со специальным агентом ФБР Карен Тэннер увидели тогда в голографическом изображении. От этого ее не просто бросило в дрожь, а всю затрясло. — Я уж думала, он... она уже тебя...

— Не ты одна так думала. Но я...

Неподвижная до этого фигура шевельнулась. Один глаз ее открылся. И Джасмин тут же узнала ее — по той голограмме; разрез и цвет глаза спутать ни с чем было невозможно.

— Джас, иди в кабинет Джека и позвони по сотовому, вызови помощь, — сказал Том. — А я присмотрю за нашей гостьей.

Она кивнула и пошла к лифтам, но тут услышала вопрос Тома:

— А что с Джорджем и охранниками?

Она обернулась, не зная, как сообщить ему обо всем.

— Я не знаю, что там, в караулке у ворот.

— А в атриуме?..

Она лишь покачала головой. Том уставился на приходящую в себя убийцу. И впервые за все время, что она его знала, Джасмин увидела в его синих глазах нечто, что ее испугало. Человек, посвятивший себя спасению жизней, в эту минуту выглядел вполне готовым забрать чью-то жизнь.

— Том? Ты в порядке?

Он не оглянулся на нее, лишь пробормотал:

— Кто-то однажды сказал, что месть — это дикий способ достижения справедливости, к которому прибегают только

животные. Вздор! Животным месть не нужна. Только людям. И теперь я знаю почему.

Тут он наконец обернулся, и Джасмин увидела на его лице боль и ярость. И почувствовала радость от того, что сейчас находится с ним на одной стороне.

Первое, что вошло в сознание Марии, была не боль в голове, а бешенство. Она опять прокололась! А когда увидела стоящего над ней Картера с ее собственным пистолетом в руке, то поняла, насколько непростительно напортачила. Кто-то откуда-то появился позади нее, когда она целилась. И почему только она не проверила все здание, после того как покончила с охранниками?! Почему положились на мониторы и сразу бросилась искать Картера?! Стремление поскорее убить его превратило ее в дилетанта!

С минуту она обдумывала возможность напасть на него прямо сейчас, но потом поняла по его взгляду, что если она хоть чуть-чуть пошевелится, он с радостью ее пристрелит. Она все же взвесила возможные риски — так ей было стыдно за свой прокол. Проколоться дважды! Подвела святого отца, не оправдала его надежд, подвела братство и, что хуже всего, себя! Но тут же она решила, что чем дольше проживет, тем больше у нее будет шансов все исправить.

— А вы везучий человек, доктор Картер!

— Ну да, ты, видимо, и не собиралась меня убивать, — ответил он без намека на юмор.

Она улыбнулась. Выходило так, что сам дьявол оберегает этого наглеца, а Господь, по пока непонятным ей причинам, позволяет ему это делать.

— Господь испытывает всех нас, — сказала она, все еще не сводя с него взгляда.

— Похоже, ты проиграла. И упустила последний шанс. В следующий раз, когда получишь послание от своего Создателя, пусть он передаст его тебе лично.

— Еще не все кончено, — глухо отозвалась она.

В ответ он лишь горько рассмеялся:

— Для тебя — все.

Глава 22

Пещера Священного огня, Южная Иордания

Прекрасные глаза молодой девушки смотрели на него. Она нервно улыбнулась, и Изекьель ответил ей улыбкой.

— Успокойся, дитя мое, — шепнул он, взяв в руку старинный кинжал с бритвенно острым лезвием. — Это не займет много времени.

Он взял ее правую руку и притянул к себе, чтобы рука была прямо над оловянной чашей, стоящей на алтаре. Мягким движением поднял рукав ее ритуального платья, обнажил локоть. Потом с большой осторожностью провел кончиком церемониального кинжала вверх и вниз, чтобы ее кожа ощутила прикосновение стали. Он почувствовал, как напряглась ее рука, когда холодный клинок, шекоча, прошелся по ее плоти. Он остановился на мгновение, потом одним привычным движением сделал разрез. В глазах девушки отразилась боль, но она прикусила губу и ничем больше не выдала своего страха. Он сделала поперечный разрез, образовав крест. Затем положил кинжал рядом с чашей и повернул руку, чтобы кровь из раны стекала в нее. Когда он насчитал восемь алых капель, кровь начала сворачиваться. Этого было достаточно.

Он опустил указательный палец левой руки в алую жидкость и нарисовал красный крест на гладком лбу девушки.

— Твоя кровь — это его кровь, — торжественно произнес он. — Твое тело — его тело.

Ее голос дрожал от страсти.

— Я отдаю ему свою плоть, дабы он мог спасти мою душу!

Он одобрительно кивнул:

— Да будет он спасен!

Уже немного освоившись, она ответила ему улыбкой:

— Дабы он мог спасти праведных.

Брат Хаддад, глава регионального отделения братства в Святой земле, откуда была родом новообращенная, протер ее крестообразную рану мазью, и девушка — новый, самый юный член братства — вернулась на свое место.

По пещере прошел общий вздох облегчения — девятнадцать новообращенных и свидетелей церемонии посвящения. Первое кровопускание всегда сильнее всего будоражило нервы.

А Изебель уже приветствовал следующего новичка, принимаемого в братство, — юношу из Иерусалима, предложив ему вытянуть руку над чашей. Надрезая кожу, Изебель думал, как красиво смотрится эта группа из двенадцати мужчин и восьми женщин в белых одеждах. Отличное пополнение. Оно поведет братство дальше, в будущее. По большей части это были дети нынешних братьев или близких друзей — за всеми внимательно наблюдали с самого их детства. Около двадцати человек собрались в задней части пещеры, подчеркивая тем самым торжественность церемонии и, несомненно, вспоминая сейчас тот день, когда они проходили этот обряд.

Когда третий новичок встал со своего места, подошел к алтарю и протянул руку, Изебель де ла Круа и сам вспомнил, как восемнадцатилетним был привезен сюда отцом из Дамаска, где они жили. Вспомнил тяжкое бремя ожидания, которое отец, член Внутреннего круга, возложил на его плечи. Уже тогда Изебель готовили к моменту, когда он станет лидером, главой братства.

В то время лишь мужчины могли стать полноправными членами братства, но кровавые церемонии посвящения были тогда гораздо более значительными и величественными — в них участвовали иногда шестьдесят и более посвящаемых. Молодежь нынче утратила способность быть всецело преданной делу, подчиняться строгой дисциплине. Все меньше и меньше кандидатов внушают доверие, что они полностью посвятят себя братству.

И все же он только что потратил два часа, разъясняя законы и правила братства, напоминая новообращенным историю секты и смысл ее Первого императива. Рассказывал об индивидуальных обязанностях, о том, чего будут ожидать от каждого из посвященных, заверял, что он достигнет высокого уровня в сфере избранной деятельности, дабы наилучшим образом служить братству. Всем было известно, что есть братья и сестры, занимающие высокие посты в крупнейших церквях мира, в бан-

ках, больницах, в армии и полиции, в средствах массовой информации. И все они всегда пребывали в постоянной готовности немедленно прийти на зов.

Единственная область деятельности братства, о которой ни Изекьель, ни другие члены Внутреннего круга ничего не сообщали новичкам, был Второй императив. О нем имели право знать исключительно шесть членов Внутреннего круга и двое исполнителей.

Девушка, вставшая сейчас перед Изекьеlem, напомнила ему юную Марию Бенарьяк. Что Мария совершенно особенная, он понял еще в первый раз, когда увидел ее колдовские глаза. Когда же мстительная мать Клеменца рассказала ему, что Мария в детстве сочиняла всякие небылицы, он еще больше уверился в том, что она избранная. Выдумки восьмилетней девчушки, вероятно, были просто фантазиями ребенка, страдающего от одиночества. Став взрослее, Мария полностью отреклась от них, заявив, что ничего не помнит. Все эти небылицы, совершенно невероятные в устах ребенка, свидетельствовали по меньшей мере о ее богатом воображении и творческих способностях.

Иzekьель, разрезав кожу на руке стоящей перед ним молодой особы, теперь бесстрастно наблюдал, как она старается сдерживать слезы. Мария тогда даже глазом не моргнула, лишь взглянула на него с нескрываемой гордостью, когда лезвие вспорол ей руку. Он сожалел о том, что они поссорились. Уж он-то знал, как резко она отреагирует на их сделку с Картером. Но был поражен, услышав, что Мария полностью игнорирует все послания и приказы брата Бернарда. Это было на нее не похоже.

Иzekьель напомнил себе, что, несмотря на излишнее рвение, она остается преданной и ему и братству. И скоро с ним свяжется, и тогда они с Бернардом решат, что с нею делать дальше.

От Марии его мысли перескочили на доктора Картера. Готовя к церемонии нового кандидата, молодого человека из Бейрута, Изекьель вспомнил, в какой восторг пришел весь Внутренний круг, когда доктор Картер вернул им обе реликвии и

сообщил об обнаружении трех редких генов. Теперь им оставалось только ждать, пока Картер снова выйдет с ними на связь и сообщит о своих успехах в поиске аналога этого генома. По словам Хеликса, если такой геном имеется в любой из баз данных ДНК, они узнают об этом всего через несколько недель, возможно даже и раньше. Изекьель ощутил, как его охватывает возбуждение, такое сильное, что он вынужден был сделать над собой усилие и напрячь руку, державшую церемониальный кинжал.

Кровавая церемония продолжалась еще час. После чего он отпустил свои мысли в блаженные размышления о том, что они уже совсем близки к цели — к осуществлению пророчества и к исполнению всех своих обязательств.

Но едва он успел закончить свою заключительную речь, как увидел, что брат Бернард делает ему знаки. Хеликс также махал ему рукой, подзывая, и даже на расстоянии было видно, что он необычайно взволнован. Вероятно, опять какие-то новости. Изекьель быстро завершил свое выступление и передал полномочия брату Хаддаду.

Втроем они уединились в одном из примыкающих помещений.

— Новости от Картера? — спросил Изекьель. — Он нашел мессию?

Бернард обеспокоенно оглянулся на Хеликса, потом опустил взгляд на носы своих ботинок:

— Нет, святой отец. Вернее, не совсем. Речь о Немезиде.

— О Марии? Вы нашли ее? Где она?

— Мы не нашли ее, — тихо ответил Бернард. — Ее нашло ФБР.

— Что?! — Радостное возбуждение Изекьеля тут же спало.

— Судя по сообщениям, — вступил Хеликс, — получается, что она пыталась убить Картера. Но кто-то помешал ей. Сейчас она под арестом.

— Под арестом?

— Ее разоблачили, идентифицировали как Проповедника, — продолжал Хеликс. — И при наличии огромного количества улик против нее она немедленно пойдет под суд, через несколь-

ко недель — возможно, дней. Если ее признают виновной, что, несомненно, и произойдет, ее тут же казнят.

— Вопрос в том, что нам делать в этой связи, — вставил Бернард.

Хеликс помолчал.

— Можем ли мы быть уверены, что она нас не выдаст? — задал он наконец свой вопрос. — Или нам необходимо что-то предпринять?

— Конечно, она нас не выдаст, — возразил Бернард. — Мы же ее готовили! Каковы бы ни были ее недостатки, предательство в их число не входит.

— Я тоже так считаю, — произнес Изекьель.

Хеликс прокашлялся, явно недовольный.

— При всем моем уважении к вам, святой отец, вы все же ошиблись в том, что она не посмеет вас послушаться и не будет более преследовать этого ученого.

Иzekьель де ла Круа резко обернулся к Поборнику Первого императива:

— Брат Хеликс, ты не знаешь Марию. Она послушалась нас, потому что верила в то, что делает. Она, вероятно, слишком ревностна, даже догматична. Но последнее, что она может сделать, — это выдать нас властям. Нет, она останется верной нам и безропотно примет кару.

Хеликс пожал плечами:

— Значит, мы можем забыть о Марии? И сосредоточиться на докторе Картере?

Иzekьелю не нравилось, что два императива братства пришли сейчас в противоречие. У него были личные сожаления по поводу Марии, однако, что более важно, братство потеряло своего самого эффективного исполнителя. Хорошо еще, что Картер остался жив, в противном случае ущерб был бы нанесен обоим императивам. Он кивнул Хеликсу:

— Да, мы оставим Марию на усмотрение судебной системы США, а сами сосредоточимся на Картере. Но если он не найдет для нас аналог, то я лично прослежу за тем, чтобы Гоморра его прикончил. И всех остальных, занятых в проекте «Кана».

Четыре дня спустя. Больничный отсек «Джиниус», Бостон

У Тома было отличное настроение, когда он просматривал историю болезни своего пациента. Даже боль в перевязанной руке была вполне переносимой. По словам Карен Тэннер, при том количестве улик, которыми располагало ФБР против Проповедника, преступница очень скоро прочтет свою последнюю в жизни молитву — перед палачом.

События развивались в нужном направлении. Убийца призвана к ответу. Аналог генов из Назарета обнаружен. От ДНК этого умершего Аля Пуйяну пользы, конечно, столько же, сколько от самих генов из Назарета, однако есть по крайней мере свидетельства, что он мог исцелять больных. И в довершение всего Хэнк Полански выглядел просто отлично, он явно поправлялся.

— Ну что, док? — спросил Хэнк, садясь на кровати. — Как у меня дела?

Полански выглядел сейчас совершенно другим человеком. Ничего общего с тем мертвенно-бледным пациентом с запавшими безжизненными глазами. Всего несколько месяцев назад к нему начали применять лечение с использованием плодов геной инженерии. И каков успех! Сестра Лоуренс стояла рядом с кроватью Хэнка, наблюдая за капельницей, от которой к катетеру в его руке тянулась трубка. В баллоне капельницы, подвешенном на штативе, была красная жидкость.

— Выглядишь ты замечательно, Хэнк, — не сдержался Том.

— Ага. И чувствую себя намного лучше!

Том улыбнулся, продолжая читать историю болезни. Да, дела тут действительно шли хорошо. Он взял рентгенограмму и показал ее Хэнку:

— Первичные опухоли у тебя в легких перестали расти и даже начали уменьшаться в размерах. А три вторичные и вовсе исчезли.

— Значит, эти жалкие шансы, эти пятнадцать процентов сработали?

— Пока да, Хэнк. Однако нам по-прежнему надо наблюдать за тобой. Полного излечения придется ждать долго, на это уйдут годы. Но положение явно улучшается.

Хэнк засмеялся:

— Ну еще бы! Я все еще жив, так ведь? Вот это я назвал бы самым явным улучшением!

Том улыбнулся и ничего не сказал. Хэнк теперь уже не стоял на пороге смерти, но еще не покинул зал ожидания, хотя положение явственно изменилось в сторону выздоровления. Том попрощался с Хэнком и пошел дальше по палате. Осматривая других пациентов, он подумал о проекте «Кана» и даже позволил себе минутную головокружительную фантазию. Если им удастся заставить эти гены работать, тогда, возможно, они смогут спасти любого Хэнка и любую Холли в мире. Он обвел взглядом палату и представил себе всех лежащих тут больных выздоровевшими. Палату придется закрыть, раз в ней никого не будет!

Если бы только Джасмин сумела выяснить имя человека, которому принадлежит геном, обнаруженный ею в «Черной дыре»! Жаль, что этот аналог, найденный в парижской базе данных, не был обозначен никаким именем, а имел только индекс 6699784. Жаль также, что Джасмин не удалось скопировать весь геном, а одну только генетическую последовательность, соответствующую генам из Назарета. Иначе они задействовали бы программу «Ген-Джинн» и воссоздали бы внешность обладателя генов.

И все-таки они знают, что аналог существует у живого человека и в какой базе данных он зафиксирован. Теперь только вопрос времени, чтобы Джасмин снова залезла в «Черную дыру» и нашла там имя, скрытое за кодовым номером. Имя спасителя братства и Холли.

— Том?

Он обернулся. К нему шел Алекс. И он вдруг утратил все свое хорошее настроение. Прежде чем отец успел произнести хоть слово, Том уже понял, что он принес скверные новости. Алекс сегодня возил Холли в больницу «Массачусетс дженерал» на очередное сканирование головного мозга. И по его мрачному виду было понятно, что сканирование дало положительный результат. Хотя Том отлично помнил, что приговор, записанный в программе ДНК его дочери, в любом случае когда-ни-

будь осуществится, точность пророчества сейчас, когда оно стало физической реальностью, повергла его в смятение.

Холли в тот вечер прочитала в газете о том, как поймали Проповедника. Она сказала Тому, что восхищается его мужеством и мужеством своей крестной матери. И мимоходом пожаловалась на головные боли и головокружение. Сказала еще, что, хоть она и забросила свои компьютерные игры, боли так и не прошли. Он выслушал ее и ничего не ответил. Просто дал две таблетки обезболивающего.

Потом Картер долго изучал затемнение на снимке. Было ясно, что раковая опухоль у Холли не только начала развиваться, но развитие шло с пугающей скоростью. Так что действия Джасмин приобрели теперь еще большую актуальность. Однако что бы ни произошло в рамках проекта «Кана» и когда бы это ни произошло, Холли не могла этого дожидаться. Необходимо было сказать ей прямо сейчас, что с нею происходит и что требуется, чтобы ей помочь. Он всегда сообщал своим пациентам о серьезности их заболевания, бесчисленное множество раз, и, как он надеялся, проявлял при этом достаточные сострадание и гуманность. Но сообщить о болезни своему единственному ребенку — это совсем другое. Он снова горько пожалел, что рядом нет Оливии. Она бы помогла ему.

На следующий день, после завтрака, он вышел с дочерью в сад. Стояло ясное весеннее утро, середина апреля, вся трава была в росе. Цвели растения, что Оливия посадила прошлой осенью. Буйство красного и желтого. Свежий воздух нес с собой жизнь и обновление.

Садовник возился с кустами роз в дальнем конце лужайки. Он поднял голову, оторвавшись от своего занятия, и улыбнулся из-под козырька выцветшей бейсбольной шапочки с логотипом «Бостон ред сокс».

— Доброе утро!

— Доброе утро, Тед, — в унисон ответили Холли и Том.

Давно вышедший на пенсию, Тед уже лет семь помогал Оливии в саду, хотя бы раз в неделю. Но после ее смерти он стал приходить почти каждый день, продолжая делать то, что

они запланировали вместе. Том не раз пытался заплатить ему за труды, но Тед отказывался. Сняв шапочку и почесав коротко стриженные седоватые волосы, он всегда грустно улыбался и говорил: «Спасибо, доктор Картер, только мне в моем возрасте совсем нечем заняться. А кроме того, это мой способ оставаться поближе к Оливии. Понимаете?»

Том понимал. Но помнил также, что Тед вдовец и не имеет ничего против более тесных отношений с Марси Келли.

Том держал Холли за руку. Пока они пересекали лужайку, штанины ее свободных джинсов вымокли от росы.

— Ты знаешь, отчего у тебя эти головные боли, Хол? — спросил Том.

Она поддала кроссовкой какой-то мокрый листок.

— От компьютера, да?

— Нет, Холли, не от компьютера.

Она подняла на него глаза и наморщила лоб. Это выражение он у нее видел и раньше.

— Отчего тогда?

Том остановился и опустился на траву рядом с нею.

— Прежде всего, Холли, — тут он улыбнулся, — не пугайся. Мы с этими головными болями справимся, и у тебя снова все будет в порядке. Это понятно?

— Да, папа, — спокойно ответила она. Ее широко поставленные глаза смотрели на него с полным доверием, и от этого взгляда у него сжалось сердце.

— Ты ведь вчера ездила с бабушкой на медосмотр, так?

— Ага.

— И ты знаешь, что тебе сканировали головной мозг, чтобы проверить, все ли там в порядке. Ну так вот, там все в порядке — за исключением одной шишки.

— Шишки? — Холли непонимающе снова наморщила лоб.

— Да. Помнишь, как я однажды стукнулся головой о дверь в погребе у бабушки? И у меня на лбу вскочила шишка?

— И мама обозвала тебя рогатым? — заулыбалась она.

— Вы все тогда называли меня рогатым! — Том скорчил страшную гримасу.

Улыбка Холли расплылась еще шире.

— Нет, дедушка называл тебя носорогом!

— Так вот, твоя шишка не совсем такая, потому что она внутри. Моя шишка болела, потому что это был ушиб. А твоя болит, потому что она давит на мозг. От этого у тебя временами возникают головные боли и тошнота с головокружениями.

Холли нахмурилась, потом медленно покивала:

— А откуда она у меня взялась?

— Понимаешь, с моей шишкой я сам был виноват — врезался головой в притолоку. А у тебя — тут никакой твоей вины нет. Тебе просто очень не повезло. Что-то неправильное случилось с клетками у тебя в голове, и от этого образовалась шишка.

— Почему?

— Представь себе клетки своего тела — они как школьники, которым следует хорошо и правильно себя вести, чтобы тело оставалось здоровым. Но иногда, по каким-то непонятным причинам, некоторые из школьников вдруг перестают слушаться учителей и родителей. И когда такое происходит, они плохо влияют и на всех остальных. Отсюда и расстройство.

— И тогда мы заболеваем?

— Точно.

— А когда эта шишка исчезнет?

— Понимаешь, Холли, сама по себе она не исчезнет. А поскольку она у тебя внутри, от нее трудно избавиться. Но ты не волнуйся, мы тебя от нее освободим. Первым делом начнем давать тебе лекарства, чтобы уменьшить опухоль. А потом, может быть, нам придется удалить эту шишку.

— Как плохих детей выгоняют из школы?

— Точно. Но тебе придется быть очень храброй. Лечение легким не будет. И тебе придется некоторое время побыть в больнице.

Холли склонила голову набок. Так делала Оливия, когда что-то сосредоточенно обдумывала.

— А лечить меня будешь ты?

— Если хочешь, я. Другие будут помогать, а лечащим врачом буду я.

— А я могу лечь в твою больницу, у тебя на работе?

— Конечно.

Казалось, она долго взвешивала полученную информацию, прежде чем удовлетворенно кивнуть. Услышанное ее вроде бы совсем не испугало, даже не очень удивило или расстроило. Она часто бывала у него на работе и нередко заходила в палату, общалась с больными. И сейчас каким-то образом даже стремилась поскорее оказаться одной из этих особых пациентов, которым — она сама это видела — он уделял столько времени и внимания. Это абсолютное доверие облегчило ему задачу сообщить ей о болезни, однако одновременно его ужасала реальная возможность это доверие обмануть.

— Тебе придется трудно, — еще раз повторил он. Обычно ему приходилось убеждать пациентов верить в лучшее после того, как он сообщал им плохие новости. С Холли же было иначе — нужно было умерить ее оптимизм.

— А Дженнифер и Меган смогут меня навещать? — спросила она.

— Конечно.

— И компьютером можно будет пользоваться?

— Можно. Сколько угодно.

Она снова задумалась на минутку, потом кивнула:

— И я буду больше тебя видеть?

— Конечно. В любое время, когда захочешь. Днем и ночью.

Я все время буду рядом.

Через неделю. Бостонский центр временного содержания

К 24 апреля Мария находилась в заключении в Бостонском центре временного содержания меньше двух недель, но уже возненавидела это заведение. Дело было отнюдь не в предстоящем суде и возможном смертном приговоре, она даже радовалась допросам, которые вела Карен Тэннер, — они были для нее своего рода развлечением. Что она ненавидела, так это собственное состояние: она совершенно утратила контроль над собой и ситуацией. В камере ей не разрешалось держать свет все время включенным, нельзя было должным образом упраж-

няться и брить голову. А поскольку у нее забрали все острые и режущие предметы, она не имела возможности доставить себе облегчение с помощью обычного кровопускания. Поэтому ей приходилось держать себя в руках, сосредоточив все внимание на одной-единственной задаче: как выбраться отсюда и оставить доктора Картера.

Ее кандалы на ногах звякнули, когда она вошла в комнату для допросов, чтобы встретиться со своим — очень дорогим — адвокатом, Хьюго Майерсом. Она села напротив и стала его рассматривать: аккуратно подстриженные серебристо-седые волосы, почти такого же цвета серебристо-серый костюм. Надо же... Ему нет и пятидесяти, а выглядит как второразрядный актеришка из телевизионного шоу. Но адвокат он очень хороший, особенно в той области права, которой занимается. Даже при том, что все, чем он до сих пор помог ей, заключалось в разъяснении, как мало он для нее может сделать без ее помощи. Он появился буквально через пару часов после ее ареста, предложив свои услуги в обмен всего лишь на сопутствующее этому делу паблисити. Ей даже не пришлось обращаться к своему счету в «Чейз Манхэттен», открытому как раз для подобного случая.

Охранники защелкнули цепочку ее наручников на кольцо, закрепленном в середине стола, за которым они сидели. Она на это бегло улыбнулась. Может, она и утратила контроль над собой и ситуацией, но они все же выказывают ей должное уважение.

После обмена приветствиями Хьюго Майерс задал ей тот же вопрос, который задавал всю прошедшую неделю.

— Итак, — начал он, останавливая на ней взгляд своих мутных глаз, выражавших самую глубокую искренность, какую только можно купить за деньги, — вы уже решили, пойдете ли вы на соглашение с правосудием?

— Да как же? Я ведь уже говорила людям из ФБР, что не понимаю, о чем они толкуют.

Хьюго Майерс приподнял тонкую бровь, потом составил ладони домиком.

— Послушайте, Мария, если фэбээровцы не смогли четко и ясно сформулировать на последней встрече, чего они от вас

хотят, тогда позвольте мне разъяснить вам некоторые вещи. Скотленд-Ярд пригласил людей из ФБР посетить вашу лондонскую квартиру. Они видели вашу необычную коллекцию оружия, парики и грим. Но самое главное, они ознакомились с содержимым всех ваших аккуратно собранных папок, с подробными досье на жертв убийств, совершенных на протяжении последних примерно тринадцати лет. У них также ваша необычная ручка со сделанным на заказ пером и показания того единственного парня, занесенного в ваши досье, который остался в живых. Этот доктор Картер — уважаемый ученый; он сделал официальное заявление о том, что вы два раза пытались его убить и что во время первой попытки жертвой оказалась его жена. Это заявление подтвердила его коллега, доктор Уошингтон, тоже известный ученый. Да, конечно, никто не видел, как вы убивали четверых охранников в кампусе «Джиниус», но пули были выпущены из вашего пистолета.

Он помолчал долю секунды и продолжил:

— Завтра ваша кровь будет доставлена в лабораторию ФБР на анализ ДНК. И если ваш генетический код совпадет с ДНК крови на месте убийства Фонтаны, федералы установят прямую связь между вами и Проповедником со всем им содеянным. Картина ясна? Я ваш защитник, но даже я считаю, что положение складывается скверное. В принципе, если мы не договоримся о сделке с правосудием, вам какую. Из тех досье, что ФБР обнаружило в вашей квартире, им стало ясно, что кто-то оказывал вам помощь. По сути дела, они убеждены, что вы действовали по чьей-то указке. И если вы скажете им, откуда у вас эти папки, окружной прокурор обещал пойти на сделку.

— Ни по чьей указке я не действовала. Только по воле Господа.

Хьюго Майерс потер подбородок и медленно кивнул, явно стараясь сохранить хладнокровие.

— Мария, вы слышали такую песенку: «Пусть платит преступник, а не налогоплательщик!»? Это главный слоган президента в его кампании «Криминал-2000». Эта его война с кри-

миналом — хороший способ привлечь голоса избирателей, и большинство губернаторов штатов тоже в нее включились. Неужели вам не известно, что большая часть судебных дел по обвинению в убийстве после марта 2000 года проходила по ускоренной процедуре? То есть они завершались менее чем за две недели. Суд над вами начинается послезавтра и закончится дней через десять, даже раньше.

Мария молчала.

— Думаю, вам интересно будет узнать, что процедура смертной казни теперь иная. Либералы всегда вопили, что ожидание казни в камере смертников в течение десяти лет или даже больше — это негуманно, а крайне правые уже давно исходят слюной, рассказывая всем о стоимости содержания в тюрьме этих «уже мертвых». А теперь все просто счастливы: после принятия нового закона самый длительный срок содержания в камере смертников составляет тридцать семь дней. Правосудие в стиле «Макдоналдс». Все делается быстро и все довольны. — Майерс сделал паузу и снова вперил в нее взгляд своих мутных глаз. — Если вы не согласитесь сотрудничать с правосудием, то жить вам максимум пару месяцев. Так скажите же им, на кого вы работали, и я наверняка сумею договориться, чтоб вам дали только пожизненное заключение!

Мария нахмурилась. Выдать братство этим безбожникам? Каким бы слабым ни оказался Изекьель, братство — единственная семья, какую она знала в жизни, и по-прежнему единственная надежда на защиту праведных и отыскание нового мессии. Даже если она их выдаст, это не поможет ей прикончить доктора Картера. Она вознесла молчаливую молитву Господу, прося наставить ее на путь истинный.

— А если я заявлю, что невиновна? — спросила она, наслаждаясь эффектом, который этот вопрос произвел на ее истощавшего все свои доводы адвоката.

Он закатил глаза и испустил тяжкий вздох:

— Невиновна?! С такими-то уликами?!

— Да, невиновна. В глазах Господа я невиновна. Полностью невиновна.

— Если завтра результаты сканирования вашей ДНК окажутся положительными, в глазах властей штата Массачусетс вы будете выглядеть совершенно иначе!

— А я-то думала, что вы будете меня защищать. А не только разжевывать мне, что именно со мной может случиться. Конечно, если вы не хотите больше участвовать в этом громком деле, я найду себе другого адвоката.

Серебристо-серые плечи опустились в полном разочаровании.

— Значит, невиновна...

— И никогда не была ни в чем виновна! И уж тем более не так виновна, как те, в чьих убийствах меня обвиняют. Да и в любом случае мне в общем-то безразлично, что решат присяжные.

— Ну и ладно, — сухо подвел итог Хьюго Майерс. — Должен только предупредить, что если вы и впрямь заявите о своей невиновности, у вас будет столько же шансов на оправдательный приговор, сколько на избрание президентом США.

Неделю спустя. Отдел обработки информации, штаб-квартира компании «Джиниус», Бостон

«И какого черта никогда не удастся ничего добиться простым способом?» — размышляла Джасмин, протягивая руку через стол за банковской колой. Приложила ледяную банку ко лбу — никаких новых идей. Иссякли. Что бы она ни пробовала предпринять, ей так и не удавалось за отпущенный минутный срок выдоить из «Черной дыры» информации больше — только все тот же закодированный номер и цепочка генома.

Эти три недели после ареста Марии Бенарьяк она была безумно занята — давала показания и скрывалась от телевизионных камер. Здорово помог Ларри. Со СМИ и с внезапно свалившейся на нее славой нужно было что-то делать, и его связи как кинопродюсера пришлись весьма кстати. Он притащил сюда одного из своих голливудских специалистов по связям с прессой и приставил его к Тому и к ней в качестве официаль-

ного представителя, занимающегося всеми запросами по поводу «спасения жизни доктора Картера» и «героической поимки Проповедника лауреатами Нобелевской премии». Избавившись от назойливого внимания масс-медиа, она наконец смогла вздохнуть спокойно и обдумать то, что произошло.

Забыв теперь о Проповеднике, Джасмин никак не могла примириться с тем фактом, что уже обследовала все существующие базы данных ДНК и нашла целых два аналога генов из Назарета, включая недавно скончавшегося Аля Пуйяну. Два человека из пятисот миллионов. А поскольку население всего мира составляет около пяти миллиардов, не могло ли это означать, что, принимая во внимание пропорцию, по земле разгуживает по крайней мере примерно двадцать человек, носящих в себе гены Христа? Эти избранные являлись исключительной редкостью, составляя исчезающе малый процент. Но они не уникальны. И кто из них настоящий мессия, если он вообще существует?..

И еще Джасмин все время приходилось бороться с собственными религиозными убеждениями. Это было непросто. В конце концов она сказала себе, что Христос был уникален по причинам духовным, но в результате случайного совпадения обладал к тому же этими тремя генами. Она отдавала себе отчет в том, что лишь обходит стороной главную проблему, однако намеренно продолжала отвлекать себя от смутных мыслей, работая до полного изнеможения и упорно пытаясь найти человека с нужными генами.

Она посмотрела на экран компьютера. Пока что ей удастся лишь пробиться в «Черную дыру» и добраться до файла 6699784. Но тех шестидесяти секунд, отпущенных системой «Хищник» до момента «поимки шпиона», ей не хватало, чтобы извлечь оттуда весь геном. Она все пыталась вытащить новые секции этой генетической последовательности, однако всякий раз, когда она проникала в базу данных, ей удавалось всего лишь добраться до цепочки, которая уже была в ее распоряжении. И конечно же, одного фрагмента генома было недостаточно, чтобы программа «Ген-Джинн» создала голографическое изображение этого человека. Не удавалось даже определить его пол.

Она открыла банку колы и отпила глоток. Потом бездумно нажала несколько клавиш и вошла в систему ИГ. Она не проверяла последние поступления в нее, собранные «Большой мамой», по меньшей мере за последнюю неделю. Все так же бездумно она «кликнула» по иконке с именем файла генов из Назарета и ввела его в окно «ИГ. Обновление памяти». Затем навела курсор на «Аналог данной последовательности» и снова нажала клавишу. И только в последний момент осознала, что щелкнула мышью вовсе не по иконке генов из Назарета, а по другой, иконке файла с цепочкой 6699784, извлеченной из «Черной дыры».

— Господи Иисусе! — Оказывается, она устала гораздо больше, чем ей казалось. Она хотела было передвинуть курсор, но тут на экране возникло сообщение «Аналог обнаружен». — Что?! — Джасмин судорожно подалась вперед. Не может быть! Душа ее сжалась, отозвавшись уколом тревоги, почти панической. Она немедленно «кликнула» по иконке генов из Назарета, введя ее в окно «ИГ. Обновление памяти». И впилась глазами в экран.

Она ждала.

«Аналог обнаружен», — появилось то же сообщение.

Два щелчка мышью — и она открыла полученный файл. Экран начал заполняться фотоизображениями. Их было три. Лицо человека в профиль слева, анфас, в профиль справа. Под снимками появились имя, фамилия и другие данные. Название базы данных, возникшее в верхней части экрана, подтвердило ей, что это точно тот самый человек, чей геном она отыскала в «Черной дыре». Но это едва задело ее сознание. Она смотрела и смотрела на фотографии. Лицо этого человека было ей так хорошо знакомо!..

Тем временем в другом конце здания, в больничном отсеке, Том не мог понять, радоваться ему или огорчаться. Этим утром Хэнк Полански выписывался отсюда, чтобы продолжить лечение дома. Том видел, как его исцеление воодушевило шестерых оставшихся пациентов. Жалел он только об одном — последняя поступившая больная была Холли.

Хэнк Полански подошел по очереди к каждому, тепло прощаясь и желая всего наилучшего. По его лицу было видно, что он отчетливо осознает, как здорово ему повезло, что сейчас он может покинуть этот эксклюзивный клуб тесно связанных несчастьем людей, до того как расстанется с членской карточкой клуба живущих.

— Пока, Холли, — сказал он, подходя к ее кровати. Ее прекрасные светлые волосы поредели после первого же сеанса химиотерапии, и выглядела она очень бледной. — Скоро и ты поправишься.

— Пока, Хэнк, — храбро улыбнулась она в ответ, шлепнув ладошкой по его ладони.

— Если опять застряну в стрелялках типа «Ярость Зарга», то буду знать, к кому обращаться за помощью, — расплылся в улыбке двадцатитрехлетний увалень.

— Ага, давай, — сказала Холли, пытаясь удержать на лице усталую улыбку.

Том был последним, к кому подошел Хэнк. В его глазах стояли слезы. Он начал было что-то говорить, но запнулся. Просто схватил Тома за руку и потряс ее.

— Спасибо, док. За все спасибо.

Том улыбнулся и похлопал его по плечу:

— Вот такая штука, Хэнк. Я рад, очень рад, что ты снова здоров. — Он действительно был рад. И когда Хэнк и его мать вышли из палаты, чтобы продолжать жить, о чем они еще совсем недавно и мечтать не смели, он вернулся обратно к Холли.

Карл Ламберт, нейрохирург из Национального института здравоохранения, работающий сейчас в «Джиниус», советовал немедленно применить точечную лазерную хирургию, но снимок показал, что опухоль у Холли недоступна для луча лазера. Риск вызвать паралич или кое-что похуже при малейшей ошибке был слишком высок. И Том решил попытаться замедлить рост опухоли, чтобы просто выиграть время, пока Джасмин найдет аналог генома и можно будет пустить в дело проект «Кана». Вместе с курсом химиотерапии эта стратегия замедления роста опухоли предполагала использование облучения и некоторых других средств вроде стероидов.

Но даже если эти меры сработают, они лишь на время сдержат развитие болезни, в конечном же итоге опухоль все равно придется оперировать.

Он подошел к Холли и сел рядом с ней на постель.

— Как себя чувствуешь, Хол?

Храбрая улыбка, которой Холли одаривала Хэнка, вдруг погасла, и на глаза ей навернулись слезы.

— А мне почему нельзя уйти домой, как Хэнку?

Том почувствовал, как сжалось его сердце. Холли тяжело реагировала на лучевую терапию, ее все время тошнило. В палате не было других детей, чтобы она с кем-то могла отвлечься, а теперь еще и добродушный, веселый Хэнк уехал.

— Хэнку потребовалось время, чтобы поправиться, Холли, — сказал он как можно более веско. — А нам нужно поддержать тебя здесь и понаблюдать за тобой, чтобы обеспечить правильное лечение.

— Но мне тут не нравится! — заявила она с обидой, и по ее щекам потекли слезы. — Если бы мама была с нами, она бы забрала меня домой! — выкрикнула она и упала лицом в подушку. — Не хочу болеть! Ненавижу! Ненавижу! Все это ненавижу! — Ее худенькие плечи дрожали от рыданий.

Он склонился над нею, положил руку на затылок, погладил по волосам. Некоторое время он так и сидел, молча, пока ее рыдания не стихли и дыхание не пришло в норму. Он наклонился еще ниже и поцеловал ее.

— Потерпи, Холли, скоро тебе станет лучше.

Встав с кровати и предупредив, что через некоторое время вернется, он пошел в атриум. Но прежде чем он достиг двери, в палату ворвалась Джасмин, вся пунцовая от волнения, размахивая зажатым в руке листком бумаги.

Схватив Тома за руку, она потащила его в пустую приемную и там, сунув ему распечатку, выдохнула:

— Нашла я этого человека!

— Что? Что ты сказала?!

Он быстро развернул листок, но, едва взглянув, дико посмотрел на Джасмин.

— Этого твоего приятеля... Изекьяля... ждет большой сюрприз, — мрачно кивнула та.

Том онемел. Совершенно ошеломленный, он снова устоял в распечатку, не веря своим глазам.

Глава 23

Штаб-квартира компании «Джиниус», Бостон

Как только лимузин свернул в сторону кампуса компании «Джиниус», Изекьяль де ла Круа затеребил кольцо с рубином у себя на пальце. Его одолевали странные ощущения: кружащее голову возбуждение смешивалось с нервным ожиданием. Неужели он наконец получит ответ на все свои молитвы?

Ему с первого взгляда не понравилась эта пирамида из затемненного стекла. Она олицетворяла собой все, чего никогда не было и не могло быть в пещере Священного огня — высокомерие, дерзость, наглость. Архитектор не сделал и попытки вписать здание в окружающий природный мир. В отличие от пещеры братства, которая была создана столетия назад из уже образовавшегося в скале провала, это сооружение казалось воткнутым посреди зеленой лужайки кампуса — свидетельство полной несостоятельности в стремлении возобладать в мире, созданном Богом.

Де ла Круа не хотел сюда ехать. Не прибавила ему такого желания и необычная просьба Картера прислать сначала свою волосяную луковицу. Однако доктор Картер отказался сообщить ему по телефону подробности поиска аналога генов из Назарета, так что пришлось все же приехать. «Будет лучше, если мы обсудим все с глазу на глаз, — сказал Картер два дня назад. — Вы сами это поймете, когда приедете».

Иzekьяль не только ощущал страшное неудобство оттого, что явился сюда, в языческий храм своего врага, но его еще и преследовала мысль, что это может оказаться ловушкой. Если Мария предала его и братство, тогда лучшего способа аресто-

вать его и не придумать. Он обсудил этот вопрос со старейшинами, и они пришли к выводу, что это крайне маловероятно. В любом случае, если бы их предали, власти уже давно устроили бы рейд в пещеру. Однако, принимая меры предосторожности, он просил брата Хеликса вкратце разъяснить ему научную сторону проблемы, а в Америку отправился один. Если ему подготовлена ловушка, жертвой станет только он. И брат Хеликс тогда займет его место и с помощью брата Бернарда поведет братство дальше, к поставленной цели.

Он продолжал смотреть в окно, когда лимузин, ожидавший его в аэропорту Логан, подкатил к главному входу. Картер уже ждал на подъездной дорожке. Рядом с ним стояла молодая темнокожая женщина с тонкими чертами лица и короткой прической «афро». Он догадался, что это и есть доктор Уошингтон.

Он вышел из машины, обменялся приветствиями со своими хозяевами, и его быстро проводили в здание. Сегодня, в субботу, в мощенном мраморными плитами атриуме было тихо, как в гробнице. Несмотря на то что ему совершенно не понравился внешний вид здания, он не мог не восхититься воздушностью и прелестью внутреннего дворика. Особенное впечатление произвела на него разноцветная голограмма, взлетающая к самой верхушке пирамиды атриума. Красота этой причудливо сверкающей и переливающейся разными оттенками структуры резко контрастировала с безыскусной белой чистотой Священного огня. Когда стеклянный лифт поднимал их мимо второго этажа на следующий уровень, он поразился обилию света и огромным пространствам интерьера.

Выйдя из лифта, они приблизились к стеклянной двери с табличкой «Лаборатория имени Менделя. Посторонним вход воспрещен». Здесь Изекьелю представили Боба Кука и Нору Лутц.

— Они оба помогали нам в анализе генов из Назарета, — объяснил Картер. — И хотели бы познакомиться с вами.

— Это вся группа, занятая в проекте «Кана»? — спросил Изекьель, имея в виду их четверых.

— Да, я решил держать это, насколько возможно, в тайне.

— Очень мудро, — заметил святой отец, одобрительно кивнув. «Это только облегчит нам дело впоследствии», — подумалось ему. — Действительно, очень мудро.

Ученый и его группа повели его затем в помещение, полное стеклянных колб и пробирок, рабочих столов, гудящих приборов и аппаратов, мигающих индикаторов и устрашающих предупреждений:

Внимание! Биологическая опасность!

**Опасно для жизни! Температура 180 градусов.
При работе всегда надевать термозащитные перчатки!**

Бромистый этидий. Избегать попадания на кожу!

Это была враждебная среда, холодная, неестественная. «Дивный новый мир»*, к которому он не желал иметь никакого отношения. И он с облегчением вздохнул, когда доктор Картер провел его еще через одну дверь с табличкой «Конференц-зал имени Фрэнсиса Крика». Здесь он увидел привычный стол для заседаний и стулья, проекционный экран и еще странный прибор в углу, похожий на огромного механического черного лебедя. На полу перед ним чернели две круглые подставки.

Изебель сел рядом с Бобом Куком и принял из рук доктора Уошингтон чашку кофе.

— Прежде всего, мистер де ла Круа, спасибо, что приехали, — начал Картер. — Вы сейчас поймете, почему я просил вас прислать мне вашу волосяную луковицу. Но прежде мне хотелось бы ознакомить вас с тем, что мы обнаружили.

Он передал слово Джасмин Уошингтон, и в течение следующих тридцати минут та рассказывала, как действует похожий на лебедя прибор — геноскоп.

Изебель внимательно слушал. Брат Хеликс уже объяснил ему большую часть основных положений генетики, но маленькая лекция здесь, в этом ярко освещенном, неприятном помещении, вблизи странного аппарата, произвела на него впечат-

* «Дивный новый мир» — название романа-антиутопии английского писателя Олдоса Хаксли (1894—1963).

ление гораздо более внушительное. Он был поражен и пришел в ужас, поняв, каким могуществом обладают эти люди.

Он ничего не сказал, когда Джасмин закончила, но открыл в изумлении рот, увидев перед собой голографическое изображение мужчины. Поначалу он восхитился магической силой аппарата, создающего, казалось бы, живое, осязаемое изображение прямо в воздухе, потом, к собственному ужасу, осознал, что этот молодой человек, тонкий, но жилистый на вид, — он сам шестьдесят лет назад. Он ощутил приступ грусти, глядя на призрак своей молодости. На человека, которого он знал когда-то, но которого уже давно нет.

— Голограмма демонстрирует человека в том возрасте, в каком у него была взята клетка для анализа. Но ДАН может экстраполировать имеющуюся информацию, если нам понадобится голограмма того же субъекта в другом возрасте, — пояснила Джасмин. — В данном случае программа рассчитана на возраст около тридцати лет.

— Невероятно! — тихо произнес он, более, чем когда-либо, убежденный, что Картер страшно опасен. — Совершенно невероятно!

Картер принялся объяснять, как геноскоп обнаружил три новых гена в ДНК, взятой из материала, хранящегося в пещере. Изекьель слушал, как ученый описывает свойства так называемых генов Наз-1 и Наз-2 и говорит о невозможности распознать свойства третьего гена и поисках аналогичного генома. Но прежде чем Изекьель успел понять все это, на второй круглой подставке возникла еще одна фигура — выше ростом, с длинными каштановыми волосами. Мудрый взгляд умных карих глаз на узком лице, казалось, проникал Изекьелю в самую глубину души.

— Возраст Христа — около тридцати лет, — буднично пояснил Картер. — Тот же возраст, что и на вашей голограмме.

Иzekьель с минуту молча смотрел на оба миража, пытаясь разобраться в своих чувствах. Что он испытывает? Отвращение к тому, что этот атеист воссоздал облик Господа? Или радость, что он, Изекьель де ла Круа, — единственный глава братства, если не считать его основателя, кто собственными глазами видит лицо мессии?

— И вы можете сделать такое просто по соскобу с зуба? — спросил он наконец.

— Да, — тихо ответил Картер. — Точно так же, как по волосяной луковице.

Изебель был поражен увиденным, тем, чего они здесь добились. Картер превзошел самого Икара, подлетевшего так близко к солнцу. Он манипулирует вещами, составляющими саму божественную сущность. Слова его, правда, звучат вполне уважительно, почти смиренно, но все равно Изебель сейчас испытывал к нему самую настоящую ненависть. Теперь он понял, почему Мария была столь непреклонна в своем желании остановить чудовищные устремления этого человека. Картер не просто сорвал запретный плод с дерева познания — он очистил от плодов все его ветви.

Несмотря на эти умозаключения, Изебель сохранял невозмутимое выражение лица и думал о причинах, приведших его сюда.

— А как насчет аналога? Вы сказали, что нашли его.

Возникла пауза. Уошингтон и Картер обменялись взглядами, в которых Изебель заметил беспокойство.

— Мы знаем человека с аналогичным геномом, — ответил наконец Картер. — Но тут есть одна проблема...

Тон ученого удивил Изебеля.

— Проблема? Что вы имеете в виду? Вы не можете его найти?

— Нет, нам точно известно, где находится этот человек, — сказал Картер. — Но тут все не так просто, как кажется.

— Позвольте мне объяснить, — вмешалась Джасмин Уошингтон, придвигая свой стул ближе к черному микрофону, стоявшему в конце стола. — Я нашла этот аналог в базе данных Интерпола. Это справочная база, она находится в Париже. В ней нет подробной информации, она служит как бы каталогом для перехода в другие связанные с ней базы данных по всему миру. Скотленд-Ярд, ФБР и все крупные международные полицейские организации — все они связаны с ней. Это весьма конфиденциальная база данных, она очень хорошо защищена, потому что хранит сведения о любом человеке из любого полицей-

ского досье в любой стране мира. — Джасмин передохнула и продолжила: — Для обеспечения дополнительной безопасности все геномы, хранящиеся в системе, имеют лишь кодовый номер. Я нашла аналог три недели назад, но не могла выяснить имя человека, скрывающееся за этим номером. Но на прошлой неделе эта ДНК снова попала на сканирование. И на этот раз геном того субъекта попал в нашу базу данных ИГ, равно как и в парижскую базу данных Интерпола.

Изебель нахмурился:

— Стало быть, у вас есть аналог. В чем же проблема?

— Она в том, как вы сами на это посмотрите.

— Что вы хотите сказать?

— В базу данных занесены геномы подозреваемых или уже осужденных преступников.

Повисло напряженное молчание.

Изебель на секунду онемел, но чем больше он думал над создавшейся ситуацией, тем более естественной она ему представлялась. Разве Христос не был посажен в тюрьму? Разве первый мессия не был казнен, не был распят как обыкновенный преступник?

— Первый мессия также был назван преступником, а он был праведником.

Джасмин прокашлялась и скомандовала в микрофон:

— Дай изображение!

Изебель уже успел несколько успокоиться, даже дышал нормально, хотя язва желудка продолжала его донимать. Он откинулся на спинку стула и стал смотреть, как на экране медленно появляется лицо человека.

— Нет! — услышал он собственное восклицание, когда изображение полностью сформировалось. Все, о чем он сейчас мог думать, глядя на увеличенную вырезку из газеты, развернутую на экране, — это то, что произошла какая-то ужасная ошибка. Он почувствовал, как кислота бурлит у него в желудке, и полез за своими таблетками.

— Понимаю, для вас это настоящий шок, — быстро сказал Картер. — Я сам поражен не меньше вас. Но гены совпадают полностью, и они дают единственный возможный шанс на раз-

работку нового способа лечения. Мы намерены получить и исследовать образцы крови и разработать вирусные сыворотки на основе генов этого субъекта. Мы также рассчитываем получить разрешение на тщательный осмотр и изучение этого человека, чтобы попытаться выяснить, как гены работают в самом организме. Естественно, что бы мы ни обнаружили, результаты будут переданы вам. Но, я надеюсь, вы теперь понимаете, почему я счел необходимым пригласить вас сюда и представить вам этот аналог с глазу на глаз.

Изебель сумел ответить лишь слабым кивком. Он все понимал, даже лучше, чем сам доктор Картер. Он чувствовал, что ученый неотрывно смотрит на него, но не мог, не смел встретить его взгляд. Вместо этого он не сводил глаз с экрана, завоженный вырезкой из вчерашней «Бостон глоб». Набранный огромными буквами заголовок «Последняя молитва Проповедника?» и подзаголовок: «Смертный приговор будет вынесен почти наверняка». А под ними — фотография высокой, атлетически сложенной женщины, которую затаскивают в полицейский автомобиль, ее дерзкий взгляд прямо в объектив камеры, некогда чисто выбритая голова, поросшая теперь ровной щетиной.

И тут Изебель внезапно вспомнил свой давний кошмарный сон — как он, в точности как Понтий Пилат, стоит и смотрит на своего мессию, спасению которого он посвятил всю свою жизнь и которого сейчас казнят. И все его дряхлое, усталое тело пронзила невольная дрожь.

Три дня спустя. Верховный суд штата Массачусетс

— Подсудимая, встаньте. Сейчас будет зачитан вердикт, — громко произнесла судья Санча Эрнандес, поворачиваясь от присяжных в сторону Марии Бенарьяк. Марии судья не нравилась. Она напоминала ей ту жабу, там, в сиротском приюте на Корсике. Как и мать Клеменца, судья Эрнандес была крупной женщиной с большим животом и низким голосом и носила огромные очки. И так же как у матери-настоятельницы, у нее был

тяжелый, суровый взгляд, которым она буквально сверлила Марию.

Судья Эрнандес постоянно пресекала попытки Хьюго Майерса сделать судебное заседание открытым и поделиться со всеми своей версией, согласно которой это был заговор, а Мария была платным агентом какой-то правительственной организации. СМИ, вероятно, купились бы на это и потом раззвонили повсюду историю о наемном линчевателе, оплачиваемом из фондов ЦРУ, но не судья Эрнандес. Кроме того, она добилась, чтобы и присяжные на это не купились. Она строго придерживалась основного вопроса процесса, так что и дня не проходило без ее резких напоминаний и руководящих указаний:

— Настоящий процесс имеет целью определить виновность или невиновность подсудимой в сорока двух убийствах на территории США. Я не допущу никаких спекуляций на предмет того, что могло или не могло стать мотивом тех, кто мог или не мог платить подсудимой за то, что она совершала указанные убийства. Это предмет отдельного расследования и отдельного судебного процесса. Это понятно?

Было предельно ясно, что судья не только облегчила задачу окружному прокурору, но и сделала его участие в процессе практически ненужным. Как Хьюго Майерс и предупреждал Марию, улики против нее были убийственные. Результат анализа ДНК из крови, обнаруженной на розах в квартире Фонтаны, был неоспорим. Оружие и досье из ее квартиры вместе с многозначительными цитатами из Библии, написанными кровью жертв, связывали ее имя со всеми другими подобными смертями на территории США. Но самыми убойными были убийство четверых охранников компании «Джиниус» и показания доктора Картера и доктора Уошингтон. Аргументы обвинения едва ли были нужны. Вполне достаточно заставить великолепного, но задавленного уликами адвоката Хьюго Майерса признать факты — и Мария будет осуждена.

Когда Мария посмотрела на маленького, похожего на азиатского человечка, выступившего из ряда других присяжных и нервно вертящего в руках листок бумаги, она уже знала, какой вердикт зачитает сейчас этот старшина присяжных.

— По обвинению в преднамеренном убийстве Слая Фонтаны присяжные считают Марию Бенарьяк... виновной в соответствии с предъявленными обвинениями, — провозгласил старшина. Его слова эхом отдались в голове Марии. Затем, одно за другим, подобно экспонатам в какой-нибудь чудовищной галерее кровавого убийцы, были представлены имена других ее жертв: Хельмут Крогер, торговец оружием; Сантино Лука, гангстер; Бобби Дули, продажный проповедник-евангелист... И после каждого из них старшина заключал: «Виновна в соответствии с предъявленными обвинениями».

Когда он дошел до имени Оливии Картер, Мария повернулась к галерее для посетителей и встретила глазами с Томом Картером. Он сидел между своим приятелем и партнером Джеком Николсом и доктором Уошингтон. В суд они приезжали до этого только один раз, чтобы выступить со своими показаниями. Ожидая увидеть на лице Картера торжество, она вызывающе улыбнулась ему, однако, к ее удивлению, лицо его выглядело усталым и осунувшимся, а синие глаза смотрели мрачно. Это было очень странно: сейчас, когда ее вот-вот приговорят к смерти, он выглядит как человек, потерпевший поражение. А когда она прижимала пистолет к его виску, он был совсем другим — сильным и несгибаемым.

Когда вердикт был зачитан, по толпе репортеров и зрителей волной пробежало шевеление, как огонь по степи. Но тут же затихло. Никаких неожиданностей не случилось. Хьюго Майерс, профессионал до мозга костей, положил руку на плечо Марии, вроде как с целью поддержать ее, словно мог еще оказать ей какую-то поддержку. Мария никак на это не отреагировала, а громко сказала, обращаясь к судье и присяжным:

— Я невиновна в глазах Господа!

По толпе зрителей снова волной пробежал ропот, но судья тут же призвала всех к порядку и начала зачитывать приговор.

Марии не запомнилась длинная речь судьи Эрнандес, но некоторые фразы — «сацистские убийства», «угроза обществу», «показать пример», «Криминал-2000», «смертная казнь», «привести в исполнение немедленно» — застряли в ее сознании. Единственное, что она хотела узнать, так это дату. Майерс разъяснил ей, что программа «Криминал-2000» положила ко-

нец дорогостоящим и «негуманным» процедурам бесконечных апелляций, в результате которых узник торчал в камере смертников по десять — двадцать лет. Но она надеялась, что казнь состоится не слишком скоро. Ей еще нужно успеть кое-что сделать во имя Господа. Ей по-прежнему необходимо остановить Картера и его проект «Кана».

Когда судья объявила дату казни, Марии потребовалась лишь секунда, чтобы понять, как скоро это произойдет. А когда два охранника подошли к ней, чтобы отвести обратно в камеру, она снова оглянулась на Картера.

Послав ему самую вызывающую из своих улыбок, она подняла скованные наручниками руки и ткнула ими в его сторону.

— Те, кто избежал его возмездия, лишь отсрочили неизбежное! — прокричала она, перекрывая шум толпы. — Потому что они уже осуждены высшим судом, более высоким, чем этот! — Она хотела, чтобы он знал, что это еще не конец, что она все равно придет за ним. Но, к ее величайшему и искреннему удивлению, лицо доктора Картера осталось невозмутимым; никакого триумфа, никакого страха, никакого гнева на нем не отражалось. Вообще ничего. Это было совершенно непонятно. Секунду назад он услышал, что убийцу его жены приговорили к смерти и казнь состоится меньше чем через четыре недели. А он просто смотрел на нее, и на его каменном лице не было даже тени удовлетворения.

И Марии подумалось, что он сейчас гораздо больше напоминает осужденного преступника, чем она.

Том смотрел на обросшую щетиной голову Марии, когда ее выводили из зала. Не слыша шума — все вокруг него вставали и двигались к выходу, — он снова сел на жесткий деревянный стул в третьем ряду галереи для зрителей и попытался все обдумать.

Всю последнюю неделю, после того как Джасмин сообщила, кому принадлежит геном-аналог, Том пытался понять, что все это означает. И, в сотый раз обдумывая сложившееся положение, он натыкался на одни и те же вопросы. «Каким, черт возьми, образом я могу смириться с мыслью, что убийца моей жены может стать спасителем моей дочери? И в чем тут смысл?

Что все это значит? Почему им не стал тот индеец или любой другой нормальный человек?»

Том обшарил весь мир в поисках человека, обладающего тремя редчайшими из всех существующих генов — генов, впервые проявивших себя две тысячи лет назад, у человека доброго и милосердного. А сейчас эти гены, обещающие спасти тысячи жизней, обнаружены у безжалостной убийцы.

Том всегда был готов смириться с лотереей, в которуюечно играет Мать-Природа, но это было слишком, даже по его меркам. Нынешнее положение выглядело скорее как насмешка, издевательство, гнусный обман. Неудивительно, что этот старец Изекьель де ла Круа был в таком шоке. Мессия, поискам которого он посвятил всю жизнь, был разоблачен и оказался безумной фанатичкой, уверовавшей, что ее послали на Землю убивать, а не спасать.

Что она ему сказала, когда ее поймали? «Господь испытывает всех нас».

Он опустил взгляд и уставился на грязные следы обуви у себя под ногами. Ничего хорошего в сложившейся ситуации он не видел. Он получил все сведения из медицинской карты Марии, даже прочитал подробный отчет осматривавшего ее врача, но ничего нового о ее генах не узнал. Никаких новых зацепок. А без сотрудничества с ней он вообще ничего больше не узнает.

Конечно, был еще шанс, что ИГ в конце концов обнаружит еще кого-то, у кого тоже есть все три гена, аналогичные генам из Назарета. Однако шансы на то, что это произойдет в течение следующих нескольких недель, бесконечно малы. Следовало посмотреть в глаза реальности. Кроме Марии, обратиться за помощью ему не к кому.

— Пошли, Том, — тихонько позвала его Джасмин, опуская руку ему на плечо. — Джек договорился, что нам разрешат выйти через служебный выход, чтобы не встречаться с прессой.

Он встал и покорно пошел за ней. Мысли его снова вертелись вокруг таинственной и, вероятно, бесполезной сыворотки, выработанной на основе трех генов из Назарета, а также вокруг рисков, связанных с неизбежной операцией на головном мозге Холли. В горле стоял горький, тошнотворный при-

вкус. Если не умолять Марию помочь его дочери, операция оставалась единственным выходом из положения.

Когда они проходили мимо места для свидетелей, рядом появился Джек:

— Том, еще не все потеряно.

Том обернулся к другу и покачал головой:

— Да брось ты, Джек...

Надежд больше не было. Будущее было мрачным. Проект «Кана» умер. Несомненно, скоро умрет и Холли.

Глава 24

Больничный отсек в штаб-квартире фирмы «Джиниус», Бостон

Двенадцатого мая, через четыре дня после того, как Марии вынесли приговор, Холли внезапно утратила чувствительность во всей левой половине тела. Приступ длился больше двух часов. Том видел, что это испугало его дочь больше, чем боли и тошнота, которые одолевали ее до этого момента. Радиотерапия и гормональные препараты замедлили рост опухоли, но она все же продолжала увеличиваться, и это выводило его из себя. Давление, которое она оказывала на мозг, уже действовало на некоторые моторные функции. Стероиды уменьшали новообразования и сокращали частоту приступов, но он знал, что их воздействие будет только снижаться.

Опухоль уже проходила четвертый и последний этап клоновой эволюции: ключевые гены в хромосоме 9 уже давно были утрачены, равно как и вся хромосома 10. Скорость ее роста была теперь в три раза выше, чем по самому оптимистичному прогнозу ДАНа, давшего ей срок в один год, и более или менее совпадала с его самым пессимистичным предсказанием. Вначале Том игнорировал этот мрачный прогноз, убедив себя, что найдет способ выиграть как можно больше времени, но теперь, анализируя свои очень скромные достижения, с горечью вынужден был признать, что все происходящее логично.

Он сражался со своим старым врагом, раком, и тот явно одерживал верх. Полем сражения была его собственная дочь, и он не мог не думать прежде всего о том, чтобы Холли было комфортно, чтобы ее не мучили боли, а уж потом — о борьбе с самой болезнью. Лечение, которое он сейчас проводил, здорово ослабило ее, но к спасению не вело.

Внутренний конфликт — между Томом-отцом и Томом-хирургом — превратился в простейшую и очень болезненную дилемму. Он должен был либо помочь ей жить, либо помочь ей умереть, а все, что лежало между, — просто забыть.

— Ух ты! Какой кошмар! — Джасмин наклонилась над кроватью, глядя на экран компьютера, стоявшего на коленях Холли. Королеву-воина пожирал двухголовый тролль. — Стало быть, ты не смогла пройти шестой уровень, да?

Последний приступ был два дня назад, и сегодня Холли могла сидеть в постели и радоваться вполне приличному самочувствию, столь редкому у нее теперь.

— Я могу пробраться в замок, перебить всех орков и поразить синего дракона. Но когда выбираюсь обратно, меня постоянно съедает этот тролль или огромный морской змей, сидящий во рву возле замка. Каждый раз!

— А ты прихватила дополнительные средства защиты из тайных хранилищ?

— Кажется, да. И спрятанное оружие, и доспехи. Что мне теперь нужно, так это неуязвимость. Но в замке нет волшебного зелья.

— Ты повсюду искала?

— Повсюду.

— И все остальное пробовала?

— Ага.

Джасмин улыбнулась:

— А как насчет того, чтобы их обмануть?

Холли огорченно развела руками:

— Невозможно. Всем известно, что «Гнев Зарга» — единственная компьютерная игра, в которой нет обманных кодов.

— Ты хочешь сказать, для нее не публиковались никакие обманные коды? — Джасмин прекрасно знала, что все соста-

вители программ компьютерных игр вводили в них возможность использования обходных маневров, которые при нажатии определенных клавиш в определенной последовательности позволяли неизмеримо увеличить огневую мощь, продолжительность жизни и обеспечить неуязвимость положительного героя. В большинстве игр эти обманные коды были давно обнаружены наиболее продвинутыми игроками, и теперь их можно найти в Интернете. Однако, по словам Холли, никто пока что не сумел расшифровать обманные коды для «Гнева Зарга». — Ну-ка подвинься. И дай мне ноутбук.

Холли подвинулась, и Джасмин села рядом с ней. Холли улыбнулась, передавая ей компьютер:

— Думаешь, сумеешь их найти?

— Ага. Я, может быть, не фея, а простая крестная мать, но еще кое-кто помимо этого — кибернетическая крестная мать!

Холли засмеялась:

— О'кей, давай спорить, что за час тебе их не найти!

Но пальцы Циркулярки уже бегали по клавишам.

— Эй, не надо меня оскорблять! Тут дел-то всего на несколько минут.

Холли склонила голову набок, словно раздумывая, потом согласилась:

— О'кей. Как насчет десяти минут? Спорим, что не найдешь за десять минут!

Пальцы Джасмин замерли над клавиатурой.

— Хорошо. На что спорим?

Холли посмотрела на нее, потом на экран. Глаза у нее недоверчиво округлились.

— Ты ужешла?..

Джасмин скромно пожала плечами и вернула ноутбук.

— Это совсем нетрудно. Чтоб обеспечить неуязвимость, надо просто набрать «Боли нет». Попробуй сама.

Холли ввела код и тут же обнаружила, что ее королева-воин стала недоступной троллю.

— Вау! Здорово! — Через три минуты она оторвалась от экрана — глаза ее сияли триумфом. — Седьмой уровень! Вот Дженнифер и Меган удивятся, когда придут!

Джасмин рассмеялась:

— Только не пользуйся им все время — быстро надоест. А чтобы убрать код, просто нажми «Контрол + П». О'кей?

— Ага, спасибо, Джас. Отлично! А как ты это сделала?

Джасмин положила ладонь на плечо Холли:

— Ну, способ всегда можно найти. Твой отец часто это повторяет. И сейчас тоже говорит. Это может оказаться не очевидный способ, не слишком популярный, даже не всегда корректный. Но если тебе очень нужно чего-то добиться, способ всегда найдется.

Со стороны операционной появилась сестра Бет Лоуренс:

— Доктор Уошингтон, вы не могли бы пройти к доктору Картеру? Он в смотровой.

— Конечно. — Она встала и сжала Холли плечо: — Желаю удачи на седьмом уровне.

Войдя в смотровую, она увидела, что Том вместе с доктором Карлом Ламбертом изучает на экране компьютера серию снимков, сделанных компьютерным томографом. Ламберт был откомандирован в распоряжение «Джиниус» для обмена опытом и идеями, а также для того, чтобы пресекать возможные злоупотребления в отношении пациентов в чисто коммерческих целях. Это был толстенький коротышка с живым лицом, кудрявыми рыжими волосами и умными глазами. Джасмин знала, что Тому он нравится, что Том его высоко ценит и хорошо знает, поскольку они вместе учились в университете Джонса Хопкинса.

Карл Ламберт ткнул пальцем в желтую тень на цветном снимке:

— Я по-прежнему считаю, что операция дает больше всего шансов.

Том покачал головой:

— Ты посмотри, где эта опухоль расположена, Карл! Мне бы не хотелось вторгаться в эту зону. А тебе? Слишком велика возможность ошибки.

— Знаю, но по крайней мере это дает ей хоть какой-то шанс... — заметил Ламберт.

— Шанс на что? Нет, надо отложить...

— После операции она гораздо лучше будет себя чувствовать, Том.

— Или эта операция ее убьет. — Том помолчал, опустив плечи. — Но, думаю, ты все же прав.

Джасмин прокашлялась, и они повернулись к ней, оторвавшись от снимков. Том выглядел бледным и осунувшимся. Он явно затруднялся принять решение.

— Привет, Джас, спасибо, что пришла. Я просто хотел поговориться насчет Холли.

Ламберт бросил взгляд на часы:

— Мне надо идти. Через две минуты меня ждут в операционной. Оставляю вас вдвоем. — Он пошел к двери, но потом остановился и обернулся к Тому: — Я по-прежнему считаю, что точечная лазерная хирургия — единственный выход. И делать ее нужно обязательно, Том. Чем раньше, тем лучше. — Он улыбнулся Джасмин и вышел.

— Ну и что ты намерен делать, Том? — спросила она.

Он прошелся по смотровой.

— Не знаю. Ты сама слышала, что сказал Карл. И он прав. Лекарства и радиотерапия могут лишь замедлить рост опухоли и снять боль. В конечном итоге опухоль все равно придется удалять, хотя бы для того, чтобы нормализовать внутричерепное давление. Но она в таком труднодоступном месте, что почти неоперабельна, черт бы ее побрал!

— А как проект «Кана»? И сыворотка?

— С «Каной» покончено. Сыворотка ничего не дает.

Она глубоко вздохнула.

— А как в таком случае насчет Марии Бенарьяк?

— Это не выход.

С того момента как Джасмин обнаружила нужные гены, они еще ни разу не обсуждали возможность такого хода. Более того, они старательно избегали этой болезненной темы, не поминали ее, как не поминают в семье недавнюю смерть одного из родственников. Однако тема была слишком важна, чтобы продолжать ее избегать, и раз уж Том сам начал этот проклятый поиск, то теперь вполне мог бы вновь вернуться к его результатам.

— Но можно ведь и попробовать по крайней мере? — рискнула Джасмин бросить первый шар.

— Она убила Оливию, Джас.

— Она могла бы спасти Холли.

Том хмыкнул:

— Да, это так.

— Перестань, Том, можно ведь как-то с нею договориться...

— Ты это серьезно?

— Абсолютно серьезно. Я что-то не замечаю, чтобы у тебя был большой выбор. Неужели тебе не хочется хотя бы выяснить, действительно ли эта женщина способна спасти твою дочь?

Том с несчастным видом пожал плечами.

Она ощутила приступ злости.

— Том, это совсем не похоже на тебя! Ты что, уже сдался?!

— Ничего я не сдался. Я просто стараюсь быть реалистом.

— Вздор! Ты сам мне говорил, что быть реалистом и сдать-ся — одно и то же. Да ты никогда в жизни не был реалистом! Это у тебя получается совершенно бездарно! Вот Джек — тот реалист. Даже я, в определенной мере. А вот ты никогда не вмещался в рамки реализма, ты всегда делал невозможное! Вот и продолжай, Бога ради!

Том посмотрел на нее с обидой:

— Ты просто не понимаешь, Джас. Как же мне...

— Послушай! Это же ты затеял проект «Кана». Я не хотела в нем участвовать, потому что страшно боялась того, куда он может нас завести. Но я верила тебе и позволила уговорить себя, считая, что, как бы это ни перевернуло мои представления о том, во что я верю, по крайней мере я делаю все, чтобы помочь Холли. И все это время я старалась успокоить собственную совесть — а это все равно что высчитать квадратуру круга! — чтобы сохранить хотя бы остатки здравого смысла! А теперь ты струсил и ушел в кусты просто потому, что тебе, видите ли, трудно смириться с тем, с чем мы столкнулись! Что ж, мой милый, добро пожаловать в мир сомнений и противоречий! И нечего мне твердить, что я чего-то там не понимаю. Скажи это собственной дочери! Скажи Холли, что тебе неудобно просить Марию помочь ей! — Она сделала глубокий вдох. Она задыхалась, закончив эту тираду. Потом ткнула ему пальцем в грудь: — И еще одно я хотела тебе сказать. Хватит себя жалеть, давно пора это прекра-

тить. Потому что дни сочтены не только для Холли. Марии тоже скоро не будет.

Закончив обличительную речь, она повернулась и вышла.

Мария проснулась в холодном поту. Открыла глаза, попыталась осмотреть свою камеру, но ничего не увидела. Только мрак. Мозг ее пребывал в каком-то лихорадочном состоянии, в полусне ей казалось, что она слышит, как вокруг скребутся крысы, бегают по полу под койкой. Сейчас она снова была шестилетним ребенком, посаженным в приютский карцер за то, что лжет, плетет небылицы, или еще за какое-то нарушение правил поведения, которые она толком и не понимала.

Охватившая ее паника непереносимо сдавила ей грудь, тяжкий мрак вокруг был в точности таким же, как тогда, в детстве. Ей страстно хотелось, чтобы хоть кто-то оказался рядом, утешил ее, помог избавиться от страха. Но более всего ей не хватало святого отца. В глубине души ее донимали ужасные, болезненные сомнения. Нет, не по поводу совершенных ею убийств — они все были праведными. Это были сомнения в том, могла ли она послушаться святого отца, изменить братству.

Что, если отец Изекьель действительно не хотел, чтобы она убила Картера? Что заставило ее тогда уверовать, что она лучше его самого понимает его желания? И послушаться человека, который научил ее всему и дал ей все? А вдруг отец Изекьель был прав, разделяя мнение Хеликса и Бернарда, что, прежде чем убить, Картера нужно использовать? Да и преуспела ли она в своем стремлении остановить этого ученого? Даже если она была права в своей попытке сделать это, то что теперь еще в ее силах, чтобы претворить в жизнь планы Господа?

Вся ее уверенность в себе, убежденность в собственной правоте, что поддерживала ее, пока шел судебный процесс, теперь испарилась. Может быть, у Господа вовсе и не было никаких планов в отношении ее? Может быть, это тюремное заключение и смертный приговор вовсе и не были ниспосланным им испытанием, а лишь карой? Может быть, Господь действует руками святого отца, который старается найти нового мессию и остановить Картера? Может, отец Изекьель и Хеликс были совершенно правы, а она нет?

А теперь она проклята, забыта и останется непрощенной.

Все эти вопросы крутились у нее в голове, острыми шипами вонзаясь в мозг, а ногти тем временем терзали старые рубцы и шрамы на правом бедре, пока там не возникло ощущение тепла и влажности, подсказавшее пальцам, что выступила кровь. Но это не принесло ей облегчения. Ей теперь уже казалось, что сколько бы крови она себе ни пускала, это не поможет избавиться от снедающего ее беспокойства, чувства вины и одиночества, не поможет вытравить все это из головы, из тела. Вне этих невидимых сейчас стен, в свете и суете мира она уже перестала существовать. Ее все покинули, она одна в камере смертников, всего девять футов на пятнадцать, она здесь единственная живая душа, заключенная в мир одиночества, мрака и отчаяния.

Первая слезинка скатилась ей на щеку, когда в голову пришла мысль, что даже в самые худшие моменты ее детства все эти ужасные видения, что являлись ей в карцере, в конце концов все же исчезали. А теперь она попала в карцер навечно и осталась в нем одна со своими сомнениями и сожалениями. И только смерть через двадцать два дня наконец освободит ее.

Единственное, что ей было нужно, — это хотя бы раз перед этим увидеться со святым отцом.

На другом конце планеты, в Дамаске, Изекьель де ла Круа спал ничуть не лучше. В пять тридцать семь утра он встал с постели и вышел на балкон, наслаждаясь ощущением прохладных керамических плиток под босыми ногами. Вдали, над Дамаском, горизонт был сер, над ним вставала ранняя заря, пыльная и оранжевая. Солнце полностью взойдет только через час, но насыщенный благоуханием воздух уже был теплым. Потянувшись и подняв руки выше ноющих плеч, он дважды зевнул, радуясь легкому ветерку, который трепал его ночную рубашку и освежал кожу.

Всю эту ночь ему опять снился Понтий Пилат. Но теперь он вбивал гвозди в руки Марии. И пока он этим занимался, голограмма молодого Изекьеля наблюдала за ним с видом судии. Сон выбил его из равновесия, но не настолько, насколько лишали спокойствия воспоминания. Воспоминания о том, что ему рассказывали много лет назад на Корсике.

С того времени как доктор Картер сообщил ему о Марии, Изекьель всеми силами стремился убедить себя в том, что это может быть правдой. Его первым побуждением было отвергнуть такую возможность, отнести это на счет непроверенных научных методов или приписать какой-нибудь шутке дьявола. Как могла Немезида оказаться новым мессией?!

Когда на следующий день об этом узнали Бернارد и Хеликс, они были просто ошарашены. Брат Бернارد презрительно рассмеялся и заявил, что это сплошной обман. Хеликс реагировал иначе. Он долго пребывал в молчании, прежде чем высказаться о возможности, даже вероятности того, что Мария действительно избранная. Изекьель отослал их обоих прочь, чтобы поразмыслить о возможных последствиях и обдумать, что следует теперь предпринять. Потом назначил заседание Внутреннего круга в полном составе, чтобы принять решение о наилучшем способе действий.

Иzekьель посмотрел на часы. Ему потребуется несколько часов, чтобы должным образом подготовиться и добраться до пещеры Священного огня. После практически бессонной ночи он наконец пришел к решению.

Он вспомнил ту молодую девушку, которую увидел тогда в кабинете матери Клеменцы, еще, в сущности, ребенка, испуганного, преданного своей религией, которая оказалась не только не в силах оберечь ее, но, наоборот, отдала в руки насильника. Когда Марию в конце концов выдвинули на место Немезиды, она проявила себя так, как ни один другой оперативник до нее. Она даже изменила свою внешность, чтобы полностью соответствовать роли идеального мстителя.

Он вспомнил тот день, когда она потребовала радикальных хирургических мер; как она села и заявила, что внешность предает ее, ведет в ловушку. Она тогда была похожа на бабочку, пожелавшую стать кузнечиком: страстно желала избавиться от своих ярких крылышек и получить взамен свободу, которую дает незаметность, обычность.

Во время своей первой встречи с матерью Клеменцей он отчитал ее за то, что та бросила доверенных ей девочек на произвол отца Анджело, обвинив в прямой ответственности за самоубийство сестры Дельфины. А та все твердила ему о том,

что Мария с детства «врала и выдумывала», все пыталась объяснить, почему не поверила жалобам девочки, что ее изнасиловали. «Она всегда врала и выдумывала, с самых юных лет, — утверждала мать-настоятельница. — Да и все они вечно врут».

И только теперь он понял, впервые за все это время, что «вранье и выдумки» Марии были не просто фантазиями страдающего от одиночества ребенка, но, по всей вероятности, истинной правдой. Он помнил некоторые из этих «выдумок», рассказы о том, что само по себе было маленькими чудесами: история с укусами пчел; история о сильных ушибах при падении; рассказ про диабет и еще не менее шести таких же. И чем больше он об этом думал, тем более странным, даже чудовищным представлялось ему все происходящее.

Он повернулся и пошел через спальню в ванную. Проходя мимо бюро, взял белую таблетку из серебряной шкатулки, стоявшей рядом с фотографией его покойной жены. В душе он уже знал, что поиск нового мессии закончен. Но как избежать нового распятия? И как ему заручиться поддержкой остальных, как придумать план спасения, чтобы можно было спасти праведных? Чтобы она спасла праведных?

Том Картер бросил последний взгляд на спящую дочь и вышел из палаты, на ходу припоминая слова Джасмин. Да, она права: хватит ему себя жалеть. Через полчаса встреча с Карен Тэннер. Джек договорился, что Том привезет соответствующие документы прямо в ее кабинет в «Джей-Эф-Кей-билдинг» в центре города. А после того как она их посмотрит, он намерен провести кое-какие собственные расследования.

Крик Боба Кука с другого конца атриума застал его врасплох — он уже направлялся в сторону лестницы, ведущей в гараж. Всегда сдержанный, калифорниец сейчас бежал к нему с криком «Том! Подожди!».

Он остановился, попутно улыбнувшись двум новым сотрудникам в научном штате «Джиниус», которые приветствовали его уважительным «Доброе утро, доктор Картер!», проходя мимо.

— Я вас... везде ищу... везде, — задыхаясь сообщил Боб, приседая и опираясь руками о колени, как выдохшийся спринтер.

— Ну, вы нашли меня. Что стряслось?

— Мыши...

— Что с ними?

Боб начал было что-то говорить, но потом просто схватил Тома за руку и потащил к лифту.

— Пошли! — заявил он. — Сейчас покажу!

Наверху, в «Мышином домике», Том обнаружил Нору Лутц, которая стояла возле клеток. Она попеременно заглядывала то в свой блокнот с записями, то в клетки и при этом качала головой.

— Что происходит, Нора? — спросил Том, кивая на Боба. — Этот серфингист не в состоянии объяснить.

— Это все мыши, — сказала Нора.

— Да что с ними?

Нора кивнула на клетки:

— Они все здоровы.

— Что? — переспросил Том. — Ты хочешь сказать, они излечились?

Нора пожала плечами, словно сама в это не могла поверить:

— Кажется, сыворотка излечила их от малейших признаков рака.

— Все мыши выздоровели? — повторил Том, не веря своим ушам.

— Нет, не все. В том-то и странность. Ты помнишь, что в первых тестах мы использовали одну изолированную от остальных мышь, и всякий раз, когда мы запускали в дело сыворотку, она не давала никаких положительных результатов?

Том нетерпеливо покивал.

— Ну вот, в самом последнем опыте мы задействовали по две-три мыши из каждой клетки. И во всех случаях мыши, которых лечили этой сывороткой, выздоровели, освободились от всех признаков рака.

— А та, изолированная мышь?

— Она в том же состоянии, что и все контрольные. Продолжает болеть.

— Какая разница между этими двумя группами мышей?

Нора снова недоуменно пожала плечами:

— Никакой. Если не считать того, что погибшие мыши всегда содержались изолированно, а излечившиеся — парами или даже группами по три.

— Стало быть, мы не знаем, каким образом они излечились?

— Нет, пока не знаем, — вступил в беседу Боб. — Но мы точно знаем, что это не случайность, не флюктуация. Количество таких случаев остается на слишком уж постоянном уровне.

Том подошел к клетке, возле которой стояла Нора, и принялся разглядывать трех здоровых мышей. Всего несколько дней назад они были больными.

— Это просто здорово! Только бы еще понять, как это произошло.

Боб улыбнулся:

— Этим мы сейчас и занимаемся.

Том взглянул на часы. Позвонить Карен Тэннер и отложить встречу? Но здесь ему делать в общем-то нечего. Боб и Нора в любом случае справятся сами.

— Так, мне сейчас надо уехать, а как вернусь, сразу присоединюсь к вам.

— А куда вы едете? — спросил Боб.

— Провести кое-какие расследования.

Члены Внутреннего круга были уже в полном сборе, когда Изекьель де ла Круа прибыл в пещеру Священного огня. Он почувствовал, в каком все пребывают напряжении, когда стихло их приглушенное перешептывание. Едва он подошел к столу, все встали. Сверкающее пламя перед алтарем сегодня поднималось выше, чем обычно, и сияло ярче.

Первым Изекьель приветствовал брата Хаддада:

— Да будет он спасен!

— Дабы он мог спасти праведных, — отвечивал глава регионального отделения братства в Святой земле. Его тяжелые веки сейчас были темнее обычного. Ладони крепко сжали ладони Изекьеля.

Потом Изекьель приветствовал остальных членов круга: высокого седовласого брата Лучано, главу отделения братства в христианском мире, вечно бледного брата Олазабала, главу отделения в Новом Свете, и в конце — Поборников Первого и Второго императивов. Все они выглядели мрачными, и никто, кроме брата Хеликса, не смел встретиться с ним взглядом.

Он начал с изложения обстоятельств ситуации. Рассказал о проекте «Кана» и о сделке с доктором Картером, о попытке Марии убить ученого, о ее аресте и смертном приговоре. В заключение он напомнил всем об историческом открытии доктора Картера: о том, что Мария Бенарьяк, известная им как Немезида, обладает тремя генами Христа. По сути дела, он хотел им сказать, что она — новый мессия. Последнее прозвучало как констатация. Именно после этого и посыпались возражения.

Не было ничего удивительного в том, что начал брат Бернارد.

— Это, вероятно, ошибка, — прямо заявил толстяк. — Или трюк. Немезида не может им быть. Мы с вами знаем ее больше двадцати лет. Мы бы уже давно догадались.

— Почему ты так считаешь? — спокойно спросил Изебель.

— Святой отец, она же убийца, а не спаситель. Она всегда была великолепным инструментом Второго императива, но отнюдь не субъектом Первого.

— Почему же? — Изебель пустил еще один пробный камень.

— Потому что она террористка!

— Специально подготовленный убийца, — добавил Хаддад с другого конца стола.

— Подготовленный нами, — напомнил Изебель. — И все ее убийства были праведными, и санкционировали их мы. Кто говорит, что новый мессия непременно должен быть смиренным евангельским проповедником, а не бичом зла, посланным Господом отомстить за смерть его сына?

— Но где соответствие древним предустановлениям? — возразил брат Олазабал.

На это Изебель лишь злобно нахмурился. Было ясно, что они успели в его отсутствие договориться, и руководил ими, несомненно, Бернارد.

— Каким предустановлениям? Вы имеете в виду три положения, о которых говорил основатель нашего братства?

Ответил ему обычно спокойный брат Лучано:

— Да. Ведь сказано, что новый мессия будет праведным, соответствующего возраста и мужчиной.

— Но это всего лишь общие положения. Да, она не мужчина, но она, несомненно, праведница; она настолько праведна, что ослушалась нас, нарушила условия нашей сделки с Карте-

ром. Что до ее возраста, то я не знаю точной даты ее рождения, однако она очень близка к тому дню тридцать пять лет назад, когда Священный огонь изменил свой цвет. И не забывайте, что у нее гены нашего Господа. Плюс к тому я знаю о некоторых необычных способностях, которые у нее проявлялись в раннем детстве.

— Но у нас нет доказательств этих способностей, — возразил Бернард. — Повторяю еще раз, я знаю ее уже двадцать лет и не верю, что мессия — она. Я бы уже давно догадался.

Изекийель вздохнул. Он мог просто приказать им исполнять его волю, но это было бы крайне неудовлетворительным выходом из положения. Вопрос о мессии был главным, фундаментальным для братства; все они должны были уверовать в него. А значит — и в необходимость спасти Марию.

В этот момент заговорил Поборник Первого императива.

— Брат Бернард, — спокойным тоном начал Хеликс, — а у тебя есть доказательства, что Мария не является избранной?

До сего момента Хеликс хранил молчание, лишь поворачивал свою лысую голову от одного говорившего к другому; его глаза, увеличенные линзами очков, внимательно наблюдали за происходящим. Он устремил взгляд на Бернарда, и Изекийель видел в стеклах его очков отражение сотен свечей, освещавших пещеру.

— Конечно, нет, — ответил Бернард.

— Но ты тем не менее уверен, что она не может быть новым мессией?

Бернард скрестил руки на груди:

— Да!

— Ты в этом совершенно уверен?

— Да. Совершенно.

— Значит, когда через три недели Марию казнят, ты будешь спать по-прежнему спокойно? Никакие сомнения не закрадутся тебе в душу, что после двух тысяч лет ожиданий мы, по всей вероятности, позволили новому мессии погибнуть на наших глазах... на твоих глазах! А ведь ответственность ляжет на тебя, поскольку это ты уверен, что она не может быть мессией. Верно?

Бернард ничего не ответил. Изекийель видел, что теперь все занервничали, зашевелились на своих стульях.

— Я завидую твоей уверенности, — тихо добавил Хеликс.

— Я знаю Марию более двадцати лет, — еще раз повторил брат Бернард, выражая таким образом свой протест. — Она не может быть избранной.

Хеликс медленно кивнул:

— Ты бы уже давно понял, если бы это было так?

— Именно!

— Даже если она сама об этом не подозревала? И сейчас еще не подозревает?

Воцарилось молчание.

Хеликс тоже молчал, дожидаясь, пока все осознают сказанное им. Потом продолжил:

— И не забывайте о пророчестве. На сей раз мессия не знает о своем призвании. И именно мы, братство Второго пришествия, обязаны найти его и сообщить о его предназначении. И затем помочь исполнить его.

— Да, но Марию казнят!

— Значит, нам, вероятно, следует попытаться не допустить этого.

Бернард рассмеялся и посмотрел на Изекееля, но глава братства ничего не сказал. Он рад был предоставить Хеликсу возможность спорить, защищая его собственную позицию.

— Однако, — продолжал протестовать Бернард, вставая и оглядываясь в поисках поддержки, — братство не может рисковать собой, полагаясь лишь на ничтожный шанс, что избранная — Мария.

— Не согласен, — ровным голосом заявил Хеликс. — Сама цель нашего существования заключается в том, чтобы, рискуя всем, спасти нового мессию. Именно поэтому мы здесь и собрались.

— Верно! — выпалил вдруг брат Лучано, резко меняя свое мнение. — Да и чем мы рискуем, пытаясь ее спасти? И какой от этого может быть вред?

Бернард обернулся и вперил в него тяжелый взгляд.

Хаддад моргнул своими тяжелыми веками:

— Риск раскрыть себя, даже если Мария не является избранной, по всей видимости, не может перевесить риск возможной гибели нового мессии погибнуть. Стало быть, нам, вероятно, следует все же спасти ее, а? Хотя бы чтобы полностью удостовериться.

Бернард еще раз окинул взглядом всех сидящих, понимая, что его же аргументы обернулись против него.

— Значит, теперь вы желаете дать Марии возможность воспользоваться нашими сомнениями?

Все кивнули.

— Брат Бернард, — осторожно подбирая слова, заговорил Изекьель, — ты все еще абсолютно уверен, что она не может быть новым мессией? Нам важно действовать заодно, и нам в особенности необходим твой опыт, если мы собираемся добиться того, что нам нужно. У тебя нет никаких сомнений?

Толстяк снова уселся, растягивая время в надежде не потерять лицо, прежде чем благосклонно кивнуть:

— Да, конечно, некоторые сомнения у меня все же есть. Такая возможность, безусловно, существует.

— Я рад, что ты разделяешь нашу озабоченность, — продолжал Изекьель торжественным тоном. — Но что меня действительно беспокоит, так это вопрос о том, что мы должны предпринять.

— Это будет очень деликатная операция, — хмуро заявил Бернард.

— Ты полагаешь, мы сумеем ее выполнить? — спросил Хеликс самым уважительным тоном, явно поняв намек Изекьеля.

Бернард кивнул с умным видом:

— С помощью наших братьев в Америке, я думаю, нам удастся найти способ ей помочь. А как насчет Картера?

Иzekьель сунул руку под плащ и извлек листок бумаги. На нем было три имени — первым значился Том Картер.

— Теперь, когда этот ученый выполнил наш заказ, праведное убийство должно осуществиться как планировалось. Можете сообщить Гоморре немедленно. — Он передал листок брату Бернарду. — По словам доктора Картера, это вся группа, занятая в проекте «Кана». Они работали втайне, никто больше не принимал участия даже в технических работах. Если убить их всех, святотатственный проект «Кана» умрет. Именно этого хотела Мария, наш новый мессия.

Бернард согласно качнул головой:

— Очень хорошо. Я сегодня же свяжусь с Гоморрой. И начну планировать операцию по спасению Марии сразу по окон-

чании нашего собрания. — Он повернулся, обратив взгляд в дальний конец стола: — Брат Олазабал, мне понадобятся списки наших братьев в Соединенных Штатах.

— Ты их получишь, — ответил глава отделения братства в Новом Свете.

Изебель обратился теперь ко всем главам региональных отделений:

— Если у кого-то появятся какие-нибудь идеи, обращайтесь к Бернарду. Что до остального, то возвращайтесь в свои регионы и сообщите нашим братьям, что время поисков и ожиданий, кажется, подошло к концу. Готовьте их к тому моменту, когда их призовут на помазание нового мессии. Очень скоро она, вероятно, пойдет по земле как спаситель человечества.

Все согласно закивали.

— Отлично, — подвел итог Изебель. — Если нет вопросов, то, полагаю, можно приниматься за дело. Мне, например, необходимо передать нашему новому мессии благую весть. — Он встал, скрестил руки и произнес: — Да будет она спасена!

Остальные встали вслед за ним, скрестили руки и хором ответили:

— Дабы она могла спасти праведных.

Глава 25

Корсика

Картер заглянул в досье, лежавшее на переднем пассажирском сиденье рядом, проверил адрес и перевел взгляд на дорогу, петлявшую впереди. Вскоре взятый напрокат открытый кабриолет «пежо» прошел следующий поворот, и он был наконец вознагражден, увидев башню, возвышавшуюся над окрестностями.

Внизу, справа, абрикосово-розовым цветом светилося Средиземное море, озаренное заходящим солнцем. В зеркале заднего вида все еще была видна средневековая цитадель Кальви,

нависавшая над черепичными крышами домов, зубцами обрамлявшими песчаные берега залива.

День уже подходил к концу, но было еще тепло. Хорошо, что машина открытая. Как же приятно ехать вот так, чувствуя кожей ласковые прикосновения солнечных лучей. Он подумал об Оливии, и его охватило чувство пронзительной грусти.

Три дня назад Карен Тэннер сообщила ему все, что им удалось узнать о преступнице, и передала копии материалов. Сначала он испытал разочарование, потому что из этих досье следовало только одно: Мария — великолепно подготовленный убийца, высококлассный специалист по отниманию жизней. В них не было ни одного свидетельства, что у нее хоть раз возникло желание, не говоря уж о способности, спасти таковые. И он решил получше разобраться с ее прошлым.

Карен предупредила его, что Проповедник не ищет ни сделок, ни соглашений. Но вчера Том посетил губернатора штата, Лайла Меллиша, с целью попробовать получить от него то, что могло бы пригодиться в попытках повлиять на Марию. Губернатор Меллиш был давним приятелем Тома и считался честным политиком, если такие вообще встречаются. Однажды Том избавил его внука от фибромы мочевого пузыря. Когда Том спросил его, насколько велика вероятность того, что казнь будет отложена или заменена пожизненным заключением, Меллиш заявил, что смертный приговор уже вынесен и ничто, даже чудо, не может ничего изменить.

— Видишь ли, Том, — сказал он, — я попал сюда под лозунгом «Преступление — наказание». Это, так сказать, самая цепляющая часть моей программы. И я не могу себе позволить смягчить участь одной из самых известных убийц последнего времени. Понимаешь?

— А не будет ли твой электорат еще более благодарен тебе за то, что ты избавил его от более страшных убийц? — спокойно спросил Том. — Таких, как рак, сердечно-сосудистые заболевания и, возможно, многие другие?

Меллиш наострил уши.

— Ну, это зависит... Что конкретно ты имеешь в виду?

Когда же Том объяснил ему все про целительные свойства генов — в общих чертах, конечно, — включая тот факт, что

Мария Бенарьяк обладает именно такими генами, Меллиш пришел в возбуждение.

— Так! Говори конкретно, что тебе нужно! — заявил он, пробежавшись раз пять взад-вперед по кабинету.

— Мне нужен неограниченный доступ к ней и, если необходимо, разрешение на проведение анализов и опытов.

— Это все?

— Чтобы она пошла на сотрудничество, мне нужно что-то ей предложить.

— Что, например?

— Например, замену смертного приговора пожизненным заключением.

— Да ты шутишь! Том, она же убила Оливию, черт бы ее побрал!

— Я помню, — резко выдохнул Том. — Все равно мне нужно ей что-то предложить. Иначе у нее не будет никаких мотивов помогать мне.

Меллиш помолчал.

— Ей придется по-крупному выступить, чтобы оправдать замену смертного приговора. До того, как наступит день казни.

— Как насчет исцеления смертельно больного?

— Это подойдет, — кивнул губернатор.

— Хорошо. Я ожидаю от нее не меньшего.

Заручившись договоренностью с губернатором, Том заказал билет на ближайший рейс в Париж, потом сюда, в Кальви, на Корсику.

Он повернул «пежо» на следующем повороте и только тут смог целиком охватить взглядом серое готическое здание с вознесшейся ввысь островерхой башней. По спине пробежала дрожь. Помесь барака из «Кольдиц»* с мотелем. Не слишком привлекательное место, особенно для того, чтобы провести здесь все детство.

Огромные ворота были распахнуты, но все вокруг выглядело совершенно обезлюдившим. Он свернул на подъездную дорожку и оказался у основного здания. Высокие мрачные окна

* «Кольдиц» — многосерийная телефильм, шедшая в 1972—1974 гг. по каналу Би-би-си, о жизни английских и американских военнопленных в одноименном немецком концлагере во время Второй мировой войны.

разбиты, кусты одичали и разрослись, заполонив не только посыпанную гравием дорожку, но и взобравшись на стены. Справа от внушительной парадной двери, возле высоких «французских» окон стоял желтый бульдозер, возвышались сложенные в кучу кирпичи и валялись всякие строительные инструменты. Новенький плакат сообщал, что отель «Наполеон» будет открыт здесь летом 2004 года.

Сиротский приют был закрыт приблизительно лет пять назад, но сотрудники агентства «Юропкар», где он взял напрокат «пежо», сказали ему, что некая старуха, которая раньше имела какое-то отношение к приюту, все еще живет в нем. Она все последние годы ухаживает за садом, а за это ей разрешено там жить. Клерк в агентстве «Юропкар» постучал себя по лбу и предупредил Тома, что мадам Лефорже несколько «не в себе».

В себе или не в себе, но что-то ее не видно. Подавляя растущее разочарование, Том остановил машину и огляделся по сторонам. И на что он рассчитывал? Увидеть, как она бродит по дорожкам? Скоро уже совсем стемнеет, и ему придется вернуться в Кальви, а сюда приехать уже завтра. Он направился дальше, выискивая место, чтобы развернуться. Слева появился прогал в зарослях бугенвиллеи, откуда начиналась извилистая тропинка, огибавшая дом. Ну, раз уж он здесь, имеет смысл проверить, нет ли кого живого поблизости.

Оставив машину, Том пошел по заросшей тропинке. Огромная тень от мрачного здания создавала ощущение бесприютности, которое усиливалось острыми ароматами бугенвиллеи и других растений. Неподалеку он увидел детские качели и аккуратный садик, окруженный невысокой белой изгородью. Что-то в этом пейзаже показалось ему неестественным, потом он сообразил, что посреди непролазных джунглей этот уголок тщательно обработан и ухожен. Свежая красная краска на качелях сияла в лучах низкого вечернего солнца, белая изгородь и тщательно подстриженные лужайки превращали этот садик в островок уюта и благополучия в царстве мрака и запустения.

Совершенно явственно здесь чувствовалось присутствие мадам Лефорже.

Звук шагов заставил Тома обернуться. Под сенью деревьев он увидел женщину лет семидесяти. Остановившись, она мол-

ча смотрела на него. Приземистая, толстая, с оплывшим круглым лицом. Ее глаза за стеклами огромных очков казались бусями, глубоко засунутыми в мясистые впадины; тонкая линия рта прорезала тяжело обвисшие щеки, вдоль которых свисали седые пряди. Темное бесформенное платье напоминало рабочий халат или монашескую рясу. Маленькие немигающие глазки, кажется, внимательно изучали его.

— Мадам Лефорже? — спросил он.

Женщина осталась неподвижной и ничего не ответила.

Том подошел к ней и представился. Мобилизовав все свои познания во французском, он торопливо объяснил, что приехал вовсе не для того, чтобы здесь гулять без разрешения или что-то ломать, а для того, чтобы поговорить с ней.

— Pourquoi? — в конце концов промолвила она.

Том объяснил, что приехал сюда в надежде найти кого-нибудь, кто знал одну девочку из этого приюта — она находилась здесь примерно с 1968 по 1983 год.

Старуха, казалось, долго обдумывала услышанное, потом сказала:

— Здесь было очень много детей. А теперь они все разъехались — *elles sont disparu***. Но если вернутся, сад и игровые площадки будут готовы к их приезду... и им тут будет вполне безопасно.

Том кивнул:

— Сад и в самом деле в прекрасном состоянии.

Женщина бросила на него сердитый взгляд.

— Здесь вполне безопасно! С ними тут ничего не случится! — заявила она, не скрывая раздражения.

У Тома упало сердце. Ее дикий взгляд не оставлял сомнений — она точно «не в себе». Более того, ему вряд ли удастся раздобыть здесь какие-то новые сведения.

Он повернулся и хотел было идти обратно к машине.

— Извините за беспокойство, мадам Лефорже. Я просто пытаюсь найти следы девушки по имени Мария Бенарьяк.

Перемена была просто удивительной! Ее глаза тут же прояснились, она мгновенно выпрямилась.

* Зачем? (*фр.*)

** они уехали (*фр.*).

— Мария?! — переспросила она как-то отстраненно. — Это все случилось по моей вине! Все по моей вине!

— В чем была ваша вина? — Том затаил дыхание.

Она вся сжалась и проговорила:

— Это я про отца Анджело. И сестру Дельфину. Понимаете, я им не верила. Думала, девочки все выдумывают. Врут. И Мария врёт. Такая умненькая, такая красивая — и такая лгунья!

— Так вы хорошо ее знали? — осторожно спросил Том, боясь спугнуть ее откровения.

— Все сестры ее помнят.

Том еще раз посмотрел на ее похожее на рясу платье:

— Вы были здесь монахиней?

В ответ раздался короткий невеселый смешок.

— Я была здесь матерью-настоятельницей! Много лет назад. До того, как пришли все эти беды, до того, как я сломалась. Они хотели заставить меня уехать, но я добилась разрешения остаться и работать здесь — во искупление моих грехов.

— Вы можете рассказать мне о Марии? Какой она была тогда?

С минуту она сверлила его своим выводящим из равновесия взглядом, пока ее нездоровый мозг принимал решение.

— Пойдемте, — сказала она наконец. — Будете моим исповедником.

Квартирка, в которой она жила, была жалкой, убогой, но на удивление уютной. Она провела Тома на кухню. На столе перед ним во мгновение ока появились кастрюля с рыбным супом, гренки, тертый сыр и бокал красного вина. Она уселась напротив и начала свой рассказ о девочке по имени Мария Бернарьяк.

— Сестры так и не пришли к окончательному выводу — то ли она ангел, то ли дьявол. Она была очень красивая и очень умненькая, но ужасная лгунья — во всяком случае, я так считала. И часто наказывала бедняжку. — Она грустно покачала головой. — Слишком часто!

Том отпил вина.

— А почему вы считали, что она лгунья?

Она пожала плечами:

— Многое из того, что она говорила, казалось просто невероятным. Но с нею всегда случались разные вещи, и хорошие, и плохие.

— Какие, например?

— Ну, в самом конце, когда она стала постарше, просто ужасные вещи! Она, например, заявила, что отец Анджело, наш священник, изнасиловал ее. Я была уверена, что она лжет, пока наша сестра Дельфина не покончила с собой, а священник... — Она вдруг замолкла.

— Что произошло со священником?

— Он умер. Его убили, очень жестоко.

— В этом была замешана Мария?

Бывшая монахиня пожала плечами. Вопрос не слишком впечатлил ее.

— Вы сказали, что с ней случались какие-то хорошие вещи, — подтолкнул Том ход ее мыслей, не очень надеясь на ответ.

— О да! — оживилась старуха. — Когда она была еще маленькой. Дети рассказывали множество всяких историй — совершенно невероятных, и в то время я была уверена, что это все выдумки, дьявольская ложь. — Ее глаза вдруг остекленели, словно она заглянула в прошлое. — *La grande tombee**, — прошептала она сама себе. — Это произошло однажды в июне, была ясная лунная ночь. Меня разбудил шум. Я выскочила и увидела четырех девочек, лет семи-восьми, которые стояли у парадной двери и громко плакали. Им запрещалось выходить из своих дортуаров ночью, так что их наказали заслушание. Мария заявила, что ее не следует наказывать, потому что она только вышла помочь. Вы видели башню над домом?

Том кивнул.

— Так вот, Мария заявила, что девочки свалились с балкончика под самой крышей. И она будто бы бросилась помочь им. Хотя сами девочки утверждали, что не были на этом балконе. Это выходило за всякие границы! Я их осмотрела, у них не оказалось никаких повреждений, даже царапин. Если бы они свалились с такой высоты, они бы насмерть разбились!

— И что? — спросил Том, замороженный.

* Здесь — большая грешница (фр.).

Она покачала головой:

— И я наказала Марию. Даже сильнее, чем остальных. За ложь. И только гораздо позже одна из девочек призналась, что действительно залезла на балкон — на спор. А уборщик потом обнаружил, что в полу балкона одна доска подгнила и там дыра — именно через этот пролом они и могли упасть.

— Значит, вы теперь полагаете, что Мария не лгала? И что она помогла им залечить травмы?

Она снова пожала плечами:

— Это не единственный случай. Были и другие. Например, с пчелами.

— С пчелами?

Клеменца Лефорже подлила себе вина.

— Как-то днем девочек повезли на экскурсию в природный парк Корс. По возвращении сопровождавшая их сестра прислала Марию и Валери ко мне с жалобой, что они разворошили гнездо диких пчел. По всей видимости, они сошли с тропы, спустились к ручью, и Мария стала бросать камни в это гнездо. Местный фермер был вне себя, потому что пчелы разогнали всех его овец. А Мария утверждала, что это пчелы напали на Валери; и потом, та была вся покусана — из нее торчали сотни жал. Но она, Мария, ее вылечила.

— А Валери что говорила?

— Валери подтвердила все сказанное Марией. Но мне показалось, что она просто хотела, чтобы я ее пожалела и не наказала. А я разозлилась на них за то, что они такие глупые. У Валери была аллергия на пчелиный яд, понимаете? Доктор говорил, что ее может убить всего один укус! Я послала Валери к нему на осмотр, и, что удивительно, он не нашел ни единого следа укуса. Так что девочку либо никто не кусал, либо Мария каким-то образом нейтрализовала яд. Сами можете догадаться, к какому выводу я пришла. Но была еще одна странная вещь, которую я в то время старалась не замечать.

— Какая именно?

— Доктор заявил, что Валери не только не кусали никакие пчелы, но отныне она больше не подвержена аллергии! Она каким-то образом исцелилась!

Том некоторое время не произносил ни слова. Потом спросил:

— Почему вы ей не верили?

— Я ее ненавидела! Мария была такая красивая, такая умная. Ей не хватало смирения, скромности. Ей нужен был хороший урок! А когда она стала утверждать, что может лечить людей, это было уже слишком, это было настоящее святотатство!

— А еще какие-нибудь подобные случаи бывали?

— Да, и много. Об одном я теперь точно знаю, что все именно так и было, что бы я об этом тогда ни думала. Марию часто наказывали карцером — запирали в подвале. Она очень боялась темноты, и вот однажды, она тогда была еще совсем маленькой, она вцепилась в руку монахини, которая вела ее в карцер, и умоляла ту не запирайте ее. Мария твердила, что сделает все, если сестра не пошлет ее в карцер. Сестра, конечно, ей не поверила, но решила все же на этот раз пожалеть ее и отправила спать. Потом, кажется, неделю спустя, эта сестра, которая всю жизнь была диабетиком, отправилась на очередной медосмотр, и ей сказали, что диабета у нее больше нет.

— И вы уверены, что ее излечила Мария?

— Абсолютно.

— Откуда такая уверенность?

Лицо Клеменцы скривилось.

— Этой монахиней была я.

— И вы все же продолжали не верить ей?

— Да. Не могла я ей поверить. Да и не стремилась. Решила, что это просто совпадение. — Она сжала руки. — Но если бы я ей тогда поверила, я бы могла потом защитить ее от отца Анджело. И может быть, даже помогла бы ей развить этот дар. — Она вдруг посмотрела на него страдальческим взглядом: — Вам известно, где она сейчас?

Поскольку Клеменца явно не имела ни малейшего понятия о нынешних злоключениях Марии, он решил не сообщать ей подробностей.

— Да, — односложно ответил он.

— Когда-нибудь я поеду просить у нее прощения.

Том помолчал, разглядывая сидящую перед ним женщину. Даже если она «не в себе», что могло заставить ее рассказывать

совершенно незнакомому человеку все эти фантастические истории, если это не было чистой правдой? Он ведь даже не говорил ей, что хотел узнать, могла Мария исцелять или нет!

— А каким образом, по-вашему, Мария исцеляла людей?

— Не знаю.

— Но что-то вы по этому поводу думаете?

Она снова пожала плечами:

— Я не врач, я теперь даже и не монахиня, но об этом думала все последние двадцать лет и пришла к простому заключению. Думаю, у Марии был дар — от Бога. Дар, которым она могла поделиться с другими. Это выглядело так, словно она несла в себе исцеление, здоровье и могла делиться им с другими, вроде как заражать их здоровьем.

Том улыбнулся.

— Очень глупо звучит? — спросила она.

— Только не для меня. Совсем не глупо. Но почему вы все время говорите в прошедшем времени? Вы сказали, что у нее был дар.

Мать Клеменца грустно улыбнулась и налила ему еще вина.

— Думаю, это потому, что я всегда наказывала ее за то, что она плела все эти небылицы о том, что она якобы сделала. Насколько мне известно, после этих пчелиных укусов она ни разу никого ни от чего не вылечила. Сомневаюсь, что она вообще помнит о том, что когда-то могла это делать.

Той же ночью. Северный Бостон

Той ночью Боб Кук вдруг дернулся во сне. Ему снилось, что он не в Бостоне, а в Калифорнии и занимается серфингом на огромных волнах. Он любил свою профессию, свою науку, работу с великим Томом Картером, но какой бы изумительной и важной эта работа ни была, бывали моменты, когда он жалел, что не может все это бросить и отправиться гонять по волнам.

Его разбудил какой-то шум. Как раз тогда, когда он намеревался взлететь на очередной пологий гребень. Да-да, думал он в полусонном забытии, вот наступит август, и он отправится туда, встретится со всей своей бандой. Может, за девочками приударит...

Неясный шум послышался вновь.

Кто-то возится внизу? Звук доносился вроде из кухни. Но вдруг шум прекратился, так же внезапно, как и возник.

— Эй, Дона, ты слышала? — прошептал он женщине, спавшей рядом.

— Что? — сонно спросила та, придвигаясь к нему и прижимая свою аккуратную попку к его паху.

— Кажется, какой-то шум...

Она потерлась о него попкой и протянула руку назад, ухватившись за его напрягшийся пенис.

— Ничего я не слышала, — пробормотала она. — Но вот кое-что точно чувствую.

— Ничего особенного, наверное, — сказал он, наслаждаясь горячими прикосновениями ее руки.

— Не бери в голову, — посоветовала она, еще ближе притягивая его к себе. — То, что я ощущаю, достаточно особенное.

— Да я про шум, — засмеялся он.

— Шум? — глубоко дыша, переспросила она. — Вот если ты пустишь эту штуку в дело, как и полагается, тогда я тебе такой шум устрою!

Он закрыл глаза, а она помогла ему войти в нее, а потом он задвигал бедрами, приспосабливаясь к заданному ею ритму. О'кей, это просто здорово, признался он себе, позволив ей повернуть себя на спину и взгромоздиться сверху, опустив груди ему на лицо. Есть на свете кое-что получше, чем наука и серфинг.

Полчаса спустя они уже спали, тесно обнявшись. Может быть, если бы они бодрствовали минут на десять дольше, они бы почувствовали запах газа, вытекающего из аккуратно перерезанного шланга в кухне внизу. И успели бы разобрать стоящий рядом простенький запал, умело сооруженный из спички, полоски шлифовальной бумаги и пружины.

Следующее утро. Чарлстаун

Нора Лутц положила на поднос последний кусочек тоста, рядом с шотландским джемом, который так любила ее мать. Потом налила в чашку чаю — сначала, естественно, молоко;

мать пила чай только так с тех пор, как в 1978 году съездила в Англию. Потом поставила на поднос тарелку хлопьев с отрубями и небольшой кувшинчик с холодным молоком — он как раз уместился в свободном уголке. Теперь поднос с завтраком сервирован именно так, как матери больше всего нравится, и Нора, выйдя из кухни на первом этаже своей двухэтажной квартиры в Чарлстауне и обойдя двух кошек, стала подниматься с ним наверх, по истоптанным ступеням лестницы, в комнату матери.

Было время, когда она прямо-таки ненавидела мать со всеми ее болячками. Но это было много лет назад, когда ей едва стукнуло тридцать. Когда она считала, что приносит себя в жертву. Теперь, когда ей сорок пять, вся ее настоящая жизнь отдана «Джиниус». То, что она попала в состав группы, работающей над проектом «Кана», стало для нее настоящим подарком; проект был такой значительный и важный, что поглотил ее целиком. И не имело никакого значения, что ее мать не понимала и не могла оценить то, чем она занималась. Картер и все остальные высоко ценили ее вклад, а как раз это-то и было для нее важнее всего. Проект «Кана» и то, что он обещал, были для нее бегством от вызванных клаустрофобией безумных требований и эмоционального шантажа матери, которую она нежно любила, но нередко желала, чтобы та поскорее отошла в мир иной.

Она дошла до пятой ступеньки и сделала секундную остановку, приготовившись услышать фразу, которую мать выкрикивала именно в этот момент. «Нора, завтрак уже готов?» Слова эти она слышала каждый день.

Но сегодня она не слышала ничего — ни вопросов, ни жалоб, ни просьб. Вообще ни звука. Мертвая тишина.

Дойдя до поворота лестницы, она сочла необходимым сообщить:

— Мама, я уже несу завтрак. Чай я заварила так, как ты любишь. О'кей?

Молчание.

— Мам!

Нора бессознательно ускорила шаг. Она не могла припомнить, чтобы мать когда-нибудь проспала время завтрака. Тут же пришла в голову мысль о самом плохом, и она сразу ощутила

раскаяние за все те моменты, когда она желала матери смерти. Добравшись до лестничной площадки, она крикнула еще раз:

— Мам, с тобой все в порядке? Ответь же, хватит валять дурака!

И снова не получила ответа. Уже почти бегом она двинулась дальше, расплескивая чай на поднос, на тосты и хлопья. Матери это не понравится, успела она подумать, локтем открывая дверь.

— Мам, проснись!

В следующую секунду она выронила поднос и зажала ладонями рот. Хотела закричать, но не смогла выдать ни звука.

Дело было даже не в скрюченном теле матери, неподвижно лежавшем на постели с подушкой на лице. Не это вызвало у Норы такую реакцию. Дело было в темноволосом мужчине с зеленовато-дымчатыми глазами, который вдруг появился рядом и еще сильнее прижал ей ладони ко рту, прежде чем всадить в ее руку иглу шприца.

Бек-Бэй, Бостон

Почти в это же время в жилом районе города за бухтой Джасмин Уошингтон достала ключи от машины и наклонилась к Ларри. Он пил апельсиновый сок на освещенной солнцем террасе. Джасмин поцеловала его и сказала:

— До вечера.

Ларри отложил в сторону журнал «Вэрайети», запечатлел ответный поцелуй и улыбнулся:

— Желаю успешной работы. Передай привет Холли.

— Передам.

Она поцеловала его еще раз и пошла вниз, в гараж. Сверху до нее донесся голос Ларри:

— Когда вернешься?

— Не слишком поздно.

— Что приготовить на ужин?

Она вошла в свой «БМВ-325», опустила складную крышу и завела мотор. Выхав задним ходом на дорожку, освещенную утренним солнцем, подняла взгляд на Ларри, свесившегося че-

рез перила террасы. Послала ему воздушный поцелуй и прокричала:

— А ты сделай мне сюрприз! — И умчалась, выбросив изпод колес два фонтанчика.

Возможно, если бы Ларри не окликнул ее сверху и не отвлек ее внимание, она заметила бы лужицу жидкости в гараже на том месте, где стоял ее «БМВ». Лужицу, в которой Ларри позднее опознал тормозную жидкость.

Глава 26

Камера смертников, тюрьма штата Массачусетс

После той ночи полного отчаяния Мария Бенарьяк приказала себе принять неизбежное. Через пару дней ей удалось полностью восстановить контроль над собой. Она уже поняла, что не будет ни отсрочки исполнения смертного приговора, ни Божественного вмешательства; не осуществится и ее грандиозный замысел покончить с Картером. Теперь она знала это твердо и приказала себе смириться.

Она медленно ела свой завтрак, подбирая кусочки с простой белой тарелки и стараясь извлечь все возможное удовольствие из вкуса и запаха яичницы и мясного рагу.

Приближающийся стук каблуков охранницы прервал ее занятие. Она недовольно подняла голову. И когда тяжелая женская фигура возникла по ту сторону решетки, отделявшей камеру от коридора, Мария хмуро сказала:

— Я еще не все доела. Могли бы и подождать...

Охранница оборвала ее взглядом:

— Не дергайся, Проповедница. Никуда твой завтрак не уйдет. К тебе пришли.

Мария недовольно хмыкнула. Не слишком ли далеко зашел Хьюго Майерс со своим профессионализмом? А она-то думала, что он больше не появится. В конце концов, если нет смысла подавать апелляцию, то нет и повода с ним встречаться.

— И чего на этот раз хочет мой замечательный адвокат? — с иронией вздохнула она, не ожидая, впрочем, ответа на свой вопрос.

— Адвокат? — рассмеялась охранница. — К тебе пришел вовсе не адвокат. Этот тип так же похож на адвоката, как и ты. Черт бы его побрал, он желает стать твоим духовным наставником!

Мария чувствовала, как в ее душе затеплилось легкое возбуждение. Два охранника вели ее, скованную наручниками, по выложенному белой плиткой коридору от ее камеры в комнату для свиданий.

Когда Изекьель де ла Круа поднялся ей навстречу и улыбнулся, Мария чуть было не бросилась к нему, чтобы заключить в объятия. Но все, что она могла, — это заглянуть глубоко-глубоко в его темные глаза. Она смотрела на святого отца, не произнеся ни слова. Охранники усадили ее и примкнули наручники к стальному кольцу, торчавшему из середины железного стола. Тот, что повыше, обратился к Изекьелю:

— Сэр, в этом помещении совершенно безопасно вести любые беседы с адвокатами и духовниками. Беседы не записываются и не отслеживаются камерами. Но вы ни при каких условиях не должны прикасаться к узнице. — Он указал на большую кнопку на стене: — Когда закончите или если вам что-то понадобится, просто позвоните.

— Позвоню, — ответил Изекьель, и охранники покинули комнату, заперевав за собой дверь.

Теперь, когда они остались одни, Мария заговорила.

— Святой отец, я очень виновата. Пожалуйста, про... — Она не успела договорить — Изекьель приложил палец к губам. Обойдя стол, он остановился возле нее. И долгое время стоял так, просто глядя на нее. Она хотела спросить, что не так, но сдержала себя, почувствовав, что он сам хочет что-то ей сказать.

И вдруг она увидела у него на щеках слезы. И было видно, что он и не пытается сдержать их. Святой отец плакал!

Прежде чем она успела вымолвить хоть слово, он вдруг опустился перед нею на колени и склонил голову. И когда в конце концов заговорил, то так тихо, что она ничего не разобрала.

Тогда он чуть повысил голос и повторил свои слова. Но она не поняла его.

— Да будешь ты спасена, — произнес святой отец еще раз.

Она нахмурилась:

— Что вы хотите этим сказать?

Все еще стоя на коленях и не глядя на нее, Изекьель продолжил:

— Доктор Картер нашел для нас то, что искал сам...

— Что же? — подтолкнула она.

— Он нашел человека с генами мессии. Того человека, который родился, когда Священный огонь вспыхнул белым светом. Того человека, который еще ребенком имел дар целителя. — Тут Изекьель поднял голову, и их глаза встретились. — Этот человек — ты, Мария. Ты — наш новый мессия. Ты — избранная.

Она на секунду замерла, глядя ему в глаза. Ее мозг был не в состоянии переварить услышанное. Это был даже не шок, больше: ей казалось, что отец Изекьель говорит вовсе не о ней, а о ком-то постороннем.

Разве такое возможно?! Разве это может быть правдой?!

Несмотря на невероятность того, что она услышала, какой-то частью сознания, мельчайшей частью, запертой глубоко-глубоко, она все же ни на секунду не усомнилась в этом откровении. «Ты же всегда догадывалась, что ты — избранная, — казалось, твердила ей эта частица сознания, — а теперь знаешь это наверняка».

— Да будешь ты спасена, — повторил Изекьель.

Мария поколебалась лишь долю секунды, прежде чем ответить:

— Дабы я могла спасти праведных.

Иzekьель поднялся с колен и сел на свой стул.

— Теперь ты знаешь свое предназначение, и мне нужно многое тебе сказать. Нам многое необходимо сделать.

Какое счастье! Она снова чувствует любовь святого отца. Все еще едва веря в то, что все так резко переменялось, Мария улыбнулась, наклонилась вперед, насколько позволяла цепь от наручников, и стала внимательно слушать, что говорил ей Изекьель.

* * *

Следующую ночь Мария почти не спала. Ее отчаяние отступило. Исчезла и ее стоическая решимость принять неизбежное, смириться. Она обдумывала то, что сообщил ей отец Изекьель, и вспоминала. Вспоминала события своего детства.

Значит, все было правдой? Действительно происходило? Отец Изекьель напомнил ей о многом. О том, что она уже давно привыкла считать нелепыми фантазиями несчастного ребенка.

Она раскрыла глаза и устремила взгляд в тюремный мрак, пытаясь до мельчайших деталей вспомнить то, что она старалась забыть — что заставляли ее забыть. Отчетливее всего она помнила тот страх и ту усталость, которые охватили ее, когда она тормозила девочек на земле — они упали с невероятной высоты, с приютской башни, куда им под страхом наказания влезать было запрещено. Она пыталась заставить их неподвижные тела пошевелиться. Она и сейчас, на тюремной койке, всем телом ощутила ту же тупую боль, полную обессиленность, какие чувствовала, прикасаясь к каждому неподвижному телу, и чудовищную усталость потом, когда к несчастным, окровавленным вернулись признаки жизни. Но больше всего ей запомнилось то чувство огромного облегчения, когда девочки вдруг как ни в чем не бывало стали подниматься с земли и отряхиваться. Все это было, было! Это не плод ее воображения! Не дерзкая выдумка, как ей внушали.

Туман, застилавший прошлое и ее собственный отказ от него, отречение, постепенно рассеивался, освещенный откровением отца Изекьеля о ее предназначении, оставляя на поверхности сознания не искаженные временем образы и чувства.

Иzekьель рассказал ей и о своем визите в лабораторию доктора Картера, и о том, как этот ученый обнаружил ее геном. Он также информировал ее, что Гоморру уже пустили по следу ученого и всей его группы. Она возразила было, что хотела бы покончить с Картером сама, но святой отец лишь неопределенно пожал плечами. Еще он сказал, что Внутренний круг так и не пришел к решению, каким образом они могут вытащить ее отсюда. А у нее оставалось всего двенадцать дней.

Мысль о неотвратимой казни заставила ее подумать о собственных способностях и наполнила ощущением власти над

происходящим. Она вновь контролирует ситуацию! Радость от этого была сильнее того чувства справедливости и праведности деяния, которое наполняло ее всякий раз в предвкушении убийства. История об искусанной пчелами девочке и вовсе ее взбудоражила, и не только потому, что она живо ее вспомнила, но еще и потому, что подсказала ей идею, от которой она затрепетала в возбуждении.

Сохранила ли она эту свою способность исцелять? Она задумалась. Был ли момент, чтобы она сознательно подавила в себе эти способности? Она такого момента не помнит. Все, что ей вспоминалось, — это страх и отчаяние оттого, что ее все время наказывали за «небылицы». Но страх наказания вовсе не отказ! Значит, если позволить этим способностям вернуться, она тут же обретет их вновь.

Мария всегда чувствовала, что она избранная. И теперь ей стало ясно, что все же есть некий план, придуманный специально для нее, и она была не права, усомнившись в своей вере. Она задрожала, как в лихорадке. Да, мужчина всегда готов нести смерть; она знает это лучше многих. Но только Господь всевластен над жизнью и смертью. Но если она тоже обладает такой властью, то что же она такое? Истинное дитя Бога?

Она скатилась с койки и стала расхаживать взад-вперед по темной камере, страстно желая, чтобы поскорее занялась заря. Восторженное возбуждение овладело всем ее существом. Теперь ей было понятно, что нужно делать, яснее ясного. Завтра святой отец снова приедет к ней, и она сообщит ему о своем плане. Если ей суждено выбраться отсюда, то понадобится его помощь и помощь братства. Ее собственного братства! Она улыбнулась в темноте — теперь она ничуть не боялась мрака!

Сейчас ей многое нужно успеть. Перед ней стояло множество неотложных дел.

На следующий день Изекель де ла Круа не приехал, но вскоре после обеда к Марии явился другой посетитель.

В безликой комнате для свиданий сидел Том Картер и ждал, не зная, что только вчера на этом же стуле сидел Изекель. Синяя рубашка и легкий льняной пиджак Тома были измяты. Под глаза-

ми полукружьями залегли тени, голова болела. Он бездумно оглядел мрачное помещение: белесые стены без окон, режущее глаз флуоресцентное освещение. Мысли Тома витали где-то далеко. Он уже не был уверен в целесообразности своего визита.

С Корсики он вернулся вчера, ощущая одновременно и уныние, и возбуждение. Он был уверен, что Мария способна помочь Холли, но сомневался, что она захочет ей помогать, что бы он ни предложил взамен. В аэропорту Логан он быстро прошел таможеню и вышел на площадь, скользая взглядом по лицам встречающих в поисках водителя из «Джиниус». Ему отчаянно хотелось поскорее увидеться с Холли.

К своему удивлению, вместо водителя он увидел Джека в сопровождении двух полицейских. Едва взглянув на мрачное лицо друга, он тут же решил, что состояние Холли ухудшилось или произошло нечто похуже. Но облегчение, которое он испытал, услышав, что это не так, жило недолго.

— Что? Взрыв в квартире Боба Кука? Как он?

— Он погиб, Том. Вместе со своей подружкой и стариком, который жил этажом ниже.

— Погиб? — Том еще был не в силах осознать смысл того, что услышал.

Потом, когда первоначальный шок схлынул, в его мозгу молнией вспыхнула мысль: «Успел ли он разгадать загадку выздоровления тех мышей?» Устыдившись самого себя, он тут же отбросил этот вопрос в сторону. Но вопрос по-прежнему оставался без ответа.

Смерть Боба Кука была, конечно, не единственной скверной новостью. Отнюдь. И только когда он узнал, что Нора, по всей вероятности, умерла от разрыва сердца, обнаружив свою мать мертвой, до него кое-что стало доходить.

— Нора умерла от разрыва сердца? — недоверчиво переспросил он, повторяя слова Джека как какой-нибудь идиот, любитель передразнивать. — Да у нее же сердце было как у быка! А мать ее уже много лет была больна. И ее смерть не вызвала бы у Норы ничего, кроме легкого потрясения...

И в дополнение ко всему прочему, уже когда они сидели в машине, Джек сообщил ему, что Джасмин попала в аварию.

— О Господи! Только этого не хватало! Ну с нею-то хоть все в порядке?

Джек устало мотнул головой:

— Пока трудно сказать...

И тут ему окончательно все стало ясно. До жути ясно и понятно.

— Думаю, что тот, кто стоял за Марией Бенарьяк, по-прежнему стремится остановить работу по проекту «Кана», — сказал Джек. — А это означает, что, жив Проповедник или умер, ты остаешься их мишенью.

Некоторое время он раздумывал, не бросить ли ему эту затею, прямо сейчас. Не потому, что в опасности его собственная жизнь — острота этого ощущения давно уже притупилась, но потому, что его навязчивое стремление спасти дочь уже стоило жизни нескольким людям. Он уже был не единственным в списке тех, с кем этот безумный фанатик разошелся во мнениях и кого хочет теперь убить. Выходило так, что некто желает во что бы то ни стало остановить проект «Кана» и всех, кто с ним связан. И уже убил нескольких — его друзей! — и все из-за того, чем занимается он. Из-за его эгоистичного, зашоренного — к дьяволу все, что по этому поводу думает кто-то еще! — стремления спасти собственную дочь. А если подумать, действительно ли он всего лишь стремится спасти свою Холли? Или это только предлог, прикрытия для его навязчивой идеи как следует проучить природу? Покончить с раком и со всеми прочими гнусными штучками и коленцами, которые выкидывает Мать-Природа, чтобы показать, насколько на самом деле слабы и беспомощны все мы со всеми своими новейшими технологиями? Может, он и впрямь старается подчинить ее себе и изменить соотношение сил на поле их битвы, несмотря ни на какие потери вокруг?

«Может, дело именно так и обстоит?» — без конца спрашивал он себя. Джек между тем повернул машину на дорожку к кампусу «Джиниус». Только когда он добрался до больничной палаты и, заглянув в доверчивые глаза Холли, подбодрил ее, только тогда он сумел задавить этих демонов у себя в душе, что питали его сомнения. Только тогда он до конца осознал чистоту своих намерений, ту простую истину, что он старается ис-

пользовать все, что в его власти, чтобы спасти дочь. И ничего более. Но и не менее.

Если ему удастся спасти к тому же и других, что ж, тем лучше. Но эту задачу, это бремя уже взяли на себя другие, оно вошло составной частью в другие проекты, над которыми работают в «Джиниус» и в бесчисленных других научных учреждениях по всему миру. А проект «Кана», да и он сам, нацелены исключительно на то, чтобы спасти Холли. И если гибель людей, помогавших ему в осуществлении этого проекта, хоть что-то значит, стало быть, он обязан идти дальше, до самого конца. И тот, кто попытается его остановить, есть зло, мешающее самой природе, мешающее отцу в его естественном стремлении спасти свое дитя.

И в то же время, сидя сейчас в комнате для свиданий рядом с камерами смертников и слушая приближающиеся шаги, он прекрасно понимал, что ситуация, в которой он оказался — человек, пытающийся договориться с убийцей собственной жены о спасении своей дочери! — крайне далека от нормальной.

Когда два охранника ввели Марию в комнату, Том сразу поразился ее спокойствию. Она вовсе не выглядела как узница камеры смертников. Ни один нормальный человек не способен сохранить подобное самообладание, когда до смерти осталось всего несколько дней. Но потом он напомнил себе, что Проповедник — человек не совсем нормальный. Его также поразило, что ее, кажется, не особенно удивил его приезд. Она скорее казалась несколько разочарованной — словно ждала не его, а кого-то другого. И он на секунду задумался, кто бы это мог быть.

Он не сказал ей ни единого слова, пока охранники пристегивали ее цепочкой к кольцу на столе. Но после их «позовите нас, если что понадобится» и указания на кнопку звонка возле двери Мария улыбнулась ему. Это была улыбка победителя, жалящего свою жертву.

Даже когда охранники ушли, Мария не сделала попытки говорить. Волосы у нее уже отросли, и если бы не эти глаза и ее необычная, скульптурная фигура, она выглядела бы очаровательной, даже слабой и уязвимой, как только что вылупившийся цыпленок. Он заранее приготовил речь, с которой хотел к ней обратиться, но когда она села напротив, все эти слова показались ему вдруг ненужными, не имеющими отношения к делу,

так что, не заботясь о вступлении, он прямо рассказал ей о проекте «Кана» и о том, как им удалось найти аналог генов из Назарета. И был поражен полным отсутствием реакции с ее стороны. Тогда он сообщил ей, что этими генами обладает она. И опять ее спокойствие его просто потрясло.

— Что вы думаете обо всем этом? — спросил он в конце концов, желая услышать хоть какой-то ответ. Но она лишь пожала плечами, словно он спросил ее, какое мороженое она предпочитает.

— Вам не кажется это... интересным? — продолжал допытываться он. — Ирнии судьбы в этом не видите?

— Несомненно, — ответила она в своей обычной небрежной манере. — Но самое интересное то, что вы лично явились мне это сообщить. Я же говорила вам, что еще не все кончено.

Том прикусил губу. Ее поведение вызывало у него желание перегнуться через стол и вклепить ей хорошую пощечину, врезать прямо по этому гладкому, довольному лицу. Как это Алекс всегда говорил ему после очередной истории про призраков, когда он был маленьким?

— *Ведьма — единственная женщина, которую можно бить.*

— *А как насчет дьяволиц?*

— *Их тоже можно. Но они другие, сынок, их надо бить так, чтобы они уже не встали. Потому что если встанут, то набросятся на тебя, злобные и жестокие, как сам ад...*

Том пытался сохранять спокойствие. Было ясно, что Мария уже знает про эти свои гены. Иначе не была бы столь спокойна. Только кто же мог ей об этом сообщить? И тут его осенило: Изекеель! Он уже был здесь! Представился ей и сказал, что она и есть новый мессия. И сообщил про гены. Вот откуда ей все известно! Интересно, как Изекеель намерен теперь поступить? То, что искомой фигурой оказался Проповедник, должно быть, стало не менее страшным ударом по планам его братства, чем для его планов в отношении Холли.

Он сделал глубокий вдох и решил, что единственный способ пробить броню ее равнодушия — это строго придерживать фактов. Если она поможет — значит, поможет, а если нет...

— Мисс Бенарьяк, — начал он, стараясь, насколько возможно, говорить сугубо деловым тоном. — Из всех геномов, которые мы изучили — а это более пятисот миллионов, — мы обнаружили только три, в которых имелись эти мутантные гены. Два генома принадлежали уже умершим — одному индейцу из Колумбии и, естественно, Христу. Третьим обладаете вы. У всех троих было еще одно общее качество: способность исцелять больных на каком-то этапе своей жизни. — Он сделал паузу, желая видеть ее реакцию. Реакции не последовало. Тогда он продолжил: — Я уверен, что у вас по-прежнему есть этот дар, и хочу помочь вам его раскрыть.

Ее не совсем обычные глаза теперь смотрели на него более внимательно. Улыбка по-прежнему играла на губах.

— А зачем?

Он провел много бессонных ночей, обдумывая ответ на этот вопрос. Ответ, который мог бы убедить убийцу спасти его дочь. Но когда дошло до дела, он понял, что выбора у него просто нет, надо действовать напрямую. Он полез во внутренний карман пиджака и достал фотографию Холли. Он сделал этот снимок прошлым летом на Бермудах: Холли в красном купальнике на белом песке Хорсшу-Бей, машет рукой в объектив. Он положил снимок перед Марией — пусть у нее возникнет хоть какая-то связь с его дочерью, чтобы она, несмотря на свое отношение к нему, согласилась помочь ребенку. Она ведь все-таки женщина...

— Я хочу, чтобы вы спасли ее, — тихо сказал он.

— Кто она?

— Моя дочь, Холли.

Мария кивнула и всмотрелась в фотографию более внимательно. Потом одной рукой взяла ее со стола и словно бы погладила изображение другой рукой. Звякнули наручники.

— У нее ваша челюсть, — с улыбкой сказала Мария, будто сидела и просматривала семейный альбом. На секунду она подняла на него взгляд, и он увидел в ее глазах что-то нежное, беззащитное — какое-то страстное желание, тоску...

И тут пошли вопросы.

— Вы сильно ее любите?

Он кивнул, судорожно сглотнув.

— Она знает, как сильно вы ее любите? Вы ей говорили?

— Да, она знает, — ответил он, взяв себя в руки.

— Ей известно, что вы предприняли, чтобы помочь ей? Известно, что вы поехали сюда?

— Нет, о вас я ей не говорил.

— А что с ней?

— У нее опухоль головного мозга.

— И сколько ей осталось? Больше, чем мне?

— Не знаю. Надеюсь, что больше.

— И вы хотите, чтобы я ей помогла?

— Если можете.

— Ну, думаю, что могу, — сказала она, откидываясь на спинку стула.

«Неужели?» — подумал Том. Этот ответ удивил его. Он не ожидал, что она знает о своих способностях и, уж конечно, что она в них так уверена. Он ощутил все то же чувство — смесь разочарования и возбуждения, — которое испытал накануне, сойдя с самолета, но сохранил на лице выражение абсолютной невозмутимости опытного игрока в покер. А когда он заговорил о возможной сделке с властями, то постарался, чтобы его слова звучали строго по-деловому, даже небрежно, без намека на мольбу.

— Я говорил с губернатором штата. И могу устроить вам замену смертного приговора, если вы поможете девочке.

Улыбка Марии сделалась еще шире.

— Замену на пожизненное заключение? Жизнь за жизнь, так, что ли?

Он пожал плечами:

— Если угодно.

Мария, кажется, с минуту обдумывала предложение, переводя взгляд с фотографии на Тома и обратно.

— Как вы считаете, Холли здорово не повезло? — спросила она наконец.

Этот вопрос несколько смутил его, но, продолжая придерживаться избранной тактики и отвечать на все честно, он сказал:

— В том, что она заполучила рак мозга в ее возрасте, — конечно. Очень здорово не повезло.

— А я так не считаю, — спокойно сообщила Мария. Когда она снова посмотрела на фото Холли, ему показалось, что на ее безмятежном лице мелькнуло выражение грусти, тоски, может, даже зависти. — По-моему, ей как раз очень повезло. У нее есть родители, которые ее любят...

— Из них в живых остался только один, — не сдержался Том. Но Мария как будто и не слышала этого.

— Она была любимой и желанной с самого первого дня, как только появилась на свет.

— Это правда, — кивнул Картер, стараясь сдержать свои чувства и заботясь о том, чтобы связь Марии с Холли не прервалась. — Но если не оказать ей помощь, она через несколько месяцев умрет, может, даже через несколько недель. А она ведь абсолютно невинна.

Мария улыбнулась на это:

— Доктор Картер, никто не может быть абсолютно невинным... Так вы хотите, чтобы я вылечила ее от болезни? То есть чтобы я остановила то, что предопределено, лишь потому, что вы считаете это несправедливым? И потому что вы ее любите?

Сказанное звучало логично, голос ее был даже сочувственным.

Он кивнул.

— И взамен, — продолжала она, — вы избавите меня от смертельного исхода, не дадите мне умереть через одиннадцать дней?

Он снова кивнул, стараясь сохранять бесстрастное выражение лица, насколько это было сейчас возможно, не желая ничем и никак ее провоцировать.

Она смотрела на него, склонив голову набок, словно к чему-то в себе прислушиваясь.

— И вы готовы пойти на это, хотя не считаете меня невинной?

— Да.

Она наклонилась вперед, к нему, и он едва подавил инстинктивное желание отстраниться. Вместо этого он тоже наклонил-

ся вперед, и они стали похожи на двух влюбленных, шепотом обменивающихся нежностями за ужином при свечах. Он ощутил запах дегтярного мыла, исходящий от ее кожи, и мятной зубной пасты в ее дыхании.

— Даже при том, что это я застрелила вашу жену, причем совершенно хладнокровно? — продолжала она. Губы ее шевелились всего в паре дюймов от его лица. — И при том, что я пыталась убить вас?

— Да.

— Вы готовы пойти на это, лишь бы спасти свою дочь?

— Я готов и на большее. Вы поможете ей?

Мария промолчала, лишь снова заулыбалась. Том попытался понять, что означает эта улыбка, пытаясь отыскать на ее лице хоть какие-то признаки великодушия, но прочесть ничего не смог на нем. Мария опустила взгляд на свои наручники и с минуту как будто изучала собственные руки, словно это были какие-то чуждые ей предметы, существующие отдельно от нее. Когда она снова подняла глаза, улыбки на ее лице уже не было. Ее сменила маска полной отрешенности.

— Нет, доктор Картер. Я не стану помогать вашей дочери. Это последнее, что я вообще стала бы делать.

ЧАСТЬ IV

ЧУДЕСНЫЙ ГЕН

Глава 27

Неделю спустя. Операционная в больничном блоке «Джиниус», Бостон

Джасмин Уошингтон сидела на одном из обитых синим стульев в приемной перед дверью в операционную. Почесывая кожу под гипсовой повязкой на сломанной левой руке, она пыталась припомнить, когда еще в жизни испытывала такую боль, но не могла. В автомобильной аварии она сломала левую ключицу и лучевую кость. Вся левая половина тела был в синяках и ссадинах. Конечно, она ехала слишком быстро; вот вам результат покупки спортивной машины. Но до сего времени никто и никогда не перерезал ей тормозной шланг. Хорошо еще, что ей попался фургон с бакалейными товарами, в который она врзалась возле магазинчика «Севен-илевен», и что он стоял, а рядом не оказалось ни одного прохожего, когда она вылетела на тротуар.

Да, в общем и целом, можно считать, что ей здорово повезло. Похороны Норы Лутц состоялись два дня назад. Тело Боба Кука отправили в Калифорнию. Одна лишь мысль об их смерти и о том, что она сама чудом ее избежала, заставляла ее содрогаться. Вновь и вновь возвращаясь мыслями к происшедшему, она каждый раз приходила к выводу, что ей действительно крупно повезло.

За последнюю неделю, после того как Мария Бенарьяк отказалась помочь Холли, случилось многое. Во-первых, состояние девочки значительно ухудшилось. Если даже Боб сумел до-

копаться до причины чудесного исцеления мышей, он унес разгадку с собой в могилу. Два последних приступа у Холли заставили Тома решиться на операцию, хотя бы для того, чтобы убирать давление, которое производила опухоль. А та оказалась самой агрессивной из всех, какие Том и Карл Ламберт когда-либо встречали в своей практике.

Джасмин услышала, как справа распахивается дверь, и увидела усталого Алекса Картера — он как раз вошел в приемную.

Отец Тома казался сейчас гораздо старше, и ей впервые пришлось в голову, что теперь он выглядит как раз на свои шестьдесят восемь. Вид у него был такой, словно он заблудился, и лишь заметив ее, сидящую возле кофейного автомата, облегченно улыбнулся. Помахал рукой и подошел ближе.

— Как она? Операцию уже начали? — спросил Алекс, присаживаясь рядом.

Она покачала головой:

— Нет, ее еще готовят, в палате. — И большим пальцем здоровой руки она ткнула в стену позади себя. — Том с Карлом уже час как сидят в операционной и планируют свои действия. Видимо, скоро начнут.

— Ага, ага, — пробормотал Алекс, сжимая и разжимая пальцы на животе. Вид у него был испуганный, и Джасмин вдруг вспомнила, что он уже проходил однажды через такое. Видел, как страдала его жена — от такой же болезни.

— Карл Ламберт — отличный хирург, — заметила она, кладя руку ему на плечо. — Да вы и сами знаете. И Том тоже отличный хирург. Так что она в надежных руках, лучше и быть не может.

Старик повернулся к ней и попытался улыбнуться, но по его глазам было видно: он знает, что это конец или в лучшем случае начало конца. Джасмин заморгала, стараясь сдержать слезы, слезы злости и разочарования, не считая всего остального. После того, что им пришлось пережить, после всех этих смертей, после того, как работа по проекту «Кана» остановилась и последний шанс на спасение Холли был утерян — и все из-за убийцы, который и начал все это безумное предприятие. И даже мысль о том, что Марию через четыре дня казнят, не

приносила никакого утешения. Ее смерть представлялась какой-то совсем ненужной, почти глупой.

Алекс встал и подошел к автомату.

— Хотите чего-нибудь? — спросил он, явно стараясь как-то отвлечься.

— Да, спасибо. Черный, без кофеина и без сахара.

Дверь запахнулась, и они разом обернулись, ожидая увидеть каталку с лежащей на ней Холли. Но это оказался Джек Николс. Задумчиво поглаживая свой шрам, словно не будучи уверенным в том, что ему следует находиться здесь, он сказал:

— Решил вот зайти поглядеть, что тут происходит. Работа из рук валится, все время думаю только о Томе и Холли... — Он замолчал.

— Да-да, я понимаю, — сказала Джасмин.

— Кофе хотите? — спросил Алекс, все еще стоявший возле автомата.

Джек криво улыбнулся, словно говоря: «Если бы эта чашка кофе могла что-то изменить!»

— Да, спасибо. Некрепкий. И четыре кусочка сахара.

Алекс уже готов был прокомментировать его заказ, но тут двери резко запахнулись и две фигуры в зеленом ввезли в приемную каталку с Холли. Каталку двигали. Девочка лежала на спине, ее стриженная наголо голова была закреплена на подушке специальным зажимом. Одна-единственная ошибка при наведении лазера, подумала Джасмин, вспомнив слова Тома о связанных с операцией рисках, и паралич. Или даже хуже. Но когда она увидела испуганные глаза своей крестной дочери, перебегающие с предмета на предмет, то невольно задалась вопросом, действительно ли смерть хуже, чем вот такое зрелище.

Джасмин и Алекс встали и подошли к каталке, которая установилась перед дверьми в операционную. Джасмин протянула руку, и Холли ухватилась за ее указательный палец, как это делает новорожденный. Другой рукой она схватила руку Алекса. Джек Николс тоже подошел и встал рядом.

— Не волнуйся, скоро увидимся, — сказал он, делая рукой знак «о'кей» — соединив в кольцо большой и указательный пальцы.

Холли попыталась улыбнуться и отпустила палец Джасмин, чтобы сделать Джеку такой же знак.

— Удачи, Холли, — сказала Джасмин, стараясь, чтобы голос ее звучал уверенно.

— Все будет хорошо, — грустно добавил Алекс, глядя девочку по щеке. — Твой папа сделает все, что нужно.

Двери в операционную открылись, и оттуда появился Том Картер. Следом вышел Карл Ламберт. На обоих уже было зеленое хирургическое облачение. У Тома на шее болталась марлевая маска. Джасмин видела боль у него в глазах, когда он наклонился и поцеловал дочь в лоб. А когда он заговорил, в голосе его звучала невыносимая нежность.

— Не бойся, Холли, ладно? Я все время буду рядом. Ты готова?

— Да, папа, — ответила Холли шепотом. Напряженное выражение ее лица смягчилось, страх в глазах пропал.

Том еще раз поцеловал ее, потом выпрямился.

— Ну что ж, начнем, пожалуй...

Джасмин смотрела, как каталка въехала в ярко освещенную операционную. Последнее, что она увидела, пока за ней не закрылись двери, были четыре фигуры в зеленом, сомкнувшиеся вокруг операционного стола. И сидевший глубоко внутри ее давно забытый баптист заставил ее перекреститься и прошептать молитву.

А в пятнадцати милях от «Джиниус» Изекьель де ла Круа мерил шагами комнату для свиданий в тюрьме штата Массачусетс, а его новый мессия, Мария Бенарьяк, сидела, прикованная к столу.

— Извини, что не смог приехать раньше, — пытался он оправдаться. — Был очень занят. Нужно было со многими договориться, чтобы вытащить тебя отсюда.

— Но я ведь уже говорила вам, святой отец, — возразила Мария, барабанила пальцами по стальной поверхности стола, — что у меня есть план получше и мне нужна ваша помощь, чтобы его осуществить.

Изекийель все еще никак не мог привыкнуть к своему новому положению, когда он должен выполнять приказания женщины, которая всегда ему подчинялась. Все последнюю неделю он был занят тем, что подгонял членов Внутреннего круга, разрабатывавших план ее побега. Он даже вынужден был согласиться с требованием все еще скептически настроенного брата Бернарда, который хотел, чтобы Мария представила какие-нибудь доказательства того, что действительно является избранной. И вот теперь, когда ему наконец удалось убедить Бернарда и они смогли набросать пока еще только общую рабочую схему побега, Мария говорит, что о нем можно забыть. Могла бы по крайней мере сначала выслушать, что они придумали. Кроме того, он сомневался, что ее план действительно лучше. И все же Мария была явно уверена в том, что предлагала. А как только она окажется на свободе и будет помазана, тогда он наконец сможет оставить свой пост, поскольку дело будет сделано. Одна лишь мысль о моменте, когда он снимет со своих плеч ответственность, заставила его тяжело вздохнуть.

— Ну хорошо, — сказал он, доставая из коробочки таблетку антацида и отправляя в рот. — Расскажи, что ты придумала. — Его рука машинально вернула таблетку на место, потому что Мария сделала ему знак приблизиться. Посмотрела направо и налево, как будто кто-то мог их подслушать, и наклонилась к нему. И заговорила — таким тихим шепотом, что ему пришлось нагнуться почти к самым ее губам. Подавляя нетерпение, он внимательно слушал, пока она излагала свою идею. Сначала больше из чувства долга, нежели из истинной заинтересованности, но по мере того, как она в подробностях излагала свой план, он слушал ее все более и более внимательно. Когда она закончила, он сидел с открытым от удивления ртом, совершенно пораженный. План был великолепный. Вот только как его осуществить?

Некоторое время он молча смотрел в ее разноцветные глаза.

— Но откуда тебе известно, что все произойдет именно так? — спросил он наконец.

Мария улыбнулась. Ее лицо излучало полную безмятежность.

— Просто поверьте мне!

— Я верю, однако...

— Я ведь новый мессия, не так ли?

— Да, но...

Мария потрясла своими наручниками и опять сделала знак, чтобы он наклонился.

— Возьмите меня за руку!

Он колебался.

— Не бойтесь!

Он осторожно выполнил ее приказ. Ощутил, как ее пальцы сомкнулись на его руке, плотно обхватив ее. Он видел, как она закрыла глаза и вдруг побледнела, будто ей стало больно. Потом почувствовал странное тепло, оно поползло вверх по руке к плечу, охватило все тело. Ощущение было такое, словно кожу ему натерли целебной мазью. И тут она выпустила его руку, а на ее губах появилась едва заметная улыбка.

— Я ничего не понял, — признался он, протягивая руку к своей коробочке с пилюлями, которая так и стояла на столе возле ее скованных рук.

— Оставьте их, — тихо сказала она.

— Что?

— Оставьте эти таблетки. Они вам больше не нужны.

Он замер, молча глядя на нее. Нет, это совершенно невозможно! И тем не менее боль в желудке исчезла: не просто уменьшилась или утихла — исчезла полностью!

Она улыбнулась, видя его ошеломленное выражение лица, но за этой улыбкой он мог разглядеть, что она поражена почти так же, как и он сам.

— А теперь вы верите, что мой план может сработать? — спросила она.

Он с трудом заставил себя кивнуть. Теперь он мог представить сомневающемуся брату Бернарду все нужные доказательства.

— Вот и хорошо. А теперь идите, — сказала она. — Вам многое предстоит сделать.

Том внимательно следил за руками Карла Ламберта, направлявшими лазерный скальпель, которым хирург старался уда-

лить темную больную ткань, не повреждая соседние участки мозга — мозга его дочери.

Половина его существа страстно хотела сама взяться за лазер, а не просто ассистировать на этой операции. Но более рационально мыслящая вторая половина понимала, что он будет лишь помехой, даже если не принимать во внимание его раненую ногу. Он всегда считал, что вполне способен провести любую хирургическую операцию, полностью отрешившись от всего постороннего, однако сейчас понимал, что не в состоянии это сделать. Сколько он ни пытался воспринимать Холли исключительно как пациентку, у него ничего не получалось. Это была его дочурка, такая слабая, хрупкая, что одна только мысль о скальпеле бросала его в дрожь.

Вокруг операционного стола стояли четыре монитора. По трем из них можно было следить за всеми жизненно важными процессами в организме Холли. Четвертый успокаивающе попискивал — это был электрокардиограф, отслеживающий работу сердца. На экране, который давал крупным планом изображение головного мозга, было видно, как микролазер Карла Ламберта убирает темные клетки опухоли. За экранами следила сестра Лоуренс и ее помощница, сестра Фрэн Хаклберри. Тим Фуллер, анестезиолог, стоял в изголовье операционного стола, в четырех шагах от Карла и Тома.

Хотя считалось, что Том оказывает Карлу техническое содействие, делать ему было практически нечего, разве что смотреть. Операция была такая тонкая, что даже одной пары рук казалось слишком много. Он старался успокоить себя, все время повторяя, что Карл Ламберт — первоклассный хирург, один из лучших. И все же прекрасно понимал, что даже если Холли выживет после операции, это в лучшем случае добавит ей несколько месяцев жизни, не больше. И снова ему пришла в голову мысль, а стоит ли продлевать ее страдания.

Он все еще никак не мог смириться с тем, что Мария Бенарьяк скорее была готова умереть, чем помочь Холли. Это было с ее стороны настолько бессмысленно, настолько мелко... На что она надеется, если казнь состоится уже через четыре дня? Что даст ей это упорство? Он вспомнил все истории, что рас-

сказала ему мать Клеменца о детстве Марии. Вспомнил и уверенное признание самой Марии, что она могла бы помочь Холли. Если бы захотела. Как все это бездарно получается!

Он повернулся к кардиомонитору и увидел, что сердце действительно остановилось. Линия на экране была ровной. Ни единого зубца. Сердце Холли перестало биться.

Время вдруг застыло. Карл Ламберт поднял глаза на Тома. Взгляд был обеспокоенный. Видимо, он задел живую ткань, жизненно важный отдел головного мозга, что повлияло на всю нервную систему Холли. Том схватился за дефибриллятор, чтобы с помощью электрического разряда запустить сердце. Сестра Лоуренс уже наносила на грудь Холли токопроводящий гель. Левая нога Холли вдруг сильно дернулась, и по всей левой половине тела прошла мощная судорога. Тому потребовалась немалая сила, чтобы как следует прижать подушки дефибриллятора. Он старался забыть, что это его дочь, вот тут, у него под руками, старался не думать о травме, наносимой ее маленькому, слабому организму, сосредоточившись на действиях, необходимых для сохранения ее жизни.

Первый разряд результата не дал: линия на экране кардиомонитора оставалась ровной.

Том подождал, пока прибор снова зарядится, и еще раз прижал подушки. Тело Холли содрогнулось, и ему на секунду показалось, что на экране появились зубцы нормальной кардиограммы. Но он ошибся. Линия оставалась ровной.

Третий разряд. Ничего.

Четвертый.

Тому казалось, что его битва за жизнь дочери длится вечность, но в действительности она продолжалась девяносто две секунды. После чего всем стоявшим вокруг операционного стола стало ясно: все кончено.

Жизнь Холли Картер оборвалась.

И тут Том услышал ужасный, дикий вой, словно кричало раненое животное, и в течение нескольких секунд не осознавал, что кричит он сам. А потом его вдруг осенило! Это было как откровение свыше, такое внезапное и такое очевидное, что он снова закричал.

И прежде чем кто-то успел кинуться к нему, чтобы успокоить, он заорал:

— Ничего не трогать!!! — и бегом бросился из операционной. Не обратив внимания на Джасмин, Алекса и Джека, ожидавших в приемной, он понесся в лабораторию Крика.

Когда тело умирает, это происходит в четыре этапа. Сердце перестает качать кровь, легкие прекращают брать кислород из воздуха, работа мозга останавливается. Организм при этом находится в состоянии клинической смерти. Но организм — это набор клеток, а отнюдь не все клетки умирают сразу...

Том Картер не стал ждать лифта — тот все равно был занят — и устремился прямо к лестнице. Прыгая через ступеньки — забыв даже про раненую ногу, — он подбежал к двери на второй этаж, распахнул ее, промчался мимо одного из вирусологов, как раз входившего в лабораторию Менделя, и буквально пролетел через все огромное пространство главного зала лаборатории. Не замечая удивленных взглядов сотрудников, поднявших головы от столов, он ткнул пальцем в сканер замка на двери, ведущей в лабораторию Крика, изнывая от нетерпения.

И как только дверь с шипением отъехала в сторону, в одну секунду он оказался у холодильного шкафа, где хранились тринадцать пробирок с сывороткой «Троица». Рванув дверцу, он выхватил из держателя одну из пробирок. Дернул ящик ближайшего рабочего стола в поисках шприца. Содрал с него стерильную упаковку, вставил иглу в пробирку и потянул поршнем шприца ее содержимое. Наполнив шприц, он чуть нажал на поршень, выпуская собравшиеся в цилиндрике пузырьки воздуха. Закатал себе левый рукав, закрутив его так, чтобы вздулась вена, и, всадив в нее иглу, нажал на поршень.

Когда Джасмин, Джек и Алекс вошли в операционную, никто не имел ни малейшего понятия, куда умчался Том. Она хотела было броситься за ним, но Алекс удержал ее, сказав, что Тому просто надо побыть одному.

Карл Ламберт был бледен, ассистенты растерянно смотрели на него. Он сделал было попытку не пустить вошедших в

свою стерильную святая святых, но лишь безнадежно махнул рукой. Он уже обработал маленькую ранку на затылке Холли и прикрыл ее зеленой хирургической салфеткой.

Джасмин смотрела на девочку. Глаза Холли были закрыты, было похоже, что она спит. Лицо ее было странно спокойным. И Джасмин до умопомрачения захотелось прикоснуться к ней, встряхнуть ее, убедиться, что она жива...

Но она не стала этого делать. И плакать она тоже не стала, хотя сердце ее было полно такого бесконечного горя, какое охватило ее, когда погиб ее брат и когда застрелили Оливию. Не заплакала она и тогда, когда увидела выражение отчаяния на лице Алекса. И только заметив, как из левого глаза Джека Николса скатывается одна-единственная слезинка и ползет вниз, ко рту, повторяя изгибы шрама, — только тогда она заплакала. То, что этот крутой и жесткий фэбээровец не смог сдержать слез, заставило ее до конца осознать весь трагизм случившегося.

Внезапный грохот заставил их вздрогнуть. Том не просто толкнул двери, он вломился в них порывом ураганного ветра. Левый рукав его хирургического халата был закатан, глаза лихорадочно блестели. Не обращая ни на кого внимания, он подлетел к операционному столу и обхватил худенькое тело Холли обеими руками, словно хотел унести ее отсюда. Но он никуда ее не унес, а лишь сильно прижал к своей груди.

Лица его Джасмин не видела, но смертельно-бледное личико Холли ей было хорошо видно из-за плеча Тома. Плечо это вдруг начало содрогаться. Том еще сильнее прижал к себе дочь.

Алекс Картер успокаивающим жестом положил руку на спину сына, но тут же отдернул, словно прикоснулся к раскаленной печи. На лице его застыло изумление.

И тут Джасмин увидела то, что на всю жизнь впечаталось в ее память. Все произошло так стремительно, что сначала она не поверила своим глазам, не поверила, что действительно видела это. А если и видела, то не поняла, что это должно означать.

Холли моргнула.

Джасмин оглянулась, желая убедиться, что это видели все. Но Джек и врачи смотрели кто куда, оставив Тома наедине с

его горем. Даже Алекс отвернулся. И никто, кроме нее, не видел лица Холли.

А потом Холли открыла глаза.

Джасмин решила, что сходит с ума. Или что тут происходит нечто совершенно невероятное. Она снова оглянулась в попытке заставить непослушные губы произнести хоть слово. Но все так и стояли, не обращая никакого внимания на то, что происходит рядом.

Потом Холли сонно улыбнулась ей и сказала:

— Джас, можно мне водички?

И тут с Джасмин случилось то, чего не случалось никогда. Она упала в обморок.

Глава 28

Через четыре дня. Тюрьма штата Массачусетс

Завтракала Мария в прекрасном настроении. Несмотря на то что казнь была назначена уже на эту полночь, она не могла припомнить случая, когда бы она пребывала в столь же радостном оживлении и благодушии. Яичница на вкус была такой, словно ее приготовил для нее лучший шеф-повар французского ресторана, а молоко — таким освежающе приятным, какого она никогда в жизни не пробовала. Чувства ее были настолько обострены, что даже самые обыденные вещи вызывали у нее детскую радость первого открытия. Синий цвет ее тюремной одежды вдруг приобрел чистоту небес — она даже пожалела, что никогда раньше не носила платья такого оттенка. А то, что ее перед казнью перевели в новую камеру, она восприняла просто как чудесную перемену. Большую часть прошедшего дня она развлекалась тем, что отмечала различия, даже самые мелкие, новой камеры и предыдущей. Но больше всего радости и удовлетворения, даже комфорта, ей приносило чувство той огромной власти, которая, она была в этом совершенно уверена, сидела в каждой клеточке ее тела.

Да, она — избранная. Теперь она уверовала в это. Пройдя освящение в чудесной генетической купели, ниспосланной самим Господом, теперь она имела власть над жизнью и смертью. Ей было уже нечего бояться. Нечего и некого. И она могла себе позволить будоражащие душу воспоминания о последней встрече с отцом Иезекелем. Как она коснулась его руки и исцелила его язву, как ощутила, что энергия — вся ее огромная энергия! — перетекает из ее тела в его. Ощущение полной утраты сил, которое последовало за этим, было ничем в сравнении с восторгом от понимания того, что ее власть, ее мощь сохранились в ней с самого детства, ничуть не изменившись и не став слабее.

Встреча с доктором Картером также полностью ее удовлетворила. Она всегда получала праведное удовольствие, совершая свои убийства. Было нечто первобытно чистое в том, что отнимаешь чью-то жизнь, но все ее даже самые восхитительные и радующие душу столкновения лицом к лицу с будущими жертвами не шли ни в какое сравнение с тем приливом праведного восторга, который она испытала, пренебрегая просьбой доктора Картера. Она вдруг обнаружила, что убить — это одно, а вот отказаться спасти чью-то жизнь — совсем другое. Виртуальное убийство. Иметь власть и возможность подарить кому-то жизнь и решить не воспользоваться этой властью — такого она еще не испытывала. Ощущение было такое, словно... словно... словно она была самим Господом Богом!

Она услышала ставшие уже знакомыми звуки шагов по коридору. Охранник. Ведет духовника, чтобы тот встретился с ней в последний раз.

Девять минут спустя она уже была в комнате для свиданий и вглядывалась в усталое, но возбужденное лицо отца Иезекеля.

— Все готово? — спросила она.

Он кивнул:

— В качестве твоего духовника я буду присутствовать при казни вместе с другими свидетелями и начальником тюрьмы. Члены братства позаботились, чтобы в этот день на де-

журстве были нужные люди — они и сделают все, что требуется. — Он помолчал. — Ты по-прежнему уверена, что твой план сработает?

Пожалуй, в своей озабоченности святой отец даже трогателен.

— Доверьтесь мне, святой отец, — сказала она.

— Я верю в тебя, дитя мое, но опасаясь, что после столь долгого ожидания... — Голос его дрогнул. — Просто дело в том, что я предпочел бы более... обычный способ спасения.

— Но разве у нас есть возможность придумать что-то лучше, чтобы убедить всех сомневающихся в том, кто я такая? А так я смогу доказать, что я истинно избранная!

Изебель неуверенно повертел рубиновый перстень.

— Да, надо полагать, ты права.

— Я уверена, что права! А доктор Картер будет присутствовать на казни?

Чем меньше у этого ученого будет поводов заподозрить ее в связях с братством, тем лучше.

— Не думаю, — ответил Изебель. — Лишь двое родственников кого-то из убитых неправедных попросили на это разрешения. Картер сейчас слишком занят своей умирающей дочерью. Но если даже он там появится, это нам ничем не грозит. Он, вероятно, уже знает, что я официально являюсь твоим духовным наставником, но уверен, что мы с тобой познакомились лишь после того, как у тебя были обнаружены эти гены. В конце концов, это лишь справедливо, что после стольких лет ожидания нового мессии в эти последние дни я здесь.

Она кивнула. Наверное, он прав.

Изебель встал со стула:

— Теперь мне нужно идти — я должен проверить, все ли готово... — Он секунду колебался, нервно теребя перстень, — ему вдруг захотелось остаться с нею. — И вероятно, я буду очень занят и не смогу еще раз поговорить с тобой... — Его лицо, обычно бесстрастное, вдруг отразило целую бурю эмоций. Она увидела на нем горе, сожаление, надежду, страх, любовь — да-да, любовь к ней! Все эти чувства внезапно озарили его старческие черты как лучи солнца, пробивающиеся из-за облаков и бегу-

щие по земле. Он обошел вокруг стола и встал рядом с нею. На этот раз он не стал опускаться перед ней на колени, просто наклонился и обнял. А потом сделал то, что бесконечно удивило ее и тронуло до слез, — поцеловал в щеку.

Как жалко, что она не могла так же нежно обнять его — не пускали наручники! Отчаянно моргая в попытке сдержать слезы, она слышала, как он прошептал ей в самое ухо:

— Дитя мое, я так рад, что нашел тебя до того, как истек мой срок!

И прежде чем она успела ему хоть что-то ответить, он выпрямился. Лицо его снова не выражало никаких эмоций.

— Все. Теперь я должен идти.

Он подошел к двери и нажал на кнопку звонка.

— Да будешь ты спасена! — сказал он, прощаясь.

На ее губах появилась тонкая улыбка.

— Дабы я могла спасти праведных и покарать безбожных.

Охранники открыли дверь, и отец Изебель дождался, пока они отцепят ее наручники. Когда ее повели к выходу, он улыбнулся ей и вышел.

В коридоре, отделанном белой керамической плиткой, она замедлила шаг. Обычно охранники без промедления препровождали ее в камеру. Но сегодня они почему-то не торопили ее. Она смотрела, как удаляется сгорбленная фигура отца Изебелья, все дальше и дальше по белому коридору к выходу, туда, откуда шел яркий свет.

Она уже хотела было повернуться и идти в камеру, но вдруг заметила, как напряглись у Изебелья плечи и он почти остановился. Она даже подумала, что он сейчас повернет назад и что-то еще ей скажет, но он смотрел в сторону приемной. Ее наполовину стеклянная дверь распахнулась, и оттуда появилась высокая мужская фигура. Мария стояла довольно близко, но солнце светило так сильно, что она не могла определить, кто это. Незнакомец наклонился и пожал руку отцу Изебелью. Она смотрела, как они разговаривают. Ей показалось, что Изебель чувствует себя как-то неуверенно. Проговорив несколько минут, собеседники обменялись рукопожатием, и святой отец двинулся дальше, к выходу.

Охранники все еще не торопились уводить ее. Когда дверь за отцом Изекьедем захлопнулась, перекрыв источник света, она наконец увидела, с кем он разговаривал. Доктор Картер! И он явился ее навестить! Только этого не хватало... Очень странно... С чего бы это ему приходить? Она была бы не против встретиться с ним, когда выберется отсюда. Вот тогда он заплатит за все, что сделал. Но сейчас она вовсе не готова к встрече. Хотя... Она все же не прочь еще разок поиздеваться над ним.

Она ждала, что Картер сразу подойдет к ней, но он стоял на месте, вертя в левой руке листок бумаги. Выглядел он совершенно иначе, чем в прошлый раз, с ним произошли какие-то радикальные перемены — это был совсем другой человек, не тот, что приходил к ней одиннадцать дней назад. Одет он был обычно — выцветшие джинсы, синяя рубашка с воротником поло, значит, дело вовсе не в одежде. Тут он улыбнулся, и Мария поняла, что в нем изменилось. Улыбка! Она стала не сказать чтоб вызывающей, просто уверенной. Но он сразу помолодел, в нем даже появилось что-то мальчишеское. И причина этого, как она мгновенно догадалась, заключалась в его приподнятом настроении. Она вдруг осознала, что это ее странным образом нервирует. Чего она точно никак не ожидала — так это встретиться с Картером, да еще видеть, как он сияет от счастья!

Она заметила, как он попросил о чем-то охранника. Тот кивнул и открыл наружную дверь. И снова в коридор хлынул мощный поток света. Когда дверь закрылась, она увидела рядом с Картером шуплую фигурку, ростом даже ниже, чем отец Изекель. Девочка в красной бейсболке! Она держалась за руку Картера. И только когда она помахала ей рукой, точно так, как на фотографии, Мария поняла, что это его дочь. Та самая. Смертельно больная Холли Картер.

Мария стояла в полном недоумении. Дочь этого нечестивца должна лежать на смертном одре, возможно, даже в морге! Но если не считать отсутствия на ее голове волос, она выглядит вполне благополучной и совершенно здоровой. Прямо-таки пышущей здоровьем!

Что это еще за шуточки?! Что у них там произошло?!

Прежде чем Мария сумела что-либо понять, наружная дверь снова распахнулась, впуслав поток яркого света, и девочка исчезла, а доктор Картер тут же направился к ней. И, словно повинувшись неслышной команде, охранники повели ее назад, в комнату для свиданий, и снова приковали цепочкой к столешнице.

Том Картер вошел и уселся напротив нее. Он не испытывал к Марии Бенарьяк ненависти. Она обречена, она умрет, а Холли будет жить. Этого для него более чем достаточно. Кого он действительно жалел, так это старика Изекьяля де ла Круа. Вид его сгорбленной фигуры несколько минут назад еще больше усилил его сочувствие к этому несчастному. Всю жизнь кого-то искать — и в конце концов обнаружить его в камере смертников, за несколько мгновений до того, как его не станет...

Сюда Том приехал потому, что не мог допустить, чтобы Мария умерла, уверенная в победе. Она должна узнать, что ее убийственный — он мысленно усмехнулся невольному каламбуру — фанатизм, ее мстительная злоба в конечном счете оказались бессильны. И еще он хотел рассказать ей о генах, о тех волшебных генах, которые спасли его дочь.

Он хорошо помнил, как в прошлый раз сидел на этом же самом стуле, и даже вновь ощутил во рту металлический привкус страха и бессильной ярости. Но сейчас у него уже не было причин трепетать перед Марией Бенарьяк. Он откинулся на спинку стула, вертя в руке листок бумаги и дожидаясь, когда она сама нарушит молчание.

— Что произошло с вашей дочерью? — разлепила она губы.

— Она умерла, — ответил он.

— Но я же видела...

Том кивнул:

— Да, вы видели Холли.

— Не понимаю. Вы сказали, что она умерла...

— Умерла. Но теперь она жива.

— Как это? — оторопела Мария.

— Я использовал гены.

— Вы использовали гены? Мои гены?

— Нет, не ваши. Исходные. Гены из Назарета, гены Христа. Но мог бы использовать и ваши.

Мария в один момент лишилась ощущения своего могущества. Лицо ее отразило странную смесь противоречивых чувств. Гнев, ненависть, ярость — проект «Кана» удался! Но в глазах ее было что-то еще. Возбуждение, настоящее волнение...

— Но как... Как вам это удалось?

Том развернул листок. Текст на нем был написан аккуратным, четким почерком.

— В том, как они действуют, есть некие моменты, которые, как мне представляется, могут показаться вам интересными. — Он подался вперед и протянул ей листок. Мария повернула прикованную руку ладонью вверх — так нищий просит подаяния. Он положил листок ей на ладонь и вдруг заметил шрам — шрам в виде креста на бледной коже у самого локтевого сгиба. Шрам был явно старый, очень глубокий и рваный — натренированным глазом хирурга он тут же определил, что рана была нанесена лезвием большого ножа или кинжала, а не другого, более тонкого инструмента. Он уже хотел было спросить, откуда это — из обычного, вполне естественного любопытства, — но, припомнив ее бурное прошлое, решил воздержаться.

Он подождал, пока она прочитает написанное.

— К сожалению, у меня не было возможности написать это кровью. Но мне кажется, что Проповедник вполне в состоянии оценить эту цитату из Библии. Вы ведь знаете, откуда это?

— Конечно, — сухо и неприязненно ответила она не колеблясь. — «Деяния апостолов», глава двадцатая, стих тридцать пятый.

Он улыбнулся:

— Да, именно. Этим христианским изречением я восхищаюсь.

Она посмотрела на него в полном недоумении:

— И все же я не понимаю... Какая тут связь с тем, как действуют гены?

Он не спешил с ответом. Снова откинулся на спинку стула, подбирая нужные слова. И поразился, сколько ненависти вдруг увидел в ее глазах!

— Вы думаете, что выиграли. Победили. Не так ли? — неожиданно спросила она, всем своим видом показывая, что это совсем не так. Даже сейчас, когда жить ей осталось всего ничего, она все еще блефовала, словно у нее в рукаве спрятан последний козырь.

Он грустно покачал головой, вспомнив Оливию, Боба Кука и Нору Лутц, а также многих других, кто погиб от ее руки.

— Нет у меня такого ощущения. И вас я вовсе не победил, хотя бы потому, что никакой войны с вами никогда и не вел. Это вы, по всей вероятности, вели войну против меня и против того, что я делаю, но моя война на самом деле была против совсем других убийц, убийц гораздо более опасных, чем вы.

Мария вцепилась пальцами себе в подбородок, сжав его так сильно, что мышцы ее лица заметно напряглись.

— Скажите мне, какую связь имеет эта цитата с работой генов? — снова потребовала она, тыча пальцем в листок бумаги. — Скажите же, какая тут связь с моими генами?!

— Хорошо, — ответил он. — Я вам скажу.

И, прокашлявшись, рассказал ей все.

Когда он закончил, его поразила ее реакция. Она вовсе не разъярилась, как он того ожидал. Она была ошеломлена. Сломлена. Вся ее наглая самоуверенность, надменность, весь ее вызов куда-то исчезли. На мгновение ему даже показалось, что она чего-то испугалась. Он молча встал и пошел к двери, чтобы вызвать охранников. Она даже не подняла на него глаз. Охранникам, когда те явились, пришлось поднимать ее со стула. И все это время она не отрывала взгляда от листка бумаги на столе.

«“Блаженнее давать, нежели принимать”. Деяния, 20; 35»

Теперь она поняла смысл этих слов. Но Том так и остался в недоумении, почему они столь потрясли ее. Ведь ничего уже не изменить. Через несколько часов ее казнят. Не думает же она, в самом деле, что останется после этого жить.

Глава 29

Комната для приведения в исполнение смертных приговоров, тюрьма штата Массачусетс

В ожидании полуночи Мария Бенарьяк мысленно все повторяла и повторяла слова доктора Картера.

Должно быть, он все-таки врет, твердила она себе. Тюремный врач сделал ей инъекцию антигистамина. Она была так погружена в собственные мысли, что даже не обратила внимания на идиотизм ситуации: он выразил опасение насчет ее отрицательной реакции на яды, которые вскоре введет ей.

Но ведь Холли жива! Она видела ее собственными глазами. И Картер ничего не знает о плане. Значит, все правда.

Услышав, что Холли вернули из-за порога смерти, Мария пришла в сильное возбуждение. Это доказывало, что ее план сработает. Но когда Картер все ей объяснил, возбуждение ее испарилось. И чем больше она мучилась от его рассказа, тем больше опасалась, что задуманное не приведет к успеху.

Пока надзирательницы обряжали ее в памперс, рассуждая о том, что после наступления смерти она уже не сможет контролировать ни кишечник, ни мочевого пузырь, она лихорадочно пыталась найти другие возможности спасения. Картер признался, что еще не знает точно, как действуют эти гены! Значит, он мог и ошибаться. А стало быть, вовсе не обязательно, что ее плану что-либо угрожает. Ох, если бы святой отец оказался здесь и дал ей совет!

Да, но он-то как ей поможет? Если Картер не врет, то теперь слишком поздно разрабатывать другой план. Следует смотреть фактам в лицо: все уже решено и подписано, так что остается только надеяться, что Картер ошибся.

Такие мысли роились у нее в голове, пока надзиратели вели ее по белому коридору. Но когда дверь распахнулась и она увидела место, где ей предстояло умереть, сознание ее мгновенно очистилось от всего постороннего.

Белая комната, футов десять на пятнадцать, не больше, и почти все ее пространство занимает огромный стол с наклонной столешницей в форме креста, покрытой черным пластиком. Ствол этого креста и обе перекладины снабжены толстыми кожаными петлями для удержания на нем осужденного. Возле каждой перекладины — трубка для внутривенного вливания, отходящая от хромированного ящика размером с телевизор. На верхней его панели обойма шприцев для внутривенного введения анестезирующих средств и смертельных растворов.

Раньше ей уже объяснили, что препараты будут запущены в эту систему из-за плексигласового экрана, отделяющего приговоренного от свидетелей казни. Там же стояли два телефона. Один был напрямую связан с кабинетом губернатора штата, что давало тому возможность отменить казнь — даже в самый последний момент. По традиции начальник тюрьмы всегда стоит возле этого телефона и ждет в течение трех минут после наступления полуночи — времени исполнения приговора, — прежде чем отдать последнее распоряжение. Однако после вступления в силу президентской инициативы «Криминал-2000» эта традиция стала не более чем пустой формальностью. Начиная с 8 февраля 2000 года ни в одной тюрьме Соединенных Штатов Америки не было ни одного случая отмены смертной казни в последний момент.

Изучая лица свидетелей, стоявших за прозрачным экраном, Мария сверкнула глазами — она увидела сгорбленную фигуру отца Изекееля. Он был одет в простой черный и давно вышедший из моды костюм, в котором тонуло его тщедушное тело. Раньше она никогда не замечала, что он стар, но сейчас его испещренное морщинами лицо наглядно говорило, что ему и впрямь девяносто шесть. Но для нее его возраст ничего не значил. Святой отец был для нее вечным, вне времени. Это был просто человек, пришедший ей на помощь, спасший ее, когда весь мир от нее отвернулся. Как ей хотелось сейчас поговорить с ним, поделиться сомнениями, страхами... Уж он-то нашел бы для нее нужные слова...

Но это было уже невозможно. Она остается одна, наедине со своей верой, и должна одна взойти на собственную Голгофу.

Когда надзиратели подвели ее к столу, она еще раз попыталась перехватить взгляд отца Изекееля — ей вдруг отчаянно захотелось предупредить его, что что-то может пойти не так. А он лишь улыбнулся ей; это была улыбка поддержки, улыбка соучастника; он разве что не подмигнул ей!

«Вы ничего не понимаете! — хотелось ей крикнуть ему. — Это может не сработать!» А надзиратели уже поставили столешницу вертикально. Сейчас ее привяжут!

— Нет! — закричала она, пытаясь вырваться. — Это неправильно! Пусть они прекратят! Я еще не готова!

Глаза Изекееля затуманились, на его лице отразилось удивление, но он ничего так и не понял. Охрана и свидетели продолжали бесстрастно наблюдать за происходящим, а четверо опытных надзирателей тем временем силой прижали ее к столу и занялись каждой ее конечностью в отдельности. И вот ее тело закреплено неподвижно. Столешницу снова перевели в горизонтальное положение. Тюремный врач ввел оба катетера в вены на ее раскинутых в стороны руках и подключил к ее груди кардиомонитор.

Взгляд ее упал на часы с простым белым циферблатом, висевшие над экраном. Они показывали одиннадцать пятьдесят восемь. Она сосредоточилась и стала думать только о том, что сказал Картер. Времени на самообман уже нет. Если он со своей теорией прав, то она не просто обречена, вся жизнь ее прошла впустую. Она не только не сумела остановить его, творившего зло, но и буквально зарыла в землю свой талант, свой дар целителя, посветив жизнь убийству во имя Господа, вместо того чтобы исцелять.

И теперь ей осталась только одна истина — урок всепрощения и искупления, преподанный первым мессией. Он умер, чтобы другие могли раскаяться и обрести спасение и вечную жизнь.

Она лежала на своем кресте, готовая к тому, что смертоносная жидкость сейчас вольется в ее кровь. Потом глубоко вздохнула и мысленно произнесла: «Отец мой, прости меня, ибо я согрешила...»

Изебель де ла Круа попытался перестать теревить свой рубиновый перстень, но пальцы его не слушались. «Доверьтесь мне», — сказала ему Мария. Но он все равно нервничал. Он был поражен ее видом, когда она показалась в дверях смертной камеры. Она явно чего-то боялась! Еще утром она была столь уверена в себе, отвергала все его сомнения. А теперь со своего места за экраном он видел, что она страшно напугана. Он мог понять, почему она вдруг стала вырываться — страх может поразить даже самого уверенного в себе человека, когда тот оказывается перед лицом смерти. Сам Христос пережил момент отчаяния на кресте, когда решил, что брошен на произвол судьбы.

Изебель поднял глаза на тело, распростертое на смертном кресте. Тело нового мессии. Потом посмотрел на часы. Одиннадцать пятьдесят девять. Не время проявлять слабость. Сомнения и страхи скоро уйдут, засияет заря прекрасного начала новой жизни.

Свидетели и врач смотрели на начальника тюрьмы. Следующие несколько минут, казалось, текли целую вечность. Но ровно в двенадцать часов три минуты он отошел от молчащих телефонов и кивнул врачу.

И тот без колебаний нажал на кнопку. В трубку, ведущую к катетеру внутривенного вливания, поступил тиопентал натрия, препарат из группы барбитуратов, применяемый обычно как снотворное. За ним последовала мощная доза павуллона, средства, расслабляющего мышцы и останавливающего работу легких. После чего последнее — такая же мощная доза хлорида калия, останавливающего сердце.

Изебель внимательно наблюдал за телом Марии, пытаясь обнаружить малейшие признаки действия смертельных растворов. Но лишь увидел, как она закрыла глаза, а затем, через несколько секунд, в последний раз глубоко вздохнула.

В двенадцать часов четыре минуты врач взглянул на мониторы и объявил, что узница мертва.

Марии Бенарьяк больше не существовало.

Изебель опустил голову и прочел короткую, но прочувствованную молитву за упокой ее души и за ее скорое возвращение. Следующие несколько часов будут самыми важными. Братство Второго пришествия имеет теперь конкретную задачу и не мо-

жет допустить ни единой ошибки. Он был настолько глубоко погружен в эти мысли, что не заметил, как вперед вышел тюремный фотограф, чтобы запечатлеть всех свидетелей, присутствовавших при казни. Он резко повернулся, чтобы выйти, но успел лишь поднять руку: фотовспышка ослепила его. Отмахнувшись от извиняющегося фотографа, он устремился к выходу. Надо было спешить. Сделать предстояло еще очень многое.

Клетки человеческого тела умирают по-разному и в разное время. Известно, например, что у человека, умершего несколько дней назад, продолжают расти волосы и ногти. Подобно японским солдатам, фанатично оставшимся на некоторых островах Тихого океана после окончания Второй мировой войны, гены в этих продолжающих существование клетках не всегда сразу понимают, что битва проиграна и надо сдаваться. Вместо этого они продолжают сражаться до тех пор, пока в конце концов не погибнут.

Тюремный морг

В отделанном плиткой морге в подвале тюрьмы один из двух служителей — тот, что моложе, — все тер и тер свой потные ладони о штаны, дожидаясь, когда лифт привезет тело казненно-го. Ленни Блэгс работал здесь уже месяц, но все еще продолжал дергаться при виде жмуриков. Возиться с мертвым телом не проблема, даже среди ночи. Он привык к этому, когда работал в больнице. Но вот мертвые убийцы и насильники — совсем другое. С ними чувствуешь себя как-то не совсем нормально, как в романе Стивена Кинга.

Где-то наверху с грохотом включился мотор — лифт спустился вниз со своим грузом.

Его босс, Келвин Джетсон, шумно затянулся сигаретой.

— Вот он, идет. Экспресс смерти.

— Если будешь продолжать смолить эту дрянь, скоро сам на нем поедешь, — заметил Ленни, отгоняя рукой дым. Втайне он, конечно, не возражал против запаха «Мальборо» — уж луч-

ше это, чем дышать формальдегидом и прочими запахами смерти, даже если найдется кто-то, кто станет утверждать, что это одно и то же.

— Да я и сам не прочь подохнуть, — сказал Келвин, и его серое, давно забывшее о солнце лицо сморщилось в ухмылке. — Мы со смертью старые приятели.

Раздался лязг, в лифте зажегся свет, и дверь открылась.

Келвин подмигнул:

— Нам нынче большая честь выпала, мой юный друг. Нынче мы имеем дело с конкретно знаменитой паскудиной. Перед вами не кто иной, как сама Проповедница!

— Ага, просто здорово, — буркнул Ленни, помогая напарнику вытащить каталку из лифта на площадку. Если обычно от всех этих убийц у него ползли по спине мурашки, то от этой вот королевы всех убийц мурашки были размера «кинг-сайз».

— А ты знаешь, что эта Проповедница делала со своими жертвами после того, как убивала? — спросил Келвин. Сигарета висела, прилипнув к его нижней губе, и двигалась, пока он говорил. — Доставала авторучку с каким-то специально сделанным длинным пером и засовывала его в...

— Прекрати! Заткнись, а?

Келвин засмеялся:

— Ладно-ладно, Ленни, мой маленький. Не надо так волноваться. Сходи-ка лучше в кладовку и принеси все, что надо. Мы обмоем тело прямо здесь, на свету, чтоб ты поменьше трясся от страха.

— Да вовсе мне и не страшно, — протестующе буркнул Ленни и отправился за губками, растворами и ведром для изгаженного памперса.

— Ну конечно, тебе не страшно, мой мальчик, — умильно протянул Келвин ему вслед. — Конечно, не страшно.

Ленни выкатил из кладовой тележку и подтащил ее к шкафу. Доставая губки, он заметил, что их осталось совсем мало. В воздухе повеяло каким-то легким ветерком, прохладой, словно где-то открыли дверь на улицу. Странно... Наверное, это ему померещилось. Он заполнил тележку всем необходимым и покатыл ее обратно. Интересно, какую шуточку отпустит сейчас Келвин в его адрес? Келвин, однако, на сей раз молчал.

— Нам надо заказать еще губок, — сказал Ленни, подкатывая тележку. — Я вот...

Вид Келвина заставил его умолкнуть. Лицо босса было застывшее и абсолютно бледное. Губы его беззвучно шевелились. С нижней губы все еще свисал окурок, только погасший, глаза выкатились из орбит. Отличное представление, даже для такого охальника и любителя розыгрышей, как Келвин Джетсон. Да он явно не в себе!

— Келвин! Какого черта?!

Выражение лица Келвина вдруг переменялось — он взглянул на Ленни и хитро прищурился:

— Это твои шуточки, да? — Голос его звучал все же неуверенно. У Ленни аж зубы заломило. — Ну ладно, отличный розыгрыш. Черт, как это ты успел? Я ж только на секунду отвернулся. Ну на две, не больше...

— И что? Да что тут случилось, мать твою?!

Дрожащими пальцами Келвин прикурил новую сигарету и глубоко затянулся.

— Ладно, кончай хохмить, мальчик. Ну купился я, и хватит. И когда ты только успел? Я ж всего на секунду отвернулся, на одну траханую секунду!

— Да о чем ты, мать твою?! — взорвался Ленни, но внутри у него все сжалось от страха.

Келвин отступил на шаг в сторону, и Ленни обмер. Каталка была пуста.

Тело Марии Бенарьяк исчезло.

Чертова Проповедница!

Глава 30

Бикон-Хилл, Бостон

На следующее после казни Марии Бенарьяк утро мысли Тома Картера были очень далеки от нее. Он проснулся в прекрасном настроении, чего с ним не случалось с тех пор, как произошла трагедия в Стокгольме. Не открывая глаз, он вытя-

нул в сторону руку и тут же чуть не отдернул ее. Неужели он так никогда и не привыкнет, что Оливии больше нет? Но рука уже наткнулась на чье-то плечо. Он приоткрыл глаза и улыбнулся — рядом свернулось калачиком хрупкое тельце в просторной красной майке с короткими рукавами — Холли.

Ах плутовка! Тихонько пробралась к нему ночью! Он радостно улыбнулся — хоть какая-то компенсация за повседневную боль воспоминаний об Оливии. Холли рядом, и она здорова.

Некоторое время он лежал в неярком свете солнечных лучей, пробивавшихся сквозь занавески, и смотрел на дочь. Глаза ее были закрыты, губы чуть приоткрылись, грудь ритмично поднималась и опускалась в такт спокойному дыханию. Волосы еще как следует не отросли, но аккуратный шрам был уже почти незаметен — он рассасывался с такой скоростью, что даже Карл Ламберт был поражен.

Он протянул руку и нежно погладил стриженую головку. Всего два дня назад Холли снова прошла томографию, и при этом не было обнаружено ни малейших следов опухоли. Ее генотип теперь был вполне нормальным, все его дефекты чудесным образом исчезли.

Он вскочил с постели и раздернул занавески на огромном окне, выходящем в сад. Лучи июньского солнца тут же ворвались в спальню, легли на его пижаму яркими квадратами света. Сквозь ткань он ощущал их тепло, прогонявшее леденящий холод кошмарных ночей всех последних месяцев.

Он глубоко вдохнул утренний воздух, влетающий в комнату сквозь открытую форточку, и потянулся. Сад за окном был великолепен: изумрудная зелень лужаек, алые розы, желтые ноготки — он и не помнил, когда видел его таким.

— Пап, который час?

Он обернулся — Холли сидела на постели и зевала, потирая сонные глаза.

— Почти восемь. Ты не забыла, Джас приедет к завтраку, к девяти?

— Ларри тоже?

— Нет. Он еще занят в Лос-Анджелесе, все делает свой фильм. А когда явятся твои Дженнифер и Меган?

Холли выбралась из-под одеяла и уселась на краю постели, почесывая шрамик.

— Сказали, что к половине одиннадцатого.

— Планы на сегодня есть?

— Нет, просто так поболтаемся.

Том рассмеялся и покачал головой. Вот вам ребенок, который должен был умереть! Сегодня самое фантастическое утро из всех со дня сотворения мира. Вскоре придут две ее лучшие подружки, и все, что ей нужно, — это просто «поболтаться». Вот и рассуждай после этого о том, что значит жить полной жизнью!

— Что случилось, папочка? — спросила Холли, вдруг посерьезнев.

Он подошел и сел рядом.

— Ты о чем это?

— Об операции.

Он помолчал. Первый раз за пять дней, прошедших после операции, она вспомнила о ней. Он намеренно не затрагивал раньше эту тему, дожидаясь, когда она сама заговорит об этом.

— Мы сумели тебе помочь, — просто ответил он.

— Мама сказала, что это ты мне помог.

— Мама? Когда?

Холли положила голову ему на плечо, устраиваясь поудобнее.

— Во сне. Когда я спала во время операции. Очень странно это было... Мне казалось, что я проснулась, а сама продолжаю спать. И мне снилось, что я стою на платформе, а ты сажаешь меня в поезд. И когда поезд тронулся, то и ты, и все остальные замахали мне, прощаясь. Там Алекс был, Джас, Джек, Дженнифер, Меган, ну все.

— А куда шел этот поезд, Холли?

— На встречу с мамочкой. И ты сказал, что и сам скоро туда приедешь.

— Да неужели? А что было потом?

— А потом мне стало грустно, что мы с тобой простились, но я радовалась, что скоро увижу мамочку. И тут она вдруг ока-

залась в этом же поезде, рядом со мной. И объяснила, что пришла, чтобы присмотреть за мной, чтобы я доехала туда, куда еду. Это было просто здорово, снова с ней увидеться; она была в точности такая же, как раньше, точно так же улыбалась, смеялась... Спросила, как у тебя идут дела, не беспокоишься ли ты за нас обеих. Я сказала, что у тебя все о'кей и что ты скоро к нам присоединишься, а тут поезд вдруг замедлил ход, и она начала плакать и смеяться одновременно. — Холли помолчала, потом продолжила: — А потом она сказала, что я не сойду на той станции, где сойдет она. Что ты сумел мне помочь и забереешь меня назад. Мне не было слишком уж грустно, потому что я знала, что когда-нибудь все равно увижу ее, а самой мне хотелось увидеть тебя. А в следующий момент я поняла, что проснулась, и увидела Джас, и мне очень захотелось пить...

— Ничего себе сон! — сказал Том.

Холли чуть отстранилась и посмотрела ему в глаза.

— Так как тебе удалось помочь мне? Вылечить меня? — тихо спросила она.

Он вздохнул. Объяснить это непросто. Он до сих пор не до конца уверен, что сам понимает, как это произошло.

— Я вылечил тебя с помощью особого лекарства, — наконец сказал он.

— Что за лекарство?

— Лекарство такое особенное, что сначала действует не на самого больного. Мне пришлось принять его самому, чтобы помочь тебе, излечить тебя.

— Тебе пришлось принять лекарство, чтобы вылечить меня?

Том кивнул. И вспомнил, как его осенило во время операции; как он в самый критический момент понял суть причинно-следственной связи, почему мыши, получившие инъекцию сыворотки, излечивались лишь тогда, когда содержались в клетках по две или по три, в то время как содержащиеся поодиночке погибали. Озарение пришло как молния. Он понял, что мыши, воздействуя друг на друга, исцелялись и что гены из Назарета влияют не непосредственно на реципиента, но через реципиента.

— Понимаешь, Холли, это лекарство действует только так: оно дает одному человеку возможность и способность помочь другому. Его нельзя применять самому, чтобы вылечиться, его должен принимать кто-то другой.

Холли некоторое время обдумывала услышанное, потом с серьезным видом кивнула.

— Понимаю, — сказала она, вставая с кровати, явно не слишком озабоченная тем, что он ей только что сообщил.

— Понимаешь?

Она лишь пожала плечами, словно они обсуждали новый фильм:

— Ну да, видимо, это вроде такого крутого программного обеспечения, которое не влияет на компьютер, в котором оно установлено, но может делать страшные вещи с другими, которые к нему подключены.

Том кивнул:

— Да, приблизительно так.

— Кажется, это довольно просто, — заметила Холли, направляясь в ванную. И, уже стоя в дверях, небрежно спросила: — А почему ты не использовал это лекарство раньше?

Том крикнул и швырнул в нее подушкой.

— Да потому, умница, что все совсем не так просто!

Двое полицейских, наблюдавших за домом, понуро сидели в своей машине. Они провели на дежурстве долгую и скучную ночь и сейчас то и дело поглядывали на часы. Смена должна прибыть через полчаса. Чередуясь, полицейские сидели в засаде возле этого дома все последние шесть месяцев, с самых похорон Оливии, миссис Картер, в декабре. За все время здесь ровным счетом ничего не произошло. И хотя ни один из копов никогда не произносил этого вслух, оба считали, что их присутствие нужно скорее для спокойствия мистера Картера, чем для его безопасности.

Билл, он был покрупнее, потирая слипающиеся глаза, лениво возражал:

— Лу, тут и говорить не о чем. Али был самый лучший.

Лу пожал плечами и откусил кусок сэндвича с копченой говядиной.

— Трепло он, конечно, порядочное, это да. Но как боксер — слабак. Тайсон в свои лучшие годы сделал бы из него котлету.

Билл разразился смехом:

— Тайсон? Да Али этого Тайсона и близко бы к себе не подпустил! Он бы просто танцевал вокруг него.

Ни тот ни другой не обратили никакого внимания на приземистую фигуру в бейсбольной шапочке с логотипом «Бостон ред сокс», тащившуюся по подъездной дорожке к дому Картера. Нет ничего необычного в том, что в субботу Тед опять явился повозиться в саду.

— Мы не о танцах спорим, — гнул свое Лу. — А о боксе. Если иметь в виду всякие там пидорские пируэты, тут Али, конечно, орел! Но в настоящем бою Тайсон его просто прибил бы!

Они увлеклись спором, и даже если и заметили, что Тед сегодня стал как-то повыше ростом и держится прямее, чем обычно, то не придали этому никакого значения.

Джасмин Уошингтон поставила кофейную чашку на стол и хмуро посмотрела на Тома. Они сидели в оранжерее, стол был заставлен посудой, оставшейся после завтрака.

— Значит, гены вырабатывают какие-то химические вещества, которые могут передаваться при соприкосновении? — спросила она. — А на самого реципиента эти вещества не действуют?

Том пожал плечами:

— Выходит, так...

Джасмин покачала головой и обернулась к Холли. Покончив с завтраком, она приготовилась покинуть их и уже вышла из-за стола. Проходя мимо, она подставила ладонь, и Джасмин, улыбнувшись, шлепнула по ней своей ладонью:

— Пока, Холли.

— Ты уверен, что она в полном порядке? — спросила Джасмин, когда шаги Холли стихли.

— В полном. Все анализы говорят, что она никогда не была здоровее.

— И все эти гены... — задумчиво произнесла Джасмин. «Из-за того, что ты всего лишь прикоснулся к ней», — продолжила она мысленно.

Том протянул руку через стол к кофейнику, чтобы подлить им еще кофе. Джасмин поймала себя на том, что не может оторвать взгляд от его ладони — всего лишь прикосновение вернуло Холли к жизни! Волосы у нее на затылке шевельнулись. Ей трудно было поверить в то, что убийца, Мария Бенарьяк, родилась с набором целительных генов, таких же как у Христа, но еще труднее оказалось поверить в то, что целительной способностью обладает теперь и Том Картер. И, что совершенно очевидно, гены, подобные генам из Назарета, вовсе не обязательно принадлежат мессии. Они даже не гарантируют, что их носитель — хороший и добрый человек. Гены из Назарета — лишь редчайший, Богом ниспосланный талант, который растянул христианское понятие свободной воли до крайнего предела. И вовсе не обязательно совершать добрые дела, даже если Господь благословил тебя такими безграничными способностями. Кто-то ведь выбирает убийство, а не спасение людей. Джасмин улыбнулась. Том Картер, закоренелый атеист, сумел раскрыть благородную силу этих генов, использовал свои знания, чтобы выиграть в лотерее, придуманной самой Природой, и сам в итоге приобрел эту удивительную способность.

— Ну и что ты думаешь по поводу таинственного третьего гена? Как он работает? — продолжала она выпрашивать коллег.

— Еще не до конца уверен, что понял. — Том помолчал, собираясь с мыслями. — Но, отталкиваясь от первых результатов анализа ДАНа, можно сказать, что ген Назарет-3 — управляющий ген, который активизирует и регулирует работу двух других генов. А судя по полученным данным, думаю, что он также явно взаимодействует с организмом реципиента. Мне кажется, он выполняет не менее трех основных функций. — Том поставил кофейник и начал загибать пальцы. — Первая — стартовая, и она, видимо, связана с генами, которые контролируют

эмоции и мыслительные процессы, так что реципиент может сам решить, когда ему включить — или не включить — в работу целительные гены. Вторая функция — контроль; активизация и регулирование работы генов Назарет-1 и Назарет-2, которые, соответственно, ремонтируют и регулируют ДНК, чтобы воздействие на поврежденные клетки пациента было максимальным. Третья функция — доставка оптимизированных генетических инструкций, приказаний клеткам организма. Мне представляется, что это агент типа феромонов — он выделяется и проникает сквозь кожу. Целительная программа передается через прикосновение.

— Но ты по-прежнему не знаешь, как именно они работают?

— Не знаю. Мы, видимо, еще долгие годы не будем точно понимать, как функционируют гены. Но я точно знаю, что реципиент должен захотеть, чтобы это произошло, и верить, что это может произойти, — хоть на эмоциональном, хоть на сознательном уровне.

Джасмин улыбнулась и допила свой кофе.

— Звучит прямо как старое доброе «верую»! Божий дар, ну надо же!

Том улыбнулся:

— Может, ты и права. А что касается этого дара, то он, должно быть, исключительный. Это единственный известный мне ген, который надо отдать, чтобы он сработал.

Джасмин подняла чашку, словно желая произнести тост:

— Ну что ж, блаженнее давать, нежели принимать.

Том рассмеялся:

— Лучше не скажешь.

В оранжерею вошла Холли, держа в руках свежий номер «Бостон глоб».

— Газету принесли, — сообщила она, положив ее на стол и направляясь к двери в сад.

— Где же твои подруги? — спросил Том, привычно взявшись за газету и бегло проглядывая первую полосу в поисках интересных новостей.

— Через полчаса явятся, — ответила Холли, открывая дверь, и тут же воскликнула: — Ой, а я и не знала, что Тед придет сегодня! Я думала, они с Марси отправились на Мартас-Виньярд*.

— О'кей, Хол, — запоздало пробормотал Том.

Холли уже вышла в сад. От Джасмин не укрылась произошедшая в Томе мгновенная перемена. Лицо его нахмурилось, он резко побледнел.

— Черт возьми!

— Что такое, Том? Что случилось?

Том почувствовал, как в желудке у него стремительно разворачивается холодная змея. Передовая была посвящена визиту президента США в Китай, но ниже, в рубрике «Последние сообщения», стоял заголовок «Найти Проповедницу», а под ним — две фотографии. Первый снимок был сделан вскоре после вынесения приговора — на нем Мария Бенарьяк была изображена в профиль, второй — в момент казни. Он успел взглянуть на нем Изекьяля де ла Круа. Но вовсе не это вызвало у него приступ ужаса.

В заметке сообщалось, что, хотя приговор приведен в исполнение, тело Марии Бенарьяк исчезло из морга. Когда же Том дошел до упоминания способа, которым исполняли приговор — смертельная инъекция, — то от его настроения не осталось и следа.

Холодная змея шевельнулась у самого горла. Стоп!

Что это ему тогда, на Корсике, рассказывала мать Клеменца?

Мария сумела нейтрализовать действие пчелиного яда. Так, кажется, говорила эта монахиня? Нейтрализовала действие яда!

Он тут же вспомнил, в какое состояние пришла Мария, когда он рассказал ей о действии генов. Она была просто потрясена!

* Мартас-Виньярд — остров в Атлантике к югу от Бостона, летний курорт.

Черт побери, да она же заранее все спланировала! Она рассчитывала на воскрешение!

— Что стряслось, Том? — снова спросила Джасмин, наклоняясь вперед.

— Эта проклятая ведьма, кажется, снова оседлала свою метлу и улетела прочь! — И он протянул ей газету.

Джасмин прочла заметку, и только и смогла, что рот открыть от изумления.

— Что это означает?

— Ты разве не понимаешь? Она на то и надеялась, что ее казнят с помощью смертельной инъекции! А она потом использует свою генетическую способность нейтрализовывать яды и вновь оживет. Она знала, что может их нейтрализовать. Она уже так делала — на других.

— Не верю! В любом случае это не может сработать на себе! Да и кто бы помог ей оттуда выбраться?

— Не знаю, — произнес Том и отвернулся к окну. Холли возле куста роз нюхала цветы. Позади нее он увидел Теда — садовник шел через лужайку по направлению к сараю. Как всегда, в своей неизменной шапочке «Бостон ред сокс». Вот только походка у него сегодня какая-то не такая. Он перестал горбиться? И кажется, стал выше ростом... Том следил за ним, пока он не открыл дверь и не скрылся в сарае.

Тед... Тед... Что сказала про него Холли только что? «Ой, а я и не знала, что Тед придет сегодня. Я думала, они с Марси отправились на Мартас-Винъярд». Так Тед же там!!! На Мартас-Винъярд!

По спине его вдруг прошла волна холода, но это была более ярость, чем страх. Том судорожно ухватил Джасмин за плечо. Она оторвалась от газеты и подняла на него удивленный взгляд.

— Джас, только никаких вопросов! Немедленно! Беги и зови полицейских, они у входа. Скажи, что мы с Холли в опасности. Давай, быстро!

— Почему? Зачем?..

— Это не Тед там ходит! Беги!

Холли уже разгуливала вблизи сарая. Возле него Том заметил прислоненную к стене лопату.

Он не решился окликнуть дочь, чтобы не спугнуть того, кто зашел в сарай. Он наперерез бросился через лужайку. А Холли уже почти поравнялась с сараем.

И тут дверь сарая приотворилась и из нее высунулась рука, сжимающая пистолет.

— Холли! — заорал Том. — Назад!

Холли вздрогнула и обернулась, вытаращив на него глаза. Это хорошо, что она испугалась, подумал он, это придаст ей сил...

— Быстро! В дом! Беги же, беги, скорее!

Холли опрометью понеслась к дому, и в этот момент Том всем своим весом навалился на дверь. Послышался хруст ломаемой кости — дверь придавила руку мужчины, пистолет выпал. Том метнулся к стене и схватил лопату. Снова прыгнул к двери и пырнул лопатой в проем, вложив в удар все свои силы. От удара он чуть не упал, противник же попытался откатиться в сторону и поднять с земли пистолет. Но Том, вооруженный лопатой, обрушил на него целый град ударов, заставив его прикрываться обеими руками. А Том все бил и бил. И только когда противник застыл неподвижно, Том остановился, тяжело дыша. Он узнал этого человека! Он видел его в аэропорту Тель-Авива, а потом он сопровождал его в полете вертолетом на встречу с членами братства. Только вот как этот Гоморра оказался здесь? И зачем?

Том отшвырнул лопату и поднял пистолет. Почему человек, который служит братству Изекьяля де ла Круа, оказался здесь, да еще с пистолетом?

И тут он заметил на руке мужчины шрам. Такой же, в виде креста, он видел на руке Марии Бенарьяк. Наконец-то он все понял! Остывшая было ярость снова забурилась в нем. Он вспомнил слова Карен Тэннер: «Мы, вероятно, никогда и не узнаем, кто стоял за Проповедником».

Мария тоже была членом этого братства! И именно это клятое братство Изекьяля де ла Круа несет ответственность за смерть Оливии, за попытки остановить проект «Кана» после того, как они получили то, что им было от него нужно... Итак — ни Холли, ни он сам никогда не будут в безопасности, пока существует и действует это братство.

— Том, у тебя все в порядке? — К нему бежали Джасмин и два копа.

Слишком взбешенный, чтобы произнести хоть слово, Том молча кивнул ей и устремился к дому. К Холли. Он вспомнил о радиомаячке, который Джек заставил его проглотить, перед тем как он в первый раз отправился в пещеру братства. Теперь он знал, кто украл тело Марии из тюремного морга и где оно сейчас.

— Том, — спросила Джасмин, — ты куда?

Он, не оборачиваясь, обронил:

— Покончить со всем этим.

Глава 31

Пещера Священного огня, Южная Иордания

И вот на третий день члены Внутреннего круга, облаченные в церемониальные плащи, преклонили колена перед Священным огнем, который сейчас горел еще более мощным и еще более ярким белым пламенем, чем когда-либо. Изекьель де ла Круа видел перед собой дверь, ведущую в склеп Памяти. На алтаре перед ней лежало тело Марии Бенарьяк, нового мессии. Тело было завернуто в белый саван, открытым оставалось только ее бледное лицо. Острые ароматы ароматических мазей, трав и пряностей, которыми умастили ее тело, смешивались с обычными здесь запахами ладана и восковых свечей.

Иzekьель чувствовал себя до предела вымотанным, но радостно возбужденным. Гоморра, наверное, уже разделался с Картером и Уошингтон, так что он теперь мог сосредоточить все свое внимание на Марии. Он почти не спал с того дня, когда она умерла, и теперь с трудом держал глаза открытыми. Он нуждался в отдыхе, хоть небольшом, но боялся пропустить момент, когда Мария очнется. Когда это случится и ее рука пройдет сквозь Священный огонь, его миссия в осуществлении древнего пророчества будет выполнена и он сможет отдыхать хоть целую вечность.

План сработал даже лучше, чем он ожидал. Брат Бернард довольно легко договорился, чтобы охрану подкупили. В конце концов, ничего плохого не будет, если они промолчат и закроют глаза на то, что кто-то увезет из тюрьмы мертвую узницу. Это же не побег. Судя по всему, тело вывезли так быстро, что по тюрьме уже ходили слухи, будто Мария Бенарьяк восстала из мертвых и сама покинула узилище. «Если б они только знали!» — подумал Изекьель с усталой улыбкой. Братья из отделения в Новом Свете, руководимого братом Олазабалом, подогнали к тюрьме машину «скорой помощи», арендовали самолет и частный ангар в аэропорту Логан. Брат Хаддад и его братья в Святой земле подготовили необходимые бумаги, чтобы «тело усопшего сына» было доставлено к «родственникам» для последующих похорон в Иордании.

По прибытии в Амман тело перенесли в вертолет братства и затем доставили в Асбаа аль-Лакх. И когда оно оказалось в полной безопасности, в пещере Священного огня, брат Хеликс озабочился приготовлением ритуальных ароматических масел, трав и пряностей, с помощью которых они помазали ее. И последнее. Почти через сутки после казни Бернард и Лучано доставили ритуальный саван из склепа Памяти и завернули в него новопомазанного мессию, оставив открытым лишь лицо.

Все было готово. Оставалось только ждать и молиться.

Настал уже третий день, и они все ждали.

Иzekьель чуть пошевелился на молитвенном коврике и подавил тяжкий вздох: мышцы одеревенели. Он взглянул на тех, кто в молчании выстаивал вместе с ним эту вахту, пытаясь найти на их лицах признаки усталости и измерить глубину их преданности своему предназначению. Все стояли на коленях, неподвижно, опустив головы, словно погруженные в молитву. Все, исключая брата Бернарда. Когда Изекьель рассказал, как Мария излечила его язву, даже скептически настроенный брат Бернард, кажется, наконец поверил в нее окончательно. Однако по коротким недоверчивым взглядам, которые Бернард то и дело бросал в сторону неподвижного тела, можно было догадаться, что его вновь одолевают сомнения.

Внезапно Бернард обернулся и перехватил его взгляд.

— Отец Изебель, сколько нам еще ждать? — прошипел он, нарушая царящее в пещере молчание.

— Этого она мне не сказала. Предупредила только, что мы должны запастись терпением и ждать.

— Мы ждем уже три дня.

— Как и в прошлый раз, — заметил брат Хеликс, стоявший справа от Изебель.

Теперь все подняли головы.

— Однако... — начал брат Бернارد, теребя свою козлиную бородку. — А что, если...

Изебель взглядом заставил его умолкнуть, испытывая в душе тот же страх, что и Бернارد.

— Она воскреснет! — сказал он не только ему, но и себе. — Укрепи свою веру!

И оттолкнул от сердца ледяные пальцы сомнений, которые уже угрожали задушить его. Он был не в состоянии даже представить себе, что Мария не восстанет из мертвых. Он стоял рядом, когда нового мессию лишали жизни, и наблюдал за этим; он позволил этим безбожникам казнить ее, не предприняв никаких попыток вмешаться.

Нет, Мария должна вернуться! Она обещала ему, что вернется. Любой другой исход просто невозможен.

— Я хочу сказать, святой отец, — прервал его мысли Бернارد, — что нам, может быть, следует рассмотреть возможность неудачи...

Изебель вперил свой испепеляющий взгляд в мясистое лицо усомнившегося и повторил, словно пригвождая его к месту:

— Укрепи свою веру, брат Бернارد! Она вернется к нам!

— Судя по ориентирам, мы сейчас, кажется, вот здесь, — прокричала Карен Тэннер, перекрывая рев вертолета и тыча пальцем в карту, лежавшую у нее на коленях.

Том Картер ощутил прилив нервного возбуждения, глядя через стекло иллюминатора на пять скалистых утесов, группой стоящих посреди расстилающейся внизу пустыни. На песке возле самой высокой скалы он заметил вертолет и два автомо-

бия, а в воздухе справа от них шли три других вертолета, битком набитые бойцами отряда специального назначения — «Дельта форс», ФБР, солдаты Иорданской королевской армии.

— Они уже, наверное, знают о нашем прибытии, — заметил Том.

Карен поправила темные очки и мрачно улыбнулась в ответ:

— Даже если нет, то скоро узнают. Но у них не будет времени, чтобы что-то предпринять.

Том доверял ей. На него произвело глубокое впечатление, как быстро Карен Тэннер начала действовать, едва он сообщил ей о Гоморре и братстве. ФБР легко определило местоположение пещеры, как только очередной «приятель» Джека передал им координаты, полученные от радиомаяка, пребывавшего в желудке Тома во время его первого визита сюда. Затем, после нескольких поспешных телефонных звонков от директора ФБР и из Госдепа США в разные иорданские учреждения, в течение нескольких часов был собран отряд специального назначения. Карен пыталась уговорить Тома остаться, но его ничто не могло остановить — он хотел сам довести дело до конца. Последним аргументом для Карен стало то, что он единственный из всей группы захвата уже бывал здесь.

— Дэйв, что у них там? — спросила она соседа справа. Дэйв, тоже в темных очках и желтом «пустынном» камуфляже, изучал колонки цифр на экране ноутбука. Как и все остальные из «Дельта форс», он не соизволил сообщить им свою фамилию, и у Тома были основания полагать, что Дэйв — не настоящее его имя.

— Судя по сенсорам, там три человека снаружи, а вот сколько их внизу, остается только догадываться. По имеющимся данным и исходя из того, что сообщил нам Том, я думаю, они тут больше полагаются на секретность, чем на силы охраны.

— Ну, охраны у них, считай, больше нет. — Карен достала «уоки-токи» и тронула пилота за плечо: — Чак, давай вниз, поближе к самой высокой скале. Быстро и как можно ниже, о'кей?

Карен прокричала в микрофон передатчика несколько команд, вертолеты начала снижаться, сходясь к одной цели. Же-

лудок Тома сжался, когда, взглянув вниз, он увидел, как две похожие на муравьев фигурки побежали от машин к пещере. Видимо, его состояние отразилось у него на лице, потому что Карен улыбнулась и крикнула:

— Ты же сам хотел с нами прокатиться! Ну вот, сейчас начнется!

Брат Бернард не успел еще раз возразить святому отцу, когда тот услышал топот бегущих вниз по лестнице ног. Более раздраженный, чем озабоченный, Изеккель обернулся. Он же им ясно сказал, этим троим, что охраняют наружный вход, чтобы не мешали и не беспокоили. Топот приближался, становясь все громче; теперь были слышны еще и крики. И даже выстрелы. Выстрелы? Да что там происходит?! Теперь уже все члены Внутреннего круга подняли головы и начали обмениваться встревоженными взглядами.

Брат Бернард поднялся с колен:

— Пойду-ка я посмотрю...

Дверь вдруг распахнулась, и в пещеру ворвалась группа людей в мундирах.

Нет, это невозможно! Только не здесь! Только не сейчас!

Сам удивляясь своей прыти, Изеккель вскочил и отбежал за алтарь, встав между телом Марии и открытой дверью в склеп Памяти. Сунув руку под покрывало алтаря, он нащупал церемониальный кинжал, схватил его и засунул себе под веревку, опоясывающую плащ. Все еще стояли на коленях, не двигаясь с места. Только брат Бернард был на ногах.

— Всем не двигаться! — приказала рыжеволосая женщина в синей куртке с эмблемой ФБР на спине. Ее сопровождали по меньшей мере восемь вооруженных мужчин в камуфляже. — Я специальный агент Федерального бюро расследований США. По договоренности с иорданскими властями мы арестуем вас по подозрению в похищении людей, многочисленных убийствах и заговоре с целью убийства! — Изеккель действительно увидел мужчин в мундирах, здорово напоминавших форму Иорданской королевской армии.

Он обвел взглядом пещеру. Бернард стоит неподвижно, уставившись на пистолет в руке ближайшего к нему фэбээровца; Хеликс недоуменно качает головой; Лучано воздел руки к небу, как тот изгнанник в исполнении Джона Уэйна*; Хаддад и Олазабал словно окаменели.

У Изекееля стучало в висках. Это какой-то кошмар. Нет, невозможно, этого просто не может быть! И как вообще они сюда попали?!

Пригнувшись за алтарем, он начал подтаскивать спеленатое тело к себе, пока оно с тупым стуком не упало к его ногам. Теперь у него была только одна цель: защитить это тело. Все остальное значения не имело.

— Ни с места! — крикнул ему высокий светловолосый солдат, направив на него пистолет и сделав движение в его направлении.

И тут из тени вышел он. В этот момент Изекеель ненавидел его больше, чем кого-либо другого из живущих на свете. Видимо, этот атеист все же сумел узнать местоположение пещеры и выдал их властям. Как ему удалось ускользнуть от Гоморры?

Изекеель видел, что Картер махнул рукой солдату, делая ему знак отойти в сторону, и сам вышел вперед. «Не теряй времени на этого святотатца, — убеждал себя Изекеель. — Уноси тело!» Он быстро оглянулся, прикидывая расстояние до открытой двери в склеп Памяти. Меньше метра. Рядом с этой дверью из каменной стены на высоте пояса есть деревянный рычаг. Механизм его в рабочем состоянии, хотя им не пользовались с тех времен, когда он был здесь установлен — в самые первые годы существования братства; это было устройство, к которому следовало прибегнуть в минуту самой чрезвычайной опасности. Но сейчас им угрожает именно такая опасность!

Он заставил свои мятущиеся мысли сосредоточиться на инструкциях, которые он получил в день своего вступления на пост главы братства.

* Уэйн, Джон (наст. фамилия Мэрион М. Моррис, 1907—1979) — американский киноактер, чрезвычайно популярный в 1940—1960 гг.; снимался в основном в вестернах.

Потом перевел взгляд, полный ненависти, на Картера — тот подходил все ближе и ближе. В его синих глазах Изекьель видел такой же неукротимый гнев, который бушевал и в его душе.

— Осторожнее, Том! — крикнула Тэннер, когда Картер подошел к алтарю и встал всего в четырех футах от Изекьеля. Невероятно, но именно Картер оказал ему неоценимую услугу. Он встал прямо между ним и вооруженными людьми и на какой-то момент закрыл его от их пистолетов.

Идеальный момент, чтобы убраться отсюда, подумал Изекьель.

Вид Изекьеля де ла Круа, стоящего над завернутым в саван телом Марии Бенарьяк, вызывал в душе Тома целую бурю эмоций. Подумать только, он ел за одним столом с этим мерзавцем так сказать, преломил с ним хлеб, а тот все это время лишь выжидал момент, чтобы завершить дело, которое его проклятое кровавое братство начало в Стокгольме. Этот иссохший карлик убил его жену, да, он виновен в этом ничуть не меньше, чем Мария Бенарьяк. Нет, во многих отношениях он даже страшнее: она-то была всего лишь ландскнехтом, солдатом, повинующимся приказам, тогда как он выступал в роли генерала, отдающего эти приказы.

Том мог понять, почему они хотели его смерти, но хотел, чтобы Изекьель сам сказал ему это. Он хотел докопаться до полного понимания той извращенной логики, которая двигала руководителями братства, когда они отдавали приказы убивать человека просто потому, что тот посвятил себя спасению жизней других людей. Несомненно, это имело какую-то связь с тем фанатичным бредом, который Мария обрушила на него в лаборатории «Джиниус»: вмешательство в Промысел Божий, нарушение Божественных установлений и прочий вздор. Но он желал понять, почему члены огромной организации, посвятившей себя поиску и защите мессии, который, как они верили, спасет все человечество, считали не менее необходимым убивать людей, убить его. Он должен это постигнуть, если хочет понять, что стояло за убийством Оливии.

Он сделал шаг вперед, ближе к Изекелю и скорее почувствовал, чем заметил, что агенты навели пистолеты на главу братства. Его впечатлило то, как быстро они разделались с охраной. Двое там, на поверхности, пытались оказать сопротивление, давая время третьему закрыть потайную дверь, ведущую на главную лестницу. Но атакующие действовали быстро и яростно. Вертолеты не успели еще приземлиться, а нападающие уже бежали к пещере. Трое охранников были в считанные секунды нейтрализованы — все раненые, но живые. На охранника внутри потребовалось больше времени, поскольку фэбээровцы не знали, что он один. А тот даже и не подозревал о нападении. Картер во всем этом никакого участия не принимал, но в крови его бушевал адреналин, как и у остальных обрушившихся на логово братства.

Он оказался лицом к лицу с человеком, который бесповоротно изменил его жизнь.

— Значит, вы считаете, что Мария вернется, не так ли? — спросил он, обходя Священный огонь, в шаге от алтаря.

Изекель не ответил, лишь еще больше скорчился за алтарем, как загнанная в угол крыса. В его темных глазах пылала неприкрытая злоба. Оба они не обращали внимания на шум под сводами пещеры.

— Это была ее идея, не так ли? — продолжал Том. — Она думала, что, раз ей удалось спасти от яда страдающую аллергией девочку, ужаленную пчелами, то она сможет спасти и себя. Так или нет? — Он видел, как сузились глаза Изекеля, и понял, что его догадка верна.

— Не подходите к нему слишком близко! — крикнула сзади Карен.

— Ничего, все в порядке. Я просто хочу задать этому человеку несколько вопросов.

— Потом, позже! У вас будет куча времени, чтобы расспросить его!

Внезапно Изекель бросился назад, и Том понял, что никакого «потом» у него уже не будет. С неожиданной быстротой старец отпрыгнул и ухватился за торчавший из стены рычаг,

про который Том спрашивал его в свой первый приезд сюда, и начал поворачивать его по часовой стрелке.

Это можно назвать последней предосторожностью, на крайний случай — так он, кажется, тогда сказал? И в чем она заключается, эта предосторожность?

Том вскочил на алтарь, не сознавая, что перекрывает собой линию огня.

Сзади он смутно ощущал какую-то возню, ему кричали, чтобы он убрался в сторону. Изеккель тем временем вытащил из стены рычаг, швырнул его на пол, ухватил труп Марии под мышки и потащил в склеп.

Раздался скрежешущий звук, тяжеленный камень пополз в сторону, открывая проход.

Том не видел, как брат Бернارد, пользуясь тем, что все отвлеклись на это зрелище, вырвал пистолет у ближайшего к нему агента ФБР и бросился на помощь своему боссу. Он видел только Изеккеля и успел перехватить старца прежде, чем тому удалось утащить тело Марии за дверь и закрыть ее за собой. Он вспомнил, что где-то тут свисает сверху веревочная лестница. Старый паук не уползет по ней!

Грохот и скрежет движущегося в вышине камня походил на раскаты грома, но Том крепко держал Изеккеля. Крик Карен: «Том, обернись! Опасность сзади!» — и вопль Изеккеля: «Убей его, брат Бернارد! Застрели его!» — он услышал одновременно.

Потом раздался подряд два выстрела, и он ощутил, что в спину ему что-то ударило. Он упал, подмяв под себя Изеккеля и чувствуя невероятную тяжесть на своей спине. Убитый брат Бернارد, опознал он свалившуюся на него тушу, выкарабкиваясь из мешанины мертвых и живых тел — Изеккель не выпускал из рук свою драгоценность в саване. Отбиваясь и отталкиваясь руками и ногами, Том отчаянно пытался выбраться из этой кучи, подальше от этих гнусных, маленьких, как бусинки, темных глаз и злобно ощеренного рта. Ему понадобилось добрых несколько секунд, чтобы заметить кровь у себя на руках и понять, что он пытается освободиться от мертвеца — в спине брата Бернарда зияло пулевое отверстие.

Он сбросил с себя мертвую тушу и перекатился вбок, на ледяное, окоченевшее тело Марии. В ноздри ему ударил отвратительный запах смерти, мазей и ароматических трав. Содрогаясь от отвращения, он оттолкнул от себя труп и, хватая раскрытым ртом воздух, осмотрелся. Они были в маленькой комнате, своего рода передней между пещерой Священного огня и склепом Памяти. Изебель — у двери, ведущей в склеп. В правой руке он сжимал кинжал, локоть его был в крови — в него, видимо, попала вторая пуля. Секунду они смотрели друг на друга. Тело Марии лежало как бы на нейтральной полосе между двумя линиями фронта.

И вдруг Том ощутил мощный удар — огромный кусок скалы упал на пол. Том оглянулся на алтарь. Все столпившиеся вокруг него — фэбээровцы, солдаты-иорданцы, члены Внутреннего круга — все как один смотрели вверх, на шатающиеся колонны, и жались к дальней стене, к выходу на главную лестницу. Карен стояла возле самого алтаря и тоже не сводила глаз с подрагивающего каменного потолка. Сотни свечей и факелов, что освещали пещеру, сейчас сыпались со стен падающими звездами, золотистое сияние превращалось в мутный полумрак, отчего белое пламя Священного огня казалось еще более ярким. Когда Изебель вытащил из стены деревянный рычаг, он, видимо, тем самым высвободил десятки тонн каменных обломков и булыжников, ранее заключенных в какое-то пространство над гранитным потолком; это, несомненно, была смертельная придумка древних инженеров братства, устроенная ими для того, чтобы все тайны этой пещеры имели высшую степень защиты — вплоть до полного ее уничтожения.

— Карен! — крикнул Том в сверкающий искрами полумрак. — Убирайтесь отсюда, пока этот клятый потолок на вас не рухнул! Быстрее!

— А вы? — крикнула она в ответ.

Тома раздирали противоречивые чувства. Изебель уже открыл дверь во тьму склепа и начал втаскивать туда тело Марии. Вероятно, склеп как раз и рассчитан на спасение от этого Армагеддона. Вероятно, но не точно! Мысль, что Изебель может ускользнуть, привела Тома в слепое бешенство.

— Том, давай сюда! — закричала Карен, отступая к главной лестнице.

Он отмахнулся от нее и проорал в ответ, до предела, до боли в избитых ребрах напрягая легкие:

— Не беспокойся! Я сейчас!

И в этот самый момент рухнула первая колонна, совсем рядом с ним, прямо на алтарь. Он уже не видел ни Карен, ни кого-нибудь другого. Их накрыли клубы пыли и летящие осколки камней. Том в оцепенении стоял на месте — в него почему-то не попал ни один обломок — и смотрел, как закрывается единственный путь отступления — к главной лестнице. Огромный обломок колонны скатился с разбитого алтаря, закрыв дыру, через которую выбивался Священный огонь, — а значит, закрыв выход подземному скоплению газа. И погасил сияющее пламя.

Том отпрянул в относительную безопасность передней части пещеры и, переступив через мертвое тело брата Бернарда, устремился за Изекелем в тот момент, когда глава братства уже почти исчез во мраке склепа, вместе с охраняемым им сокровищем. И дверь в склеп начала закрываться.

У Тома ныла грудь, отказывала больная нога, но он втолкнул себя в эту затхлую тьму прежде, чем дверь закрылась. Здесь ничего не было видно. Он двигался на звук, с которым тело Марии в руках Изекеля волочилось по каменному полу.

Потом стало тихо. Он слышал лишь собственное тяжелое дыхание и адский грохот, с которым за толстой каменной стеной рушились своды пещеры Священного огня. Он попытался нащупать стены и вспомнить форму помещения, каким он его видел. Если он правильно помнил, то потайная ниша, где хранились останки Христа, должна быть в противоположном конце склепа, прямо впереди, а огромный меч, поразивший его воображение, должен стоять справа. Если бы ему удалось его нащупать, тогда, несмотря на вес меча, у него было бы хоть какое-то оружие. Ощупывая полки на стене слева, он двинулся вдоль нее, стараясь не производить шума. Руки ощупывали свитки пергамента, коробки и ящики, какие-то металлические предметы. Добравшись до промежутка между полками, он

протянул руку к стене. Вот тут должен быть меч. Но пальцы нащупали только сухой, грубо отесанный камень. Черт! Где же он?!

В этот момент он ощутил первый толчок. Это были уже не такие сотрясения, как прежде, когда с потолка сыпались булыжники. Больше это походило на какие-то подвижки под каменным полом, словно что-то огромное металось там, пытаясь выбраться наружу. Вокруг сыпались пыль и обломки, и все, что стояло и лежало на полках, подпрыгивало и постукивало. Он шагнул вперед, к стене, и тут же ударился коленом о сталь. Меч!

Он нагнулся и взялся за рукоять, и в этот момент ощутил второй толчок. Конечно, понял он, это же газ! Газ, который питал Священный огонь. Лишенный выхода, он метался в поисках пространства, какой-нибудь щели, слабого места в каменных преградах, куда бы мог направить свое растущее давление. «Интересно, древние инженеры братства учитывали давление газа, когда рассчитывали пределы прочности склепа Памяти?» — задался вопросом Том.

Он оторвал меч от земли и повернулся спиной к стене, стараясь дышать потише. Теперь у него есть оружие. Если древние инженеры знали свое дело, тогда он в этом темном чреве в относительной безопасности.

И вдруг он почувствовал руку на своем плече и смрадное дыхание на лице. На какой-то момент его охватил совершенно иррациональный страх: он решил было, что это Мария восстала из мертвых.

Он дернулся, поднимая огромный клинок на уровень пояса, и понял, что кого-то задел — раздался болезненный вскрик. Он отклонился назад, прислонился к стене, стараясь удерживать меч на весу, но продолжал упираться острием клинка в того, кто по-прежнему держал его за плечо.

И тут он снова ощутил на лице смрадное дыхание, только теперь следом за этим в шею ему уткнулось холодное лезвие. Повернув меч, он ткнул острием в невидимого нападавшего и ощутил третий толчок, за ним четвертый и пятый. Основание склепа содрогнулось.

— Кажется, положение патовое, доктор Картер, — прошипел из мрака Изебель. — Интересно, ваши друзья успели удрать? Сомневаюсь...

— Если и успели, вернутся, а что до вас, то можете распрощаться со своим тайным братством. И как насчет вашего драгоценного Внутреннего круга? Что, если вы их всех угробили?

Из тьмы донесся слабый смешок.

— Это всего лишь расходный материал. Мы все — расходный материал. Что до братства, то, как только Мария воскреснет, цель его существования будет достигнута. Настанет день Страшного суда, и все кончится. Но братья будут спасены, ибо они нашли нового мессию.

— Да она же мертва, — сказал Том. — Вы опять опоздали на поезд.

Острые кинжала впились ему в кожу. За ворот потекла теплая струйка крови.

— Она восстанет из мертвых, воскреснет! — заявил Изебель. Голос его был исполнен ненависти. — Ей дана такая власть!

— Нет у нее такой власти. Гены работают вовсе не так.

Последовал еще один издевательский смешок.

— Лжец! Она еще в детстве могла творить чудеса. Она исцелила меня от язвы. У нее есть такая власть!

— Только не в отношении самой себя. Я ей это говорил уже, в день казни. И, судя по ее реакции, она успела понять, что это так.

Кинжал впился еще глубже в его шею, а он был не в состоянии что-то предпринять. Он попытался было оттолкнуть Изебеля мечом, но меч был слишком тяжел. Тогда Том выпустил оружие и повел в темноте рукой, пытаясь ухватиться за раненую руку Изебеля.

— Я хорошо знаю, как работают гены, — тихо сказал он во тьму. — Потому что использовал их, чтобы спасти собственную дочь. — Он нащупал предплечье Изебеля и проскользил ладонью к пулевой ране. — Я ввел себе целительные гены. Ты понимаешь, что это значит?

Изебель попытался отстраниться, но Том сжал его локоть как тисками. У него самого подгибались колени, энергия уте-

кала из него, мышцы ныли так, будто его растянули на дыбе. Но он почувствовал, как рука Изекьеля задрожала. Его противник ощутил, что в него вливается целительная сила!

Через минуту Том отвалился назад, припав спиной к стене. Изекьель тут же вырвался. Секунду спустя Том услышал шорох, и склеп озарился светом факела. Изекьель стоял возле двери в склеп. Тело Марии лежало у его ног. Лицо старика было бледно, темные глаза горели страхом и ненавистью.

— Мария была права, — изрек Изекьель. — Ты — само зло, и мне никогда не следовало вступать с тобой ни в какие соглашения. Надо было сразу позволить ей убить тебя!

Господи, да как же ему все это осточертело!

— Она пыталась. Вспомни! Дважды пыталась! Только я вовсе не зло. Я всегда стремился спасти людей.

Иzekьель язвительно засмеялся:

— И шел при этом против естественного порядка! Бросал вызов самому Богу!

— Да нет никакого Бога! Нет никакого естественного порядка! А если бы был, то эти гены не были бы столь редким явлением.

Иzekьель снова засмеялся, истерическим смехом маньяка.

— Ты все еще ничего не понял, да? — кричал старец. — Ты еще не понял, зачем нам понадобилось убить тебя, причем сильнее, чем всех этих носителей зла — торговцев оружием, наркодельцов, поставщиков порнографии? Это были слабаки, они лишь отравляли мир, в котором мы живем. А ты со своей безбожной генетикой всегда угрожал изменить этот мир, изменить полностью! Даже сейчас, когда ты каким-то дьявольским образом смог использовать эти свои методы, чтобы заполучить гены самого Господа, ты все еще не в состоянии понять, насколько ты опасен!

Еще один толчок, еще более сильный, чем предыдущие, сотряс склеп, послышался грохот падающих камней. Но Изекьель не обратил на это никакого внимания. Он продолжал свою истерическую проповедь:

— Ты обладаешь огромным знанием, Картер, некоторые даже считают тебя гением. Но чтобы быть Богом, одного зна-

ния мало! Нужно еще обладать мудростью! Ты говоришь, что если бы Бог существовал, то эти гены не были бы столь редкими. Вздор! Это был бы мир, в котором каждый мог бы исцелять каждого и в котором никто никогда не умирал бы от болезней! Ты только представь себе такой мир, в котором не бывает никаких последствий содеянного! Мир с таким чудовищно огромным населением! Вместо рая на Земле это был бы суший ад для всех живущих! Ни места. Ни еды. Никакого уважения к жизни и смерти и, естественно, к Всевышнему. Перенаселенная пустыня, полная пропащих душ, убежденных лишь в одном — в бесконечности жизни, наполненной страданиями.

Все еще с кинжалом в руке, Изекьель опустился на пол рядом с телом Марии. Он, казалось, не замечал нарастающего грохота под ногами. Взгляд Тома упал на веревочную лестницу, свисающую из расщелины в каменном потолке. Он начал осторожно продвигаться к ней.

— Скажи мне, доктор Картер! — выкрикнул старец. — Неужели стремление спасти свою дочь — всего лишь одно существо из всего моря людского! — дает тебе право играть роль Всевышнего? Неужели это дает тебе право создать ад на Земле? Ей было суждено умереть, она должна была умереть! И ты не имел права использовать свой ум, опыт и знания, чтобы изменить предначертанное! Это относится и к другим, которых ты спас своими богопротивными генетическими трюками!

Тут он наконец замолк — видимо, выдохся.

Том не удостоил его ответом. Он был уже возле самой лестницы. Ухватившись за нижнюю ступеньку, он подтянулся. Ярость его испарилась, и он не испытал вообще никаких чувств, бегло оглянувшись на сгорбленную фигуру старца, нежно обнимающего труп, — гротескная пародия на *Pieta**. Разве что — некоторую жалость к этому погрязшему в химерах, сломленному старику.

Он успел добраться до пятой ступеньки лестницы и уже поднялся до половины расщелины, как услышал внизу шипе-

* *Pieta* (ит. — жалость, сожаление) — термин, обозначающий в искусстве сцену, когда Дева Мария оплакивает тело снятого с креста Иисуса, обычно изображаемого лежащим у нее на коленях.

ние и треск прорвавшегося сквозь камни газа. Он посмотрел вверх. Медлить нельзя ни секунды. Он сжал зубы и продолжил подъем. Каждое движение доставляло ему невероятную боль. Болела простреленная Марией кисть, раненое колено отказывалось сгибаться, лестница качалась, и он обдирал о выступы стен плечи и локти. Больше всего болели мышцы и суставы. Каждый мускул отзывался жгучей болью на его малейшее усилие, но он продолжал цепляться за веревочные переплетения и подтягивать тело вверх.

И чем выше он поднимался, тем сильнее и сильнее становился грохот внизу.

Вот наконец вверху мелькнул лучик света! Если только хватит сил туда добраться...

Неожиданный взрыв оглушил его. Секунду спустя его настигла волна раскаленного воздуха, ударившая снизу с такой силой, что оторвала его от лестницы и швырнула вверх. И он полетел, ударяясь головой о каменные выступы. Все его тело было одним горячим сгустком невыносимой боли.

А потом боль вдруг куда-то ушла. И не было больше никаких ощущений.

За минуту до этого Изебель де ла Круа еще сидел и смотрел, как доктор Картер медленно исчезает в расщелине. Несмотря на то что под его ногами уже раскалывался каменный пол, Изебель был совершенно спокоен — он слишком устал, чтобы испытывать какие-то чувства. Пусть себе убегает этот паршивец. Как только восстанет новый мессия, все эти кошмары не будут иметь ровным счетом никакого значения. Мария коснется руками пламени Священного огня, и настанет день Страшного суда. Всех безбожников, а не одного только доктора Картера, ждет кара. А он, глава праведных, обретет спасение.

Он подвинул тело у себя на коленях, желая сейчас только одного — отдохнуть. Взгляд его опустился на бледное, умиротворенное лицо. Когда же наконец откроются эти необыкновенные глаза? Он провел пальцами по ледяному мраморному лбу... Какая она была беззащитная, ранимая, когда он увидел ее впервые! Как жестоко обидела жизнь ее, еще не знавшую о том, что ей предначертано...

Он дотронулся до своей раненой руки. Поразительно! Рука уже почти зажила! Неужели этот проклятый доктор Картер действительно сумел каким-то неестественным образом заполучить гены Христа? Но он заблуждается насчет Марии. Мария родилась с этими генами! Они ее собственные по праву рождения. И что бы он ни твердил, Мария проснется, восстанет из мертвых. В этом нет никакого сомнения.

Внезапный грохот и рвущееся сквозь камень шипение заставили его вздрогнуть и обернуться. На его глазах в полу вдруг образовалась трещина — от самой стены с нишей для реликвий через весь склеп, прямо к нему, словно следуя предначертанному пути.

— Нет! Не сейчас! — закричал он, глядя, как трещина расширяется и подползает все ближе подобно гигантскому указующему и обвиняющему персту.

Он затряс тело Марии, крича: «Проснись! Проснись!» Потом выпустил его из рук и, шатаясь, поднялся на ноги.

— Мне еще рано умирать! — прошептал он, охваченный смертным ужасом. — Я еще не готов! Мы еще не готовы!

Но едва трещина добралась до его ног, он услышал взрыв — из темных глубин хлынула испепеляющая ярость самой Земли. Из трещины вырвался поток слепящего пламени, вертикальный столб ярко-белого света. Казалось, он возносится прямо к небесам. В полном ужасе, корчась в предсмертных муках, Изекийель вдруг осознал, что это белое пламя, что сейчас пожирало его, — есть самое прекрасное, что он когда-либо видел в своей жизни...

Глава 32

Штаб-квартира компании «Джиниус», Бостон

Спустя четыре недели после иорданских событий в подземный гараж фирмы «Джиниус» въехал антикварный красный «мерседес» и свернул к ближайшему парковочному месту, но тут же резко затормозил: водитель с удивлением обна-

ружил, что место занято кабриолетом «БМВ» цвета «зеленый металл».

Том Картер посмотрел на себя в зеркало. Поверхностные ожоги уже сошли, отшелушились, а новая кожа перестала быть младенчески розовой. «Косметические компании за такой отшелушивающий эффект драли бы втридорога», — шутила Джасмин, когда он три недели назад выписывался из больницы. Он прекрасно понимал, что ему несказанно повезло. По словам людей Карен, если бы воздухопровод, через который его выбросило наружу, был чуть больше искривлен, то взрывной волной его просто расплющило бы о стены как паровым молотом. Вместо этого он оказался выброшенным на поверхность, к подножию самой низкой из пяти скал, на мягкий песок — без сознания, но живым. Короткий выброс белого пламени, последовавший за этим, даже помог Карен и ее группе обнаружить его. Они сами едва успели выбраться в безопасное место. Удивительно, но во время бегства из пещеры ранены были только один агент ФБР и два иорданских солдата. Погибли лишь Изекьель и брат Бернард. Да еще Хеликса так и не нашли. Видимо, его тело осталось погребенным в пещере.

Члены братства не могли сообщить ФБР ничего интересного. Но в руках Бюро был Гоморра, а Том рассказал Карен все, что ему поведал Изекьель. Было по-прежнему неясно, какие обвинения можно предъявить оставшимся в живых членам Внутреннего круга, но, по словам Карен, для Тома они больше не представляли никакой угрозы. Что же касается остальных членов братства, то их просто невозможно вычислить, не говоря уж о том, чтобы найти. Кроме того, у Бюро не имелось никаких данных, что они хотя бы знали обо всех убийствах. Что касается Тома, ему было наплевать, что станет с братством, лишь бы его самого оставили в покое.

Он выбрался из машины и запер дверцу. В течение последних трех недель, после того как в больнице у него была возможность все тщательно обдумать, он умудрился четыре раза облететь вокруг земного шара. Но дело того стоило. Почти все, с кем он говорил, согласились, что он принял правильное ре-

шение. И после сегодняшней встречи он уж точно возьмет отпуск. Только Холли, он и немного солнца.

Том прошел через пустой и тихий атриум. Солнце едва взошло, и в его свете он еще раз восхитился своей пирамидой, такой легкой и просторной. Здесь он чувствовал себя свободным, не стесненным никакими границами или стенами. Том прошел сквозь голограмму в сторону больничного отсека. Он надеялся, что там найдет подтверждение сделанного им выбора.

Том тихонько вошел в отделение. Здесь еще спали. Он махнул рукой дежурной медсестре, улыбнувшейся ему из-за стола. Маленькая лампочка у нее над головой была единственным источником света в царящем здесь полумраке. Том едва различал больных на семи занятых койках. Он осторожно обошел палату, скользя, как привидение, глядя на спящие лица, отмечая малейшее подрагивание век. Он знал, что экспериментальные терапевтические методы, имеющиеся сегодня в распоряжении компании «Джиниус», могут в лучшем случае спасти троих из этих семерых; может быть, значительно продлить жизнь четвертому. Но даже при самом благоприятном стечении обстоятельств остальные трое почти наверняка обречены.

Если их не исцелит он.

Том стоял в полумраке палаты и смотрел на собственные руки, вспоминая слова Иезекиеля...

...Мир, в котором каждый мог бы исцелять каждого и в котором никто никогда не умирал бы от болезней! Ты только представь себе такой мир, в котором не бывает последствий содеянного! Мир с таким чудовишно огромным населением, что вместо рая на Земле здесь будет суший ад для всех живущих! Ни места. Ни еды. Ни уважения к жизни и смерти и, естественно, к Всевышнему. Перенаселенная пустыня, полная пропаших душ, убежденных лишь в одном — в бесконечности жизни, наполненной страданиями.

«А может, проклятый старец был прав? — подумалось ему. — Может, трое этих несчастных действительно должны умереть?»

Кто он такой, чтобы вмешиваться? Он не может играть роль Господа и решать, кому жить, а кому умереть. Но... он врач! И если он может спасти человека, то обязан это сделать.

Том представил себе на минутку, что любой из этих спящих — Холли и что он кому-то из них отец, сын или муж. И понял, что у него нет выбора. Нет выбора в отношении этих семерых. Он обошел всех, одного за другим, прикасаясь рукой к каждому, дотрагиваясь кому до лба, кому до плеча, спины... И ощущая при этом, как из него истекает энергия. Однако он чувствовал какое-то смутное беспокойство. То, что он сейчас делал, было нетрудно. Его тревожила предстоящая сегодня встреча. Он надеялся, что все же сумел правильно ответить на самый главный вопрос, принять правильное решение.

Он отошел от последнего больного, махнул рукой сестре, представляя себе ее изумление наутро, когда ее спящие сейчас пациенты проснутся бодрыми и здоровыми.

Покинув палату, он направился к лифту и поднялся прямо на третий этаж. Пройдя через лабораторию Менделя, он открыл дверь в лабораторию Крика. Там сидела Джасмин — в руке бутылка диетической колы, на столе — куча бумаг.

Она подняла на него глаза и улыбнулась:

— Привет, странник! Ты как? И как прошло твое таинственное путешествие?

— Хорошо. А ты что тут делаешь в такую рань?

Джасмин сверкнула еще одной улыбкой и похлопала по стопке бумаг на столе:

— Видишь ли, после твоего успеха с Холли мы с Джеком занялись заполнением патентных заявок на эту сыворотку. Ну и, конечно, вот этим. — Она взяла со стола бланк какой-то заявки и помахала им в воздухе, как трофеем. — Заявка в FDA, чтобы мы могли начать клинические испытания. Джек ее уже подписал. Остается получить твое одобрение и подпись.

Том никак не прореагировал на ее энтузиазм. Он снял пиджак, повесил его на вешалку возле двери, подошел к холодильному шкафу со стеклянной дверцей. Бросил взгляд сквозь прозрачное стекло, пересчитал пробирки. Задержался на одной — с этикеткой «Сыворотка «Троица» — гены из Назарета». Так,

хорошо... Кажется, к ним никто не прикасался за тот месяц, что его здесь не было. После опытов с мышами пробирок было тринадцать, одну он использовал для себя. Осталось двенадцать; всего двенадцать на весь мир.

— Куда девался твой здоровый скептицизм, Джас? — спросил он, медленно подходя к стеллажу, где хранились этикетки. Выдвинул нужный ящик и убедился, что этикеток хватает. — А как насчет твоих религиозных сомнений? Теперь, когда Холли выздоровела, я думал, ты будешь счастлива забыть о проекте «Кана» и вернуться к нашим обычным исследованиям...

Джасмин помолчала, прежде чем ответить:

— Я много об этом думала. И пришла к выводу, что не эти гены сделали Иисуса Сыном Божьим, а то, как он их использовал. То, чему он нас учил. То, как он умер за нас, — вот что определило его Божественную сущность. Гены из Назарета — крупнейшее открытие в истории медицины, это настоящий дар свыше, и именно так его и следует использовать. Только вообрази себе, сколько добрых дел мы сможем совершить, когда получим разрешение ФДА и выйдем с этими генами на технологический рынок! Начнется их массовое производство...

— Ух ты, Джас! Мы ведь еще не решили, будем ли пускать их в широкое применение. Мы пока что лишь предполагаем, что это доброе начинание.

— Ну конечно, доброе! Как же иначе?

Том перешел к шкафчику со шприцами. Быстро пересчитал их и одобрительно кивнул, убедившись, что их тоже достаточно. Все можно будет проделать незаметно, избежав лишних вопросов и необходимости что-то где-то искать.

— Я хочу лишь сказать, Джас, что, по-моему, нам следует все это очень тщательно обдумать и взвесить.

Джасмин не верила собственным ушам. Вот стоит человек, который всегда утверждал, что единственным препятствием на пути к тому, что ты можешь сделать, является то, что ты действительно можешь сделать. Не больше и не меньше. Этот человек вдохновил ее заняться разработкой фантастического суперкомпьютера, способного считывать генетический код пря-

мо с ДНК столь же эффективно, как сканер в кассе супермаркета считывает штрихкод с банки консервированных бобов. Он же убедил ее довериться ему, отставить все религиозные предубеждения и страхи, попытаться отыскать и использовать гены Христа, чтобы спасти ее крестную дочь. И вот теперь ни с того ни с сего, после успеха, превзошедшего самые несбыточные его мечты и надежды, он вдруг говорит: «Ух ты, Джас!» и начинает опасаться, что превзойдет самого себя.

— Да что происходит, Том?! — спросила она, скрещивая руки на груди. — У тебя теперь огромная власть, буквально в твоих руках! Но в твоём распоряжении пока что только жалких двенадцать пробирок. Нам нужно изготовить побольше, клонировать эти гены и передать их другим людям. Мы просто обязаны распространить их целительную силу по всему свету! Это единственный правильный путь!

— Но кому мы их передадим? — тихо спросил Том. — Или, как сказал бы Джек, кому мы их продадим? Только тем, кто может себе это позволить?

— Нет, деньги тут ни при чем, — в ужасе пробормотала Джасмин.

— Согласен, это не должно быть связано с деньгами. Но даже если опустить этот фактор, следует понять, каковы могут быть общие экономические последствия. Например, если сыворотка станет доступной всем во всем мире, это приведет к банкротству всех крупных фармацевтических компаний и вызовет такие потрясения, которые разрушат целые отрасли экономики, может, даже целиком экономику некоторых стран. Но даже если мы будем в состоянии контролировать финансовые последствия, кому мы будем передавать эти гены?

— Ну, в конечном итоге, я надеюсь, всем.

— Всем? Чтобы создать мир, в котором каждый мог бы исцелять каждого и никто никогда не умирал бы от естественных болезней?

Джасмин нахмурилась, не понимая, к чему он клонит.

— Ну да! А почему бы и нет?

— Чтобы создать мир с таким чудовищно огромным населением, что вместо рая на Земле здесь будет суший ад для всех

живущих? Ни места. Ни еды. И никакого уважения к жизни. Или к смерти.

Джасмин все больше хмурилась, слушая Тома. Глаза его были устремлены куда-то в немыслимую даль, словно он зачитывал ей вслух то, что сам прочитал где-то или от кого-то услышал.

— Ну, может быть, не следует передавать их всем, — признала она, действительно осознав возможные опасные последствия такого шага. — Только некоторым.

— Кому именно?

— Не знаю. — Она и впрямь не знала. И уж тем более не думала о последствиях. — Ну, людям, которые больше других способны делать добро. Например, в странах «третьего мира».

— Почему там? Потому что там они могут спасти наибольшее количество жизней? Тысячи, может, даже миллионы?

— Ну да, наверное...

— То есть тем, кто сегодня не имеет достаточно пищи, чтобы накормить уже имеющееся население? Разве тебе не известно, что на несчастные случаи, убийства и самоубийства приходится только пять процентов всех смертей в мире? Эта сыворотка может уничтожить все остальные причины смерти, включая само старение. Представляешь, насколько это увеличит среднюю продолжительность жизни человека?

— Нет, представить это я не в состоянии...

— Ну так я тебе скажу. При той численности населения, которое мы имеем сейчас, средний возраст, в котором человек будет уходить из жизни, но не умирать, а погибать от несчастного случая, убийства или самоубийства, составит шестьсот лет. Кого-то может переехать автобусом в день, когда он родился, но остальные будут жить вечно. Подумай об этом. Средняя продолжительность жизни в шесть сотен лет.

Она в полном отчаянии замотала головой, пытаясь осознать то, что сказал Том. Конечно, он прав. Все совсем не так просто, как ей казалось. Она бросила взгляд на заявку в ФДА, на бланки патентных заявок — бланки, которые выпустят на свободу могучий и таинственный дар, способность исцелять, и отдадут его ничего не подозревающей толпе. Два раза ей пока-

залось, что она нашла ответ; она даже обернулась к Тому, готовая заговорить, но не решилась произнести ни слова.

Наконец она, совершенно вымотанная размышлениями, повернула к Тому лицо. Том по-прежнему стоял у холодильного шкафа и смотрел на пробирки с сывороткой. Он явно уже все обдумал и пришел к какому-то выводу. К решению, которое, возможно, объясняет, почему три недели назад, еще не до конца поправившись, он удрал из больницы, сел в самолет и улетел бог знает куда; вернулся же всего два дня назад. Бывали такие моменты, когда гениальные прозрения Тома совершенно сбивали ее с толку. Как сейчас, например.

— Ну так что? — в нетерпении спросила она. — Полагаю, ты уже придумал, что нам делать с этими генами?

— Конечно, — невозмутимо отозвался Том.

— Но не считаешь, что нам следует завалить ими весь мир?

Он отрицательно качнул головой:

— Нет, пока не просчитаем всех последствий. В долгосрочной перспективе это может принести больше вреда, чем пользы.

— Что-то это не похоже на тебя — беспокоиться по поводу нарушения естественного порядка вещей.

Он неуклюже пожал плечами:

— Может быть, я ошибался. Может быть, во всей этой фантазмагории все же есть какая-то система.

Она не верила своим ушам.

— Ты имеешь в виду религию?

Он издал сухой смешок.

— Едва ли. Скорее всего старушку нашу — Мать-Природу. Может, она не так уж и жестока, как я раньше думал.

Джасмин забарабанила по столу пальцами.

— Так, маэстро, и как же мы должны поступить с этими генами? Уничтожим их? Притворимся, что никогда их не находили?

Том снова пожал плечами:

— Это только один из вариантов.

— Том, я же шучу! Ты же не можешь всерьез считать, что мы не должны вообще пускать их в дело?

Том улыбнулся. В его синих глазах мелькнула искра азарта.

- Ты действительно хочешь знать мое мнение?
- Разумеется!
- Ну, тогда подъезжай сюда к полуночи, и я все тебе расскажу.

В 22 часа 56 минут, когда было уже совсем темно, Джасмин подъехала к закрытым воротам, ведущим в кампус «Джиниус». Взглянула в сторону темной караулки у ворот, но та была пуста. Она уже хотела было вылезти из машины и открыть ворота сама, но они внезапно распахнулись.

Она вновь завела свой «БМВ» и в лунном свете поехала к видневшейся впереди пирамиде. Остановившись возле парадной двери, она удивленно обнаружила, что вся дрожит, хотя ночь была теплой. Пирамида высилась перед ней темной громадой, нигде не было видно ни огонька, если не считать тусклого фонаря, освещавшего атриум, и света на втором этаже, где располагались лаборатория имени Крика и конференц-зал.

— Очень странно, — прошептала она, как будто кто-то мог ее услышать. Сегодня она ушла с работы рано, поняв, что от Тома больше ничего не добьется. Пытаясь убить время до назначенного часа, она погрузилась в разные повседневные заботы, но продолжала думать об этих генах и реакции Тома на ее саркастическое предложение уничтожить их. Как он сказал? «Это только один из вариантов...»

Какого черта он собирается показать ей среди ночи? Ей вдруг пришло в голову, что он намерен уничтожить все пробирки с сывороткой, поставив их в автоклав-стерилизатор. От этой мысли ее бросило в жар, и она всю оставшуюся часть дня и вечером ломала голову над тем, как лучше всего распорядиться генами, не преступив некую границу благоразумия. Но проблема оказалась куда сложнее, чем любая компьютерная заморочка, с которыми она сталкивалась, и пока что все результаты ее размышлений сводились к одному большому нулю.

Она распахнула дверцу, под ногами хрустнул гравий. Парадная дверь была открыта, и она проследовала прямо в слабо освещенный и совершенно пустой атриум. Голограмма ДНК

трепетала в полумраке подобно призрачным змеям. Дверь в больничный отсек была открыта. В тишине слышался только стук ее каблуков по мраморным плитам. Она вошла в палату. Тут тоже было темно. Не горела даже лампочка на посту медсестры.

Когда ее глаза привыкли к полумраку, она осмотрела палату. Странно, но кровати были пусты. Белье со всех постелей снято. На каждом из матрасов лишь аккуратная кучка — сложенное вчетверо одеяло и две подушки. Джасмин почувствовала, как вдруг сильно забилось ее сердце. Она развернулась и пошла обратно. Уезжая отсюда днем, она заметила какое-то оживление возле больничного отсека, но не придавала этому значения. Тем не менее она хорошо помнила, что семь коек были еще сегодня заняты тяжелобольными пациентами.

Когда она вышла в атриум, ее напряжение было таким, что она чуть не подпрыгнула от легкого шороха, с которым отошла в сторону дверь лифта. А когда увидела Тома, выходящего из кабины, испытала такое облегчение, что хотела броситься прямо ему в объятия.

— Спасибо, что приехала, — произнес он таким тоном, словно ждал ее на обычную вечеринку с барбекю.

— Что происходит, Том? Где охранники?

Он пожал плечами:

— Я хотел, чтобы все это осталось сугубо между нами.

— А пациенты?

Том улыбнулся и знаком пригласил ее в лифт. Нажал на кнопку лаборатории имени Менделя и сказал:

— По официальной версии они все оказались исключительно восприимчивы к назначенным им курсам лечения. И я отнюдь не собираюсь ее оспаривать. Двое уже отправились по домам, остальные перебрались в больницу «Массачусетс дженерал» — проходят там обследование и сдают анализы. Но я совершенно уверен, что они тоже скоро разъедутся по домам.

— Это ты их вылечил?

Он улыбнулся и кивнул.

— Но я ни за что в этом не признаюсь. Необходимо, чтобы никто не знал, что у меня теперь есть этот дар. Утром я тут не-

много увлекся, но в будущем не стану предпринимать подобных шагов.

— Это все, что ты хотел мне показать?

Лифт остановился, дверь открылась.

Том покачал головой и ответил:

— Нет. Это просто пример, как лично я могу использовать эти гены. Спрятавшись за обычные методы лечения.

— А в общем и целом? Что мы будем делать с оставшимися пробирками?

Том вывел ее из лифта и взял за руку:

— Идем...

Он поднес руку к ДНК-сенсору, дверь в лабораторию Менделя распахнулась.

— Ты только представь себе на минутку, — начал он, — как работает эта сыворотка. Вирусный вектор разработан специально для того, чтобы ввести гены из Назарета в стволовые клетки пациента. Это означает, что пациент будет иметь способность весь отпущенный ему срок жизни исцелять других. Но он не сможет передать этот дар никому другому, а только принести исцеление. А поскольку гены введены не в эмбриональные клетки пациента, он не сможет передать их своим детям. Таким образом, этот дар умрет вместе с ним.

Джасмин последовала за Томом в лабораторию и зажмурилась, когда сенсор включил освещение и мощные вольфрамовые лампы осветили огромную криогенную камеру слева и сверкающее белым стеклом пространство раскинувшейся перед ними лаборатории.

Джасмин нахмурилась и заметила:

— Но ведь этот дар может и не умереть вместе с ним, если он сумеет клонировать гены из Назарета или если кто-то еще, владеющий соответствующим ноу-хау, возьмет у него эти гены и сам клонирует их — с его разрешения или без оного.

Том кивнул. Он явно уже подумал о такой возможности.

— Да, ты права. Если мы хотим контролировать распространение этого чудесного гена, нам нужно будет обеспечить, чтобы всякий, кто им обладает, был достоин доверия и обладание им сохранялось в тайне.

Следуя за Томом по странно пустынной сейчас лаборатории, Джасмин пыталась догадаться, куда он ее ведет. И в смысле их разговора, и в буквальном смысле.

— Носители этого гена должны также быть людьми чрезвычайно ответственными, — сказала она, — иначе они, возможно, будут злоупотреблять своим даром. Они должны всегда помнить, что могут использовать его только тогда, когда это абсолютно необходимо, и никому никогда не рассказывать об этом.

— Или требовать за это деньги, — добавил Том. — Это будет самым отвратительным злоупотреблением.

— Скажи это Джеку.

Том издал короткий смешок.

— Ну, с Джеком все будет о'кей. Он поймет.

Они повернули за угол, миновали дверь первого уровня безопасности и вошли в лабораторию Крика. Здесь горел свет. Бросив взгляд на холодильник, она обмерла: подноса, на котором стояли двенадцать пробирок с сывороткой, не было. Господи, неужели Том уничтожил их?

Они подошли к стеклянной стене, за которой располагался конференц-зал, и ей показалось, что она слышит голоса. Она обернулась к Тому, открыла было рот, чтобы спросить, что там происходит, но он лишь улыбнулся и приложил палец к губам:

— Ни о чем не беспокойся. Все скоро поймешь.

Голоса теперь были слышны отчетливее; говорили негромко, но очень возбужденно. Речь была английской, но с самыми разными акцентами — индийским, австралийским, русским, африканским, японским, французским... Что это Том задумал?

И тут она разглядела сквозь затемненное стекло всех, кто был в конференц-зале. Человек десять мужчин и женщин прохаживались вокруг огромного стола, наливали себе кофе, брали закуски с тележки, стоявшей возле гудящего геноскопа.

— Кто это? — негромко спросила Джасмин.

— Посмотри внимательнее. Ты, несомненно, кое-кого здесь знаешь. — Том указал на маленького черноволосого мужчину с огромными грустными глазами, оживленно беседующего с высокой индианкой в сари. — Это Жан-Люк Пти, врач, подав-

ший мне идею, из которой родился проект «Кана». Прекрасный человек и, как ты говоришь, чрезвычайно ответственный. А женщина — доктор Митра Мукерджи из Калькутты. Ты встречалась с ней в прошлом году на семинаре по раковым заболеваниям. Помнишь? Она тебе еще понравилась, и ты сказала, что это весьма достойная женщина.

Джасмин медленно кивнула, все еще не до конца понимая, что происходит. Конечно, она узнала почти всех, да и как не узнать? Многие были известны, даже знамениты. Доктор Джошуа Матватве из Найроби, инициатор кампании против СПИДа; доктор Фрэнк Холлинс, кардиохирург из Сиднея, профессор Сергей Пастернак, русский вирусолог. Остальные — просто хорошие врачи и медсестры, которых Джасмин и Картер высоко ценили за их преданность делу и высочайшую квалификацию.

Джасмин уже хотела было спросить Тома, зачем он их всех здесь собрал, как вдруг заметила, что вокруг стола стоят тринадцать стульев и перед каждым установлены таблички с именами и фамилиями. Перед местом во главе стола лежали блокнот и ручка, перед остальными двенадцатью — блокнот, ручка и еще два предмета, и тут Джасмин поняла наконец, что задумал Том. Она ахнула и почувствовала, как кровь бросилась ей в голову. Два предмета рядом с блокнотами — это шприц и пробирка. Сыворотка!

— Так... Вот, значит, чем ты занимался все эти последние три недели. Летал по всему миру и собирал двенадцать апостолов! — Голос ее немного дрожал.

Том улыбнулся:

— Я бы предпочел назвать их большим жюри, командой присяжных... Присяжных, которые помогут мне решить, как поступить с этим так называемым чудесным геном. Эти двенадцать представляют весь мир. И не все среди них медики. Но их объединяет и связывает то, что я уважаю их и верю каждому, разделяя убеждения, которые ими движут.

Том умолк, взял Джасмин за руку и повел к двери в конференц-зал.

— Как я себе это представляю, эти двенадцать должны будут регулярно встречаться и вести учет сделанному, отслежи-

вать все, чего мы добились, — как хорошее, так и плохое. Потом, если сочтем необходимым, изготовим еще этой сыворотки и увеличим состав нашего сообщества, а может быть, оставим его таким же, заботясь лишь о замене выбывших. И естественно, если результат окажется катастрофическим, мы просто забудем обо всем этом. Таким образом, нам удастся держать под контролем эффект работы генов. И мы сможем делать добро, не искушая зло, если угодно.

Они были уже у самой двери. Джасмин чувствовала, что голова у нее идет кругом. А она-то тут зачем? Но вслед за Томом переступила порог. Когда они вошли, все обернулись к ним, заулыбались и быстро разошлись, каждый к своему месту.

Джасмин дернула Тома за рукав и прошептала:

— Том, я уже все поняла. Я пойду...

Его синие глаза удивленно распахнулись. Потом лицо его расплылось в чуть насмешливой улыбке.

— А я уж думал, что ты и впрямь поняла все, — сказал он. — Гены из Назарета принадлежат тебе в той же мере, что и всем остальным. — И он жестом указал на единственное остававшееся свободным место за столом, справа от его собственного.

Джасмин повернулась туда, куда указывал Том. Рядом со шприцем стояла маленькая стеклянная пробирка. И на этикетке можно было прочесть написанное мелким почерком имя. Это было ее имя. Доктор Джасмин Уошингтон.

Но прежде чем она успела осознать смысл и значение того, что и она станет обладать целительной силой, Том уже повернулся к собравшимся.

— Добро пожаловать, — сказал он. — И спасибо, что приехали сюда. Прежде чем продолжить, предлагаю всем занять свои места. Есть один весьма важный вопрос, который я хотел бы обсудить с вами...

ЭПИЛОГ

Три месяца спустя

Высокий мужчина неловко слез с лошади. Он не привык ездить верхом, но добраться до этого отдаленного места сейчас он мог только таким способом. В его распоряжении имелся вертолет и почти безграничные денежные средства. Но ему требовалось проникнуть сюда тайно, не привлекая ничего внимания.

Он сверился со старинной картой — ее он обнаружил в банковском сейфе, как и обещал ему глава братства, — и устремил взгляд на пять скалистых утесов, вздымавшихся над песками. Выжженная солнцем пустыня была безлюдна, если не считать четырех человек в рабочей одежде, кирками долбивших подножие одной из скал. Они работали здесь по его указанию уже два часа, но пока ничего не обнаружили.

Он внимательно изучил карту и сравнил конфигурацию скал с изображением на пергаменте. Место именно то. Вход должен быть здесь.

Он стащил с головы широкополую шляпу и отер с лысины пот. Затем водрузил шляпу на место и приблизился к копавшим.

Обнаженный по пояс рабочий высоко поднял над головой кирку и замахал ему.

— Что ты обнаружил? — спросил высокий человек, добравшись до рабочего.

Рабочий указал в яму, которую успел выкопать:

— Смотри, отец Хеликс!

Хеликс подбежал и заглянул в яму. Сердце у него забилося часто-часто. Это была, несомненно, квадратная каменная перемычка, прикрывавшая узкий вход в пещеру. Выхватив кирку у рабочего, он прыгнул в яму и принялся сам долбить по камню. Но это оказался вовсе не камень, а глина, и после нескольких лихорадочно-поспешных ударов им открылся вход в тоннель.

— Фонарь! — крикнул Хеликс. Ему протянули фонарь, и он ступил во тьму.

В тусклом свете он разглядел впереди крутую лестницу, спускавшуюся под углом градусов в сорок пять; ее ступенями служили огромные каменные выступы, вырубленные в полу и угрожающе торчавшие, как жуткие гигантские зубы. Перил не было, но через каждые десять ярдов лестница резко сворачивала, так что, даже и упав, можно было задержаться на повороте.

— Осторожнее! — все же крикнул Хеликс, обернувшись. За ним следовали двое.

Воздух был затхлый, от крутого спуска болели ноги, но он был так поглощен поисками, что не обращал внимания на неудобства.

Десять шагов вниз. Поворот. Еще десять шагов. Поворот.

Чтобы унять растущее напряжение, он пытался считать повороты, но сбился после сорока. Когда он уже почти отчаялся когда-нибудь достичь конца спуска, впереди что-то блеснуло. Горло его перехватило, и он выключил фонарь. Далеко впереди, в глубине каменной массы, горел свет. Он мигал, как огонь на берегу Стикса, в полном мраке, но его было хорошо видно сквозь трещину в каменной стене. И этот ослепительно белый цвет подсказал ему, что он не опоздал.

Охваченный возбуждением, он опять включил фонарь и торопливо зашагал вниз по последнему пролету, пока не оказался на маленькой каменной площадке размером четыре на четыре фута. Прямо перед ним была каменная дверь, а из стены торчал толстый деревянный рычаг. Но рычаг был здесь уже ни к чему, потому что дверь раскололась пополам, сверху до низу, образовав проем, в который можно было пролезть, хоть и с трудом. Сквозь этот проем за дверью и сияло пламя, режущее сейчас еще более яростно, чем ему запомнилось.

Хеликс остановился, дожидаясь сопровождающих. Те, тяжело дыша и задыхаясь, вскоре встали рядом с ним, в изумлении открыв рты.

— Оставляйтесь здесь! — приказал он. — Я вас позову. — И, не обращая внимания на разочарованные лица спутников, полез в проем.

Оказавшись в склепе, он чуть не угодил в жуткую трещину, расщелившую пол. Священный огонь выбивался из противоположного конца расщелины, освещая нескладный холмик обгорелых останков возле дверного проема. Хеликс понял, что дальше находится то, что осталось от пещеры Священного огня. Он еще раз возблагодарил Господа за избавление от смерти, с содроганием вспомнив, как выбрался оттуда посреди кошмарной неразберихи.

Справа от него находилась закрытая занавесом ниша, где помещался золотой реликварий с останками Христа. Потайная дверь, через которую он сюда проник, на фоне стены была совершенно незаметна, когда он был здесь в последний раз. С тех пор прошло всего четыре месяца — он приходил тогда за ритуальными мазями и ароматическими травами, для того чтобы уместить тело Марии Бенарьяк.

Он оглядел склеп. Вереочная лестница исчезла. Там, где она висела, болтался жалкий обрывок. Если не считать закопченного потолка и обгоревших останков, особого ущерба взрыв и обрушение не нанесли. Ни один из артефактов, сложенных на полках по обе стороны от расщелины, не пострадал. Только могучий меч, кажется, стронут с места. Он почему-то валяется на полу, и его клинок зазубрен у самого острия.

Неуверенными шагами Хеликс приблизился к кучке останков.

Наклонившись, он поднял с каменного пола рубиновый перстень и потер его о свою рубашку. Потом всмотрелся в кроваво-красный камень. Внутри его, подобно раскаленному угольку, сверкнул огонек. Закопченное и почерневшее снаружи крестообразное навершие из белого золота ничуть не пострадало. Дрожащими пальцами Хеликс надел этот символ власти на свой палец, удовлетворенно отметив, что перстень ему впору. И в душе его внезапно поднялась волна радостного возбуждения.

Став Поборником Первого императива, он получил своего рода напутствие и благословение когда-нибудь заменить Изекеэля де ла Круа. Его ознакомили со всеми тайнами главы братства: с номерными счетами, банковскими сейфами, списками членов и оригиналами документов, в которых записаны правила и задачи братства. Но в случившемся хаосе он так и не успел по-настоящему ощутить, что действительно стал главой братства. Его вступление на этот пост было освящено и должным образом оформлено — вот только что, в момент, когда он самым обычным жестом надел себе на палец перстень. Этот последний символический акт означал принятие им всех властных полномочий, но также и возлагал на него бремя ответственности за выполнение долга и сохранение чести. Он снял очки и пыльным рукавом протер глаза, только сейчас почувствовав, что они полны слез.

Взяв себя в руки, Хеликс выпрямился, готовый впустить тех, кто терпеливо дожидался за расколотой дверью. И тут он заметил кучку пепла рядом с обгоревшим телом Изекеэля и маленький, в квадратный дюйм, кусок белой ткани возле нее.

Во рту у него пересохло.

Он опустился на колени. Черные пепельные контуры напоминали нерасплавленные складки сгоревшей ткани. Он прикоснулся к праху, и он тут же потерял прежнюю форму. Хеликс поднял с каменного пола белый лоскуток — одна его сторона почернела от копоти. Он осторожно и медленно поднес ткань к лицу. Она пахла дымом. Но он распознал другой запах — слабый пряный аромат ритуальных мазей и трав.

Это было все, что осталось от савана, который он помогал приготовить четыре месяца назад.

Что же до завернутого в него тела, то никаких его следов не осталось...

ОТ АВТОРА

Хотя действие этого романа развивается в альтернативной реальности, большая часть описанных в нем технологий уже существует.

Методы генной инженерии уже несколько лет используются для лечения больных. Работы по проекту «Геном человека» завершились 14 апреля 2003 года (ровно через пятьдесят лет после открытия структуры ДНК в Кембридже), что позволило зафиксировать каждый ген, определяющий структуру любого человеческого организма.

Геноскоп Тома Картера — это плод моего воображения, но почти аналогичные аппараты, умеющие считывать генетический код, применяются при расшифровке генома человека. И сейчас, когда я пишу эти строки, записанный в ДНК код уже используется для того, чтобы предсказывать возникновение у некоторых пациентов раковых заболеваний и продолжительность их жизни.

Точно так же программа «Ген-Джинн», разработанная Джасмин Уошингтон, лишь экстраполяция того, что уже создано в США и работает в органах охраны правопорядка, — системы воссоздания внешнего вида субъекта на основе его ДНК.

Наука движется вперед высочайшими темпами, и во время своих исследований при подготовке к написанию романа я не раз сталкивался с тем, что вопросы, вызывавшие у меня наибольшие сомнения и выглядевшие не слишком достоверно, часто относились уже не к будущему, а к прошлому.

Но два вопроса все еще остаются для меня нерешенными.

Возможно ли сегодня найти настоящие биологические останки Христа?

И если да, то что они могут нам открыть?

Майкл Корди,
Лондон, апрель 2004 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	7
Часть I. Пророки среди нас	14
Часть II. Проект «Кана»	149
Часть III. Гены Господа	232
Часть IV. Чудесный ген	343
Эпилог	408
От автора	412

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИБОРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 176, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», ХЛ ТЦ Мытиши, Мытиши,
ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56,
4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «ХЛ», Дмитровское ш., 89,
т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1,
3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1,
т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России

107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего
представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Корди Майкл
Код мессии

Редактор И.Л. Добрякова
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерная верстка: Е.В. Аксенова
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Н.В. Дмитриева
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.07 г.

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, 27/32
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

Качество печати соответствует
качеству предоставленных издательством диапозитивов.

Отпечатано
в ОАО «Саратовский полиграфкомбинат».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.
www.sarpk.ru

